

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Курс лекций

Том 2

Ответственный редактор
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*
М. Н. Марченко

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2015

Авторский коллектив:

Д. Л. Агранат, д-р соц. наук, проф. — лекция 22 (часть 3);
А. Г. Гузнов, канд. юрид. наук, доц. — лекция 33;
Е. М. Дерябина, канд. юрид. наук, доц. — лекция 36;
В. Н. Жуков, д-р филос. наук, проф. — лекция 34;
А. А. Кененов, канд. юрид. наук, проф. — лекция 28;
А. И. Ковалева, д-р соц. наук, проф. — лекция 22 (части 1, 2);
В. Н. Корнев, д-р юрид. наук, проф. — лекции 21, 31;
К. Д. Лубенченко, канд. юрид. наук, проф. — лекция 29;
В. А. Луков, д-р филос. наук, проф. — лекция 24;
М. Н. Марченко, д-р юрид. наук, проф. — лекции 23, 25, 26, 35;
Т. Р. Орехова, канд. юрид. наук, доц. — лекции 27, 30;
Ю. В. Трунцевский, д-р юрид. наук, проф. — лекция 32;
С. Ф. Ударцев, д-р юрид. наук, проф. — лекция 37.

Ответственный редактор доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ **М. Н. Марченко**.

С69 Социология права: курс лекций : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. — Москва : Проспект, 2015.

ISBN 978-5-392-15895-9

Т. 2. — 344 с.

ISBN 978-5-392-15894-2

В данном курсе лекций по социологии права, подготовленном на базе МГУ им. М. В. Ломоносова коллективом авторов — юристов, социологов и философов, рассматривается широкий круг вопросов, касающихся понятия, предмета, методологии, места и роли социологии права в системе других юридических и неюридических наук. Особое внимание уделяется социологическому аспекту государственно-правовой жизни, правовой социализации, правовой культуре и правосознанию, социологии юридической практики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов социологии.

УДК 340.11:316
ББК 60.5я73

Учебное издание

Марченко Михаил Николаевич и др.

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Курс лекций

В 2 томах

Том 2

Оригинал-макет подготовлен компанией ООО «Оригинал-макет»

www.o-maket.ru; тел.: (495) 726-18-84

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.004173.04.09 от 17.04.2009 г.

Подписано в печать 15.07.2014. Формат 60х90 1/16.

Печать цифровая. Печ. л. 21,5. Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

ISBN 978-5-392-15894-2 (т. 2)
ISBN 978-5-392-15895-9

© Коллектив авторов, 2014
© ООО «Проспект», 2014

Раздел V

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

ЛЕКЦИЯ 21. ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

- Общественное сознание и правосознание.
- Правовая идеология и правовая психология.
- Формы и функции правосознания.

Общественное сознание и правосознание

Правосознание как способность человека к познанию, осмыслению и оценке государственно-правовых явлений неразрывно связано с общественным сознанием, которое проявляется в воззрениях людей в их совокупности на явления природы и социальную реальность.

Общественное сознание характеризуется сложной структурой, различными уровнями и содержанием в зависимости от специфики явления, отражаемого человеческим сознанием, субъектов-носителей взглядов на природу и социальную реальность. В структуру общественного сознания входят следующие формы: политическое, правовое, религиозное, нравственное, эстетическое, научное, философское сознание.

Каждая из названных форм общественного сознания обладает своими специфическими основами, структурой, уровнями, социальными функциями и т. д. Например, в основе нравственного сознания лежит осмысление такого социального регулятора, как нормы морали, определяющих, что такое «добро» и «зло», «справедливое» и «несправедливое» и т. д.¹

Общественное сознание как в широком понимании этого слова, так и в отдельных формах его проявления и существования социально детерминировано, т. е. имеет ясно осознаваемую социально-психологическую природу. С другой же стороны, общественное сознание — идеальный феномен, который не может наблюдаться непосредственно и образуется из системы знаний, оценок, ощущений, отражающих социальную реальность. Отсюда следует, что общественное сознание не может формироваться и функционировать в отрыве от жизненных реалий. Известный философ права Густав Радбрух вполне обоснованно подчеркивал, что любые явления, имеющие идеальный характер, социально обусловлены².

Между общественным сознанием и общественным бытием существует диалектическая связь. Наличие такой связи означает, что общественное сознание в целом, а также его конкретные формы не только выполняют функции отражения, осмысления и оценки общественно-

¹ См.: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 195.

² См.: *Радбрух Г.* Философия права / пер. с нем. 2004. С. 19.

го бытия, но и активно воздействуют на него, в чем непосредственно проявляется активная роль человеческого сознания, поскольку человек призван природой не только познавать мир, но и наделен способностью преобразовывать его.

Таким образом, правосознание, являясь одной из форм общественного сознания, отражает социальное бытие, выраженное в институтах права и государства. Следовательно, правосознание в этом смысле имеет социальную природу, что дает основание для рассмотрения его в качестве социологической категории, обладающей соответствующими эмпирическими показателями, которые будут рассмотрены в ходе дальнейшего изложения материала.

Правосознание, будучи одной из форм общественного сознания, обусловлено правом и государством. Право и государство выполняют свою социальную функцию только тогда, когда их роль осознана и оценивается человеком, т. е. через посредство правосознания. Вне и помимо правосознания ни государство, ни право не способны трансформироваться в эффективно действующие социально-правовые институты. Вне человеческого познания оба этих социальных явления не могут возникнуть и существовать. Речь идет, во-первых, о том, что государство и право как идеальные образы порождены в первую очередь человеческим сознанием. Во-вторых, идеальные образы, будучи объективированными в первую очередь в правовых текстах, а также в институтах государства, осознаются и оцениваются человеком.

Правосознанием обусловлено правотворчество, правоприменение, одним словом, вся юридическая деятельность.

В этой связи, как представляется, необходимо подчеркнуть, что в контексте современных интерпретаций теории познания научное правовое мышление характеризуется единством объекта и субъекта познания: «то, что изучают гуманитарные дисциплины, не может целиком стать объектом, оно присутствует и в субъекте, благодаря чему, собственно, и возможно осмысление социальной жизни»¹.

Объектом правосознания как юридической категории является не объективная реальность, как, например, в естественных науках природа, не объективная действительность, как, например, в социологии общество, а идеальная реальность, т. е. идеи и представления о государстве, праве, правосудии и т. д. как составной части социального бытия.

Таким образом, можно сказать, что объект правосознания — это прежде всего мир должного или желаемого, посредством которых познается, осознана и оценивается государственно-правовая деятельность. Поэтому в содержании правосознания можно выделить не только ее структуру, виды, уровни, но и другие составляющие. Во-первых, идеально-образная и образно-эмоциональная компонента. Во-вторых, сущностная составляющая содержания правосознания, здесь имеются в виду политические интересы и ценности. «Кто высказал ту или иную

¹ Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д, 2002. С. 49.

правовую идею, — пишет профессор А. И. Экимов, — тот признал наличие каких-то интересов и ценностей»¹.

Сущностная составляющая определяет содержание и основу идеальной-образной и идеально-эмоциональной компоненты.

Правосознание, будучи одной из форм общественного сознания, подчиняется тем же закономерностям, что и другие его формы. Вместе с тем нельзя не отметить то, что оно имеет и свои особенности: «а) отражение в правосознании лишь государственно-правовых явлений; б) своеобразные способы отражения правовой реальности посредством специальных юридических категорий и понятий, конструкций, правовых принципов, обычаев, традиций и т. п.; в) способность к опережающему отражению правовых и государственных феноменов, т. е. в нем могут отражаться не только данное состояние общественных отношений, но и тенденции их развития; г) тесное взаимодействие с другими формами общественного сознания, каждая из которых оценивает то или иное явление. Особенно ярко такое взаимодействие проявляется с нравственным и религиозным сознанием»². Поскольку правосознание оценочно по своему содержанию, то оно вырабатывает на основе познания и осознания государственно-правовых институтов ценностное к ним отношение, т. е. в конечном счете мотивацию поведения конкретного индивида.

Исходя из предыдущих рассуждений, в качестве одного из определений понятия правосознания как юридической категории можно предложить следующее: правосознание — это теоретическое и эмоционально-ценностное восприятие, осознание и оценка господствующих в обществе идей о существующих и желаемых государстве, праве и правосудии, выраженных в совокупности научных знаний, чувств, переживаний, обусловленных политическими и иными социальными интересами и ценностями.

Правовая идеология и правовая психология

В структуре правосознания принято выделять два элемента: правовую идеологию и правовую психологию. Однако не все ученые-юристы придерживаются такого взгляда на структуру правосознания. Профессор В. М. Сырых, наряду с правовой идеологией и правовой психологией, в структуру правосознания включает еще и правовую науку³.

Теоретическое осознание и конструирование типов правопонимания осуществляется в рамках правовой идеологии. Вообще под идеологией понимается система взглядов и идей, в которых осознаются и оценива-

¹ Экимов А. И. Политические интересы и юридическая наука // Государство и право. 1996. № 12. С. 6.

² Туркулец С. Е. Вера как духовная ценность в религиозном и правовом сознании // Ценностный дискурс в науках и теологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. И. Т. Касавин и др. М., 2009. С. 347—348.

³ См.: Сырых В. М. Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 136.

ются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений.

Содержание и сущностные характеристики политической идеологии, в том числе и правовой, прямо или косвенно социально обусловлены. Известные концепции «деидеологизации» были опровергнуты самой практикой.

Отталкиваясь от общего понятия идеологии, обратимся к тем признакам, которые свойственны именно правовой идеологии. Итак, правовая идеология — это социально и мировоззренчески обусловленная система теоретических взглядов на государство и право. Право всегда связано с государством. Поэтому господствующий тип право- и государствовопонимания оказывает решающее влияние на формирование правовой идеологии в частности и правосознания вообще. Правовая идеология становится частью политической идеологии, чем прямо или косвенно правовой идеологии придается официальный, нормативный характер.

Господство одной политико-правовой идеологии может прямо закрепляться в действующей Конституции того или иного государства, как это было, например, в Советском Союзе, когда идеология правящей партии КПСС фактически возводилась в ранг закона. Ничего подобного мы не обнаружим в современной Конституции РФ. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Может создаться впечатление о том, что наше государство полностью деидеологизировано. Однако анализ положений Российской Конституции позволяет сделать вывод о том, что ее идеологической основой являются либеральные ценности западного происхождения¹. Надо отметить то, что правовая идеология, в отличие, например, от естественнонаучного знания, не является полностью достоверным знанием, поскольку ее содержание зависит от мировоззренческих установок. В этом смысле она представляет практическую философию права, а не строго-научное знание о правовой действительности².

В современных исследованиях по проблемам правосознания и правовой культуры учеными даются различные классификации типов и видов правовых идеологий по особенностям их идейно-теоретического содержания. В частности, А. В. Поляков различает следующие виды и типы правовых идеологий: теоцентристская, либеральная, фашистская, волонтаристская, коммунистическая и т. д.³

Отметим, что указанные, а также и другие типы и виды правовых идеологий могут быть как официальными (господствующими), так и неофициальными. В последнем случае их носителями могут быть отдель-

¹ См.: Мартышин О. В. Идеино-политические основы современной российской государственности // Государство и право. 2006. № 10. С. 31—37.

² См.: Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учебник. СПб., 2005. С. 159.

³ См.: Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб., 2004. С. 417.

ные социальные слои, группы, как организованные в легальные партии, так и находящиеся вне рамок закона. Таким образом, еще одним отличительным признаком правовой идеологии является многообразие и фрагментарность при господстве одной из них, которая в наибольшей степени пригодна для поддержания функционирования соответствующего государственно-правового режима.

Необходимо отметить, что в настоящее время, особенно под воздействием идей постмодернизма с его критикой великих нарративов, изменились методологические подходы к определению идеологии. Сторонники постмодернизма, следуя концептуальным положениям, разработанным Лиотаром, уже не связывают идеологию исключительно с классовыми властными отношениями. Они отрицают тезис К. Маркса об идеологии только как буржуазном явлении.

В целом можно сказать, что постмодернизм стал на путь идеологического релятивизма, поскольку, как полагают представители постмодернизма, «порождать и утверждать идеологию (в том числе и правовую. — *В.К.*) способны интеллектуалы, церкви, социальные движения, политические партии, вооруженные силы, и другие властные группы гражданского общества и государства»¹. Поэтому понятие правовой идеологии может быть применимо к любой государственно-правовой концепции, пытающейся представить себя в качестве выразителя общих интересов. В настоящей работе мы специально не ставили задачей исследование правовой идеологии в контексте идей постмодернизма.

Вместе с тем отметим, что указанное интеллектуальное явление несомненно оказывает влияние на выработку современной правовой идеологии в России и этот факт необходимо учитывать при анализе правовой идеологии как структурного элемента правового сознания.

Значительный теоретический и практический интерес имеет классификация видов правовой идеологии на основе различения типов правопонимания: естественно-правовой, позитивистский, нормативистский и т. д.²

Тип правопонимания сам по себе может оказать непосредственное влияние на формирование общественного правосознания, но только в том случае, когда он возводится в ранг официального.

Практическая реализация идей определенного типа правопонимания (неофициального) может быть вообще невозможна в практике деятельности, например, суда. Причина кроется в том, что «профессиональный долг судьи заключается в том, чтобы приводить в действие «волю действия», заложенную в законе, жертвовать собственным правовым чувством во имя высшего авторитета закона»³.

Российская Конституция и действующее отраслевое законодательство предписывают, что при решении конкретных дел должен стро-

¹ Кин Д. Демократия и гражданское общество / пер. с англ. М., 2001. С. 369—371.

² См.: Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов, 2001. С. 217.

³ Радбрух Г. Указ. соч. С. 100.

го соблюдаться принцип законности. Законы Российской Федерации не знают права, например судьи, отказаться в определенных случаях от применения того или иного закона в силу его противоречия судейскому правосознанию.

Конфликт между правосознанием судьи и действующим правом особенно характерен для тех правовых систем, в которых господствующим, официальным типом правопонимания является понимание его в духе юридического позитивизма, когда право и закон отождествляются.

Степень напряжения такого противоречия зависит от различных обстоятельств: как объективного, так и субъективного происхождения. В условиях антидемократического государственно-правового режима, например, такого рода конфликты неизбежны и характеризуются особенной глубиной и трагичностью. Об этом нам говорят исторические факты как нашей страны, так и других государств. Кризис, охвативший все мировое сообщество, не исключая и Россию, вновь, с особой силой актуализировал указанную проблему¹.

Прецедентное право, как считают зарубежные ученые, дает больше возможностей и свободы для принятия судьями более справедливых решений, так как оно ближе подходит к реальным фактам и явлениям жизни и менее зависит от официальных или господствующих идеологических и политических установок². В наших реалиях существенное значение для формирования правосознания может оказать широкое опубликование судебных решений независимо от уровня судебных органов, их принимающих.

Сущность и содержание правосознания не могут быть сведены исключительно к правовой идеологии. В массовом общественном сознании на долю правовой идеологии приходится не так уж и много места. Большинству населения остаются неведомы теоретические представления о государстве и праве. Еще Р. Иеринг отмечал: «Правосознание, правовое убеждение суть абстракции науки, которые народу не известны: сила права, совершенно как и сила любви, основывается на чувстве»³.

На рационалистических основаниях строится официальное, государственное правосознание. Преувеличение значимости правовой идеологии и, наоборот, пренебрежительное отношение властвующей «элиты» к правовой психологии может привести и приводит к отрицательным последствиям для нормального функционирования государства, политической и правовой системы общества. Попытки поставить во главу угла правовую идеологию не так уж и редки для современной России. Люди, стоявшие и стоящие у руля нашего государства, попросту зачастую игнорируют те настроения, чувства и эмоции, которые проявляются в общественном правосознании по поводу осуществляемой в настоящее время правовой политики Российского государства. Примером этому,

¹ См.: Зорькин В. Право — для человека // Российская газета. 2008. 25 ноября.

² См.: Рикер П. Справедливое. М., 2005. С. 248.

³ Иеринг Р. Борьба за право. М., 1907. С. 51.

когда правовая идеология и правовая психология вступала в резкое противоречие привести можно множество: приватизация, монетизация, жилищное законодательство и т. д. и т. п. Проведение в жизнь указанных «мероприятий» осуществлялось при полном непринятии во внимание общественного правосознания, без учета особенностей политико-правовой психологии российского народа. Здесь «победу» над собственными гражданами одержала так называемая политическая воля. Весьма показательными в этом смысле являются бурные дебаты по вопросу законодательного решения вопроса об отмене в нашей стране смертной казни. Позиция сторонников отмены этой меры наказания насквозь пронизана не правовыми идеями, а являет собой пример демонстрации личных, политических, идеологических и карьерных интересов¹.

Правовая идеология весьма подвержена изменениям и поэтому нестабильна и подвижна. Ее содержание очень зависимо от политических и идеологических симпатий и антипатий правящей «элиты». В этом смысле ярким примером может служить ситуация, сложившаяся в процессе формирования современной российской правовой идеологии.

По верному замечанию А. И. Экимова, современное правосознание российского общества «расколото». Между политико-правовой идеологией и общественной психологией образовалась зияющая пропасть, что является результатом бездумной и искусственной пересадки отживших свой век ценностей западного либерализма на российскую почву. Нельзя не заметить расхождений между конституционными характеристиками Российского государства как «правового» и «социального» и его реальной ролью «ночного сторожа» в экономических и социальных отношениях.

И что удивительно такое положение государства и его роли в регулировании общественных отношений находит оправдание в работах современных ученых-юристов России. «Идеальное правовое государство — это либеральное, минимальное государство, или «государственно-ночной сторож»², — пишет В. А. Четвернин. «Государство — ночной сторож» — это положение теории экономического либерализма первой половины XIX в. и для сегодняшнего времени, конечно же, является анахронизмом.

Поэтому важным элементом для характеристики содержательной стороны правосознания является такая его составная часть, как правовая психология.

В современной юридической науке принято считать, что правовая психология — это несистематизированное и нерационализированное восприятие правовой действительности в виде чувств, эмоций и переживаний, характерных для общества в целом или конкретной социальной группы.

¹ См.: *Маргелов М.* Смертная казнь и политическая воля // Российская газета. 2007. 10 окт. № 225 (4488).

² *Четвернин В. А.* Понятия права и государства. М., 1997. С. 118.

На уровне правовой психологии дается оценка повседневной правовой жизни. В подавляющем большинстве случаев человек соотносит свои действия не с тем, что содержат теоретические выкладки ученых о праве, государстве, справедливости и даже не с законами, а руководствуется личным эмоционально-чувственным опытом познания справедливого и несправедливого. Именно в рамках правовой психологии формируется общественное правосознание. Правовая психология — это живой источник правовых идей и представлений. Эмоции и чувства напрямую зависят и отражают наиболее существенные потребности и интересы общества и человека. Их познание имеет очень важную практико-политическую направленность, так как «без их правильного понимания любая правовая политика обречена на провал»¹. Именно в правовой психологии происходит подлинная легитимация существующей власти и правопорядка. Это, казалось бы, аксиоматическое положение, почему-то не всегда учитывается в современной России. Хотя еще Н. М. Коркунов, выдающийся русский ученый-юрист, указывал на обязанность властвующих при отправлении функций государства учитывать и отражать в актах властвования представления о государстве и праве, сформировавшиеся в общественном правосознании.

«Для того, чтобы орган власти мог в своей деятельности опереться на сознание подчиняющихся их зависимости от государства, — писал Н. М. Коркунов, — необходимо, чтобы его действия находились в известном соответствии с этим сознанием подвластных, с теми представлениями, какие они имеют о государстве, о его отношении к праву, к личной и общественной свободе...»²

В исследовании современных проблем юридической науки ученые все чаще обращают внимание на важное значение иррациональных аспектов в познании государственно-правовых явлений³. Правовая общественная психология это тот реальный опыт, который и должна обобщать юридическая наука, решая проблемы становления нового правосознания российского общества в условиях глобализации. Факты свидетельствуют о том, что в общественном сознании все более крепнут идеи о сильной власти, сильном государстве, с которыми люди связывают свои надежды на социальную защищенность и социальную справедливость.

В связи с этим нельзя сбрасывать со счетов при исследовании правосознания тот факт, что в нем присутствует феномен веры человека в лучшее право и государство, т. е. своеобразный проект справедливого мироустройства. И совершенно прав Р. С. Байниязов, когда отмечает: «...юридическая психология намного ближе, чем правовая идеология, к религиозным корням бытия, ибо в ее бессознательных духовных структурах существует нерациональное ассимилирование или отражение

¹ Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России: введение в общую теорию. Саратов, 2001. С. 158.

² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 1904. С. 260, 263.

³ Исаев И. Л. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006.

идеологически обоснованных ценностей права. Элемент аналогичной веры объединяет ее с религиозным чувством права, заставляет больше принимать, чем понимать»¹.

Конечно же, идея сильного государства это не есть отрицание демократических ценностей. Сильное государство и демократическое государство — это две стороны одной медали.

Важнейшим ценностным ориентиром, который определяет содержание правосознания, является идея справедливости. Именно с позиции соответствия права представлениям о справедливости, которые сформировались в массовом правосознании, оценивается позитивное право.

В рамках правовой психологии право подвергается оценке на предмет его соответствия справедливости по преимуществу интуитивно.

Вместе с тем деятельность государства и должностных лиц в области правотворчества и правоприменения должна ориентироваться и на господствующие в массовом правосознании представления о справедливости, и на научные интерпретации указанной идеи, т. е. на положения, отражаемые правовой идеологией.

Надо отметить то, что проблемами справедливости человечество было озабочено с самого начала своего существования. Фундаментальные разработки этой проблемы можно найти в трудах Аристотеля и Платона. Концепция уравнивающей и распределяющей справедливости Аристотеля востребована наукой и практикой и сегодня. С учетом идей этих личностей прошлого выстраиваются современные концепции справедливости. Категория справедливости занимает самое высокое место в иерархии ценностей. Спрос на справедливость существует во всех сферах человеческих отношений, как в отношениях кооперации, так и в отношениях конкуренции, поскольку при этом выявляются противоречивые интересы, обязательства и притязания. Необходимо подчеркнуть то, что термин «справедливость» можно толковать как в широком, так и в узком смысле слова, т. е. применительно к оценке социально-экономических отношений в целом и относительно системы действующего позитивного права. Применительно к последнему, юридическому аспекту понимания справедливости наиболее удачной представляется концепция, разработанная К. Перельманом. Он выделяет шесть формул справедливости: 1) каждому то же самое; 2) каждому по его заслугам; 3) каждому по делам его; 4) каждому в соответствии с его потребностями; 5) каждому в соответствии с его рангом; 6) каждому в соответствии с действующим законодательством². Названные формулы понимания справедливости вполне пригодны в качестве критериев для оценки прежде всего результатов правоприменительной деятельности.

¹ Байниязов Р. С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. 1978. № 3. С. 19.

² Perelman Ch. The Idea of Justice and the Problem of Argument. N.Y., 1963. P. 22.

Критерием оценки справедливости принимаемых решений как законодателем, так и правоприменителем может быть такая правовая ценность, как достоинство личности¹.

Перед российским обществом стоит очень важная задача — формирование адекватного современным реалиям и историческим традициям правового сознания, центральное место в котором занимает правовая идеология. Заимствованием чужих идей, как показала практика, этой задачи не решить. А поэтому прежде всего необходимо восстановить преемственность в развитии отечественной политико-правовой идеологии, внимательно и непредвзято проанализировать богатое идейно-теоретическое наследие, которое нам досталось от выдающихся предшественников. Наши реформаторы либо умышленно, либо по незнанию своему не обращались к работам таких признанных авторитетов в государственно-правовой науке, как П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, Л. А. Тихомиров, С. А. Котляревский, И. А. Ильин и др. Они предпочли привить к общественному правосознанию российского народа давно устаревшие идеологические установки капитализма эпохи первоначального накопления.

Разумеется, нет ничего зазорного в изучении зарубежных идей, но если оно не трансформируется в слепое подражание или, что еще хуже, идолопоклонство. В этом смысле очень важное методологическое и практическое значение имеет замечание Б. А. Кистяковского, который писал: «Нет единых и одних и тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен...

Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок»². Весьма поучительный и ценный опыт теоретической разработки государственно-правовой идеологии и правосознания в целом имеется в нашей стране.

Идеи русских государствоведов и правоведов, в частности дореволюционного периода в истории России, могут и должны стать основой для разработки одного из вариантов культурно-политического и правового синтеза, который сочетал бы национальные и европейские традиции, сильную власть, социальную справедливость и социальную солидарность, свободу личности, плюрализм, социальное правовое государство, где бы господствовали справедливые, нравственно обусловленные законы³. Нельзя сбрасывать со счетов и пренебрегать теми полезными разработками, которые стали достоянием нашей юридической

¹ См.: *Корнев В. Н.* Достоинство личности как условие принятия справедливых решений в процессе правотворчества и правоприменения // *Российское правосудие*. 2011. № 12. С. 17—25.

² *Кистяковский Б.* В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. Репринтное воспроизведение издания 1909 г. М., 1990. С. 130.

³ См.: *Корнев В. Н.* Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX — начала XX века: дис. д-ра. юрид. наук. М., 2006. С. 390.

науки советского периода. Здесь важны не только восстановление преемственности, но и разумный синтез идей и представлений, касающихся существа правосознания, а также методологии его исследования и формирования.

Один из авторов сборника «Вехи» Б. А. Кистяковский предупреждал российскую интеллигенцию, что нельзя жертвовать правом ни ради морали, ни ради революции. Но им нельзя жертвовать и ради всепоглощающей жажды материальной наживы, что, к сожалению, происходит в настоящее время в России.

Формы и функции правосознания

Правовое сознание как юридическая категория складывается под воздействием различных социальных факторов: исторического опыта общества, социального окружения индивидов, собственного социального опыта отдельных индивидов и групп. Кроме того, социальная обусловленность и социальная природа правосознания определяется еще и тем, что на его формирование оказывают влияние социальная структура общества, а также вид социального субъекта: общества в целом, классов, групп, слоев, индивидов¹.

На основе указанных критериев в социологии права выделяются следующие формы правосознания: индивидуальное, групповое, общественное (классовое)².

В специальной литературе по социологии права дается более или менее однотипная характеристика содержания правосознания в зависимости от вида социального субъекта³.

С точки зрения профессора В. М. Сырых, индивидуальное правосознание представляет совокупность правовых знаний, оценок, эмоций и чувств, присущих каждому отдельному человеку. Индивидуальное правосознание формируется под воздействием различных социально-экономических факторов: воспитания, образования, способностей, склонностей и т. д.

Индивидуальное правосознание имеет различные формы проявления, важнейшей из которых является поведение человека. Особенности индивидуального правосознания откладывают свой неповторимый отпечаток на творческую деятельность того или иного человека. Кроме того, индивидуальное правосознание — это важнейшая предпосылка для совершения человеком юридически значимых действий. Хотя можно заметить то, что не всегда уровень правосознания индивида находится

¹ См.: Социология права: учеб. пособие / О. И. Степанов, П. С. Самыгин. Ростов н/Д, 2006. С. 48.

² См.: Общая теория государства и права. Акад. курс в 2 т. / под ред. проф. М. П. Марченко. Т. 2. М., 1998. С. 390.

³ См.: Социология права: учебник / В. М. Сырых, В. Н. Зенков, В. В. Глазырин и др. М., 2004. С. 82—94; Социология права: учеб. пособие / О. В. Степанов, П. С. Самыгин. Ростов н/Д, 2006. С. 98 и след.

в причинно-следственной связи с совершаемым им юридически значимым правомерным либо противоправным поступком.

В зависимости от особенностей интересов и потребностей определенного круга лиц формируется групповое правосознание и как его разновидность, коллективное правосознание. Современная социология под группой понимает «совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются членами этой группы с точки зрения других»¹.

В социальных группах особое место занимают социальные нормы, которые регулируют внутригрупповые отношения. Кроме этих специфических норм, которые являются условием формирования индивида как представителя той или иной социальной группы, отношения регулируются правовыми нормами. В процессе их осознания и оценки представителями той или иной социальной группы достаточно отчетливо проявляются особенности группового правосознания. Будучи по большей части выразителями общественного правосознания, такие группы имеют свои собственные взгляды на право, которые могут находиться в противоречии с правосознанием иных коллективов, а также с общественным правосознанием.

В качестве примера можно выделить групповое правосознание лиц, объединяющихся по профессиональному признаку: шахтеры, работники авиационного транспорта, спортсмены-футболисты, депутаты различных уровней и т. д. Все они имеют соответствующие социальные, экономические интересы и потребности, которые непосредственным образом влияют на процессы формирования их правосознания.

На более высоком уровне по степени обобщения находится коллективное правосознание, которое отражает представления и отношения к государству и праву отдельных, достаточно широких по своему составу социальных слоев населения: рабочие, крестьяне, военнослужащие, спортсмены и т. д. Указанные социальные слои населения, наряду с особенностями правосознания, характерными для определенных групп, например рабочих, имеют совершенно определенные правовые установки, которые позволяют социологам констатировать наличие ряда особенностей в правосознании, отражающих специфические интересы соответствующих социальных слоев.

И, наконец, общественное правосознание, состоящее из оценок, знаний и представлений о праве и государстве, сложившихся на протяжении определенного этапа исторического развития общества. «Общественность» правосознания определяется в данном конкретном случае тем, что взгляды на государство и право, составляющие содержание правосознания, находят поддержку и оправдания в сознании и поступках членов всего общества либо большей его части.

Конечно, между индивидуальным, групповым и общественным правосознанием не существует строго очерченных границ, напротив,

¹ Волков Ю. Г., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. и др. Социология. Курс лекций: учеб. пособие. Ростов н/Д, 1999. С. 225.

указанные формы правосознания находятся во взаимодействии друг с другом. Поэтому данная классификация в определенной мере является условной и ее значение носит прежде всего методологический характер и применяется как инструмент при проведении социологических исследований.

Социально-юридическая характеристика правосознания будет не совсем полной без классификации его с учетом глубин познания государственно-правовой реальности. В зависимости от указанного критерия в социологической и юридической науке принято подразделять правосознание на: обыденное, профессиональное и теоретическое.

Обыденное правосознание складывается стихийно на основе эмпирических, несистематизированных знаний о праве и государстве, а также эмоций, возникающих у индивида по поводу них. Обыденное правосознание свойственно большинству людей, поскольку они не имеют специального юридического образования, не занимаются профессиональной юридической деятельностью и не принадлежат к социальной группе ученых-юристов.

Обыденное правосознание может быть индивидуальным, групповым и массовым (общественным). Оно порождается повседневными условиями жизни людей, их практическим опытом.

Для всех форм обыденного правосознания свойственны только ему присущие характеристики. В наибольшей степени они проявляются в массовом обыденном правосознании. В социологии под массовым сознанием в широком смысле понимается сознание больших масс людей, народа в целом. В более узком смысле массовое сознание есть особая форма обыденного сознания, которая может формироваться сознательно, например, при помощи средств массовой информации¹.

Как отмечал профессор О. Э. Лейст, «массовое правосознание существует рядом с действующим правом, всегда в чем-то с ним расходится и потому ряд правовых проблем оценивает и решает по-своему. В результате образуется что-то вроде “неофициального права”, не всегда противоречащего действующему праву, но и не тождественного ему»².

Обыденное правосознание, с одной стороны, подвижно, а с другой — консервативно. Для него характерно наличие слухов, различных меняющихся мнений, а также веры в авторитет и существование различных стереотипов. Под стереотипами правового сознания понимаются стандартизированные устойчивые, эмоционально окрашенные образы, представления, понятия, устойчивые формы поведения³. Стереотипы в правовом сознании могут нести как положительную, так и отрицательную нагрузку: вера во всемогущество закона (правовой идеализм), и, наоборот, устойчивое пренебрежительное отношение к праву (правовой нигилизм), недоверие к институтам власти и вера в непогрешимый

¹ См.: Волков Ю. Г., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. и др. Указ. соч. С. 303.

² Лейст О. Э. Указ. соч. С. 200.

³ См.: Волков Ю. Г., Нечипуренко В. П., Попов А. В. и др. Указ. соч. С. 305.

авторитет власти и т. д. Наличие стереотипов в массовом сознании вообще и в массовом правосознании в частности дается возможность манипулировать им путем использования специально выработанных языковых формул, искусственно создаваемых «имиджей», специальных приемов воздействия на сознание и подсознание людей при помощи рекламы, средств массовой информации и т. д.¹

Массовое правосознание может творить свое право в виде обычаев, а затем уже санкционироваться государством.

Еще одним, очень важным показателем в характеристике массового правосознания является отношение права и общественного мнения. По замечанию В. В. Лапаевой «общественное мнение — это состояние массового сознания, связанное с высказыванием суждений по общественно значимым проблемам»².

Данное определение понятия общественного мнения вполне правильно для изучения общественного мнения, которое является одним из показателей состояния правосознания.

Изучение общественного мнения по вопросам права и государства имеет большое значение для правотворческой и правоприменительной деятельности государства. Общественное мнение как показатель обыденного массового правосознания может основываться как на достоверных знаниях о государственно-правовой реальности, так и на недостоверных, а порой и умышленно искаженных. Отсюда следует, что общественное мнение не всегда может отражать достоверное отношение массового правосознания к той или иной проблеме, имеющей государственно-правовое значение.

Обыденное правосознание определяет поведение множества людей, т. е. всех тех, кто не имеет специальной юридической подготовки, следовательно, оно имеет важное социальное значение.

Напротив, научное (теоретическое) правосознание составляют теории, концепции, взгляды, учения. Оно формируется на основе юридической науки и имеет первостепенное значение в определении перспектив развития государственных и правовых институтов, проведения правовых и государственных реформ³. Современное научное правосознание характеризуется различными методологическими подходами к исследованию государства и права. В первую очередь это касается критики легистского подхода к пониманию права и на этом фоне формирования интегративного типа правопонимания. В современном научном правосознании, наряду с теоретическими проблемами внутригосударственного права, весьма важное место занимает научное осмысление роли и значения международного права, взаимодействия его с внутригосударственным правом в контексте процессов глобализации.

¹ См.: Волков Ю. Г., Нечипуренко В. П., Попов А. В. и др. Социология. Курс лекций. С. 305.

² Лапаева В. В. Российская социология права: курс лекций. М., 2005. С. 169.

³ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. М., 2007. С. 401.

Особое место в классификации форм правосознания по его содержательной стороне занимает профессиональное правосознание, которое формируется на основе юридической практики.

Функции правосознания

Правосознание как социально-юридический феномен обладает специфическими функциями, посредством которых реализуются его сущностные свойства и социальное назначение.

В юридической и социологической литературе нет единого понятия функций правосознания. Одни ученые определяют его с общефилософских позиций, как способ проявления специфической роли и значения правового сознания в обществе. Другие же практически отождествляют функции правосознания и функции права, определяя их как направления его воздействия на общественные отношения¹.

Правосознание, обладая опосредованным регулятивным влиянием на общественные отношения, все же непосредственно не регулирует общественные отношения. Правосознание, как уже отмечалось ранее, отражает социальную реальность, при посредстве правосознания человеком осуществляется познание и оценка государственно-правовых явлений.

Таким образом, правосознание является формой отражения, познания, осознания и оценки общественного бытия. На основе этого свойства правосознания в науке обосновывается наличие у правосознания следующих функций: познавательная; оценочная; регулятивная.

Необходимо отметить то, что все эти функции ориентированы на субъектов, но не на общественные отношения, как это свойственно праву, выступающему в качестве основного регулятора общественных отношений.

Познавательная функция правосознания состоит в том, что в рамках правовой идеологии как структурного элемента правосознания, осуществляется познание права, происходит накопление знаний о нем, на основе которых человек уже вырабатывает свое отношение к праву и государству, т. е. оценивает их и формулирует правовые установки. Следовательно, познавательная функция правосознания лежит в основе другой его функции: оценочной. Эта функция реализуется в рамках правовой психологии и направлена на выработку правовой установки личности. По мнению ряда отечественных ученых (Д. Н. Комаровского, Д. А. Керимова и др.²), категория установки является одной из центральных для теории правосознания. Установка — одновременно и психологическое, и социальное понятие. Установка — это готовность индивида действовать прежде всего правомерно. В итоге реали-

¹ См. об этом: *Абрамов А. И.* Функции правосознания и их роль в реализации функций права // *Правоведение*. 2006. № 5. С. 23—24.

² См.: *Комаровский В. С.* Некоторые проблемы измерения социальных установок // *Вопросы философии*. 1970. № 7. С. 24; *Керимов Д. А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 416.

зации правовой установки совершаются действия, влекущие за собой определенные юридические последствия. Надо отметить, что на основе характера правовых установок личности возможна классификация правомерного поведения: социально активное, обыденное (обычное), конформистское¹.

Реализация познавательной функции правосознания характеризуется рядом эмпирических показателей, которые должны быть установлены в результате конкретных социологических исследований. В социологии права выработаны критерии, на основе которых определяется состояние правового сознания, как в целом, так и применительно к его отдельным формам.

Наиболее важными эмпирическими показателями, которые являются результатами познавательной функции правосознания, являются: 1) уровень правовых знаний населения; 2) престиж права и закона.

В процессе исследования уровня правовых знаний населения решаются следующие задачи: 1) изучение правовых знаний по отдельной отрасли права либо по нескольким его отраслям; 2) определение уровня правовых знаний по отдельным социальным группам населения; 3) выявление источников правовой информированности населения².

Престиж права и закона определяется путем исследования характера правовых чувств, эмоций, установок, которые имеют в своей основе ценностное отношение личности к правовым средствам регулирования общественных отношений. Право и закон могут вызывать в правовой психологии личности чувства одобрения, согласия или, наоборот, отторжения и неприятия их в качестве средств регулирования общественных отношений и ценностно-ориентационных моделей поведения человека.

Познавательная и оценочная функции правосознания неразрывно связаны с регулятивной его функцией. Отраженные в правовой идеологии и правовой психологии знания, ценностные установки составляют необходимую предпосылку правомерного поведения человека, юридической деятельности органов правотворчества и правоприменения.

Регулятивная функция правосознания, таким образом, характеризует деятельностьную сторону сознания человека. Правосознание в социологии и теории права рассматривается как интеллектуальный источник права, поскольку именно в правосознании первоначально формируются представления о должном, закреплённом и т. д. В этом смысле правовое сознание тесно взаимосвязано с иными формами общественного сознания и в первую очередь с нравственным сознанием.

¹ См.: Сырых В. М. Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд. М., 2012. С. 372—376.

² См.: Социология права / под ред. В. М. Сырых. С. 408—409.

ЛЕКЦИЯ 22. ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

1. Понятие социализации.
2. Норма и отклонение в социализации.
3. Сущность и содержание правовой социализации.

1. Понятие социализации

1.1. Проблема социализации в западной социологии

С конца XIX в. (Ф. Гиддингс, Э. Дюргейм, Г. Тард и др.) теории социализации строились на различных подходах к рассмотрению роли объективного и субъективного факторов, к трактовке индивидуального или общественного как первичной реальности.

Эта дихотомия исследовательского подхода на общетеоретическом уровне проявляется в специфике социологического изучения социализации, связанной с «двойственностью объекта исследования “личность — общество”»¹.

Основоположник социологии Огюст Конт, отдавая приоритет обществу как первичной реальности, ставил задачу подчинения индивидуального общественному, считая индивида со своими особыми интересами лишь абстракцией, не существующей самостоятельно, изолированно от целого.

Герберт Спенсер считал, что человек в естественном состоянии в значительной мере антисоциален, что он становится социальным существом в ходе длительной эволюции². Спенсер выделял «регулятивную систему» социального организма и ее механизмы «социального контроля». Из контекста концепции социальных институтов Спенсера следует, что эти институты как механизмы самоорганизации совместной деятельности людей обеспечивают обращение, как он считал, асоциального по природе человека в социальное существо. В отличие от Конта Спенсер подчеркивал автономию индивида. Общество, по Спенсеру, существует для блага своих членов, а не члены существуют для блага общества. Он считал, что процесс изменения человеческой природы очень медленный, требующий многих поколений и «никакое учение и никакая политика не могут ускорить процесс социального развития выше известной нормы, которая ограничена скоростью органических изменений человеческих существ»³.

Огромное влияние на развитие социологических теорий социализации оказала концепция К. Маркса о сущности человека как совокупности всех общественных отношений, согласно которой формирующая человека социальная среда одновременно выступает и условием, и результатом его деятельности. «Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности, — отмечал К. Маркс. — Но сущность чело-

¹ Ковалева И. А. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109.

² См.: Спенсер Г. Сочинения: Опыт научный, философский и политический / под общ. ред. Н. А. Рубакина. СПб., 1899. С. 126—128.

³ Спенсер Г. Социология как предмет изучения. СПб., 1896. С. 403.

века не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹. Совокупность тех или иных общественных отношений присуща человеку на всех этапах его исторического развития. Формирование человека не тождественно пассивному приспособлению людей к социальной среде, а охватывает и их собственную практическую деятельность, в которой они, воздействуя на окружающий мир, изменяют социальную среду и вместе с тем, по выражению Маркса, «свою собственную природу», развивают дремлющие в ней силы.

Общепризнано огромное значение теории Маркса для развития знания об общественной и природной сущности человека. Как утверждал Маркс, люди в процессе своей деятельности и посредством нее изменяют и внешние обстоятельства, и самих себя, сознание человека и его деятельность — едины. Человеческая деятельность ведет и к изменению сознания, и к изменению внешнего мира, т. е., изменяя мир, люди изменяют самих себя. «Сущность человека, — писал Маркс, — не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»². Для Маркса «индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими проявления жизни — *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*»³.

Подчеркивая социальную природу человека, видя в личности не ее абстрактную физическую природу, а ее социальное качество, марксизм не отвергает естественную, биологическую природу, которая включает генетические и естественные свойства личности.

Особое значение для становления теории социализации имело развитие психологических направлений западной классической социологии. Органическая концепция общества, в основе которой лежали биологические аналогии, не позволяла учесть главный фактор общественного бытия — человеческой психики. Парадигма психологизма принесла новую модель рассмотрения сущностных характеристик человека и общества, законов их функционирования и развития.

Используя идею Спенсера о всеобщей эволюции и развитии общества как высшего этапа этой эволюции, Лестер Уорд одним из первых попытался наполнить ее человеческим содержанием. Он представил развитие общества как «направленное развитие», в рамках которого более важную роль играют психические (сознательные) процессы, а не чисто биологические факторы⁴.

Идеи Уорда нашли дальнейшее развитие в работах американского социолога Франклина Гиддингса. Гиддингс также пытался найти

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1985. Т. 3. С. 3.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 265.

³ Там же. С. 119.

⁴ См.: История социологии: учеб. пособие. Минск: Виш. шк., 1993. С. 67—69.

психические факторы цивилизации, считал, что общество развивается на основе разумного, сознательного управления социальными процессами. Он писал, что «функция общества состоит в развитии сознательной жизни и в создании человеческой личности: для этой цели оно в действительности и существует»¹. Идеи Гиддингса об определяющей роли социального принуждения легли в основу его теории социализации как «сплавления различных элементов самого разнообразного населения в однородный тип»².

Истоки современной теории социализации, что признано в западной социологии, сосредоточены в работах французского социолога конца XIX в. Габриэля Тарда. Развивая психологические концепции в социологии, Тард обосновал новые идеи в познании общества и человека. По его мнению, общество есть продукт взаимодействия индивидов. Он выделял три основных социальных процесса, а именно: повторение (подражание), противоположение (оппозиция), приспособление (адаптация). Генеральным положением теории Тарда является принцип подражания³, а отношение «учитель — ученик» провозглашается типовым во всем многообразии социальных отношений. Тард первым попытался описать процесс интернализации норм через социальное взаимодействие, рассматривая не отдельно взятого индивида, а процесс межличностного общения.

Общепризнано огромное значение теорий развития личности для анализа социализации. Эти теории содержат объяснение того, как осуществляется процесс социализации на индивидуальном уровне. Обретение индивидом социальных качеств происходит в условиях динамичной социальной жизни и социального взаимодействия. В процессе взаимодействия с другими людьми у человека возникает совокупность представлений о самом себе, в которую входит как осознание своих собственных физических, интеллектуальных и других качеств, так и самооценка, а также субъективное восприятие влияющих на данную личность внешних факторов. Этот свойственный каждому индивиду набор установок, направленных на самого себя, называется Я-концепцией.

По Уильяму Джемсу, различаются две стороны личностного существования — личность и «я», которые являются познаваемым (эмпирическим) объектом и познающим (мыслящим) субъектом. Составные элементы личности могут быть подразделены на три класса: 1) физическую личность (телесная организация, одежда, семейство, домашний очаг); 2) социальную личность, связанную с признанием личности со стороны других представителей человеческого рода; 3) духовную личность как полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств.

¹ Гиддинс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 315.

² Giddings F. P. The Theory of Socialization. N. Y., 1897.

³ См.: Тард Г. Законы подражания. СПб., 1899.

Джемс подчеркивал, что у человека столько социальных личностей, сколько индивидов признают в нем личность и имеют о ней представление; и на практике всякий человек имеет столько же различных социальных личностей, сколько имеется различных групп людей, мнением которых он дорожит.

Стремление выявить психологические основания социализации присуще психоаналитическому подходу и его модификациям (З. Фрейд, Э. Фромм, Э. Эриксон и др.).

Значительное воздействие на развитие теории социализации оказала психоаналитическая концепция Зигмунда Фрейда.

В его учении о человеке большое внимание уделено проблемам формирования, развития и структуры личности. Согласно его теории, личность являет собой противоречивое единство трех взаимодействующих сфер: «Оно», «Я» и «Сверх-Я». Фрейдом была обоснована идея о том, что на повседневное поведение индивида влияют неосознаваемые мотивы, лежащие в глубинах психики¹. Огромное значение для осмысления процессов развития личности имели разработанные Фрейдом «защитные механизмы», призванные обеспечить целостность и стабильность личности, а также описанные им принудительные факторы, которые, по его мнению, представляют собой, с одной стороны, необходимый инструмент обуздания инстинктов, без которого человеку грозит самоуничтожение, а с другой — нечто такое, что ведет ко все большему несовершенству личности, к росту неврозов.

В исследовании социализации важная роль принадлежит Эмилю Дюркгейму. В основе его теоретической конструкции лежит концепция социологизма. Он рассматривал общество как часть природы, как независимую от индивидов, вне- и надиндивидуальную реальность. По Дюркгейму, общество доминирует над индивидом и создает его, является источником всех высших ценностей. Он подчеркивал, что социальное существо не дается в готовом виде в первоначальной конституции человека и не вырастает из нее путем спонтанного развития, а создается путем целенаправленной социализации².

По Дюркгейму, общество в лице своих институтов воспитания претворяет в жизнь идею единства дисциплины и морального долга, контролируя человеческие влияния и потребности, ибо они потенциально не ограничены. Социализированная личность, по его мнению, — личность, наделенная умением подавлять индивидуальные интересы во имя общественных. Общеизвестен и постоянно цитируется вывод Дюркгейма о том, что воспитание есть не что иное, как «методическая социализация молодого поколения»³. Основная функция социализации,

¹ См.: *Фрейд З.* Психология бессознательного: сб. произвед. / сост. М. Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1989. С. 202—310.

² См.: *Дюркгейм Э.* Социология: ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 254—255.

³ Цит. по: *Шипилова Л. И.* Разработка проблем социализации в современной буржуазной педагогике Франции // Критика современных буржуазных концепций воспитания. М., 1980. С. 57.

понимаемой им как приобщение индивидов к идее «коллективного сознания», заключается в установлении однородности и целостности общества, гарантирующих его нормальную жизнедеятельность и в то же время отвечающих интересам индивида как части общества.

Другой подход к анализу социализации основывается на теоретико-методологических принципах понимающей социологии, сформировавшихся в конце XIX — начале XX в. В отличие от позитивистской социологической традиции, избравшей путь познания от социума к индивиду, понимающая социология сориентировалась на другой путь исследования, а именно: от индивида — к социуму.

Основоположник понимающей социологии Макс Вебер, анализируя человеческое поведение с присущими ему связями и регулярностью, когда субъективно осмысленные действия индивида соотносятся с поведением других людей, пришел к такому истолкованию «понимания» поведения как «общественно ориентированные действия».

Принадлежащая Веберу концепция идеального типа как теоретической конструкции социальной реальности в индивидуальном своеобразии, логической непротиворечивости, рациональной правильности применима для создания логической модели исследования социализации.

Эволюция теоретических взглядов на проблему социализации личности приобрела особую интенсивность в XX в. Наука получила множество моделей постановки и решения этих проблем. Признанная точка зрения о мультипарадигмальности социологии может быть отнесена и к социологическим исследованиям социализации. Ее теоретики, придерживаясь тех или иных социологических традиций и школ, предлагали либо соответствующие их позициям подходы к анализу социализации, либо создавали конкурирующие теории, которые способствовали становлению новых парадигм.

Общепризнанным теоретиком социализации личности в современной западной социологии является Толкотт Парсонс. Его концепция общества как социальной системы основывается на центральном понятии нормативного характера — равновесие. Общество в равновесии — общество без конфликта, где каждый знает свою роль, понимает, чего от него ждут. Полного равновесия не достичь, но общество должно стремиться к этому. По его утверждению, имеются два главных средства, при помощи которых поддерживается социальное равновесие, и в результате отказа от одного или обоих возникает нарушение равновесия. Первое средство — это социализация, посредством которой новорожденный индивид становится социальной личностью. Второе средство — социальный контроль как способ поддержания порядка среди людей¹.

Т. Парсонс видел взаимодействие социума и личности как непрерывный процесс воздействия общества на личность с целью убеждения последней в необходимости принятия, согласия с нормативными общественными предписаниями. Для убеждения личности следовать нормам общества Т. Парсонс считал необходимым усиление мотивации участия

¹ См.: *Parsons T. The Social System.* Glencoe, 1951. С. 41—42.

людей в социальной жизни по нормативным правилам. Эта мотивация, с его точки зрения, имеет три уровня: 1) высоко генерализированная приверженность ценностям образцам, непосредственно связанным с религиозными ориентациями; 2) уровень эротических комплексов; 3) уровень, непосредственно связанный с услугами и инструментальной деятельностью¹.

Особую методологическую значимость для анализа социализации представляет научное наследие Питирима Сорокина. Он считал, что любую социально значимую человеческую активность можно объяснить посредством четырех универсальных категорий, а именно: ценности, происходящие в результате познавательной деятельности (Истина); эстетического удовлетворения (Красота); социальной адаптации и морали (Добро); и, наконец, конструирующая все остальные ценности в единое социальное целое (Польза)².

Сорокин констатировал три основные формы актов поведения людей — дозволенные, должные и рекомендуемые. Каждая из этих форм существует как бы в связке с соответствующей ей оппозиционной санкцией: рекомендуемым актам (подвиг или услуга) соответствуют награды; запрещенным (преступление) — кара; дозволенным — «должные реакции».

Сорокин писал, что «если нормы “должного” поведения двух или большего числа лиц совершенно различны, а в зависимости от этого различны для каждого из них и нормы поведения “запрещенного и рекомендованного”, то между поведением этих лиц, соприкасающихся друг с другом, не может установиться гармонический консенсус...»³. Исследовав влияние социальных потрясений на поведение личности, Сорокин пришел к выводу о том, что тенденция к моральной индифферентности и рутинному поведению усиливается в периоды обострения общественных кризисов, когда большинство ищет гедонистического удовлетворения, а меньшинство ориентировано на альтруистическую, религиозную и т. п. активность. Когда социальное потрясение минует, поведение людей возвращается к прежнему, «нормальному» распределению.

Ряд фундаментальных идей для анализа социализации принадлежит Роберту Мертону. Он внес важнейший после Дюркгейма вклад в теорию аномии. По Мертону, аномия — результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предписанными всеобщими целями и законными, институциональными средствами их достижения. Рассматривая нормативную структуру общества, т. е. структуру отношений между нормами, ролями, статусами, ценностями и институциональными по-

¹ См.: *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; науч. ред. пер. М. С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1997.

² История социологии: учеб. пособие / под общ. ред. А. Н. Елсукова и др. Минск: Виш. шк., 1993. С. 160.

³ См.: *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. С. 141.

рядками и способы адаптации к ней, Мертон отметил, что отношения между этими компонентами могут отличаться согласованностью-рас- согласованностью, варьирующими в самых широких пределах, более того, могут быть конфликтными¹. Р. Мертон отождествляет функции социализации и социального контроля, подчеркивая, что консенсус индивидуальных целей и коллективных ценностей может быть достигнут за счет перенесения социальных норм в сознание личности, благодаря чему и создаются внутренние, неформальные источники социального порядка.

Смещение акцентов с объективистского подхода при анализе социализации, как в теориях Парсонса, Дюркгейма и др., на субъективистский наблюдается в теориях представителей символического интеракционизма.

У. Томас и Ф. Знанецкий утверждали, что социальные явления, процессы следует рассматривать как результат сознательной деятельности людей и, изучая социальные ситуации, необходимо учитывать не только социальные обстоятельства, но и субъективную позицию индивидов, включенных в эти ситуации².

Проблема социализации пронизывает труды теоретиков социологической концепции личности и Я-концепции американских ученых Чарлза Кули и Джорджа Мида. Основываясь на социальной психологии У. Джемса, Кули трактует социализацию индивидуального сознания как социальный процесс, приобщение индивидуальных ментальных процессов к «большому сознанию». По утверждению Кули, общество и индивиды — неотделимые аспекты одного общего целого, так что где бы мы ни обнаружили индивидуальный факт, мы можем отыскать и сопутствующий ему социальный факт. Кули полагал, что индивидуальное «Я» приобретает социальность в коммуникациях, в межличностном общении внутри первичной группы (семьи, группы сверстников и пр.), т. е. в процессе взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов³.

Джордж Мид детально рассматривает проблему вхождения индивида в общество как процесс превращения физиологического организма в рефлексивное социальное «Я». По Миду, происхождение «Я» целиком социально. В то же время социальное «Я» является источником движения и развития общества. Общество и социальный индивид конституируются в совокупности процессов межиндивидуальных взаимодействий.

Юрген Хабермас является основателем «критической теории социализации». В рамках этой теории процесс социализации охватывает не всего человека, а только «часть» его личности, которая представляет общественную сущность индивида, его социальный характер, обеспе-

¹ См.: Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 14—17.

² См.: Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 335—357.

³ См.: Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.

чивающий ему функционирование в обществе. Другая же его «часть» дает ему возможность «держаться некоторую дистанцию» по отношению к господствующей в обществе системе ролей, норм, ценностей, т. е. позволяет критически относиться к элементам социальной среды, мешающим человеку самоутверждаться¹. По Хабермасу, становится возможным ненасильственная социализация в результате взаимодействия личности с социальной средой, самоутверждения личности, осознания ею необходимости полного развития своих способностей и потенций. Причем самоутверждение личности связывается не с условиями социальной среды, а с условиями индивидуальной жизни. В его концепции «жизненного мира» — мира непосредственного общения и естественной «коммуникации» людей — социализация предстает одним из процессов репродукции жизненного мира. Ю. Хабермас не уподобляет личность слепку общественных установлений, она лишь отчасти такова. В то же время социализирующийся человек всегда сохраняет возможность дистанцирования по отношению к господствующей в обществе системе ролей, норм, ценностей, т. е. позволяет критически относиться к элементам социальной среды, мешающим человеку самоутверждаться.

Огромная роль в разработке теории социализации принадлежит П. Бергеру и Т. Лукману², которые по-новому представляют связи между человеком и обществом. «Общество — человеческий продукт. Общество — объективная реальность. Человек — социальный продукт. Уже должно быть ясно, что анализ социального мира, который исключает хотя бы один из этих трех моментов, будет неполным и искажающим», — пишут исследователи³.

«Общество понимается как непрерывный диалектический процесс, включающий три момента: экстернализацию, объективацию и интернализацию»⁴.

По П. Бергеру и Т. Лукману, взаимосвязь между человеком и социальным миром есть диалектическое единство: человек посредством экстернализации создает социальный мир, через объективацию этот социальный мир институализируется (становится объективной реальностью) и через интернализацию этот объективный социальный мир переводится во внутренний мир индивида.

Социологический универсалий отшлифованного временем знания содержится в трудах современного американского социолога Нейла Смелзера⁵. Он обобщает теоретические концепции классиков социологии, анализирует конкретные примеры, приводит эмпирические доказательства. Смелзер определяет, что социализация, т. е. пути, которыми

¹ См.: *Habermas J. Stichworte zur Theorie der Sozialisation* // Ders. *Kultur und Kritik*. Frankfurt, 1973.

² *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания*. М.: Моск. филос. фонд; Academia-Центр; Медиум, 1995.

³ Там же. С. 26—27.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ См.: *Смелзер Н. Социология* / пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 94—130.

люди приобретают опыт и осваивают установки, соответствующие их социальным ролям, имеет две цели: способствовать интеракции людей на основе социальных ролей и обеспечить сохранение общества благодаря усвоению его новыми членами сложившихся в нем убеждений и образцов поведения.

Успешная социализация, как отмечает Смелзер, обусловлена тремя факторами: ожиданиями, изменением поведения и стремлением к конформизму. Люди почти не имеют врожденных моделей поведения, но они наделены способностью их освоить. Культурные ценности — от законов до неписаных правил хорошего тона — регулируют поступки и стремления людей. Каждое общество ценит определенные личностные качества выше других, и дети осваивают эти ценности благодаря социализации. Отсутствие единообразия в поведении показывает, что по своей сущности социализация — двусторонний, разнонаправленный процесс формирования неповторимой личности. Происходит взаимовлияние между биологическими факторами и культурой, а также между теми, кто осуществляет социализацию и социализируется.

Смелзер не ограничивается пониманием социализации как развития личности по восходящей. Он определяет такую важную ее характеристику, как ресоциализация, называя ресоциализацией усвоение новых ценностей, ролей, навыков вместо прежних, недостаточно усвоенных или устаревших. Агентами социализации, по Смелзеру, являются социальные институты, отдельные люди и группы, которые способствуют социализации.

Вслед за Парсонсом Н. Смелзер отмечал, что социализация способствует сохранению самого общества, прививая новым гражданам общепринятые идеалы, ценности, образцы поведения. Любая культура избирает лишь определенные образцы поведения из множества возможных, она ограничивает социализацию, только частично давая использовать биологические возможности человека. Люди не только не обладают врожденными образцами поведения, но и медленно осваивают навыки, необходимые для выживания¹.

Н. Смелзер пытается совместить социобиологический и культурный контексты в исследовании социализации, отдавая при этом главенство культурному. При рассмотрении биологической основы социализации личности Н. Смелзер замечает, что гены и гормоны оказывают стимулирующее и сдерживающее воздействие на поведение индивида. Многие типы поведения, от агрессии до альтруизма, могут быть обусловлены генетически.

Проблема разрешения проблемы дихотомии «личность — общество» при анализе процессов социализации решается Э. Гидденсом в ключе комплексного подхода. Его взгляд на соотношение структуры и действия, индивида и социальной тотальности отличается и от представлений об индивиде как «свободном деятеле», обладающем всеми ресурсами и возможностями для конституирования социальных отношений,

¹ См.: Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 94.

и от концепций, приписывающих доминирующую роль в определении взаимодействий индивидов надиндивидуальным свойствам социального целого. Теория социализации Э. Гидденса исходит из положения, что социальные системы состоят не из ролей, а из воспроизводимых практик. Так как социальные системы помещены во время и пространство, их можно интерпретировать как структурные «поля», где агенты занимают определенную позицию по отношению друг к другу. Социальная позиция агента определяется как его социальная идентичность, которая образует набор возможностей, прерогатив и обязательств. Последние как раз и составляют «ролевые предписания», связанные с данной позицией, и обуславливают определенность в поведении индивида¹.

Процесс социализации, с точки зрения Э. Гидденса, имеет следующие особенности. 1. Социализация не заканчивается в тот момент, когда общество признает индивида зрелым и полноправным своим членом; она распространяется на весь жизненный цикл. 2. Социализация не является простым процессом инкорпорации ребенка в общество, она не есть отпечаток общества в индивиде. По мнению Э. Гидденса, это базовый механизм преемственности поколений (*succession of the generations*), где дети — активные партнеры в двустороннем процессе взаимодействия. Общество не только обучает ребенка своим правилам, инкорпорирует его; ребенок, экспериментируя с ресурсами, желаниями, установками, податливостью системы, ожиданиями относительно него, творчески адаптирует доступный ему сегмент общества. 3. Социализация — не унифицированный процесс, она всегда контекстуальна. В силу своей диалогичности социализация предполагает обоюдное накопление практического запаса знаний относительно условий производства и воспроизводства социального взаимодействия. С одной стороны, дети должны приобретать необходимые практические и рефлексивные знания об условиях социального взаимодействия, а общество, со своей стороны, неизбежно должно адаптироваться к особенностям возрастных когорт².

Общепризнано огромное влияние на исследования социализации теории крупного американского ученого-неофрейдиста Эрика Эриксона. Его подход, по существу, являющийся развитием концепции Фрейда, обращен к социокультурному контексту становления личности. Но в отличие от Фрейда его интересует хорошо адаптированная, творческая, здоровая личность.

Концепция Э. Эриксона внесла ряд новых идей в теоретическое осмысление проблемы социализации. Исследователь предположил, что наряду с описанными Фрейдом фазами психосексуального развития существуют и психологические стадии развития «Я», в ходе которых формируются представления и установки по отношению к себе и своей социальной среде. Э. Эриксон утверждал, что становление лично-

¹ См.: *Giddens A. Central Problems in Social Theory. Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Macmillan, 1979. P. 117.*

² См.: *Giddens A. Op. cit. P. 117.*

сти продолжается в течение всей жизни человека, а не заканчивается в подростковом возрасте, и каждой стадии присущи свои собственные параметры развития, которые могут быть положительными и отрицательными. Свою концепцию периодизации жизненного пути личности от рождения до смерти он трактует как эпигенетическую. Для описания развития личности Эриксон выделяет восемь последовательных стадий психосоциального становления индивида. Каждая стадия жизненного цикла личности характеризуется специфической задачей. Такая задача выдвигается обществом, которое и определяет содержание развития на каждом его этапе для наиболее полного включения растущего индивида в общество, т. е. социализации.

Механизм взаимодействия психических и социальных факторов в процессе становления личности проанализирован в работах Эриха Фромма. В противоположность точке зрения Фрейда он обосновывает теорию, согласно которой связь индивида и общества не является статичной. Он исходит из утверждения о взаимозависимости между структурой характера среднего индивида и социоэкономической структурой общества, в котором существует этот индивид. «Взаимосвязь индивидуальной психической сферы и социоэкономической структуры я называю социальным характером»¹, — писал Э. Фромм.

Социоэкономическая структура общества формирует социальный характер своих членов таким образом, что им хочется делать то, что они должны делать, считает Э. Фромм. Вместе с тем социальный характер оказывает влияние на социоэкономическую структуру общества, действуя при этом как цемент, придающий ей еще большую стабильность либо готовый при определенных обстоятельствах взорвать ее.

Фромм убедительно показывает, что свободное развитие личности может обеспечить только демократическое и гуманное общество, а в условиях культурного и социального кризиса современного общества возрастает опасность человеческого отчаяния, утраты смысла человеческой жизни. Он исходит из тезиса о субъектности индивида в социальном процессе, считает, что понимание динамики общественного развития невозможно без понимания динамики психических процессов, происходящих внутри индивида, точно так же как понимание индивида невозможно без рассмотрения его вместе с обществом, в котором он живет.

В русле гуманистических идеалов рассматривает социализацию В. Франкл. Ученый не приемлет идею внешнего тотального детерминизма личности, которая обладает свободой в определенных рамках. Рамки эти задаются общим ходом событий, который В. Франкл называет судьбой. Как наличие в мире судьбы, т. е. некоего целенаправленного и осмысленного процесса, так и существование у человека свободы воли В. Франкл считает вещами очевидными. «Свобода принятия решений, так называемая свобода воли, для человека непредубежденного есть нечто само собой разумеющееся; он непосредственно ощущает себя сво-

¹ Фромм Э. Иметь или быть? / общ. ред. В. И. Добренкова. М.: Прогресс, 1986. С. 138.

бодным»¹. Процесс социализации по В. Франклу есть процесс освоения смысла через ценности в рамках, задаваемых социальной структурой.

Одним из ярких представителей социологического подхода к анализу социализации, пытающегося преодолеть жесткую дихотомию «личность — общество», является П. Бурдьё. Проблему социализации П. Бурдьё анализирует в рамках концепции «двойного структурирования», предполагающей структурированность социальной действительности двумя факторами: 1) социальными отношениями, объективированными в распределениях разнообразных ресурсов материального и нематериального характера; 2) представлениями людей о данных отношениях и об окружающем мире, оказывающих обратное воздействие. Согласно П. Бурдьё, именно объективные социальные структуры являются условиями и предпосылками осуществления социального поведения и взаимодействий индивида. Однако для реализации этих социальных практик социальные структуры должны быть интериоризированы (инкорпорированы) индивидами, которые, в свою очередь, не только пассивно воспринимают внешние воздействия, но и способны к активному конструированию своего восприятия, выражения и оценивания социальной реальности, своих коммуникаций и т. п.

Подход П. Бурдьё к социализации и выделение им некоторых ментальных схем восприятия и оценки человеком социальной реальности представляется нам очень продуктивным. В частности, идея о том, что у индивида существуют некие схемы, посредством которых он оценивает социальную реальность, присутствует во многих концепциях (теория личностных диспозиций В. А. Ядова², тезаурусный подход Вал. А. Лукова³ и др.) В этом же русле можно рассматривать и попытки изучения и, что самое важное, диагностики, этих ментальных структур (габитус по П. Бурдьё) при помощи анализа ценностной структуры. Подробнее об этом пойдет речь далее, сейчас же лишь отметим, что диагностика ценностных структур различных объектов, как они представлены в сознании индивида или общности, позволяет проводить сравнительный анализ ценностных структур индивида и тех социальных объектов, которые оказывают на него социализирующее влияние.

1.2. Концепции социализации в отечественной науке

Разработка проблем становления и развития личности в российской социологии ведется с конца XIX в. Эта проблема была одной из самых актуальных для этико-субъективной школы (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев). В отечественной науке были выдвинуты плодотворные идеи и положения, относящиеся к процессу социализации.

¹ Франкл В. Общий экзистенциальный анализ // Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем / общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. С. 205.

² См.: Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 89—105.

³ См.: Луков Вал. А. Тезаурусная концепция социализации // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006.

зации (концепция общественного воспитания К. Д. Ушинского, идея М. М. Бахтина о диалоге как форме сосуществования личности, концепция Л. С. Выготского о соотношении индивидуального и общественного в индивидуе, идеи советских психологов о возможности коррекции отклоняющегося развития детей, теория детского коллектива А. С. Макаренко и др.).

Акцент на личностных основаниях социальных процессов был характерен для представителей русской субъективной школы социологии, и прежде всего П. Л. Лаврова (1828—1900), Н. К. Михайловского (1842—1904) и Н. И. Кареева (1850—1931). Все они стояли на позициях признания именно за личностью активного начала в ходе взаимодействия с социальной реальностью, что и объединяло их социологические воззрения. Термин «субъективная школа», применяемый к этим ученым, отражает специфику их общего подхода к анализу социальных явлений: 1) естественнонаучный метод (объективный метод) в социологии неприемлем; 2) социологический анализ должен вестись субъективным методом; 3) основной структурной единицей общества является не класс, группа или коллектив, а личность; 4) на социальную деятельность личности влияют субъективные помыслы и цели, а не различные внешние факторы; 5) эти субъективные помыслы и цели непознаваемы объективными методами; 6) социолог может изучать личность, только используя принцип «сопереживания» (ставить себя в положение наблюдаемого)¹.

П. Л. Лавров был убежден, что движущая сила истории — «критически мыслящая личность», элитарное меньшинство, а большинство служит и трудится, создавая меньшинству возможность служить ему, и если общество заглушит критически мыслящих личностей, это приведет к застою и гибели².

Наиболее ярко личностноцентрический подход к социализации П. Л. Лаврова проявляется в его убеждении в том, что главную черту общества, источник его развития составляет психика членов общественного организма, их сознание, теории, укореняющиеся в их мышлении. При таком подходе источники социальных изменений виделись ученым как раз в действии активной личности, которая должна совершить переустройство мира на основании рациональных, разумных и справедливых начал. Именно такое акцентирование роли личности в дихотомии личность-общество задавало основу для революционных настроений, которые усиливались в России к концу XIX в. То есть проблема социализации, по сути, ставилась не в ключе восприятия и усвоения индивидом социальных норм, а в контексте изменения самими индивидом этих социальных норм, которые П. Л. Лаврову, как и многим другим

¹ См.: Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России, М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. С. 248.

² См.: Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения в 2 т. Серия: Философское наследие. М.: Мысль, 1965.

ученым и деятелям культуры России конца XIX в., представлялись несправедливыми, нуждающимися в исправлении.

Н. К. Михайловский в своих социологических размышлениях также акцентировал проблему личности при анализе социальных явлений. В частности, он уделял особое внимание исследованию процессов борьбы за индивидуальность, понимая под ней целостность человека в его взаимодействии с социальными структурами. Н. К. Михайловским человек ставится в приоритетное положение по отношению к социуму. Более того, Н. К. Михайловский полагает, что и само общество можно оценивать по тому, какое место оно отводит человеку, и в этом смысле, считал исследователь, только справедливый общественный строй может гарантировать уважение к человеческой неповторимости и индивидуальности.

При таком подходе в расстановке акцентов во взаимодействии личности и общества социализирующее влияние социума признается Н. К. Михайловским только в той мере, в какой государство и общество служат интересам человека. Михайловский подчеркивал, что нельзя приносить личность в жертву, она свята и неприкосновенна¹.

Позицию Н. И. Кареева отличает большая взвешенность в оценке роли общества и личности, и он не отрицает роль социальной среды в развитии личности, однако и для него, как и для всех представителей субъективной школы, личность — исходный и ключевой субъект социальной жизни. При всей близости Кареева к взглядам П. Л. Лаврова важно видеть и их существенное отличие. У Лаврова, подчеркивал Кареев, на первом плане «вопрос о том, как должна идти история, как должны вести себя отдельные личности, тогда как для нас особую цену имело бы исследование того, как совершается история и какую в ней роль играют эти личности»². Как видим, Н. И. Кареев более осторожен в оценке ключевой роли личности в социальном и историческом развитии.

Основная идея русских социологов субъективного направления состоит в том, что личность и общество — это две части одного диалектического единства, одинаково важные для его существования. Проблема в нахождении механизмов взаимодействия между этими полюсами.

Отказ от жесткой поляризации в дихотомии «личность — общество» предпринимается в рамках интегративных теорий социализации, в которых подчеркивается как значимость социальных структур, так и активность индивида, совместно создающих социальную реальность.

Огромное значение для развития отечественной теории социализации имели труды Л. С. Выготского. В своей культурно-исторической концепции он одним из первых обосновал идею общественно-исторической обусловленности психики человека, ввел понятие «социальная ситуация развития». Применительно к категории «социализация» зна-

¹ См.: Михайловский Н. К. Герои и толпа // Полн. собр. соч. Изд. 4-е. СПб.: 1907. Т. 2.

² Кареев Н. И. Основы русской социологии / Ин-т социологии РАН. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1906. С. 122.

чение данного понятия состоит в том, что оно отражает неразрывное единство взаимодействия между индивидом и окружающей средой, проявляющегося в форме объективных связей и их субъективного отражения — переживания, отношения, оценки.

Л. С. Выготский считал, что социальная ситуация развития «определяет целиком и полностью те формы и тот путь, следуя по которому ребенок приобретает новые и новые свойства личности, черпая их из социальной действительности как из основного источника развития, тот путь, по которому социальное становится индивидуальным»¹.

Основываясь на таком подходе, Л. С. Выготский разрабатывает принцип опосредованности характера высших психических функций, принцип интериоризации — экстериоризации, позволяющий раскрыть механизм усвоения индивидом общественно-исторического опыта, понять процесс перехода совместных внешних действий во внутреннюю психическую деятельность субъекта. Согласно мнению Л. С. Выготского, «психическая природа человека — это совокупность общественных отношений, перенесенных во внутрь и ставших функциями личности, динамическими частями ее структуры. Перенесение внутрь внешних социальных отношений между людьми является основой построения личности»².

В отечественной науке разработка проблем социализации личности приобретает особый импульс с середины 60-х годов XX в., когда началось возрождение социологической науки в стране. В советский период длительное время господствовало критическое отношение к анализу становления личности в ракурсе социализации. Главное основание для критики исходило прежде всего из того, что сама социология, на теоретической базе которой строились концепции социализации, была объявлена буржуазной лженаукой, не только не совместимой с марксизмом, но и враждебной ему. В научной литературе широко применялись термины «формирование личности», «коммунистическое воспитание», «всестороннее и гармоническое развитие личности». С 1960-х годов тематика социализации входит в проблемное поле отечественных исследователей.

Марксистская концепция социализации, утверждаемая с возрождением социологии в отечественной социологической литературе, дистанцируется от западных традиций исследования (напр., психоанализа) и исходит из того, что социализация — не просто сумма внешних влияний, регулирующих проявление биопсихологических импульсов и влечений индивида, а процесс формирования целостной личности. Индивидуальность — не предпосылка социализации, а ее результат.

Современная отечественная социология в исследовании социализации исходит из того, что социальное не противостоит биологическому и не происходит из него, с рождения человек получает такую теле-

¹ *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. С. 259.

² Там же. С. 224.

сную организацию, в которой запрограммирована возможность ее универсального социально-деятельностного развития. Социальная жизнь не создает в каждом поколении и в каждом человеке заново человеческую природу. Она развивает социализированные в антропогенезе специфически человеческие биологические качества. Теория социализации основывается на положении о том, что человек как общественный деятель — это один из факторов, продуцирующих условия и обстоятельства как своей собственной, так и общественной жизни в целом. Его действия органически вплетены в механизм функционирования различных социальных систем. Личность — объект и субъект социального взаимодействия. Общество влияет на личность с помощью определенных механизмов. Индивид оказывает влияние на общество.

В отечественной социологии складывается понимание социализации как процесса становления личности, постепенное усвоение ею требований общества, приобретение социально значимых характеристик сознания и поведения, которые регулируют ее взаимоотношения с обществом¹.

Социализация представляет собой процесс интеграции индивида в общество, в различные типы социальных общностей (группа, социальный институт, социальная организация) посредством усвоения им элементов культуры, социальных норм и ценностей, на основе которых формируются социально значимые черты личности. В социализации выделяются две фазы — социальная адаптация и интериоризация. *Социальная адаптация* означает приспособление индивида к социально-экономическим условиям, к ролевым функциям, социальным нормам, к среде его жизнедеятельности. *Интериоризация* — это процесс включения социальных норм и ценностей во внутренний мир человека².

Наиболее значительный вклад в развитие теории социализации в 1960—1990-е годы вносит известный социолог и социальный психолог И. С. Кон. Он занимается проблемами социологии личности, социализации, развития личности в юношеском возрасте, фундаментально изучает проблему «Я».

Социализацию Кон трактует как совокупность всех социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Она включает в себя не только осознанные, контролируемые, целенаправленные воздействия (воспитание в широком смысле слова), но и стихийные, спонтанные процессы, так или иначе влияющие на формирование личности³.

Свойством развитого индустриального общества является множественность институтов социализации, развивающихся по своим собственным законам, что позволяет формирующемуся человеку иметь

¹ См.: Тоценко Ж. Т. Социология: общий курс. М.: Прометей, 1994. С. 228.

² См.: Социология / под ред. Г. В. Осипова. М.: Мысль, 1990. С. 94—100.

³ См.: Кон И. С. Психология ранней юности: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. С. 19.

варианты для выбора своего жизненного пути, своих ориентации в сложном социальном мире. В этих условиях, как отмечает Кон, усиливается вероятностный характер социализации. То, что главные институты социализации не складываются в единую иерархическую систему, существенно повышает автономию личности от каждого из них в отдельности, причем эта автономия объективно необходима для формирования гибкой, творческой личности, способной самостоятельно принимать решения, противостоять внешнему давлению. Вместе с тем в автономии заложена также и возможность социальных аномалий, отклоняющегося поведения и т. д.

В ходе социализации индивид осваивает социальные роли, т. е. те функции, нормативно одобряемые образцы поведения, реализации которых ожидает от человека общество или конкретная социальная группа. Они даются индивиду как нечто внешнее, более или менее обязательное. Однако сама по себе социальная роль еще не определяет поведение человека. Для этого она должна быть усвоена, интернализирована. Индивид должен внутренне определить свое социальное положение, свое отношение к этому положению и вытекающим из него обязанностям¹.

Рассматривая основные грани проблемы «Я», Кон развивает положение о том, что уникальный внутренний мир каждого человека воплощает в себе общечеловеческие ценности и обретает реальность только в творческой деятельности индивида, обращенной к другим. «Открытие Я» — не что иное, как осознание этого факта. «Открытие Я» — не одномоментное и пожизненное приобретение, а целая серия последовательных открытий, каждое из которых предполагает предыдущие и вместе с тем вносит в них коррективы. Остановимся на наиболее существенных чертах и особенностях процесса социализации.

Социализация — процесс, продолжающийся в течение всей жизни человека. Известные ранее подходы, ограничивающие период социализации детством (с точки зрения психоанализа) или юностью (западные социально-психологические школы), сегодня устарели.

Процесс социализации обычно разделяют на этапы. В отечественной литературе преобладает выделение этапов социализации на основе отношения человека к трудовой деятельности. Определяются следующие этапы социализации: дотрудовой (ранняя стадия и период обучения), трудовой и послетрудовой². Известно, что каждый из этих этапов имеет свою специфику.

В последнее время отечественными социологами используются другие основания периодизации этого процесса, позволяющие учесть своеобразие социализации детей и взрослых, а также так называемую ресоциализацию как процесс усвоения новых ценностей, норм, ролей, навыков вместо прежних, недостаточно усвоенных или устаревших.

¹ См.: Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. С. 23—26.

² См.: Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Наука, 1994. С. 245—248.

Выделяются два основных, но качественно различных периода. Первый — это «первичная социализация» — от рождения человека вплоть до формирования зрелой личности. Второй этап, период «вторичной социализации» или ресоциализации, под которым понимается своеобразная перестройка (не столь, правда, существенная) личности уже в период ее социальной зрелости¹.

Другие исследователи различают первичную и вторичную социализацию по характеру воздействия агентов социализации. Первичную социализацию они связывают с прямым воздействием на человека его непосредственного окружения, первичных социальных групп: семьи, родственников, друзей, ровесников, учебного и трудового коллектива, воспитателей, учителей, непосредственного руководителя по учебе, службе, работе и т. д. Вторичную социализацию связывают с воздействием вторичных социальных групп (малых и больших), институтов, организаций и учреждений в общей форме и опосредованно, чаще всего в одном-двух направлениях. Здесь отношения носят преимущественно институционализированный характер².

Подчеркнем еще раз, что на разных этапах жизни человека социализация имеет свои особенности, связанные с содержанием этого процесса, преобладанием тех или иных видов деятельности индивида, преимущественным влиянием того или иного института социализации, степенью активности самого человека, уровнем его сознания и др. В этой связи можно выделить несколько стадий социализации: детство, юность, зрелость, старость. Установлено, что наиболее интенсивно социализация происходит в детстве и юности.

Детство признано важнейшим этапом жизни человека для обеспечения основ социализации индивида. Причем если почти все упущенное на последующих стадиях социализации может быть восполнено, то не освоенные в детстве элементы социальной жизни (язык, правила и модели поведения, обычаи и традиции, знания и умения и т. д.) практически невосполнимы на последующих этапах жизненного пути.

Известно, что начальный период восприятия социальности имеет критическое значение для всей последующей судьбы человека. По времени он совпадает с формированием речи. Если с ребенком не начать говорить в возрасте 1,5—2 лет, то он превратится в «маугли». Такие случаи известны и описаны в литературе.

В социальной психологии выделяются обычно три сферы, в которых осуществляется прежде всего процесс социализации личности: деятельность, общение, самосознание. Общей характеристикой для всех этих трех сфер является процесс расширения, умножения социальных связей личности с внешним миром³.

Социальный психолог Г. М. Андреева подчеркивает также, что социализация — *двусторонний* процесс, включающий в себя, с одной сто-

¹ См.: Комаров М. С. Введение в социологию. М.: Наука, 1994. С. 104.

² См.: Социология: учеб. пособие. М.: Знание, 1995. С. 170.

³ См.: Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Наука, 1994. С. 241—242.

роны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, процесс *активного воспроизводства системы социальных связей* индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду. Человек не просто усваивает социальный опыт, но и преобразовывает его в собственные ценности, установки, ориентации. Этот момент *преобразования* социального опыта как раз фиксирует не просто пассивное его принятие, но предполагает активность индивида в *применении* такого преобразованного опыта, т. е. в известной «отдаче», когда результатом ее является не просто «прибавка» к уже существующему социальному опыту, но его воспроизводство, т. е. продвижение его на новую ступень¹.

А. В. Мудрик обосновывает необходимость рассмотрения факторов социализации как особых обстоятельств или условий, оказывающих влияние на этот процесс. Он выделяет три группы факторов социализации. Первая — макрофакторы (космос, планета, мир, страна, общество, государство), которые влияют на социализацию всех жителей планеты или очень больших групп людей, живущих в определенных странах. Это влияние опосредовано двумя другими группами факторов. Вторая — мезофакторы, условия социализации больших групп людей, выделяемых: по национальному признаку; по месту и типу поселения, в котором они живут; по принадлежности к аудитории тех или иных сетей массовой коммуникации. Мезофакторы влияют на социализацию как прямо, так и опосредованно через факторы третьей группы — микрофакторы. К ним относятся непосредственно влияющие на конкретных людей — семья, группы сверстников, микросоциум, организации, в которых осуществляется социальное воспитание — учебные, профессиональные, общественные, религиозные организации².

По мнению Ю. А. Левады, социализация как «путь человека в общество» проходит «через малую группу ближайшего окружения»³. Согласно оценке Ю. А. Левады, результатом социализации выступают не только интериоризация знаний, навыков, умений, норм, но и определенные структурные изменения в психике человека — формирование «внутреннего контролера», совести, т. е. того феномена, который санкционирует поведение и выступает внутренним регулятором ответственности за совершаемые поступки. «Конструирование этого тонкого механизма, — отмечает Ю. А. Левада, — оказывается едва ли не самым важным моментом всего процесса социализации личности»⁴.

Определение соотношения социального и биологического в детерминации поведения личности остается одной из научных проблем. Но крайние суждения, преувеличивающие роль или биологического,

¹ См.: Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Наука, 1994. С. 241.

² См.: Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. Пенза, 1994; Мудрик А. В. Социализация и «смутное время». М., 1994.

³ Левада Ю. А. Лекции по социологии // Информ. бюл. науч. Совета АП СССР по проблемам конкретных социальных исследований. М., 1966. Вып. 2. № 6. С. 33.

⁴ Там же. С. 51.

или социального фактора, дискуссионны. Неверно сводить источник социального поведения только к наследственности. Но неверно и затушевывать активную, деятельную сущность человека, игнорировать влияние на человека биологического фактора. Абсолютизация роли социальной среды, которую будто бы можно сделать такой, что из любого индивида в ней сформируется личность с заданными свойствами, является иллюзией.

Современный этап исследования проблем социализации отличается разнообразием подходов к проблеме. Большой теоретический и эмпирический материал накоплен в исследованиях научной школы Московского гуманитарного университета (Д. Л. Агранат, А. И. Ковалева, Вал. А. Луков и др.). Представителями данной научной школы разработана концепция социализационной нормы (А. И. Ковалева), ставшая методологическим основанием исследований результативности социализации и апробированная в изучении особенностей социализации молодежи и различных профессиональных групп (Д. Л. Агранат, А. В. Луков, А. С. Свиридова, И. В. Воробьева и др.).

Вал. А. Луковым была предложена и разработана тезаурусная концепция социализации. Он применил понятие тезауруса в социальном проектировании, где этим термином обозначил полный систематизированный состав информации (знаний) и установок в той или иной области жизнедеятельности, позволяющий в ней ориентироваться¹.

Тезаурусный подход используется В. А. Луковым как методологический принцип при построении теорий социальной жизни. Суть этого принципа состоит в признании активности субъекта социального действия (социальной субъектности) в качестве решающего фактора, определяющего содержание и формы социальной жизни.

Гипотеза В. А. Лукова включает четыре положения: 1) индивидуальные тезаурусы строятся в рамках социализационного процесса из элементов тезаурусных конструкций; 2) в обществе сосуществуют несколько тезаурусных конструкций с разной степенью актуальности (т. е. степенью распространенности, нормативности, формализации); соответственно и на индивидуальном уровне возможно сосуществование нескольких тезаурусов и выстраивание тезауруса с подвижной иерархией элементов; 3) актуальность, актуализация и утеря актуальности тех или иных тезаурусных конструкций детерминированы объективными социальными процессами и субъективным определением ситуации (на различных уровнях социальной организации); 4) социализационные практики обеспечивают передачу и актуальных, и неактуальных тезаурусных конструкций, из которых строятся тезаурусы.

Основные положения тезаурусной концепции социализации В. А. Лукова сводятся к следующему².

¹ См.: Луков В. А. Социальное проектирование. М.: Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии «Флинта», 2003.

² Луков Вал. А. Тезаурусная концепция социализации // Дискурс: социол. студия. Вып. 2: Социальная структура, социальные институты и процессы. М., 2002. С. 8—19.

1. Тезаурус — индивидуальная конфигурация ориентационной информации (знаний, установок), которая складывается под воздействием макро — и микросоциальных факторов и обеспечивает ориентацию человека в различных ситуациях и на различных уровнях социальности.

2. Освоение социальности в конечном счете идет по модели разделения «своего» и «чужого» (при сильном влиянии значимых других) и выработки позиции по отношению к определяемым фрагментам общественной жизни по конструкции апрейзеров.

3. Адаптация и интериоризация как этапы социализационного процесса в аспекте формирования тезауруса соответствуют последовательности: 1) отделение (референция) «чужого» и установление дистанции, приемлемой для отношения к нему; 2) переработка «своего» в тезаурусе вплоть до потери осмысленной референции «своего».

4. Передача социального опыта от поколения к поколению, формирование нового социального опыта идут в рамках тезаурусных конфигураций. Эти рамки включают и макросоциальные влияния (структурно-функциональные и ситуативные) и микросоциальные влияния (статусно-ролевые, групповой динамики, ситуативные). Жизненные концепции могут оказывать регулирующую роль в преимуществах тех или иных влияний.

5. Тезаурусы агентов социализационного процесса способны видоизменять как ход (направленность, фазы, скорость) этого процесса, так и его результативность. Результативность социализации оценивается соответствии с тезаурусной структурой, характерной для данного общества (сообщества).

В тезаурусной концепции социализации решающая роль придается особенностям формирования и проявления ментальных структур индивидов в процессе освоения социальности. Опосредованность социального опыта человека, лежащего в основе социализации, ментальными структурами индивида определяет важность изучения их роли в процессе социализации.

1.3. Сущность и содержание социализации

Проблема социализации личности является одной из основных в социологии. Социологи изучают прежде всего установленные и действующие в обществе механизмы передачи социального опыта от поколения к поколению, соотношение процессов и институтов социализации, а также социально типическое, характеризующее включенность индивида в общество.

Как уже отмечалось, социальное в человеке не противостоит биологическому и не проистекает из него. С рождения человек получает такую телесную организацию, в которой запрограммирована возможность ее универсального социально-деятельностного развития. Социальное поведение человека осуществляется на базе взаимодействия его генетической программы и социокультурной программы, которую каждый человек приобретает заново.

Само по себе восприятие социально-культурной программы — это лишь одна из сторон, определяющих поведение человека в обществе.

Другая сторона связана с особенностями индивида (темперамент, склонности и т. д.).

Личность формируется и изменяется в постоянной связи с окружающим миром. Большое влияние на человека оказывает социальная среда, в которой он выступает как объектом, так и субъектом деятельности, благодаря чему создает и изменяет социальную среду и самого себя. Окружение человека оказывает неодинаковое влияние на различные элементы его личности. Что-то больше сказывается на ее проявлениях, что-то меньше.

Социализация представляет собой двусторонний процесс (1) постоянной передачи обществом и (2) освоения индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей, стереотипов поведения, социально-психологических свойств для успешного функционирования в обществе.

Социализация является процессом становления личности, постепенного усвоения ею требований общества, приобретения социально значимых черт сознания и поведения, что позволяет ей интегрироваться в общество, в различные типы социальных общностей.

Важнейшими сферами социализации являются деятельность, общение и самосознание.

Выделяются две фазы социализации — социальная адаптация и интериоризация. *Социальная адаптация* — это приспособление индивида к социальным условиям, ролевым функциям, нормам и социальным ожиданиям, к среде его жизнедеятельности. *Интериоризация* — это процесс включения социальных норм и культурных ценностей в сознание человека.

Установлено, что нормы и ценности первоначально используются людьми в процессе совместной деятельности и общения друг с другом, а лишь затем при определенных условиях интериоризируются, трансформируются в эффективные способы внутренней психической деятельности человека. Процесс социализации обычно разделяют на этапы (стадии). Чаще всего выделяются два основных, но качественно различных периода. Первый — это «первичная социализация» — от рождения человека вплоть до формирования зрелой личности. Второй этап — «вторичная социализация», или ресоциализация, понимается как своеобразная перестройка личности (не столь, правда, существенная) уже в период зрелости.

1.4. Основные институты социализации

Институтами или агентами социализации называют те социальные общности, социальные институты и организации, которые выступают трансляторами социального опыта новым поколениям. Многие институты социализации используют для этого материально-техническую базу, высококвалифицированные кадры, отработанное содержание, технологии, способы и процедуры. В современном обществе сложилась множественность институтов социализации, развивающихся по своим собственным законам.

Во всех обществах ведущий институт социализации индивида — семья, которая в особенности на ранних этапах личностного развития играет определяющую роль.

Важнейшие *институты* социализации — система образования, средства массовой информации и коммуникации, производственный коллектив, культурные учреждения, религия и т. д. Важнейшими *агентами* социализации выступают группы сверстников, а также конкретные люди — отец, мать, учитель.

Институты и агенты социализации не выстраиваются в единую иерархическую систему. Кроме того, социализация включает в себя не только осознанные, контролируемые, целенаправленные воздействия, но и стихийные, спонтанные процессы. Все это усиливает вероятностный характер социализации, расширяет автономию формирующейся личности, что необходимо для ее гибкости, способности самостоятельно принимать решения, противостоять внешнему давлению. Вместе с тем такая автономия может приводить к социальной патологии, отклоняющемуся поведению.

1.5. Типы социализации

Социализация, являясь сложным многосторонним процессом, может быть классифицирована по различным критериям. Прежде всего критериален характер самой социальности общества, обуславливающий механизм регуляции социальной жизни.

По характеру социальности общества могут быть выделены следующие типы социализации: естественный, примитивный, сословный, стратификационный, единообразный, регламентированный, патерналистский, конформистский, либеральный, гуманистический, моносоциокультурный, полисоциокультурный. В каждом обществе обнаруживается широкий спектр типов социализации с преобладанием того или иного типа.

В качестве другого классификационного критерия рассматривается содержание социализационного процесса, позволяющее различать такие типы социализации, как познавательная, профессиональная, правовая, политическая, трудовая, экономическая и др. Например, профессиональная социализация предполагает обретение индивидом профессии, вхождение в профессиональную среду и реализацию накапливаемого профессионального опыта.

Третий критерий, связанный с результативностью социализации, позволяет выделить успешную, нормативную, кризисную, отклоняющуюся, принудительную, реабилитационную, преждевременную, ускоренную, запаздывающую социализацию, а также ресоциализацию и де-социализацию, о которых речь пойдет позже.

Успех социализации зависит от того, как общество, социальные общности, социальные институты и организации целенаправленно, преднамеренно и непреднамеренно влияют на личность. Установлено, что баланс институциональных и внеинституциональных влияний на личность является условием успешной социализации. Нарушение этого баланса в пользу стихийных каналов социализации, а также дисбаланс внутри институтов социализации в пользу нецеленаправленных, не выверенных средств воздействия снижает интенсивность усвоения нормативных элементов культуры, научения социально одобряемому ролевому поведению.

1.6. Оценка результативности социализации

В качестве *критериев социализированности личности* выделяются: 1) содержание сформированных установок, стереотипов, ценностей, «картин мира» человека; 2) адаптированность личности, ее нормотипическое поведение; 3) социальная идентичность. Однако главным критерием социализированности выступает не степень ее приспособленчества, конформизма, а степень ее независимости, уверенности, раскрепощенности, инициативности, незакомплексованности¹.

Специфика социологического анализа социализации состоит в выделении социально типического как совокупности доминирующих параметров и характеристик процессов интеграции индивидов в общество, в изучении того, что является определяющим в достижении нормы социализации, каковы основные причины отклоняющейся социализации.

Особенность социологического изучения социализации личности связана и с двойственностью объекта исследования «личность — общество». Одно из компромиссных решений заключается в избегании полюсных (только объективистских или только субъективистских) подходов.

2. Норма и отклонение в социализации

2.1. Социализационная норма

Как уже отмечалось, в теории социализации изначально рассматривались различные параметры результативности социализации. Установлено, что этот процесс никогда не может быть эффективным на сто процентов. Успешная или неудачная социализация зависит от того, насколько сработали все составляющие ее условия и факторы. Одним из аспектов исследования этого процесса стал поиск путей преодоления и предупреждения отрицательных эффектов усвоения людьми сложившихся в обществе убеждений и образцов поведения, приобретения социального опыта, а также трудных ситуаций, возникающих в процессе вхождения индивида в социум.

Многолетние исследования проблем социализации, поиск теоретических и методологических подходов, позволяющих глубже понять и объяснить процесс социализации и его результативность, позволили выдвинуть и обосновать ряд концептуальных положений².

В широком смысле *социализационная норма* определяется как результат успешной социализации, позволяющей индивидам и обществу воспроизводить социальные связи, общественные отношения и культурные ценности и обеспечивать их дальнейшее развитие. На *индивидуальном уровне* социализационная норма представляет собой многомерный эталон социализированности человека с учетом его возрастных и индивидуально-психологических характеристик. На *уровне общества* эта норма

¹ См.: Основы социально-психологической теории: учеб. пособие / под общей ред. А. А. Бодалева и А. Н. Сухова. М.: Междунар. педагог. академия, 1995. С. 71.

² См.: Ковалева А. И. Социализация, личности: норма и отклонение. М., 1996; Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М., 1999.

представляет собой устоявшуюся совокупность правил передачи социальных норм и культурных ценностей от поколения к поколению.

Социализационная норма рассматривается как мера социализированности индивида, обусловленная параметрами социальности данного общества. Такая норма представляется проекцией социальности на человека, которая осуществляется агентами социализации и самим индивидом. Мера освоения общественных качеств индивидом материализуется в социальных проектах, которые варьируются в широких рамках социальной жизни конкретного общества. В результате человек артикулирует и актуализирует свою социальную природу, осуществляя в предложенных обществом границах собственный выбор. Баланс и глубина объективных и субъективных сторон социализации детерминированы и обществом, и индивидом.

Социализационная норма тесно связана с социальной нормой, но не сводима к ней. Суть различия состоит в назначении той и другой нормы: для социальной нормы таким назначением является регуляция поведения индивида и группы, для социализационной — регуляция вместе с освоением нормы (адаптация к ней и ее интериоризация индивидом, как основного свойства, как *differentia specifica*). Цель регуляции передача социальной нормы. Субъектно-объектная сторона регулирования определяется отношениями «передающий — усваивающий» («учитель — ученик»).

Какова же природа социализационной нормы? Дело в том, что развитие социальности как общественного и окультуриваемого состояния жизни людей происходило вместе с эволюцией осмысления индивидом своего социального становления и объективации субъективных смыслов, интернализации и экстернализации продуктов человеческой деятельности. В условиях примитивного способа производства общественной жизни социализация индивидов носила только естественный характер. Она предполагала освоение индивидом тонкой социальности, мера которой не была упорядочена из-за примитивности социальных связей, отсутствия общности символических значений.

Развитие языка, а затем и письменности, роль которых в движении человечества к цивилизации общепризнанно, поставило возможности социализации на новую ступень, расширило границы транслируемых от поколения к поколению социально значимых символов, стереотипов поведения, обычаев, традиций, верования, знаний.

Смена «естественной» социальной среды целерационально и ценностнорационально «сконструированной» социальной средой способствовала упорядочиванию процесса социализации. Практики социализации становились регулярными, отшлифовывались, приобретали свою устойчивость, получали легитимацию (объяснения и оправдания) сначала в различных построениях языка, в обычаях, традициях и церемониях, а впоследствии в текстах и правовых актах. Новации в случае их одобрения передавались новым поколениям вместе с рудиментами традиционных, в том числе древнейших, социализационных практик. В обществе постепенно сложилась совокупность правил воспроизвод-

ства социальной сущности человека, установились эталоны личностного развития, т. е. фактически происходила институционализация социализационной нормы.

Социализационная норма может быть представлена тремя ее основными типами: *идеальным, нормативным, реальным*.

Идеальный тип социализационной нормы определяется общественными идеалами и строящимися на их основе ориентирами личностного развития. Этот тип нормы может быть как очень далек от реальности, так и достаточно приближен к ней, являясь как бы декларативным вариантом желаемых моделей социализации, отраженных в манифестах, политических программах, целях воспитания и т. д.

В основе *нормативного* типа лежат формализованные положения о том, каким должен стать человек, что могут и должны сделать соответствующие социальные институты для обеспечения интеграции индивидов в общество. Этот тип социализационной нормы мало подвижен. Он имеет границы с небольшими колебаниями альтернативных возможностей и, как правило, ориентирован на всеобщие, обязательные для всех (хотя бы и в пределах дифференцированных социальных статусов) траектории жизненного пути (образование, трудовая деятельность, участие в политике) и идентичности личности.

Реальный тип социализационной нормы отражает статистическое большинство результатов социализации индивидов данного общества в конкретный исторический период его развития. Реальная социализационная норма, имея, как правило, много сходства с ее нормативным типом, нередко существенно отличается от последнего, вплоть до противоположности. При этом социализация может оставаться соответствующей реальной норме. Она имеет широкую вариативность, основывающуюся на автономии формирующейся личности. Например, социализационная функция семьи, нашедшая отражение в нормах законодательства, может реализовываться как на основе толерантных взаимоотношений родителей и детей, так и на основе авторитарного воспитания, а возможно, и насилия. Все варианты могут иметь место независимо от общественной системы, в которой создана и функционирует семья. Большая амплитуда колебаний может отмечаться в стихийных воздействиях каналов социализации. Реальная социализационная норма как статистическая характеристика результативности интеграции индивидов в социум имеет и нетипические образования. Огромная пестрота социализационных практик в современном обществе расширяет границы реальной нормы социализации, усиливает ее периферийные участки, затрудняет ее эмпирическую фиксацию. Латентная сторона реальной нормы связана со скрытыми путями и способами децентрализованной социализации, затрагивающей в большей или меньшей степени того или иного индивида. Поэтому даже при высокой степени централизации и унификации социальных стандартов в обществе люди имеют не только природные, генетически предопределенные различия, но и великое множество социализационных различий. Этот феномен

усиливается в обществе постмодерна, где сужаются границы централизации и унификации.

Идеальный тип составляет собой ядро социализационной нормы. Нормативный тип можно представить окружающим ядро расширенным пространством, которое прозрачно, понятно, рационально, ограничено, но границы мягки, легко раздвигаемы: дистанция между «должным» и «возможным» в реальной жизни может быть велика. Реальный тип социализационной нормы, распространяющейся аморфным слоем за нормативным пространством, имеет слабую прозрачность, он неоднороден, подвижен, без четко обозначенных границ. Его периферийные участки как бы «продавливают» новые границы нормативности и отклонения. В отличие от идеального и нормативного типов реальная социализационная норма имеет зыбкую и неустойчивую границу с отклонением в социализации. Подвижность этой границы позволяет фактически каждой социализационной траектории выходить за рамки нормы, иметь хоть какое-нибудь отклонение, замеченное или не замеченное в оценках объективных и субъективных сторон результативности социализации.

Для изучения действия социализационных норм в обществе следует выделить по крайней мере три уровня их функционирования: нормы социализации индивидов, которые обусловлены как биологическими, так и социальными факторами¹; нормы для социальной группы, детерминированные особенностями конкретной совокупности индивидов, ее типических черт; общесоциализационные нормы, отражающие состояние развития общества, параметры его социальности, общественные идеалы, ценности и механизмы социализации.

Социализационная норма обусловлена параметрами социальности данного общества. Ее регуляторами выступает культура, социальные нормы и ценности. В ее изменениях не просматривается тенденция к тотальной упорядоченности и всестороннему контролю процессов социализации индивидов. Социализационная норма коррелируется с социальными типами личности, доминирующими в обществе, с возрастной характеристикой индивида, его статусными притязаниями.

Формализация такой нормы осуществляется в законодательных и иных нормативных правовых актах, имеющих прямое или косвенное отношение к социальному воспроизводству человеческого потенциала общества, фиксируется в различных уставах, программах, положениях, инструкциях и других документах, регулирующих жизнедеятельность людей в социальных институтах и организациях, выступающих агентами социализации индивидов. Социализационная норма представлена в ценностном сознании членов общества, а также является важнейшим компонентом общественного мнения, выступающего в данном случае важнейшим неформальным регулятором поведения людей.

¹ Ковалева А. И., Реут М. Н. Социализация неслышащей молодежи. М., 2001; Жуковская Т. Социализация людей с ограниченными интеллектуальными возможностями / пер. с польск.; под ред. и с предисл. А. И. Ковалевой, В. А. Лукова; Моск. гуманит.-социальн. академия. Кафедра социологии. М., 2001.

Социализационная норма специально проектируется и культивируется в качестве возрастнo-нормативной на основе определенных ценностных оснований и других ориентиров развития. Например, в таком институте социализации, как система образования, эта норма закладывается в концепциях и программах различных его ступеней.

В условиях общественных перемен социализационные нормы трансформируются. Во-первых, утрачивается или претерпевает коренные изменения общественный идеал, что ведет к обновлению идеального типа личности как ориентира для всеобщего подражания или размыванию такого образца. Во-вторых, пересматриваются нормативы жизнедеятельности людей, что определяет новые условия и механизмы социализации, становление новых социальных типов личности. В-третьих, изменяется реальное поведение людей¹.

Если попытаться в целом оценить состояние социализации индивидов в обществе, то можно столкнуться с рядом трудностей. Во-первых, трудно оценить эффективность социализационного механизма, действующего в обществе, из-за широты его функционирования, наличия в нем как организованных и упорядоченных, так и стихийных агентов и каналов социализации. Во-вторых, представляется крайне сложным уяснить уровень социализированности индивида, его соответствие социализационной норме. Процесс социализации индивидуален, протекает постоянно, в течение всей жизни человека, а также имеет как внешнюю сторону адаптацию, так и внутреннюю интериоризацию. В-третьих, процесс социализации не прямолинеен. Динамичность этого процесса из-за сложности объективных и субъективных факторов не позволяет представить его полную картину. И, в-четвертых, процесс интеграции индивидов в общество не является простой суммой процессов социализации отдельных индивидов. Он имеет как типические для представителей той или иной социальной группы черты, так и другие социальные характеристики, которые слабо заметны или неуловимы вообще на уровне личности.

Социологическое исследование результативности социализации целесообразно вести с учетом различных уровней абстракции, так как социализационные процессы происходят как с индивидуальными субъектами, действующими на микроуровне, так и в объективно существующем обществе, т. е. на макроуровне. Здесь неизбежно упрощение самого общества как многомерного социального феномена, представляющего собой самостоятельно развивающийся организм. При этом совершается абстрагирование от того, что оно состоит из индивидов и движется индивидами.

Еще больше упрощение происходит на уровне индивида. Поскольку учесть индивида — значит учесть каждого индивида, в частности — учесть особенности социализации каждого молодого человека.

Социализация призвана обеспечить постоянный личностный рост. Но это не значит, что она происходит как поступательное движение

¹ См.: Ковалева А. И., Луков В. А. Указ. соч.

вверх. Это сложный, противоречивый, динамичный процесс, который особенно в молодые годы сопровождается кризисами. Одни кризисы удается преодолеть, другие нет. Человек не всегда может справиться с кризисом социализации и дальнейшее развитие его личности может пойти не по восходящей¹.

Принято признавать социализацию успешной, если индивид осваивает необходимые социальные роли, усваивает одобряемые данным обществом, социальной общностью ценности, социальные нормы, стереотипы поведения.

2.2. Отклоняющаяся социализация

Социализация не всегда бывает успешной. Более того, ее результат практически никогда не достигает идеала как на социальном, так и на личностном уровне, а само общество, его социальные институты и организации не реализуют сполна свои социализационные функции. Всегда остается некоторый неиспользованный резерв возможностей. Может происходить и определенный перекося в «наложении» социальности на личность, в результате в личности преобладают нежелательные для общества черты. Кроме того, сам человек, представляя собой сложнейшее социальное, психологическое и биологическое образование, даже при позитивных внешних для него условиях может оказаться за чертой социально одобряемого поведения.

Социализация индивида почти всегда имеет отклонение. При этом социализационная норма может не выполняться в процессе социализации и не достигаться как ее результат. Отклонение определяется несоответствием социализации как объективного и субъективного процесса сложившейся в данном обществе на конкретном историческом этапе социализационной норме. Оценить глубину и масштабность отклоняющейся социализации достаточно сложно. При анализе процесса социализации социолог располагает эмпирически фиксируемыми характеристиками, но значительная часть явлений остается вне поля зрения исследователя. Тем не менее можно выявить достаточно много параметров социализации, которые позволяют дать адекватную реальному состоянию оценку этого процесса².

Критерии отклонения, т. е. ненормы социализации, можно вывести по различным основаниям, исходя из ракурса анализа — социального (состояние общества, институтов социализации, характер стихийных влияний и т. д.), типичного личностного и группового (девиантное поведение, кризисы социализации, кризисы социальной идентичности и т. д.).

Отклоняющаяся социализация может быть рассмотрена шире, чем такое ее проявление, как девиантность. Можно сосредоточиться на анализе условий социализации и механизмов социализационного процесса, хода самого процесса в различных сферах, изучении кризисов социа-

¹ См.: *Смелзер Н.* Социология / пер. с англ.; науч. ред. издания на рус. яз. В. А. Ядов. М., 1994.

² См.: *Ковалева А. И.* Социализация личности: норма и отклонение. М., 1996.

лизации и социальной идентичности, выявлении тенденций, которые могут привести к отклонениям в асоциальном и антисоциальном проявлениях.

Анализ отклонений социализации молодежи можно провести на основе интерпретации данных о ее отклоняющемся поведении, обнаруживающем несоответствие сложившимся ожиданиям, моральным и правовым требованиям общества. Отклоняющееся поведение детерминировано неудавшейся социализацией. Некоторые формы отклонений могут встречаться и в случае нормального процесса социализации, представляя собой временное и случайное явление (болезнь индивида, опьянение и т. д.) и даже длительные и стойкие состояния (физические дефекты, неврозы, психозы и т. д.). Отклоняющееся поведение отличают от аномального, обусловленного мозговой патологией.

Наряду с делинквентным (преступным) и крайними формами девиантного поведения существует огромное множество других отклонений в поведении молодежи. Речь идет о таких асоциальных поступках, когда молодой человек не совершает правонарушений и не переходит запретный моральный барьер, когда он выполняет всякого рода предписания, но его поведение не соответствует социальным ожиданиям, дезорганизует людей. К такого рода отклонениям можно отнести: ложь, обман, грубость, бездействие, пассивность, агрессивность, раздражительность, конфликтность, халатность и многое другое. Слабые и случайные проявления таких отклонений легко устранить, но устойчивые их формы преодолеваются с трудом и могут привести к нарушениям правил и правопорядка.

Необходимой предпосылкой успешной социализацией индивида является конформизм. Но если индивид развивается только по внешним для него установкам, не утверждает свою субъектность, то конформизм будет чрезмерным. Для социализации такой конформизм есть отклонение, так как социализация предполагает не пассивное приспособление индивида к социальной среде при его податливости, а активную адаптацию человека к изменяющимся условиям, воспроизводство социальных норм и культурных ценностей, а также их преобразование на основе инновации. Особо опасным становится конформизм в случае «давления» на человека асоциальных и антисоциальных группировок, когда индивид принуждается к экстремизму, бунту, религиозному фанатизму, наркотизму, преступлениям и т. д.

Проявлением отклоняющейся социализации является кризисная социализация. Жизненный путь личности сопровождается преодолением многих кризисов социализации, выступающих как кризисы личностного роста, неудовлетворенности человека своим социальным или личностным статусом. Не все кризисы удастся преодолеть. Нередко человек не справляется с ними. Недостижимость желаемой идентичности, непосильность быть таким, каким требует общество или предписывает социальная группа. Непреодолимость планки Я-идентичности может породить глубокое разочарование, конфликт человека с обществом, социальной группой, с самим собой. В нестабильном, анемичном

обществе такие нарушения социализации приобретает широкую распространенность. В кризисном обществе размывается характеристика социального типа личности, расширяется область незрелой идентичности, увеличивается возможность ее негативной, отрицательной стороны фиксации получают высокую интенсивность в обществе, переживаемом кардинальные социальные изменения. Обеспечивая успешность социализационных процессов, общество сохраняет свою идентичность как конкретный общественно-исторический организм, как самоидентичный народ, которому не представляет угрозы осада чужих ценностей и культурные. В кризисном обществе отношения личности и общества не отрегулированы. Нередко предписанные индивиду функции и роли, реально выполняемые им в обществе, не совпадают. Индивид не находится в гармонии со своей реальной функцией, которая ему навязана принудительно.

Такая ситуация чаще всего складывается с молодежью. Расширение пространства для самостоятельного выбора действий молодежи имеет как положительные, так и отрицательные стороны и может стать условием для развития отклоняющейся социализации. Одним из распространенных проявлений такой формы отклонений является ускоренная социализация. Она связана с преждевременным обретением молодежью социальных ролей и вынужденной идентичностью. Это и ранее вынужденное приобщение детей и молодежи к труду, и ранние браки или создание брачных пар, и разжигание сексуальных страстей, и раннее деторождение, и различные формы социальных девиаций.

В данном случае можно говорить о принудительной социализации как разновидности социализационной ненормы. Принудительная социализация рассматривается здесь как не соответствующий социализационной норме процесс преждевременного освоения подрастающим индивидом социальных ролей взрослого человека, вынужденного подражания суррогатным моделям индивидуального и группового поведения, вынужденного действия, неразборчивого освоения низкопробных образцов культуры.

Понятие «принудительная социализация» не может относиться к характеристике любой социализации как регламентированного процесса, на который обречен каждый человеческий индивид в обществе себе подобных. Социализация не может обойтись без регламентации. Но не всякая регламентация есть принуждение. Не всякий контроль ограничивает свободу. Свобода в извращенном понимании как вседозволенность может стать продуктом деформированного общества и его институтов, быть не естественным условием развития личности, а принудительным элементом ее беспорядочного вхождения в общество.

Принудительная социализация происходит с индивидом в случае его отчуждения от установленного в обществе процесса становления личности (брошенные родителями дети, беспризорные, безнадзорные дети, юные бродяги, бомжи и т. д.) или частичной утраты влияния институтов социализации, когда берут верх стихийные случайные каналы социализации.

Принудительная социализация в особо организованном и регламентированном варианте представлена в исправительных учреждениях, где в условиях изоляции проходят реабилитацию девианты. В данном случае принудительная социализация не может рассматриваться как отклонена. Здесь она воплощает в себе реакцию общества на отклоняющуюся социализацию в ее крайних проявлениях.

В кризисном обществе расширяются масштабы сдерживания процесса социализации, когда социум не располагает достаточными условиями для своевременного полноценного участия индивидов в общественной жизни. Этому способствует как снижение социальных гарантий на получение молодежью образования и профессии, трудоустройство, свертывание культурных, спортивных, оздоровительных программ, так и падение уровня жизни в стране, ухудшение криминальной ситуации. Перечисленные явления в совокупности вызывают как ускоренную, так и запаздывающую социализацию, когда для молодежи неоправданно откладывается обретение набора социальных ролей взрослого человека, сужаются рамки ее самостоятельности, развивается инфантилизм.

Отклонения в социализации, выявленные по разным признакам, могут быть преодолены путем *коррекции* социализационного процесса, содержание которой определяется в зависимости от того, что не выполняется или нарушается в социализационной норме, какова степень отклонения, в чем оно проявляется или может проявляться.

Наиболее трудно поддается изменениям в лучшую сторону социализация как совокупность установленных обществом социокультурных процессов, когда в обществе изменяются условия, а его социализационная функция не отрегулирована. А в кризисном обществе коррекция социализации связана с лечением самого социума.

Коррекция на уровне институтов социализации не менее сложна. Например, частичное изменение социализационного процесса в системе образования может быть связано с поправками в законодательстве об образовании, пересмотром образовательных стандартов, программ, подготовки и переподготовки педагогических кадров, строительством учебных заведений, увеличением финансирования и т. д.

Коррекция социализации на уровне конкретных социальных групп и отдельных индивидов становится предметом социальной работы. В случае отклонений в поведении индивидов, квалифицируемых как преступления, индивид подлежит ресоциализации в исправительных учреждениях.

3. Сущность и содержание правовой социализации

Правовая социализация представляет собой одну из областей освоения подрастающим поколением социального мира, его нормативной составляющей. В общем плане правовая социализация трактуется как необходимая и важная часть общей социализации и соотносится с ней как часть и целое. «Правовую социализацию можно определить как про-

цесс приобщения индивида к социально-правовой среде, включающей познание правовых принципов и норм, формирование позитивно-оценочного отношения к ним, овладения навыками правового поведения и общения, освоение социально-правовых ролей и соответствующих им прав и обязанностей, формирование правовых установок и ценностно-правовых ориентации, в результате чего индивид приобретает систему личностных свойств и качеств, необходимых для адекватного функционирования в сфере правового регулирования»¹.

Следует отметить, что в социологической литературе тематика правовой социализации не является популярной. В большинстве учебников и учебных пособий по юридической социологии она специально не выделяется². Наиболее глубокую концепцию правовой социализации в российской социологии разработали академик РАН В. Н. Кудрявцев и профессор В. П. Казимирчук. Рассмотрим основные положения этой концепции.

В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук подчеркивают, что правовая социализация органическая часть процесса общей социализации индивида представляет собой «специфическое проявление ее общих законов в сфере формирования и развития индивидуального политического и правового сознания, правовой культуры. Правовая социализация в своем развернутом виде означает все более полное осознание человеком, гражданином своей социальной роли, места в социальной структуре общества, выработку самосознания представителя класса, члена партийной группы, все более широкое включение в социально-правовые отношения, наполненные их личностным содержанием. Этот процесс происходит непрерывно в течение сознательной жизни человека»³. В указанных базовых характеристиках правовой социализации проявляется ее сущность.

Что же составляет специфику правовой социализации? По мнению В. Н. Кудрявцева и В. П. Казимирчука, особенности правовой социализации состоят в ее строгой конкретности, направленности и определенности, поскольку гражданин живет и проявляет свою активность в определенном обществе, т. е. в системе, имеющей свою собственную историю и свою собственную логику культурного, социального, политического и экономического функционирования⁴. По их мнению, здесь более всего существен фактор признания государством за личностью определенного объема ее прав (различие происходит по принципу: предоставляет ли государство личности автономный статус или оставляет ее системой зависимости). Другое существенное обстоятельство — сте-

¹ Давитнидзе И. Л., Жеругов Р. Т. Правовая социализация как фактор формирования жизнеспособного поколения // Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: науч. сессия Ин-та молодежи, 28 февр. 1996 г. / Ин-т. молодежи. М., 1996. С. 84—85.

² См., например: Юридическая социология: учебник для вузов. М.: Норма, 2000.

³ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М.: Юристъ, 1995. С. 105.

⁴ Там же. С. 105.

пень динамичности социальных изменений (формируется ли личность в условиях стремительных трансформаций или в системе давно устоявшихся социально-культурных воззрений). Восприятие отношений между управляющими и управляемыми, установки по отношению к государству тоже изменяются в зависимости от проникновения государственной власти в сферу личных интересов, особенно в области социальной защиты. Все это не позволяет рассматривать процесс правовой социализации абстрактно. Из конкретного характера правовой социализации также следует то, что она «есть средоточие конфликтующих начал. Идея конфликтности заключается в самом понятии множественности групп, и, следовательно, множественности групповых принадлежностей. Тот, кто соглашается с множественностью групп: социальных, политических, половозрастных, семейных, культурных — согласен тем самым с разнообразием кодов, систем ценностей и норм. Личность может сталкиваться с ситуациями самого широкого диапазона: от гармонического созвучия до полного диссонанса. Поэтому значительно проще понять правовую социализацию как накопление различных видов опыта, гармонично дополняющих и обогащающих друг друга, и постичь однородность среды социализации как совокупность групп, в лоне которых накапливается личный опыт, что является, и это надо особо подчеркнуть, благоприятствующим фактором передачи и укрепления социальных ценностей»¹.

Такой подход к правовой социализации означает одновременно отказ от широко распространенной практики ее понимания как процесса накопления правовых знаний и реализации определенных воспитательных программ. Иначе говоря, очевидно, что правовая культура личности, включая и личность молодого человека, может замеряться по показателям знаний, умений и навыков. Но по этим замерам вряд ли может быть охарактеризована правовая социализированность такой личности. В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук подчеркивают, что смешение информации и социализации недопустимо в силу того, что в их природе и качестве существуют различия. «Само понятие информации еще не содержит в самом себе порядка, организации, интенсивности. Для нас же важнейшим является изучение того, как происходит интериоризация знаний, т. е. их включенность в совокупность всей информации, приобретенной ранее, и их оценка в соответствии с социальным статусом и ролью личности в обществе»².

Значение понимания правовой социализации как непосредственно зависящей от политической системы и конкретной социально-политической ситуации раскрывается в ряде исследований, проведенных под руководством Ф. Э. Шереги. Наибольший интерес представляет исследование «Образ российской государственности в массовом сознании поколений», проведенное в 1999 г. Центром социального прогнозирования. Для теоретического анализа имеет значение уже то, как строилась выборка в исследовании. В основу выборки лег принцип когортного анализа

¹ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Указ. соч. С. 106.

² Там же. С. 108.

и соответственно были определены 5 возрастных групп. Основная цель исследования предполагала сопоставительный анализ поколений в возрасте 18—25, 26—36, 37—47, 47—57, 57—67 лет. В разъяснение принципов отбора респондентов Ф. Э. Шереги сообщает: «Если вести отсчет осознанной социализации индивида (осознанного усвоения им социальных норм и превращения некоторой их части в свои ценности) с 7—8 и до 16—17 лет, то периоды социализации для упомянутых когорт: 57—67 лет — 1940—1957 гг.; 47—56 лет — 1950—1967 гг.; 37—46 лет — 1960—1977 гг.; 26—36 лет — 1970—1988 гг., 18—25 лет — 1982—1997 гг.»¹. Этот подход позволяет исследователю непосредственно сопоставить те или иные установки респондентов с ценностно-нормативной системой, доминировавшей в период их политической и правовой социализации.

Ф. Э. Шереги отмечает, что переходный период для России означает трансформацию и производственных отношений, и социальных институтов, и мировоззрения населения. Подобные исторические изменения не происходят одномоментно и требуют длительного этапа реформ. «В данном случае эволюция, по сути, означает смену поколений. Дело в том, что формирование новых производственных отношений и превращение считавшихся ранее антагонистическими мировоззренческих, правовых и нравственных норм общественной жизни в индивидуальные или групповые ценности происходит не в вакууме, во всяком случае, для подавляющей части населения. Большинство прошло этап социализации в существенно различающихся политических условиях (диктатура И. Сталина, «оттепель» при Н. Хрущеве, «застой» при Л. Брежнев, распад государства при М. Горбачеве, шоковая терапия при Б. Ельцине), поэтому речь идет не просто о формировании новых, а о замене большей части норм предшествующей политической системы, общественных отношений и социальных ценностей. Все это накладывает свой отпечаток на становлении правового сознания россиян, которое должно стать неотъемлемым атрибутом демократического правового государства»².

Вслед за автором необходимо отметить, что названная трансформация не носит универсального характера. Она прямо связана с тем, в каких условиях шла социализация того или иного поколения и что в этот период считалось социально приемлемым, что выражало идею социальной справедливости. Модели права, правового сознания и правового поведения предопределялись политической системой и той ценностной структурой, которая была характерна для определенного этапа развития общества. В силу сказанного оценка правовой социализации не может не базироваться на доминантах политических отношений, реализуемых основными политическими институтами, прежде всего государством, а применительно к советскому периоду — правящей политической партией и системой ее «привозных ремней» к массам (государство, профсоюзы, комсомол и др.). «Поколения наших соотечественников проходили

¹ Шереги Ф. Э. Социология права: прикладные исследования. СПб.: Алетей, 2002. С. 14.

² Там же. С. 15—16.

социализацию в идентичных идеологических, но в разных политических, а значит и правовых условиях, — отмечает Ф. Э. Шереги. — Причем модели политических отношений в пору становления ценностной структуры разных поколений изменялись по широчайшему спектру: деспотия — автократия — бюрократия — принципат — олигархия. Хотя все эти модели носили в большой степени эклектичный характер, их влияние на правовую практику, правовое поведение и становление правосознания масс являлось определяющим. Следовательно, говоря о становлении правового сознания населения России в настоящее время, следует иметь в виду особенности трансформации именно той структуры правосознания поколения, которая была усвоена им как социально справедливое в условиях тех или иных политических реалий»¹.

Это положение требует некоторых уточнений. Разделение советской и постсоветской истории на фрагменты по признаку моделей политических отношений на деспотию, автократию, бюрократию, принципат, олигархию несколько затемняет характер правовой социализации разных поколений, привнося в структуру их сознания несвойственные им и недостаточно ясные (применительно к описываемой истории) понятия. В литературе последних лет обнаруживается стремление маркировать каждый из периодов по какой-то одной черте, часто отрицательной, для того чтобы произвести дифференциацию, но такой подход может быть и тенденциозным.

В качестве аналогии приведем использование для обозначения советского строя понятия «тоталитарный». В постсоветской литературе это определение усвоено из западной социологии и политологии с существенным изменением смысла. В первоначальной западной версии этот термин обозначал такой режим, который основан на системе массового террора, порождающего в стране атмосферу всеобщего страха. Именно этому страху, принизывающему все поры общества, давалась характеристика тотальности. Таков смысл термина у Х. Арендт, которая первая ввела его в научный оборот. Согласно Х. Арендт, в СССР период тоталитаризма заканчивается со смертью Сталина. Таким образом, перенесение характеристики тоталитаризма на последующую советскую историю, если исходить из классического понимания тоталитаризма у Х. Арендт, означает игнорирование его «самой чудовищной — а, главное, атрибутивной! — особенности, а именно: геноцида, системно осуществляемого по классовому (большевизм) или расовому (национал-социализм) признаку»². Данные, полученные в исследовании Ф. Э. Шереги, показывают правомерность такого подхода. Индекс идентичности поколения, социализация которого приходится на период сталинских репрессий, существенно отличается от индекса идентичности вех других поколений. Положительные оценки периоду сталинизма дают 67,8% опрошенных в возрасте 57 лет и старше, в других возрастных группах картина такова: 47—56-летние — 30,1%, 37—46-летние — 37,5%, 26—36-летние — 30,7%,

¹ Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 16.

² Давыдов Ю. Н. Ханна Арендт и проблема тоталитаризма // Новое и старое в теоретической социологии. Кн. 1 / под ред. Ю. Н. Давыдова; Ин-т социологии РАН. М., 1999. С. 145.

18—25-летние — 16,7%¹. Таким образом, первая из выделенных групп отличается от второй в 2,3 раза, от третьей — в 1,8 раза, от четвертой — в 2,2 раза, от пятой — в 4 раза. Наименьший разрыв почти в два раза четко показывает, что социализационный водораздел проходит между поколениями, сформировавшимся в годы тоталитаризма, и всеми другими поколениями россиян.

Для изучения правовой социализации больше подходит персонализация того или иного этапа российской истории, что и сделано практически в исследовании Ф. Э. Шереги («СССР при И. Сталине», «СССР при Н. Хрущеве» и т. д.). Это деление не имеет строго исторического характера и неточно воспроизводит обстоятельства жизни на том или ином этапе социально-экономического и политического развития страны, зато оно гораздо ближе к повседневным оценкам людей и к тому, как они структурируют реальность. В целом концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана² и ее модификации в российской социологии (применительно к социологии молодежи — у А. И. Ковалевой и В. А. Лукова³) создают наиболее адекватную теоретическую рамку для исследования правовой социализации.

Если иметь в виду современную молодежь, то ее правовая социализация приходится на периоды Ельцина и Путина, что означает для нас преимущественное внимание к тем особенностям политической системы, правовой системы, состояния общественного сознания (прежде всего в вопросах ориентации на ту или иную ценностно-нормативную систему), которые характерны для этих двух периодов.

Какие же черты названных периодов определяют направленность и характер правовой социализации молодежи?

Для периода Ельцина характерны⁴:

— утрата одной из ведущих общественных ценностей советского человека: ценности единой и мощной мировой державы, какой был СССР;

— ликвидация институтов советской власти (прежде всего системы советов, составлявших основу конституционного строя в период СССР);

— ведение полномасштабной войны на собственной территории;

— частые смены руководства исполнительной властью;

— силовое подавление сопротивления высшего органа законодательной власти, принятие конституции, существенно расширяющей

¹ Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 26.

² См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания: пер. с англ. М.: Медиум, 1995.

³ См.: Ковалева А. И., Луков В. А. Указ. соч.

⁴ Представленные характеристики периода Ельцина и ниже периода Путина основываются на контент-анализе ряда публицистических и аналитических изданий за 2003—2010 гг., в том числе: «Аргументы и факты», «Совершенно секретно», «Свободная мысль», «Общественные науки и современность», «Мир России». Изучено 342 опубликованных материала. В сводный перечень характеристик включены те, которые встречались более чем в 10 материалах.

властные функции президента и закрепляющей значительную автономию субъектов РФ;

- принятие значительного числа законов, легитимизирующих действия, которые приводят к ухудшению положения людей труда и обогащению небольшой группы, присвоившей государственную собственность;

- правовой беспредел, коррупция в правоохранительных органах;

- разгул организованной преступности, войны «бригад» за передел собственности, череда заказных убийств политиков, бизнесменов, деятелей науки и культуры, журналистов и др.;

- ослабление силовых ведомств, их частые перестройки, появление альтернативных государству форм защиты интересов граждан и организаций (охранники в школе, на предприятиях, в местах досуга, частные детективы, металлические двери в квартирах и т. д.);

- потеря у значительной части молодежи интереса к продолжению образования, стремление к быстрому обогащению любой ценой, активное освоение незаконных форм предпринимательской деятельности;

- быстрый рост социальных патологий: алкоголизма, наркомании, проституции и др.

По итогам ельцинского периода в докладе Совета по национальной стратегии «Риски и угрозы для России в 2003 году» эксперты указали на особое значение таких угроз, как растущую концентрацию экономических и политических ресурсов в руках узкой группировки, слабо связанной с национальными интересами страны, и разложение государственного аппарата, его ориентацию на обслуживание крупных финансово-промышленных групп: «Это группа сверхкрупных бизнесменов, сконцентрировавших в своих руках контроль над ключевыми экономическими, административными и информационными ресурсами. Эти люди называют себя элитой и «локомотивом роста». На самом деле «поводыри» не отвечают двум главным требованиям, предъявляемым к элите: они пренебрегают национально-государственной и социальной ответственностью... Эти люди не рассматривают интересы России как свои собственные цели и установки. Это синдром временщиков»¹.

Подобные оценки высказываются во многих экспертных заключениях.

В целом в период Путина некоторые из черт, характеризующих политическое и правовое пространство в ельцинский период, претерпели изменения. Для периода Путина характерны:

- усиление государственных настроений, укрепление вертикали исполнительной власти;

- использование административного ресурса для ослабления оппозиции, уменьшения присутствия и влияния оппозиционных партий в органах законодательной власти;

- укрепление силовых ведомств, их более эффективная работа, более частая апелляция к правовым механизмам;

- попытка при помощи правовых средств ограничить власть олигархов (дела Березовского, Гусинского, Ходорковского и др.);

¹ См.: Костиков В. Что и кто мешает России // Аргументы и факты. 2003. № 13. С. 6.

- активизация внешней политики, свидетельствующая о стремлении России восстановить свое влияние в мире;
- значительный рост терроризма, теракты приобретают регулярный характер, в том числе в отношении мирных жителей, детей (Беслан);
- проведение непопулярных в народе социальных реформ (монетаризация льгот, реформы в здравоохранении, образовании и др.).

Эти характеристики относятся к макросоциальному уровню, тем не менее для процесса правовой социализации молодежи они выступают как основные, формирующие содержание. Это связано с тем, что правовая социализация обладает особым механизмом перевода информации с макро- на микросоциальный уровень. Этот механизм исследователи проблемы правовой социализации молодежи И. Л. Давитнидзе и Р. Т. Жеругов описывают следующим образом: «на макросоциальном уровне в качестве социально-правовой среды выступает, по существу, вся правовая система (в единстве права, правовой идеологии и юридической практики). А “ретранслятором” формирующих воздействий этой системы на личность служит социальная микросреда»¹. В итоге личность воспринимает право в преломлении ближайшего социального окружения — семьи, друзей, учителей и т. д.

В таком случае обозначенные выше черты социально-правовой среды на макросоциальном уровне не могут не порождать существенные девиации на микросоциальном уровне, которые становятся источником правовой социализации для новых поколений, по крайней мере значительной его части.

Нельзя не учитывать, что правовой беспредел, разгул преступности находятся не вне молодежи, а внутри молодежной среды и ее ближайшего взрослого окружения. По расчетам, сделанным В. А. Луковым, с 1990 по 2000 г. состав лиц, совершивших преступления, численно увеличился почти в 2 раза (с 897,3 тыс. до 1741,4 тыс. человек), а в возрастной группе 18—24-летних в 2,5 раза (с 189,5 тыс. до 465,4 тыс. человек). В 2000 г. к лицам, совершившим преступления, были отнесены 932,8 тыс. молодых россиян (14—29 лет), т. е. более половины (53,6%) всех преступников. «Что это означает для современного состояния молодежной среды в России? Расчет на базе официальной государственной статистики показывает, что число молодых россиян, хотя бы раз совершивших преступление (по установленным фактам), в данное время составляет примерно 6 млн человек, или одну пятую часть молодежи в возрасте 14—30 лет»².

Для процесса правовой социализации это создает особые деформационные условия. В социологии девиантного поведения установлены важные последствия социально-правовой среды, формирующейся в условиях правового беспредела на макросоциальном уровне. Так, выявлено, что человек тем больше усваивает образцы делинквентного поведения, чем чаще с ними сталкивается и чем моложе его возраст.

¹ Давитнидзе И. Л., Жеругов Р. Т. Правовая социализация как фактор формирования жизнеспособного поколения. С. 84.

² Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России // Социол. исследования. 2002. № 10. С. 80.

При исследовании ценностей, которые разделяют подростки, выросшие в среде правонарушителей, американские социологи выделили шесть наиболее ценимых в этой среде качеств:

- 1) умение не сболтнуть лишнего в полицейском участке;
- 2) умение быть жестким и настойчивым;
- 3) умение «дать сдачи»;
- 4) умение быстро заработать деньги;
- 5) умение всех перехитрить;
- 6) умение устанавливать связи с преступным миром¹.

Приводя эти результаты, В. И. Добренков и А. И. Кравченко пишут: «Чем больше очков подростки набирали в перечисленных шести пунктах, тем с большей вероятностью они втягивались в преступную деятельность. И чем раньше подросток попадал в неблагоприятную среду, тем быстрее и прочнее усваивались негативные нормы поведения»². Применительно к российским условиям следует иметь в виду, что такого рода умения (о которых идет речь в исследованиях американских социологов) также оказываются полезны для молодого человека, которых действует в ситуации правовой неопределенности и ослабленных механизмов защиты прав человека и гражданина. В конечном счете в среде молодежи происходит такое явление, как делинквентный дрейф³ — ослабление отрицательной реакции на нарушение правовых норм на основе того, что такие нарушения повсеместны, «так все делают».

Следует признать делинквентный дрейф общей характеристикой правовой социализации молодежи в современной России. Об этом свидетельствуют данные, приводимые в государственных докладах о положении молодежи⁴, результаты исследования правового поведения и правонарушений⁵.

Здесь возникает противоречие в содержании свойственной для современной России правовой социализации. С одной стороны, суть этого

¹ Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000. С. 410—412.

² Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология: в 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 465.

³ Термин, введенный в социологию Д. Матзой. См.: Matza D. Delinquency and Drift. N. Y.: Wiley, 1964.

⁴ См.: Положение молодежи в Российской Федерации: 1995 год: Доклад Государственного комитета Российской Федерации по делам молодежи Правительству Российской Федерации / Гос. ком-т Рос. Федерации по делам молодежи. М., 1996; Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика: Государственный доклад / Гос. ком-т РФ по делам молодежи. М., 1998; Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2000—2001 годы / Минобразование РФ. М.: Изд-во МГСА «Социум», 2002; Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год / Минобразования России. М.: Логос, 2003.

⁵ См.: Актуальные проблемы наркоситуации в молодежной среде: состояние, тенденции, профилактика / Минобразования РФ. Центр социол. исследований, М.: ЦСП, 2004.

процесса — формирование законопослушных граждан, ориентированных на идею правового государства и готовых к исполнению закона. Напомним, что, согласно концепции В. Н. Кудрявцева и В. П. Казимирчука, правовая социализация означает все более полное осознание человеком, гражданином своей социальной роли и места в социальной структуре, идентификацию с классом, партией, все более широкое включение в социально-правовые отношения¹. Но это скорее идеальный тип правовой социализации. В реальных условиях современной России ориентации новых поколений на правовое поведение существенно деформированы.

Если учитывать особенности социально-правовой среды, в которой происходит правовая социализация молодежи, то неизбежно признание того, что в массовом порядке в современной России происходит освоение одними и теми же людьми двух разных ориентационных комплексов, или, согласно тезаурусной концепции социализации², двух тезаурусов. Один из них опирается на формальный правовой порядок, основанный на всей системе права и официальных институтах государства. Другой представляет собой накопленный в повседневной практике опыт неправового поведения и взаимодействия с криминальным сообществом. Это, в частности, определяется тем, что по своему механизму процесс социализации прежде всего состоит в идентификации с социальными группами, к которым данный субъект принадлежит или которые он сам себе выбирает³. А наличие трех каналов правовой социализации (сопутствующих, но неравнозначных по ценности и важности) — научения, передачи опыта и «символической» социализации⁴ — предопределяет параллельность социализационных влияний.

Вслед за В. Н. Кудрявцевым и В. П. Казимирчуком отметим, что наряду со сферой научения и приобретения личного опыта существует не менее существенный канал воздействия на сознание и поведение — «символическая» социализация. Правовая социализация не обязательно должна основываться на выводах, рожденных из непосредственного включения в политическую и юридическую практику или вследствие прямой конфронтации с политической реальностью. Выводы могли сформироваться в значимых для индивида референтных группах (например, в политической партии) или в масштабах класса, общества в целом. Из таких слов, как «страна», «нация», «семья» индивид конструирует свое представление о реальности и о характере политической и правовой системы. Но не образ порождает схему, а наоборот. Авторы концепции правовой социализации подчеркивают: «Такого же рода соображения можно высказывать и для гораздо большего числа понятий.

¹ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Указ. соч. С. 105.

² См.: Луков В. А. Тезаурусная концепция социализации // Дискурс: социол. студия. Вып. 2: Социальная структура, социальные институты и процессы / под общ. ред. В. А. Лукова. М.: Социум, 2002. С. 8—19; Луков Вал. А., Миневиц Я. В. Будущие политики: социализация студентов, ориентированных на профессиональную политическую деятельность. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2005.

³ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Указ. соч. С. 104.

⁴ Там же. С. 108.

Закономерен и сам вывод о правильности такого подхода к изучению явлений социализации. С известным преувеличением можно даже сказать, что представление о понятии “страна” интересует нас не столько с точки зрения пространства, каким бы истинным оно ни было, а с точки зрения социального и правового микрокосмоса. Это представление имеет определенный смысл с точки зрения социального и политического реализма, и именно на подобном уровне его следует изучать»¹.

Если для В. Н. Кудрявцева и В. П. Казимирчука «символическая» социализация оказалась соединенной с позитивными агентами социализации, то в нашем случае правомерно выйти за их круг и утверждать, что точно те же механизмы воздействия присущи любым другим агентам социализации, если они относятся к числу значимых для индивида. Из этого следует, что криминалитет сегодня должен рассматриваться как один из важнейших агентов правовой социализации молодежи. Его влияние многообразно и захватывает как установки на насилие, недоверие к власти и праву, так и ослабленный самоконтроль, безразличие к повседневным нарушениям прав человека и гражданина и т. д.

¹ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Указ. соч. С. 109.

ЛЕКЦИЯ 23. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

- Понятие и структура правовой культуры.
- Правовая культура как составная часть общей культуры.
- Социальная роль правовой культуры и ее основные функции.

Понятие и структура правовой культуры

1. Понятие правовой культуры как социального по своей природе и характеру явления указывает на отношение лица, круга лиц или всего общества к действующему в пределах той или иной страны и за ее пределами праву. Правовая, равно как и любая иная культура, подобно науке и образованию, по мере развития человеческой цивилизации и расширения связей между народами, наряду с национальными особенностями, все больше приобретает интернациональные черты.

К настоящему времени, несмотря на значительное внимание, которое уделяется в течение довольно длительного периода отечественными и зарубежными исследователями вопросам правовой культуры¹, еще не выработано общего, своего рода «универсального» представления, а тем более — единого определения понятия данного феномена. По подсчетам некоторых авторов, существуют сотни самых различных определений понятия и «образов правовой культуры как цели правового воспитания»², которые отражают разные стороны искомого явления, но не дают о нем цельного представления.

Рассматривая правовую культуру не только в социологическом плане, но и как явление юридического, философского, культурологического и иного порядка, исследователи в одних случаях акцентируют внимание на том, что правовая культура — «это прежде всего система ценностей и норм, укоренившихся в сознании и мотивации, обуславливающих поведение индивида и выражающихся в традициях, стиле взаимоотношения между личностью и правом»³.

В других случаях правовую культуру представляют в виде «состояния общественного сознания социальной практики», сложившихся на основе многократного повторения определенной деятельности, систематического функционирования и взаимодействия различных элементов

¹ Сальников В. П. Социалистическая культура. Саратов. 1989; Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск. 1990; Каминская В. И., Ражнов А. Р. Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974; Бондарев А. С. Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян. Пермь. 2009; Берман Г. Западная традиция права. М., 1994; Van Hoecke M., Warrington M. Legal Cultures, Legal Paradigms and Legal Doctrine; Towards a New Model for Comparative, Law. International and Comparative Law Quarterly. 1998. Vol. 47; etc.

² Бондарев А. С. Указ. соч. С. 9.

³ Агапов Д. А. Правовая культура как элемент гражданского общества. Правовая культура. 2007. № 1 (2). С. 10.

нормативной системы общества — права, морали, традиций, обыкновений и т. п.¹

В третьих случаях правовая культура рассматривается как *«совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании»*, воплотившая достижения правовой мысли, юридической техники и практики². Добавляется при этом, что понятие правовой культуры общества *«характеризует более всего ценностный срез правовой реальности»*, уровень ее поступательного развития, включенность в нее завоеваний цивилизации³.

В четвертых же случаях правовая культура как *часть «культурно-мировоззренческой парадигмы»* и одновременно как часть *«определенных ценностей, которые отражают духовную сущность общества определенного исторического периода»* в теоретическом и практическом плане представляется в виде *«качественного состояния правовой системы»*, определенной *«степени развития личности и общества»*⁴.

Наряду с названными, существует, без преувеличения, множество и других представлений, а вместе с ними и определений понятия правовой культуры. Анализ высказанных мнений и суждений по данному вопросу со всей очевидностью свидетельствует о том, что, отражая определенную часть объективной реальности, в качестве каковой выступает правовая культура, подавляющее большинство из них заслуживает неосменной поддержки и одобрения.

Однако уязвимость каждого из них, взятого в отдельности, как отмечалось, заключается в том, что, раскрывая ту или иную сторону правовой культуры, они не дают цельного, всестороннего представления о рассматриваемом явлении. *«Сотни существующих определений культуры, — справедливо отмечается в специальной литературе, — к сожалению, не охватывают ее конструктивно и целиком»*⁵.

Во избежание подобного изъяна в представлении о правовой культуре и определении ее понятия наиболее рациональным представляется не вдаваться в поиски очередных дефиниций данного феномена, именного правовой культурой, а сосредоточить внимание на выделении и рассмотрении ее основных черт, свойств и других особенностей⁶.

¹ Боботов С. В. Правовая социализация индивида // Правовая система социализма. Функционирование и развитие. Кн. 2 / отв. ред. Васильев А. М. М., 1987. С. 146; Поленина С. В., Скурко Е. В. Право, гендер и культура в условиях глобализации. М., 2009. С. 49—50.

² Сальников В. П. Правовая культура // Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. 3-е изд. / отв. ред. Марченко М. Н. М., 2007. С. 508.

³ Там же. С. 509.

⁴ Петручак Л. А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 11, 12.

⁵ Чучин-Русов А. Е. Культурно исторический процесс: форма и содержание. Вопросы философии. 1996. № 4. С. 3.

⁶ См.: Проблемы формирования правосознания и правовой культуры современного российского общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. С. И. Герасимова. М., 2012.

В числе последних необходимо обратить внимание на ее основные признаки и черты, выделяющие правовую культуру как социальное явление среди других соотносящихся с ним социальных явлений.

На вопрос — что собой представляет правовая культура, в плане формирования о ней адекватного суждения, представляется важным указать прежде всего на следующие ее особенности.

Во-первых, на то, что она является составной *частью* и вместе с тем *разновидностью общей культуры человечества*, создаваемой и развиваемой сменяющимися друг друга поколениями.

Формирование и развитие правовой, равно как и любой иной разновидности общечеловеческой культуры в пределах той или иной страны или за ее пределами, — это не единовременный, а весьма сложный и долговременный процесс, сопровождающийся сочетанием в себе элементов новизны с элементами преемственности.

В качестве одного из многочисленных примеров можно сослаться на процесс формирования правовой культуры постсоветского общества, которая, будучи одной из разновидностей общей культуры, находящейся на переходном этапе, хотя и в разной степени, но сочетает в себе элементы новой, либеральной правовой культуры и идеологии, с сохраняющимися элементами прежней, советской правовой культуры.

Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что правовая культура как социальное явление *формируется и порождается* не природой — естественным путем и не потусторонними силами, как утверждает в религиозных изданиях, а *только людьми*.

Совершенно резонно замечание исследователей по поводу того, что «правовая культура немыслима без человека и его деятельности, без прогрессивной направленности этой деятельности и передового мышления» и что она, будучи социальным явлением, охватывает собой « всю совокупность » важнейших ценностных компонентов правовой реальности в ее фактической функционировании и развитии »¹.

Несомненно, в процессе формирования и развития правовой культуры общества и отдельного индивида окружающая их социальная, политическая и иная среда играет трудно переоценимую роль. Однако человек и общество выступают в ней не только в качестве объектов воздействия с ее стороны, но и в качестве субъектов формирования и развития правовой культуры, отдельного индивида и всего социума. В данном, равно как и в других подобных случаях, существует не односторонняя, а двусторонняя — прямая и обратная — связь между создаваемой человеком социальной и иной средой, с одной стороны, и процессом формирования им и функционирования правовой культуры — с другой.

Исходя из того, что по отношению к правовой культуре индивид и социум выступают одновременно как субъект и объект, в научной литературе не без оснований предлагается выделять в ее содержании объективный и субъективный «пласты». В реальной жизни, рассуждает

¹ Право и культур / отв. ред. Н. С. Соколова. М., 2002. С. 387.

в связи с этим Г. И. Муромцев, «происходит постоянное взаимодействие объективных и субъективных элементов (или «пластов») культуры». Первый из них «есть культурная среда, формирующая человека как носителя данной культуры» и одновременно — «система координат», в рамках которой происходит его жизнедеятельность». А второй «пласт» является лишь субъективным отражением культурной среды как среды обитания человека в его сознании»¹.

В-третьих, важно отметить, что, выступая в виде совокупности правовых ценностей, выработанных человечеством на протяжении многих столетий и тысячелетий², правовая культура характеризует *качественное состояние правовой жизни общества*, которое выражается в достигнутом уровне правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности государственных органов, уровне законности и правопорядка в стране, степени гарантированности конституционных и всех иных прав и свобод граждан².

В-четвертых, рассматривая правовую культуру, необходимо обратить внимание на то что она, как и любая иная разновидность общечеловеческой культуры, в реальной действительности проявляется не только в «идеальном» виде — на уровне правовых «эмоций, профессионального правосознания и т. п., *но и в материализованном, опредмеченном» виде.*

Правовая культура законодателя, например, материализуется в принимаемых им нормативно-правовых актах; высших судебных органов англосаксонского права и национальных правовых систем, которые признают правотворческие полномочия судов, — в порождаемых ими судебных прецедентах; отдельно взятых индивидуумов — в заключаемых ими письменных договорных актах и т. д.

Предметы правовой культуры, обладая своей формой и содержанием, позволяющим им вести относительно самостоятельную «жизнь», как верно подмечается А. С. Бондаревым, выступают в качестве «передаточного средства воздействия правовой культуры одних субъектов права на правовую культуру других»³. Причем это может происходить не только в период активной деятельности субъектов-создателей и носителей правовой культуры — при их жизни, но и после ухода их с общественной или общественно-политической арены — после смерти человека (сохраняющий силу договор, завещание, оформленное в письменном виде и т. п.) или реорганизации, породившего тот или иной правовой акт государственного органа.

В-пятых, следует указать на то, что правовая культура, характеризуя прежде всего ценностный срез правовой действительности, по природе своей является *в значительной степени оценочным феноменом*. Она, по справедливому замечанию исследователей, «как и собственно культу-

¹ Муромцев Г. И. Европейская правовая культура // *Философия права*. Курс лекций. Т. 2 / отв. ред. М. Н. Марченко М., 2011. С. 6.

² Подробнее об этом см.: *Вопленко Н. Н.* Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000. С. 41—43.

³ Бондарев А. С. Указ. соч. С. 22.

ра, скорее лежит в сфере оценок «кто мы» нежели того, «что мы делаем»¹. Хотя это вовсе не исключает, а, наоборот, всячески предполагает, что ключевой задачей правовой культуры является формирование социальной активной личности, развитие в человеке, с одной стороны, ответственного отношения к своим правам и обязанностям, а с другой — воспитание в нем активного и последовательного борца за укрепление законности и сохранение стабильного правопорядка в стране.

Обладая оценочным и вместе с тем ценностным характером, правовая культура как социальное явление, имеющее довольно ярко выраженную цель, охватывает собой *только позитивные, ценностные компоненты правовой действительности*, в том числе деятельности субъектов права — юридических и физических лиц.

Что же касается негативных компонентов правовой действительности, то они вполне обоснованно относятся исследователями к *правовой антикультуре*, которая коренится только в дефектном правовом сознании и неправомерном поведении субъектов права, действующих именно в данное время и в данном правовом пространстве»².

2. Наряду с отмеченными особенностями, правовая культура отличается от других однородных явлений и иными признаками и чертами. Как в теории, так и в реальной действительности, будучи тесно связанной с такими явлениями и отражающими их понятиями, как *правовая система, правосознание, правовая жизнь, публичное и частное право* и др., правовая культура, имея с ними много общего, обусловленного тем, что все они являются однородными социальными феноменами, непосредственно связанными с государственно-правовой материей, в то же время значительно отличается от них и соответственно не отождествляется с ними.

По своему логическому и фактическому объему правовая культура гораздо шире каждого из этих явлений и их понятий. Отражая в себе и характеризуя качественный уровень правового состояния общества на том или ином историческом этапе его развития, правовая культура не находится «рядом положенной» с правовой жизнью, правовой системой или другими однородными явлениями и отражающими их понятиями. Она *находится в каждом из них*, пронизывает и питает собой каждый из них, включая само право, правосознание, правовые отношения, законодательную, правоприменительную и правоохранительную деятельность государственных органов, а также законность и правопорядок³.

Данную, довольно специфическую особенность правовой культуры как социального явления, проступающую по отношению к другим, однородным с ним социальным явлениям, следует, как представляется, особо

¹ Поленина С. В., Скурко Е. В. Указ. соч. С. 50.

² Бондарев А. С. Юридическая ответственность и безответственность — стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб., 2008. С. 99.

³ Сальников В. П. Социалистическая правовая культура. Саратов, 1989. С. 26; Петручак Л. А. Указ. соч. С. 21.

учитывать как при рассмотрении понятия правовой культуры, так и при анализе других ее сторон, в частности, ее *структуры и содержания*.

Следует заметить, что в научной литературе в отношении последних, так же как и в вопросах понятия правовой культуры, нет общей позиции и представления о них; над единством мнений преобладает разнობой.

Так, если у одних авторов, рассматривающих правовую культуру в виде системы «определенных правовых идей, нравственных норм и других духовных ценностей, формирующих правосознание и направляющих поведение социальных групп, коллективов и отдельных личностей» в соответствии с требованиями права и законности¹, — в качестве элементов структуры правовой культуры представляются соответственно «определенные правовые идеи», нравственные нормы и другие духовные ценности. То с точки зрения других авторов, исходящих из того, что правовая культура составляет «внутреннюю ментально-духовную сторону правовой системы общества и пронизывает правосознание, право, правовые отношения, законность и правопорядок, правотворческую, правоприменительную и любую иную юридическую деятельность»², — в качестве структурных элементов ее рассматриваются такие правовые явления, как правосознание, правовые нормы, правоотношения и др.

Наряду с данными представлениями о правовой культуре, а точнее — о ее структуре и составляющих ее элементах, в качестве последних, при рассмотрении правовой культуры в виде «степени освоения правовых ценностей», выделяются также не только и даже *не столько сами элементы, сколько их «уровневое состояние»*. При этом в структуре правовой культуры и в ее содержании вычленяются «уровневые состояния» позитивного права, правосознания, состояние правовой деятельности правотворческих и правоприменительных органов, а также «правомерное поведение граждан, характеризующееся степенью исполнения требований законности, состоянием правопорядка в обществе»³.

Подобно «уровневому состоянию» права, правосознания и других компонентов, в некоторых случаях в качестве составных частей — структурных элементов правовой культуры рассматриваются не сами правовые явления, а их культура⁴ — культура правосознания, культура правовых отношений, культура правовой деятельности различных государственных и общественных институтов, культура и уровень правомерного поведения граждан и должностных лиц и т. д.

Однако независимо от того, представляются ли составные части правовой культуры, именуемые элементами ее структуры, в виде «уровневого состояния» или же — «культуры» различных правовых явлений, речь неизменно идет не только и даже не столько о тех или иных сторонах и свойствах рассматриваемых феноменов, сколько о самих явлениях.

¹ Чхиквадзе В. М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства // Коммунист. 1970. № 14. С. 51.

² Социология права: учеб. пособие / под ред. В. М. Сырых М., 2001. С. 112.

³ Петручак Л. А. Указ. соч., С. 22.

⁴ Агапов Д. А. Правовая культура как элемент гражданского общества. С. 10.

В этом смысле несомненно правы те исследователи, которые рассматривают структуру правовой культуры в виде совокупности взаимосвязанных между собой и взаимодействующих друг с другом таких явлений — элементов, как *право*, выступающее в виде системы норм, издаваемых или санкционируемых государством (позитивное право); *правосознание*, проявляющееся в виде системы духовного отражения правовой действительности; *правовые учреждения*, обеспечивающие правотворческую, правоприменительную и правоохранительную деятельность государства; *правоотношения*, возникающие между различными субъектами права; *правомерное поведение* граждан и *деятельность* различных государственных и общественных институтов, осуществляемая в соответствии с действующим законодательством¹.

В реальной действительности данные *социальные явления в целом* со всеми их атрибутами, а не отдельно взятые признаки или «уровневые состояния» являются составными частями — структурными элементами правовой культуры. В противном случае следовало бы в нарушение элементарной логики, признать, что «культура» или «уровневое состояние» правосознания, права или любого иного социального явления способно существовать само по себе, в отрыве от «своего» явления, а последнее, в свою очередь, — само по себе, отдельно от порождаемых им свойств и состояний.

Правовая культура как часть общей культуры

1. Будучи весьма сложным и многогранным явлением, пронизывающим собой всю социальную государственно-правовую материю, правовая культура не возникает и не существует в изоляции от других примыкающих к ней и окружающих ее экономических, политических, идеологических и иных явлений. Между правовой культурой, с одной стороны, и окружающей ее средой — с другой существуют постоянные прямые и обратные связи, в результате которых правовая культура оказывает соответствующее воздействие на окружающую ее среду, а последняя — на правовую культуру — на характер и уровень ее развития, на ее содержание, структуру, формы проявления.

Наиболее тесные, генетические по своей природе и характеру связи существуют между правовой культурой и общечеловеческой культурой, как ее называют, или культурой всего общества, которая представляется в виде «исторически сложившейся системы общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, в соответствии с которыми формируется образ жизни и осуществляется социальная регуляция отношений между людьми»².

В теории и в реальной действительности, как было отмечено, правовая культура является *составной частью — разновидностью общей культу-*

¹ Каминский В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры. Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 42—43; Сальников В. П. Правовая культура. С. 512; и др.

² Право и культура / отв. ред. Н. С. Соколова М., 2002. С. 385.

ры общества, создаваемой в течение всего процесса исторического развития человеческой цивилизации совместными усилиями сменяющих друг друга поколений.

В структурном и содержательном отношении культуру всего общества традиционно подразделяют на *материальную культуру*, характеризующую определенный уровень развития на том или ином этапе социальной эволюции материального производства, техники, технологии и т. п., и *духовную*, или *духовно-нравственную культуру*, указывающую на определенный уровень развития и восприятия в обществе духовных ценностей. В научной литературе ее трактуют как «производство, распределение и потребление духовных ценностей», как процесс «созидания и освоения всего духовного богатства общества»¹.

Кроме того, в попытках формирования адекватного представления о культуре общества как исходного и основополагающего материала для глубокого и разностороннего понимания правовой культуры, понятие культуры как таковой рассматривается дифференцированно, дуалистически — в широком и узком смысле.

Культура общества в *«широком» смысле* представляется в зависимости от позиций авторов, или в виде совокупности «материальных и духовных ценностей, являющихся результатом общественно-исторической трудовой деятельности человечества» или же в виде некоей исторически изменчивой «конструкции мира», в пределах которой живет и созидает человек, а вместе с тем развивается общество. Понятием культуры в данном случае охватывается все то в окружающей среде, что создано человеком в отличие от того, что создано природой².

Понятием культуры в *«узком» смысле* охватывается, как правило, лишь сфера духовной, духовно-нравственной жизни общества, либо отдельные, специфические сферы жизнедеятельности общества, различных социальных групп и отдельных людей. Имеется в виду, в частности, культура труда, быта, различных отраслей промышленности, сельского хозяйства, художественная культура и т. д.

Разумеется, независимо от того, рассматривается ли культура общества в широком или узком смысле, она неизменно остается в рамках того или иного социума единым, целостным явлением, «распадающимся» в зависимости от сфер жизнедеятельности общества, форм проявления и других особенностей на те или иные разновидности в виде политической культуры, культуры хозяйственной деятельности, культуры умственного труда, культуры общения и др.

Правовая культура в этом отношении, будучи неотъемлемой составной частью духовной, духовно-нравственной культуры (культуры в «узком» смысле) не является исключением. Наряду с политической и другими разновидностями и сферами общей культуры общества, правовая

¹ Межуев В. М. Понятие культуры // Коммунизм и культура. М., 1976. С. 33.

² История мировой культуры. Наследие Запада / отв. ред. С. Д. Серебряный М., 1998. С. 14; Муромцев Г. И. Европейская правовая культура. С. 5; и др.

культура выступает как относительно самостоятельная, но в то же время органически связанная с ней *разновидность общей культуры*.

Являясь неотъемлемой составной частью общей культуры общества, правовая культура, по ее подобию, в обобщенном виде может быть сведена к таким ее характеристикам, согласно которым она представляется: а) как особая сфера и форма деятельности, связанная с мышлением, с творчеством, различными — правовыми и иными формами поведения; б) как общий уровень развития общества, его просвещенности, и рациональности на пути «от дикости к цивилизованности»; в) как сумма общественных, в том числе государственно-правовых достижений, благодаря которым «человек выделяется из природы и выходит за рамки биологической детерминации»; г) как «специфическая система норм, ценностей и смыслов», отличающих одно общество от другого или одни части общества (профессиональные, статусные, социальные) от других, и способствующих усилению самобытности общества и его интеграции; и д) как «духовное измерение всякой деятельности», в котором формируются ее мотивы, принципы, правила, цели и смыслы¹. При этом особо подчеркивается в литературе, что «культура предстает как духовный компонент совокупного производства, обеспечивающий поддержание и изменение этого производства и общественных отношений в целом»².

Наряду с данными характеристиками у культуры общества как целостного явления и у правовой культуры как неотъемлемой части этого явления имеются и другие общие моменты, причем не только в формах проявления, но также в структуре и содержании.

Соотносясь между собой как общее и особенное, они тем не менее обладают весьма сходными моментами, проявляющимися, в частности, в том, что в их структуре и содержании обнаруживаются как объективные, так и субъективные положения, именуемые, как было отмечено, «пластами».

Кроме того, у каждой из них теоретически и фактически выделяются две такие, подчеркивающие их своеобразие и идентифицирующие их стороны, как внешняя — видимая и внутренняя — невидимая сторона³.

В рамках общей культуры общества как таковой, ее внутренняя и внешняя стороны, оставаясь сходными по всем основным параметрам с соответствующими сторонами правовой культуры, в то же время, вполне естественно, наполняются не только новым, но и более емким содержанием.

В частности, внешняя сторона культуры как таковой, помимо правомерного поведения дополняется также поведением лица или группы лиц в соответствии с требованиями, содержащимися не только в правовых, но и всех иных актах, действующих в данном обществе. Что же касается

¹ Право и культура. С. 75.

² Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1998. С. 34.

³ Бондарев А. С. Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян. Пермь, 2009. С. 21.

внутренней стороны общей культуры общества, то она объективируется не только в правосознании субъектов права, но и в политическом, религиозном и других видах их сознания.

2. Рассматривая правовую культуру как разновидность и неотъемлемую составную часть общей человеческой культуры, необходимо обратить внимание не только на их содержательную, но и на методологическую сторону их познания. А именно на то, что, несмотря на «иерархический» характер отношений рассматриваемых явлений как общего и особенного, оба эти феномена — общая и правовая культура, как сложные и многогранные явления могут быть исследованы с применением одних и тех же *методов* (системного, сравнительного и др.) и *подходов*.

Среди последних в научной литературе в процессе познания культуры выделяются три основных подхода: антропологический, философский и социологический. С упреждением на специфику исследуемой материи они в равной мере могут быть использованы как при изучении общей культуры общества в целом, так и правовой культуры.

При *антропологическом подходе* понятием и содержанием культуры воспринимается все то материальное и духовное, что создано трудом человека в отличие от того, что создано природой. Положительная сторона антропологического подхода, отмечают исследователи, заключается «в широте анализа, поскольку культура рассматривается как проявление самых разнообразных сфер общественной жизни»¹.

В процессе познания правовой культуры с позиций антропологического подхода, следуя логике, в поле зрения исследователя должно находиться все то, что создано поколениями в сфере права — в теории и на практике, независимо от его социальной значимости и полезности.

При *философском подходе* культура воспринимается в виде «универсального свойства общественной жизни», как определенный «способ бытия общества». Основное внимание исследователей при этом сосредоточивается не на отдельных фрагментах «бытия общества», а на анализе процесса развития и функционирования всего социального организма в целом.

Наконец, при *социологическом подходе* в процессе анализа культуры как универсального свойства общественной жизни на первом плане стоит не только и даже не столько общесоциальное, сколько личностное восприятие исследуемой материи, представление о культуре как о совокупном результате совместной деятельности каждого человека².

Правовая культура общества при этом зачастую рассматривается «не сама по себе», а сквозь призму правовой культуры отдельно взятого индивидуума, личности, которая, как верно констатируется в научной литературе, «будучи компонентом правовой культуры общества и зависимой от нее величиной» в то же время «отражает степень и характер

¹ Сальников В. П. Правовая культура. С. 504.

² Полищук В. И. Культурология. М., 1998. С. 17—18.

ее развития, так или иначе обеспечивающего социализацию личности и правомерную деятельность индивида»¹.

Без преувеличения можно сказать, что правовая культура личности лежит в основе правовой культуры всего общества, служит ее предпосылкой и ее созидательным началом. Будучи в значительной степени обусловленной правовым состоянием общества и подверженным постоянному прямому воздействию с его стороны, правовая культура личности оказывает в свою очередь обратное воздействие на правовое состояние общества, на его правовую культуру².

Социальная роль правовой культуры и ее основные функции

1. Глубокое и всестороннее познание правовой, равно как и любой иной разновидности культуры, с неизбежностью предполагает рассмотрение не только ее понятия, структуры, содержания, но и ее места и роли как социального явления в системе других социальных явлений.

Определение социальной роли правовой культуры в жизни общества непосредственно связано с выявлением *характера ее отношений* с обществом в целом и с образующими его слоями, классами и отдельными членами — уровнем усвоения ими правовой материи и следования правовым предписаниям; с определением *направлений ее развития и совершенствования*, а также — *форм и способов* ее воздействия на окружающую социальную среду; с раскрытием стоящих перед правовой культурой социально-духовных целей и решаемых ею задач.

По поводу последних в научной литературе верно указывается на то, что правовая культура всегда ориентирована гражданским обществом на формирование и развитие правового и политического сознания людей, их ценностно-нормативного комплекса, а тем самым поведения и деятельности их в правовой сфере.

Такого рода воздействие осуществляется различными путями. В частности, путем закрепления определенных правовых взглядов, духовных ценностей, тех или иных правовых ориентаций и наклонностей; путем развития и трансформации содержания правовой идеологии и правового сознания; путем введения в правовое сознание личности, социальных групп и общества в целом новых взглядов, правовых ценностей и идей, а также ломки устаревших правовых стереотипов, взглядов и правовых ценностей³.

Находясь в прямых и обратных связях с обществом, предполагающих обусловленность им правовой культуры и влияния на процесс ее формирования и развития его стороны, правовая культура, как отмеча-

¹ Сальников В. П. Правовая культура. С. 509.

² См.: Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974; Шереги Ф. Э. Социология права: прикладные исследования. СПб., 2002; Бондарев А. С. Правовая антикультура в правовом пространстве общества. Пермь, 2006; и др.

³ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995. С. 121.

лось, в свою очередь, оказывает обратное воздействие не только на отдельные фрагменты, но и в целом *на все общество*.

Влияние правовой культуры на целостную социальную среду в виде всего общества или локального социума осуществляется как *в активной*, так и *в пассивной форме*, которые органически связаны между собой и взаимно дополняют друг друга.

Условно выделяемая *пассивная форма* влияния правовой культуры на соотносящуюся с ней социальную среду *предопределяется самим фактом существования и функционирования правовой культуры* в государственно организованном и упорядоченном с помощью правовых норм обществе.

Будучи органически связанной и взаимодействующей с политической и другими разновидностями общей культуры, правовая культура выступает в качестве своеобразного мерила и показателя уровня правового развития и правового состояния общества, а также степени готовности общества и его членов к дальнейшему позитивному развитию и восприятию новых правовых актов и идей, умений и навыков, к формированию и закреплению новых, прогрессивных правовых ориентаций.

С этих позиций правовая культура, не без оснований утверждается в научной литературе, может квалифицироваться как «определенный характер и уровень деятельности членов гражданского общества» и одновременно как «результат культурной деятельности в сфере права», поскольку «представляет собой совокупность соответствующей степени правовых знаний, умений и навыков общества»¹.

2. Наряду с показателем уровня правового состояния общества и своего рода определителем степени готовности общества и его отдельных членов к восприятию и последовательному развитию новых, прогрессивных правовых идей, нормативных правовых актов и соответствующих правовых ориентаций, правовая культура самим фактом своего существования и функционирования свидетельствует также о тех *негативных явлениях*, которые возникают и развиваются в *правовой сфере* жизнедеятельности современного общества.

Речь идет, в частности, о *правовом нигилизме*, выражающемся в негативном отношении лица или круга лиц к действующему праву, в пренебрежительном отношении одного лица к правам и свободам другого лица, а нередко — и к своему собственному правовому статусу — к своим правам и в особенности к своим обязанностям.

Отличительной чертой правового нигилизма, который может охватывать собой не только отдельные социальные слои, но и все общество, выступает, по справедливому замечанию исследователей, «категоричность, интенсивность отрицания, преобладание в нем нерациональных, субъективных компонентов»².

¹ Петручак Л. А. Указ. соч. С. 28.

² Лукьянова Е. Г. Теория права и государства. Введение в естественно-правовой курс: учеб. пособие. М., 2011. С. 52.

Зачастую правовой нигилизм является следствием правовой неграмотности, а также «духовной (интеллектуальной и нравственной) неразвитости и отсталости индивида». Не будет преувеличением сказать, что правовой нигилизм, низкая правовая культура самым негативным образом отражаются и вместе с тем влияют как на самооценку индивида, так и на его социальную активность и независимость, его социальные и культурные потребности, осознание им своих возможностей дальнейшего развития и самосовершенствования.

В тех же случаях, когда правовой нигилизм распространяется на все общество и государство, следствием этого может быть, как верно отмечается в литературе, недооценка со стороны законодателя и других государственных органов возможностей развития правового регулирования отношений, возникающих в связи с осуществлением гражданами их законных прав и интересов¹.

Помимо свидетельства о существовании правового нигилизма в рамках того или иного общества, правовая культура современного социума, подверженного активному воздействию со стороны происходящих в мире транснациональных процессов — процессов глобализации, указывает также и на другие ему подобные по своим последствиям явления.

В качестве примера можно сослаться на нарастающий кризис модели *мультикультурного общества*, охватывающего не только его общую культуру, но и ее отдельные разновидности, включая *правовую культуру*. Можно указать также на *негативные последствия для национальной культуры вообще и правовой культуры в частности* набирающих силу процессов глобализации.

В этом плане весьма показательны рассуждения китайских исследователей по поводу того, что глобализация уничтожает национальную культурную идентичность и подменяет ее разновидностями западной культуры. В настоящее время, отмечают авторы, «мы потеряли значительную часть нашей уникальной», в том числе правовой культуры и полностью восприняли все то, что есть на Западе, в западной культуре». Одна из возникающих при этом проблем заключается в том, что многие из наших «ученых мужей» — носители национальной культуры «до сих пор полностью не избавились от психологического комплекса, порожденного еще во времена колониализма», в силу чего Китай может быть навечно обреченным в культурно-правовом отношении только следовать за Западом и жить по его правилам и стандартам и никогда при этом не стать равным ему партнером»².

Аналогичная ситуация, связанная с утратой национальной, культурной, в том числе правовой идентификации в условиях глобализации возникает, как свидетельствует общественно-политическая практика многих стран, не только в современном Китае, но и в других государствах, не исключая, разумеется, и постсоветской России, где в значительной мере

¹ Поленина С. В., Скурко Е. В. Указ. соч. С. 50.

² Lau Nai-Keung. No Roots for Culture of Money // China Daily. September 12—13. 2009. P. 4.

благодаря усилиям некоторых либеральных или псевдолиберальных чиновников, оказавшихся по воле случая наверху государственно-властной структуры, в национальную правовую или иную разновидность культуры, в образование и другие сферы жизнедеятельности общества искусственно внедряются западные, в основе своей американизированные, стандарты. С точки зрения интересов всего российского общества и государства, их будущего это чревато весьма негативными последствиями.

3. В повседневной жизни общества и государства пассивная форма правовой культуры, оказывающей постоянное влияние на окружающую социальную среду уже самим фактом своего существования и функционирования, органически сочетается с *активной формой ее воздействия* на общество и государство, на окружающую ее социальную среду.

Подчеркивая активную роль правовой культуры и ее огромную значимость для нормальной жизнедеятельности общества и государства, исследователи с полным основанием констатируют, что в настоящее время успешное решение экономических, политических, социальных и иных задач *невозможно без повышения правовой культуры общества*, воспитания у каждого гражданина глубокого уважения к закону, формирования готовности непосредственно и активно участвовать в претворении нормативных положений в повседневную жизнь¹.

При этом речь идет не только об отдельных сторонах или уровнях развития правовой культуры, но и о совершенствовании данного феномена в рамках того или иного государства и общества в целом. В частности, в развитии ее не только *профессионального уровня*, свойственного людям, профессионально занимающимся правовыми вопросами, или же *теоретического уровня*, на котором правовая культура «представляет собой научные знания о сущности, характере и взаимодействии правовых явлений вообще, всего механизма правового регулирования, а не каких-то его отдельных направлений»². Речь идет также о развитии и совершенствовании *обыденного уровня правовой культуры*, ограниченного повседневной жизнедеятельностью людей, профессионально не занимающихся правовыми вопросами, но постоянно соприкасающихся с правом.

Специфика обыденной правовой культуры такова, подчеркивают авторы, занимающиеся данной проблематикой, что она, «не поднимаясь до уровня теоретических обобщений, проявляется на уровне здравого смысла» и активно используется людьми в их повседневной жизнедеятельности при выполнении ими своих юридических обязанностей и использовании принадлежащих им субъективных прав. На данном уровне правовой культуры заложен «огромный массив цивилизованного каждодневного поведения» людей³.

¹ Аганов Д. А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. 2007. № 12. С. 11.

² Сальников В. П. Правовая культура. С. 515—516.

³ Там же. С. 514.

4. Будучи весьма активным феноменом, непрерывно воздействующим на окружающую его социальную среду, правовая культура выполняет при этом ряд свойственных ее природе и назначению *функций*.

В научной литературе нет единообразного подхода и представления о функциях правовой культуры, об их видах, содержании и классификации. Ибо *в одних случаях*, например, функции правовой культуры подаются в «обобщенном» виде. А именно как «функции высшего уровня», характеризующие правовую культуру как целостное образование; «функции основного уровня», указывающие на основные направления воздействия правовой культуры в целом на окружающую среду; и «функции обеспечивающего уровня»¹.

Соответственно к первому уровню относят функцию «передачи от поколения к поколению правовых ценностей», которая считается доминирующим направлением воздействия правовой культуры. Ко второму уровню — познавательно-преобразовательную функцию, оценочную функцию, регулятивную функцию, коммуникативную и воспитательную функции. И к третьему уровню относят охранительную и прогностическую функции².

В *других случаях* функции правовой культуры рассматриваются не в «обобщенном», систематизированном виде, а каждая из них в отдельности. Соответственно среди них выделяются такие функции, как праворегулятивная, ценностно-нормативная, познавательно-преобразовательная, правосоциализаторская, коммуникативная и прогностическая³.

Разумеется, дело не в том, как подаются и как рассматриваются функции правовой культуры, а в том, чтобы они, во-первых, соответствовали природе и характеру рассматриваемого явления; во-вторых, точно соотносились с целями и задачами, стоящими перед обществом в сфере культуры и права; и, в-третьих, адекватно отражали социальную роль и назначение правовой культуры.

В силу неразрывной взаимосвязи и взаимообусловленности друг другом различных направлений и аспектов воздействия правовой культуры на окружающую социальную среду практически весьма трудно отграничить одно направление или аспект от другого. В этом смысле выделение и классификация функций правовой культуры носят в определенной мере условный характер⁴. Но тем не менее такое выделение и классификация их весьма важны в теоретическом отношении — в плане глубокого и разностороннего познания исследуемой материи — правовой культуры, а вместе с тем — и в практическом плане, в процессе формирования и совершенствования механизма воздействия правовой

¹ Петручак Л. А. Функции правовой культуры // Право и государство: теория и практика. 2009. № 9. С. 6—9.

² Петручак Л. А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование. С. 23.

³ Сальников В. П. Правовая культура. С. 517.

⁴ Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции. М., 2008.

культуры на отдельного индивидуума, локальные социумы и на всю непосредственно связанную с ней социальную среду.

Несомненно, каждая функция правовой культуры имеет весьма важное для нормальной жизнедеятельности общества и государства значение.

Между тем *в практическом плане* основная нагрузка ложится на такие функции, как: *воспитательная*, направленная на формирование устойчивых позитивно-правовых качеств индивида, являющихся основой и залогом его правомерного поведения; *регулятивная* («праворегулятивная») функция, направленная на обеспечение повседневного, устойчивого и эффективного функционирования различных юридических институтов — структурных элементов национальной правовой системы; *охранительная функция*, связанная с активной защитой социально значимых ценностей и вытеснением из социальной среды социально опасных, противоправных явлений; *коммуникативная функция*, направленная на обеспечение общения членов того или иного общества в правовой сфере и создание возможности адекватного восприятия и использования ими правовой информации; *прогностическая функция*, касающаяся научного предвидения и определения основных тенденций и перспектив развития правовых явлений, институтов и учреждений, проблем укрепления законности и правопорядка, обеспечения правомерного поведения граждан и повышения уровня их позитивной социальной активности.

Наряду с названными функциями определенное, не менее значимое в некоторых случаях, практическое значение имеют и другие функции правовой культуры. обстоятельное рассмотрение их требует отдельного монографического рассмотрения.

ЛЕКЦИЯ 24. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ

- Определение правовой культуры.
- Типология правовых культур.
- Правовая культура и обычай.
- Правовая культура и правосознание.

Определение правовой культуры

Правовой культурой в узком смысле слова называют совокупность социокультурных ценностей, которые выражены на языке правовых норм и которыми руководствуются индивид, группа, общество в организации своей жизнедеятельности. Если придерживаться такого понимания правовой культуры, то она может быть охарактеризована как одна из *сфер* (областей) культуры, т. е. автономной целевой подсистемы с отличительными свойствами, не присущими другим сферам. Функция регуляции характерна для различных областей культуры, она присутствует в политической, религиозной, художественной, физической и т. д. культуре. Но в правовой культуре более, чем в других сферах культурной деятельности, регулятивная функция, во-первых, *рационально* упорядочена и, во-вторых, является *главной*, оттесняющей другие функции на второй план.

Правовая культура представляет собой и определенный *аспект* культуры как общего регулятора коллективной жизни людей, поскольку она связана с самыми разными сферами человеческой деятельности. Эти сферы между собой взаимодействуют, и вокруг ядра правовой культуры (или правовой культуры в узком смысле слова) складывается целая система гуманитарных знаний и представлений, выполняющих важные задачи обоснования (вплоть до освящения), многообразного анализа, фиксации, критики правовых норм и социокультурных ценностей. Эти знания и представления берутся из сфер религии, философии, истории, культурологии, социологии, филологии, психологии, педагогики и т. д., а также, разумеется, из сферы права. Они соединяются, группируются и входят важной составной частью в комплексы, позволяющие человеку ориентироваться в окружающей социокультурной среде. Такие комплексы называются *тезаурусами*.

Тезаурус в современной социологии и культурологии понимается как *полный систематический набор данных в той или иной области знания, позволяющий в ней ориентироваться.* Тезаурус отражает иерархию субъективных представлений о мире, он может рассматриваться как часть действительности, освоенная субъектом¹. Тезаурус обладает своеобразным свойством структуры: иерархия знаний в его пределах строится не от общего к частному, а от *своего* к *чужому*. Именно поэтому однородные знания разных людей, а в профессиональной практике — даже разных экспертов могут существенно отличаться по контексту, способам оценки, форме представления и т. д. Из этого обстоятельства возник и правовой институт суда присяжных, ведущий происхождение от тре-

¹ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.

бования к английским судьям XII века опрашивать 12 соседей и свидетелей по существу рассматриваемого дела¹. Хранение знаний в форме тезаурусов (в целом характерное для человека) не позволяет при определении компетентности эксперта основываться только на объеме полученного им профессионального образования.

Представленная в тезаурусах правовая культура уже не так тесно связана с юридическим языком, она опирается на повседневные социальные практики, а именно те, где императивно устанавливаются правила взаимодействия людей (индивидов, сообществ, организаций и т. д.). Это — *правовая культура в широком смысле слова*.

В научной и учебной литературе в разное время излагались и другие концепции рассмотрения правовой культуры², в том числе и в двух планах — в широком и узком смыслах слова. Так, например, Г. В. Назаренко в учебном пособии «Теория государства и права» исходил из того, что «правовая культура в широком смысле — это правовая культура общества, которая охватывает все правовые ценности, в том числе ясные законы, развитую законодательную технику, правовую науку, развитое юридическое образование, совершенную юридическую практику и стабильный правопорядок»; «правовая культура в узком смысле — это культура отдельного лица, которая включает в себя определенный уровень правосознания, качественное овладение умениями и навыками правомерного поведения»³. Существуют и особые теории, в которых «соотношение между обществом и культурой выступает как соотношение не целого и части, а целого и его качества»⁴, что неизбежно приводит к построению иной модели правовой культуры.

Классификация сложных феноменов культуры определяется задачами исследователя, должна быть эффективной при их решении. Поэтому единообразия в классификациях не требуется, обязательным же является объяснение используемых понятий, лежащих в основе развиваемой концепции.

Ценности — основа правовых культур. В социологии права существенное значение придается системе ценностей данного общества, которые и реализуются в правовых нормах,

*Ценности — это разделяемые в обществе (сообществе) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться (терминальные ценности), и основных средств их достижения (инструментальные ценности)*⁵. Ценность — то, что позволяет нам ориентироваться в социальной

¹ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М — НОРМА, 1998: С. 428.

² См., например: Никитин А. Ф. Что такое правовая культура? М.: Просвещение, 1988; Комаров С. А. Общая теория государства и права. М.: Юрайт, 1997; Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2002; и др.

³ Назаренко Г. В. Теория государства и права: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Правовая книга плюс, 2000. С. 100.

⁴ Пермяков Ю. Е. Лекции по философии права: учеб. пособие. Самара, 1995. С. 48.

⁵ См.: Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 660.

среде, реализуя наши стратегические интересы. Ценности императивны, они образуют основу социокультурных позитивных установок и запретов (социокультурных кодов) и базируются на противопоставлении «добра» и «зла», «своего» и «чужого». Именно это разделяет ценности и антиценности. В роли ценностей могут выступить цели и социальные проекты, и в этом случае они также приобретают императивное значение. Эти императивы нередко регулируют обширные зоны человеческой жизнедеятельности.

Роль ценностных факторов в социальной жизни во многом определяющая. И главное — ценности обладают принудительным действием, которое вытекает из их нормативного содержания. Иначе говоря, при помощи ценностей поведение людей вводится в рамки определенных социальных устоев, подчиняется общим правилам коллективной жизни, и это неперенная составляющая процесса *социализации*.

Есть и более прикладное понимание ценностей. Ценности могут рассматриваться как все то, что имеет значение для человека в его жизни. В этом случае к ценностям относятся и предметы материального мира (вещи, здания, еда и т. д.), и произведения искусства, и различные услуги, в которых люди нуждаются, и многое другое из сферы обыденной жизни. Однако и здесь сохраняется природа ценностей как жизненных ориентиров человека, как регуляторов отношений между людьми.

В понятийный словарь гуманитарных наук термин «ценность» был введен в XIX в. немецким философом и ученым Рудольфом Лотце. По его характеристике, ценность существует лишь в ее значимости для субъекта и в то же время объективна, обладая общезначимостью для индивидов. Лотце связал понятие ценности с проблемой понимания и отметил двойственность ценности, ее субъективно-объективную природу. В последующих трактовках этой категории подчеркивалась то субъективность ценности, то ее объективность. Объективистская трактовка ценности воплотилась в диспозициональной концепции личности Гордона Олпорта, в 1930—1960-е гг. разработавшего «тест изучения ценностей». В российской социологии диспозиционную концепцию личности предложил В. А. Ядов, и она принята многими исследователями. На современных российских исследователей ценностей и ценностных ориентации немалую роль оказали работы О. Г. Дробницкого¹, в последнее время заметны следы подходов, принятых в свое время классиками Чикагской социологической школы².

В ходе исследования ценностей как теоретической проблемы ученые разных стран, представители различных научных школ высказали немало оригинальных идей, позволяющих говорить о достаточно высоком уровне ее разработки. Развитие теории ценностей ожидается в направлении уточнений, которые вносит в нее сама жизнь, а именно ситуация

¹ См.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов: Проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967; *Он же*. Ценность // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1970.

² См.: Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Boston: Richard G. Badger, 1918. Vol. I.

переходного периода и рождения нового типа цивилизации — информационной, и в направлении применения к исследованию новых научных методов, формирующихся в последнее время. В ряде случаев необходимо заново пройти путь самых общих рассуждений, чтобы определиться с исходными позициями эмпирического исследования.

Специфика гуманитарного знания¹ предполагает, что используемая в нем терминология подчиняется по ряду параметров другим правилам в сравнении с терминологией так называемых точных наук. Здесь возможна многозначность терминов и, более того, историческая изменчивость их содержания, поэтому оказывается существенной история их возникновения и понимания разными научными школами. В сущности, в большинстве случаев в гуманитарном знании ученый имеет дело вовсе не с терминами, а с *концептами*, т. е. со словами, в которых помимо некоего содержания присутствует еще и возникающий в сознании образ, который, в свою очередь, вызывает ту или иную эмоциональную реакцию. Концепты, в отличие от терминов, трудно перевести на другой язык, они несут отпечатки истории языка и культуры, что приводит к сложностям в понимании гуманитарных концепций, созданных в разных странах: одни и те же концепты в них редко бывают абсолютно идентичными.

Именно таким концептом оказывается понятие «ценность». Оно в русском языке восходит к прилагательному «ценный», которое образовано от существительного «цена». Если обратиться к словарю В. И. Даля, фиксирующему употребление слова «цена» и производных от него в XIX в., становится ясно, что слово «ценность» в то время еще не занимает заметного места в русском языке, определяется «как свойство по прилагательному»².

В новых европейских языках два значения ценности — как стоимости и как значимости — обычно разведены. Так, во французском языке есть слово *prix* — цена, ценность (в значении стоимости) и есть слово *valeur*, впервые зафиксированное в текстах 1080 г.³, очевидно, от лат. *valeo* — быть здоровым, сильным, могущественным, которое и используется в научных текстах в значении «ценность». В английском сходно: *price* и *value* (*valuables*), в немецком — *Kostbarkeit* (предмет) и *Wert* (понятие). Хотя английское *value* и немецкое *Wert* могут сопрягаться со значением «стоимость», но обычно не в прямом, а в переносном смысле. И все же вряд ли тезис Фридриха Ницше о «переоценке ценностей» означает то же самое, что такой же лозунг означал у Диогена. А тот же лозунг, произнесенный на русском языке и воспринятый рус-

¹ См.: Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006; Горизонты гуманитарного знания / под общ. ред. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. М.: ГИТР. 2011.

² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ГИИНС, 1955. Т. 4. С. 578. (В соответствии со 2-м изд., 1882.)

³ *Robert P.* Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise (Le Petit Robert). P.; SNL, 1967. P. 1873.

ским культурным тезаурусом (упорядоченной совокупностью социокультурных ориентации), означает нечто третье.

Даже самые подробные разъяснения значений, указанных в первоисточниках, не могут отменить того факта, что «ценность» — не термин, а концепт, так что на эмоциональном, почти не осознаваемом уровне представитель русской культуры вкладывает в это слово некий дополнительный смысл, определяемый историей его бытования в российской среде. И сегодня оно у нас по-прежнему тесно связано с понятием цены, платы. Насыщение его инородным, пришедшим из западной философии содержанием происходит без опоры на собственную научную традицию его истолкования, которая начала складываться совсем недавно, поэтому в концепциях отечественных ученых-гуманитариев термин легко воспринимает смыслы, которые предлагают различные западные научные школы.

Тем не менее можно выделить некий общий смысл, который соединяет исходное понимание ценности в русской культуре, насчитывающее много веков, и в какой-то мере его научные интерпретации, появившиеся в последние десятилетия: ценность — это все то, что дороже денег. Если это вещь, то за нее не жалко отдать запрашиваемые деньги. Если это люди (родители, родственники, друзья, любимые, герои, кумиры и т. д.) или понятия (Родина, свобода, дружба, любовь, молодость, здоровье, искусство, наука и т. д.), то и в этом случае они относятся к ценностям, если воспринимаются как бесценные, т. е. более значимые, чем любые деньги. Наконец, если сами деньги воспринимаются как ценность, они тоже становятся бесценными — утрачивают количественную сторону.

Эти особенности бытования в русском языке слова «ценность» отражаются в правовой культуре, характерной для современной России. Их необходимо учитывать в исследованиях в области социологии права как при разработке программы и инструментария исследований, так и при обобщении данных, полученных в эмпирических исследованиях.

Это, в частности, показал общероссийский социологический мониторинг «Российский вуз глазами студентов», который проводился Московским гуманитарным университетом в 2000—2009 гг. и охватил более 13 тыс. студентов государственных и негосударственных вузов по всей стране. Мониторинг во многом был направлен на выявление ценностных ориентации студентов. Он показал, что студенчество московских и региональных вузов если и имеют различия в ценностных ориентациях, то совсем не в таких масштабах, чтобы говорить о пропасти, разделяющей столицу и провинцию. Для студенчества регионов больше свойственны патриотические устремления, намерение после окончания вуза работать по специальности, ожидание гарантированного вузом трудоустройства, несколько больший уровень оптимизма во взглядах на будущее и др. Но эти отличия, как правило, незначительны.

Исследования российской молодежи, проведенные в последнее десятилетие, показывают, что в новых условиях не произошло полного отторжения молодого поколения от российских культурно-исторических

ценностей предшествующих поколений. Более того, в условиях глобализации и власти СМИ, отражающих доминирующее положение американской культуры в современном мире и, безусловно, сказывающихся на российской молодежи, система ценностей в тезаурусах молодых россиян приобретает все более автономный характер, в такой форме выражающей стремление и возможность русского народа отстоять свою самоидентичность.

Ценности, составляющие основу правовой культуры, в реальной социальной практике выявляются через *ценностные ориентации* людей. *Под ценностными ориентациями понимается направленность субъекта (личности, группы, сообщества) на цели, осознаваемые им позитивно значимыми (благами, правильными, высокими и т. п.) в соответствии с принятыми в обществе (сообществе) образцами и имеющимся жизненным опытом и индивидуальными предпочтениями.* Такая направленность представляет собой совокупность устойчивых мотивов, лежащих в основе ориентации субъекта в социальной среде и его оценок ситуаций. Она может осознаваться в разной степени, выражаться в фактах поведения, веры, знания и иметь форму стереотипа, суждения, проекта (программы), идеала, мировоззрения. При этом из направленности на признаваемые позитивными жизненные цели не следует автоматически активных действий субъекта по их достижению в реальной действительности.

Исследование ценностных ориентации в России велось с середины 1960-х гг., когда появились теоретические работы психолога Б. Г. Ананьева, социологов А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова и др., а также эмпирические исследования, крупнейшим из которых стало социологическое и социально-психологическое исследование ценностных ориентации рабочих, выполненное ленинградскими учеными под руководством В. А. Ядова в начале 1970-х гг.¹ В советское время изучение ценностных ориентаций в значительной мере было направлено на выявление их соответствия коммунистическому идеалу, социалистическому образу жизни. Часто такие исследования проводились среди молодежи². В период перестройки (1985—1991 гг.) поле проблем заметно расширилось за счет исследований неформальных молодежных объединений (фактически это был путь перехода к изучению молодежных субкультур). В последующие годы ценностные ориентации российской молодежи стали исследоваться немалым числом отдельных ученых и научных коллективов. Ситуация смены общественного строя и «переоценки ценностей» в масштабе целой страны подтолкнула ученых к осмыслению трансформаций ценностных ориентации россиян. Большое научное значение имеет крупное исследование динамики ценностных ориентации населения России, проведенное под руководством Н. И. Лапина³.

¹ См.: Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 22, 57.

² См.: Шендрик А. И. Духовная культура советской молодежи: сущность, состояние, пути развития. М.: Мол. гвардия, 1990.

³ См.: Лапин Н. И., Беляева Л. А. (отв. ред.) Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996.

Типология правовых культур

Типология правовых культур строится по ряду оснований, которые существенны для социологии права. Наиболее общее разделение таких культур по типам производится на основе противопоставления правовых культур:

- 1) локальных и глобальных;
- 2) светских и религиозных;
- 3) примитивных и высокоразвитых.

Локальные правовые культуры восходят к родоплеменным отношениям, к временам, когда еще нет государства и регламентация необходима в достаточно ограниченной сфере жизнедеятельности. Здесь особенно существенны отделение «своих» и «чужих» и закрепление социальной иерархии среди «своих».

Институт гостеприимства складывался тысячелетиями и выражал по отношению к «чужим» и опасения, и определенный интерес. Если чужак, встретившийся на пути древнему германцу, римлянину, скандинаву и т. д., мог быть попросту убит, то в статусе гостя он, напротив, брался под защиту хозяином дома, встречал радушный прием. Но лишь на определенный срок. У многих народов, например, у германцев, южных славян, этот срок ограничивался тремя днями, после чего гость терял свои неписанные права, а у англичан он даже попадал к хозяину в зависимость, если пробыл у него дольше трехдневного срока. Эти правила в повседневной жизни некоторых народов не потеряли своего значения и сегодня, хотя и не носят императивного характера. Появление «чужого» в доме обставлено у многих народов целой системой ритуалов. Например, у племени гереро (Намибия) церемониал приема гостя включает требование от него рассказа какой-нибудь истории или даже сказки, без чего ему не будет оказано гостеприимство.

В современных условиях черты локальной правовой культуры могут быть зафиксированы у сообществ, основанных на *субкультурах*. Молодежные субкультуры хотя по большей части прямо не противостоят доминирующей в обществе правовой культуре, но многое в ней не принимают или трактуют на свой лад. Это отражается в неписаном своде правил, нарушители которых рискуют подвергнуться практикам социального исключения. Что касается криминальных субкультур, то значение предписанного установившимися правилами поведения в их рамках особенно велико, поскольку санкции за нарушение этих правил отличаются крайней жесткостью и неумолимостью.

Порядок, установленный в преступных организациях, таких как сицилийская или чикагская мафия, неополитанская каморра, японская якудза, китайская триада и т. д., передается из поколения в поколение. Такие организации, построенные по принципам большого семейного клана, по своему происхождению нередко связаны с национальной освободительной борьбой. Мафия на Сицилии в своей отдаленной истории сохраняет следы событий XIII в., когда шла народная борьба с французскими завоевателями, и даже само название этого преступно-

го союза хранит память о некогда сплотившей его благородной цели: «Смерть Франции, вздохни Италия» — этот девиз звучал по-итальянски «Morte Alia Francia, Italia Anela», а сокращенно — MAFIA (есть и другие версии происхождения этого названия). Шаг за шагом патриотическая организация превращалась в преступное сообщество, но при этом сохранялись многие законы ее устройства и обеспечения порядка.

К *глобальным правовым культурам* могут быть отнесены те, которые формируются и развиваются на основе ценностей и норм, принятых несколькими народами, странами или другими социальными общностями. В этом случае глобальность — скорее качественная, чем количественная характеристика. Можно было бы сказать, что «несколько народов» или «несколько стран» означает, что их по крайней мере две, но такие расчеты мало пригодны на практике. Тем более бессодержательным делом бы заявить, что глобальная правовая культура — та, которую должны разделять и освоить все живущие на свете люди. Намного полезнее выявлять общие для некоторых групп людей признаки, которые определяют их сходное восприятие правомерного/неправомерного, законного/незаконного и т. п. Соответственно будут различаться глобальные правовые культуры, опирающиеся на установившийся социальный строй и форму правления (монархия, демократическая республика и т. д.), на ту или иную мировую религию (христианство, ислам, иудаизм, буддизм и т. д.) и другие фундаментальные ценностные основания.

Когда производят различие *светских и религиозных правовых культур*, то имеют в виду другую сторону их типологизации, нежели была отмечена применительно к локальным и глобальным типам. В этом случае важно то, что рассматривается как источник права.

В конечном счете психологический механизм уважения к правовым нормам и следования им сходен и в светских, и в религиозных правовых культурах: некоторое правило приобретает власть над человеком, сдерживает его инстинкты, направляет на достижение определенных общественно значимых целей и т. д., приобретая для него *священный* характер. Отказ от следования такому правилу в тех и других культурах приравнивается к подрыву самих общественных устоев.

Характерна реакция американского общества на участвовавшие случаи массового расстрела детей в школах людьми с неуравновешенной психикой, которые легально приобрели оружие. Такие случаи не единичны, появился даже термин «стрельба в школе» (англ. *school shooting*), который применяется к массовым убийствам учащихся, производимым одним из учеников либо посторонним лицом, пришедшим из-за пределов школьной территории. Одно из громких трагических событий такого рода произошло в декабре 2012 г. в школе города Ньютаун, где двадцатилетний убийца расстрелял из автоматической винтовки 27 человек, 20 из которых — дети не старше семи лет. В стране был объявлен четырехдневный траур, в межрелигиозном поминальном богослужении в память жертв участвовал президент США, однако ни это кровавое событие, ни другие подобные ему преступления не ведут к ограничению свободной продажи оружия. Одним из оснований для противодействия

такому ограничению является то, что неограниченное «право народа хранить и носить оружие» защищено Второй поправкой к Конституции США, принятой Конгрессом в 1789 г.

Все же для социальных взаимодействий большое значение имеет то, как трактуется источник права: признается ли таковым народ, или источник связывается со сверхъестественными силами, обладающими над человеком высшей властью. В аспекте социологии права такое отделение источника права от человека особо значимо, поскольку имеет древнее происхождение и пронизывает все эпохи человеческой истории, сохраняя свои следы и в более поздних по происхождению светских правовых культурах.

В религиозных правовых культурах выделяются определенные модели, структуры, как они представляются сознанию верующих. Правильность суда, столь существенная для рассмотрения правовых норм, уступает место правоте перед лицом предков или перед высшим судом. Эти модели выступают не в статичной форме, а в виде так называемых магистральных сюжетов. Вот основные из них.

Магистральный сюжет «Право как завет богов и дар бессмертных героев». Это одно из древнейших представлений, имеющих распространение по всему миру и во все времена, сюжет обнаруживается и в локальных, и в глобальных, и в примитивных, и в высокоразвитых культурах. Он нашел отражение в священных книгах различных религий — в Библии, Коране и др.

В Библии божеские заповеди в Ветхом Завете переданы через Моисея и пророков, а в Новом Завете высказаны самим Богом — Иисусом Христом. На основе священных текстов могут возникать системы права, признанные на государственном уровне. Таков шариат (араб. [правильный] путь) — система права в исламе, неразрывно связанная с установленными традицией моральными нормами и религиозными предписаниями. В Саудовской Аравии шариат — единственная правовая система, в ряде стран (Индия, Ирак, Пакистан, Сирия и др.) на основе шариата рассматривается определенный круг правовых вопросов (брак, развод, наследование и др.). Так как шариат основан на Коране, записанном со слов Муххамеда, который почти 23 года получал откровения через ангела Джабраила от Аллаха, то, следовательно, все законы шариата определены Аллахом.

Правовые нормы и ценности как божественные предписания обнаруживаются в самых ранних источниках. Так, в Египте к памятникам литературы Древнего Царства (3 тысячелетие до н. э.) относятся «Книги пирамид» — надписи на древнеегипетском языке в погребальных помещениях пирамид, адресованные покойному, сообщающие ему магические формулы и указывающие на те действия, которые он должен совершить в загробном мире. Традиция этих текстов была продолжена в «Книгах саркофагов» (Среднее царство, на древнеегипетском языке) и в «Книге мертвых» (XV в. до н. э., Новое царство, на новоегипетском языке).

В последней важное место отводится оправдательным речам умершего перед судом загробного царства во главе с богом Осирисом: обращаясь к 42 богам — членам суда (по количеству грехов), умерший утверждает: «О Усех-немтут, являющийся в Гелиополе, я не чинил зла! О Хетеп-седежат, являющийся в Хер-аха, я не крал!» (далее: не завидовал, не грабил, не убавлял от меры веса, не лицемерил, не святотатствовал, не лгал, не крал съестного, не ворчал попусту, ничего не нарушил, не резал коров и быков, принадлежащих богам, не захватывал хлеб в колосьях, не отбирал печеный хлеб, не подслушивал, не пустословил, не ссорился из-за имущества, не совершал прелюбодеяния, не совершал непристойного, не угрожал, ничего не нарушил, не гневался, не был глух к правой речи, не был несносен, не подавал знаков в суде, не мужеложествовал, «не скрывает ничего мое сердце», не оскорблял другого, не был груб с другим, «не был тороплив в сердце моем»... не был болтлив, «нет на мне пятна, я не делал худого», не оскорблял царя, не плавал в воде, не шумел, не кошунствовал, не надменничал, не отличал себя от другого... не оклеветал бога в городе своем).

Этот ряд — своего рода ключ к реконструкции идеалов (как мысленных должного), правовых норм и ценностей и — шире — характеристики тезауруса древних египтян. В предназначенных для произнесения формулах нет последовательного движения от главного к неглавному или наоборот, нет определенной сгруппированности (типологизации) грехов, есть повторы, близкие по смыслу формулы. Тот же результат дает анализ еще одного типа текстов — надписей на могильных плитах, где от лица покойного сообщалось его имя, титулы, сообщалось о заслугах перед фараоном, благих деяниях, что также дает материал для тезаурусной характеристики ценностей и правовых норм древнеегипетского общества.

Такова, например, надпись на захоронении жреца Шеси: «Я творил истину ради ее владыки, я удовлетворял его тем, что он желает: я говорил истину, поступал правильно, я говорил хорошее и повторял хорошее. Я рассуждал сестру и двух братьев, дабы примирить их. Я спасал несчастного от более сильного... Я давал хлеб голодному, одевание нагому. Я перевозил на своей лодке не имеющего ее. Я хранил не имеющего сына своего... Я сделал лодку не имеющему своей лодки. Я уважал отца моего, я был нежен к матери. Я воспитал детей их». Еще один источник для выводов — обширная дидактическая литература, где тот же материал выступает в виде предписаний. Так, в приписываемом жрецу Исеси «Поучении Птахотепа», относящемся к Древнему Царству, но дошедшем в редакции Среднего царства, отмечается: «Ученостью зря не кичись! Не считай, что один ты всеведущ! Не только у мудрых — у неискушенных совета ищи. Искусство не знает предела. Разве может художник достигнуть вершин мастерства?» и т. д. Через предписания и поучения в древнеегипетских памятниках отчетливо представлен магистральный сюжет «Право как завет богов и дар культурных героев».

Другой пример того же магистрального сюжета — фрагмент древнеиндийской эпической поэмы «Махабхарата» (складывалась в X—XV вв.

до н. э. и была записана около IV в. н. э.), получивший название «Бхагават-гита» («Книга о том, кто обладает всеми богатствами»).

В «Бхагават-гите» описывается беседа воина Арджуны с богом Кришной [добавить: в обличий его возницы] перед грандиозной битвой Панданов (к которым Арджуна принадлежал) с их врагами и в то же время родственниками Кауравами. Перед сражением Арджуной овладели сомнения, которыми он делится с Кришной: «Увы, как странно, что мы готовимся совершить великий грех; движимые желанием насладиться радостями царствования, мы полны решимости убить наших близких. Лучше мне, безоружному, быть убитым сыновьями Дхритараштры, не сопротивляясь». В ответ на это Кришна разворачивает целую систему доказательств (говоря современным языком, правовых оснований) правильности участия в битве: «Мудрые не скорбят ни о живых, ни о мертвых. Никогда не было так, чтобы не существовал Я, или ты, или все эти цари; и никогда не будет так, чтобы кто-то из нас прекратил свое существование. Точно так же, как душа переселяется из детского тела в юношеское и из него в старческое, так и при смерти она переходит в другое тело. (...) Тот, кто рождается, обязательно умрет и после смерти обязательно вновь родится. Поэтому не следует предаваться скорби, исполняя свой долг. (...) Что же касается твоего долга кшатрии, то знай, что нет лучшего для тебя занятия, чем сражаться во имя религиозных принципов. Поэтому не надо колебаться. (...) Если же ты не исполнишь свой религиозный долг и не будешь сражаться, то совершишь грех пренебрежения долгом и таким образом потеряешь воинскую честь». Кришна призывает Арджуну во всех делах отказаться от выгоды, желаний, любых чувств (так как все это майя — иллюзия, каковой является материальный мир) и исполнять свой долг. Чтобы окончательно убедить Арджуну, Кришна предстает перед ним в своем вселенском форме: «Арджуна увидел в той вселенской форме бесчисленные рты, бесчисленные глаза, бесчисленные удивительные видения. Господь в этой форме был украшен неземными драгоценностями и потрясал божественным оружием. Он был облачен в божественные одеяния и украшен гирляндами. Он благоухал многочисленными ароматическими маслами, покрывающими Его тело. Все это было дивно, сияюще, безгранично, всепокрывающе. (...) Потрясенный и изумленный, со вздыбленными волосами, Арджуна склонил голову, выражая свое почтение, и, сложив руки, начал молить Всевышнего Господа». Явление Кришны во вселенской форме Арджуне — кульминация повествования. Однако установка создателей текста на логическое, риторическое доказательство правоты Кришны, убедительно выбранная завязка (отказ Арджуны от боя по соображениям гуманности) позволили и до, и после кульминации изложить целую систему религиозно-философских взглядов. Еще в древности эта часть «Махабхараты» была признана священным текстом. Одновременно освящалась и правовая основа жизни древних индийцев, формировалось правосознание.

В «буддийском каноне» — индийской литературе V—IV вв. до н. э., связанной с учением Сиддхарты Гаутамы (623—544 до н. э.) из царского

племени шакьев в Северной Индии, прозванного Буддой, концептуальной основой текстов стало его учение о «четырех благородных истинах»: существуют страдание, его причина, состояние освобождения (нирвана) и путь к нему. Правосознание здесь определяется тем же магистральным сюжетом «Право как завет богов и дар бессметных героев», отражает миропонимание буддизма — одной из мировых религий.

Магистральный сюжет «Право как установление первых законодателей». Он ярко представлен в античной культуре, Плутарх замечательно описывает великих законодателей — Ликурга (Спарта, начало деятельности около 884 г. до н. э.), Нуму Помпилия (Рим, правил с 715 по 673/672 г. до н. э.), Солона (Афины, между 640 и 635 — около 559 г. до н. э.), Публия Валерия Публикулу (Рим, ум. 503 г. до н. э.) и др., характеризуя не только разработанные ими законы, но и способы их внедрения в жизнь и правовое сознание своих сограждан. Характерно, что Плутарх, живший в 46—127 гг., т. е. спустя столетия после своих героев, детально описывает их законотворческую деятельность, что свидетельствует об устойчивости данного магистрального сюжета в памяти потомства.

Такой же сюжет, имеющий влияние и на сегодняшнюю правовую культуру, можно обнаружить, обратившись к «конфуцианскому канону».

Великий мыслитель древности Кун Фу-цзы (Конфуций, 552/551—479 до н. э.) имел около 3 тыс. учеников, которых обучал устно. Свод сочинений, записанных несколькими поколениями учеников Конфуция, получил название «Конфуцианский канон, или Тринадцатизаконие (Ши сань цзин)». Главное понятие учения Конфуция — *дао*, правильный путь, следуя которому, человек приобретает *дэ* — добродетель. Сосредоточив внимание на правильном устройстве общества, Конфуций противопоставляет *цзюнь-цзы* (благородного мужа) и *сяо жень* (малый люд, чернь). О последнем мыслитель мало заботится («трава клонится, куда дует ветер» — метафорически трактует он ничтожность *сяо жень*), зато для *цзюнь-цзы* создает целую систему требований. Цзюнь-цзы должен обладать пятью добродетелями: *и* — долг, справедливость, исполнение обязанностей младшим по отношению к старшему и наоборот; *жэнь* — гуманность, чувство родства, почтительности; *ли* — благопристойность, знание ритуала, чувство меры; *синь* — благонадежность, доблесть, способность защищать добродетель даже ценой жизни; *чжи* — разумность, знание (но не природы, а только знание пяти добродетелей: «знать — значит знать людей»).

Конфуцианство и сегодня определяет правовую культуру Китая, воздействует на жизненный уклад сотен миллионов китайцев таким образом, что его ведущей характеристикой сохраняется приоритет власти человека, облеченного полномочиями, над властью закона, хотя социальные основы не раз коренным образом менялись за века, прошедшие со времени появления «Конфуцианского канона».

Третьим из названных выше типологических различий правовых культур было названо то, которое отделяет *примитивные и высокоразвитые правовые культуры*. Это разделение проводится по признаку

развития в обществе системы правотворчества и правоприменения. На одном полюсе этой типологии стоит общество с зачатками права в форме обычая, закреплённого традицией и формализованного ритуалами. На другой — общество с развитой системой демократии, где представительные органы осуществляют законотворческий процесс, принята система разделения властей, правоприменительная практика опирается на законопослушность граждан. Надо сказать, что эти полюса предстают такими лишь на уровне идеальных моделей. В реальности существуют многочисленные сочетания их признаков, где самые совершенные правовые идеи и технологии могут уживаться с самыми архаическими формами права.

Движение от примитивных к высокоразвитым правовым культурам, их диалектика в ретроспективе и перспективе может быть прослежена в различных «магистральных сюжетах» правовой культуры, указывающих на источник правовых норм и на ценностную ориентацию в отношении к ним. Помимо названных выше, это:

— магистральный сюжет «Право как порядок» (характерен для устоявшегося цивилизованного правопорядка, находит яркое отражение в детективной литературе, в популярности персонажей, борющихся против преступлений и общественной нестабильности — таких, как Шерлок Холмс, Мегрэ, Пуаро, мисс Марпл, Эраст Петрович Фандорин и др.);

— магистральный сюжет «Право как сфера личного произвола» (характерен для развитого общества в период глубокого кризиса и переоценки ценностей, в истории ярко воплотился в деятельности Наполеона, который тем не менее сделал попытку преодолеть послереволюционный разброд в обществе, утвердив в 1804 г. Гражданский кодекс французов, переименованный в 1807 г. и окончательно в 1852 г. в Кодекс Наполеона; адептами произвола в области права были в переходные периоды такие личности, как маркиз де Сад, Ф. Ницше, в XX в. А. Жид, Ж. Жене, У. Берроуз, множество интеллектуалов, нередко позиционирующихся как вожди современных людей, молодежи и т. д.; Ф. М. Достоевский в образе Раскольникова показал последствия для души, совести такой концепции права);

— магистральный сюжет «Право как прерогатива самодержца» (широко представлен в деятельности таких монархов, как Людовик XIV, Петр I, характерен для восточных султанов разных времен, для тиранов XX в., при этом не только насильственно, но и добровольно принимается многими членами общества, особенно в период необходимости национальной консолидации);

— магистральный сюжет «Право как репрессивная система, которая не устоит перед высшим судом» (нашел яркое воплощение в творчестве русских классиков М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, глубоко осмыслен в романе Л. Н. Толстого «Воскресение», в XX веке представлен в жанре антиутопии, например, в романе Дж. Оруэлла «1984»; сюжет весьма характерен для правосознания интеллигенции в обществах с развитой правовой культурой);

— магистральный сюжет «Право как установление народа» (глубоко осмыслен и блестяще сформулирован в «Общественном договоре» и других сочинениях Ж.-Ж. Руссо; характерен для правосознания революционных масс — во Франции времен Великой французской революции, в период становления СССР, у кубинцев в период революции и т. д.).

Можно заметить, что магистральные сюжеты не только отмечают наличие разных уровней правового развития в примитивных и высоко-развитых культурах, но и показывают зависимость функционирования этих культур от чередования в мировом культурном процессе стабильных эпох и переходных периодов, одни магистральные сюжеты отвечают задачам стабилизации общества, другие, напротив, задачам обновления общественных систем. Еще один вывод из тезаурусного анализа типов, моделей, магистральных сюжетов в развитии правовой культуры заключается в том, что особую роль в фиксации структуры и динамики этой культуры играет искусство, в первую очередь — художественная литература. Социолог права не должен проходить мимо этого ценного источника материалов для анализа и выводов.

Правовая культура и обычаи

Правовая культура складывается в обществе по мере того, как формируются и утверждаются правовые нормы. Процесс этот длительный, и в далеком прошлом ничего похожего на нынешнюю систему правовых норм и институтов не было. Но это не значит, что не было правовой культуры, поскольку регулятором различных отношений между людьми выступал *обычай* — традиционно установившиеся правила общественного поведения.

В юриспруденции применяется термин «обычное право» (лат. *lex communis*; англ. *common law*), которым обозначают совокупность неписаных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного традиционного применения и санкционированных государственной властью. Обычное право рассматривается как исторически первая форма правовой регуляции, которая с определенного времени начала фиксироваться в сборниках правовых норм.

Таковы так называемые варварские кодексы, одним из первых в их числе называют Салическую правду, составленную в конце V — начале VI в. в государстве франков времен Хлодвиг I. Примерно к тому же периоду относятся Рипуарская и Бургундская правды. Известны англосаксонские судебники, а также Алеманский свод (*Pactus Alemannorum*) и другие юридические сборники. В Киевской Руси кодификация обычного права была проведена во времена Ярослава Мудрого и получила форму Русской правды (примерный период создания 1019—1054 гг.).

Создание кодифицированных сборников на основе устного родового права стало необходимой ступенью к писаному праву. Обычное право в юриспруденции не исчезло и сегодня: в английской и некоторых других системах законодательства так обозначается неписанный закон, основанный на решениях конкретных судебных дел.

Опора на обычай играет немалую роль и в современном международном праве. Тем не менее сфера применения обычного права ограничена, поскольку такие его черты, как несистемность и локальность, в современных сложных комплексах юридических норм, претендующих на всеобщность и упорядоченность, не мешают правотворчеству и правоприменению только при особом стечении обстоятельств и стремлении сохранить традицию.

Английское право (правовая система Англии и Уэльса) удерживает прецеденты, имеющие многовековую историю. Из действующих законов самый старый — Акт (Закон) о судебных взысканиях за ущерб — относится к 1267 г. То, что прецедентное право здесь пережило смену социального строя и из феодализма перешло в капитализм, правовая система которого в большинстве стран основана на конституции и принятых в соответствии с ней законах, не может быть объяснено собственно юридическими причинами. Особенности социальной истории Англии надо учесть в первую очередь и — кроме островного положения страны, экономических и политических факторов, «национального духа» — обратить внимание на такой феномен в английском обществе, каковыми стали *джентльмены*. Это и не особый социальный класс, и не сплоченное сообщество. Джентльмен — скорее образец, которому следовало соответствовать мужчинам, занимающим определенное положение в обществе. Образ начал складываться еще в Средневековье. Обобщая его, Томас Элиот в трактате «Наставник» (1531) представил своего рода инструкцию по воспитанию джентльмена благородного происхождения, обозначив даже такие детали, как то, что юный джентльмен должен спать не более 8 часов. Но главное — он добродетелен, скромен, вежлив, спокоен, обладает достоинством и свободой выбора. Много позже, в XIX в. (в викторианскую эпоху) в неписаных требованиях к джентльмену особо стала выделяться верность данному слову без каких-либо условий. Поскольку речь идет о представителях правящего класса, такое требование делало неактуальной перестройку правовой системы в период установления нового социального строя. Традиция безболезненно могла быть сохранена. В ходе судебной реформы в Англии в 1873—1875 гг. английская правовая система, веками основанная на соединении общего права, как права прецедентного, и права справедливости (англ. *law of equity*), позволявшего смягчать приговоры при слишком жестких судебных решениях по прецедентам, не перешла к континентальной системе кодифицированного права (где, например, в Кодексе Наполеона содержался запрет судье создавать прецедент). Два типа английского права просто были слиты в единую систему общего права, при этом закрепилось понятие *stare decisis*, означающее принцип обязывающей силы прецедента, который можно обойти, только доказав в суде, что у рассматриваемого дела не было прецедентов. В странах же, входивших в Британскую империю, английское право составляло основу их правовых систем по вполне понятной причине: метрополия диктует свои правила зависимым государствам. Но в других странах, в том числе и в России, не судьи создают закон (в форме решения по прецеденту),

а законодательные органы, таким образом, возникают разные «миры» права — англосаксонской традиции противостоит романо-германская традиция, и это лишь вершина айсберга правового разнообразия¹, имеющего отчетливые социальные причины, изучаемые социологией культуры и социологией права.

Хотя обычное право сегодня в правовых системах развитых стран чаще всего не составляет их ядра, в аспекте социологии права регламентация отношений на основе обычая представляет особый интерес. Если статусное право все меньше позволяет увидеть действительные человеческие отношения и конфликтные ситуации, которые стоят за принятыми нормами, то в обычном праве есть следы реальных жизненных коллизий, причем приобретших на определенном этапе типовой характер.

А это значит, что через обычай мы лучше можем понять основы правовой культуры в том или ином обществе.

Иногда обычай продолжает определять правовую культуру того или иного народа даже в условиях, когда формальное право основывается на других принципах. У западных тямов (тямы — народ, проживающий во Вьетнаме, Камбодже и Таиланде), в отличие от их восточных собратьев, сохраняется матриархат. Здесь в большой семье главная фигура — бабушка и родство считается по матери. Имущественные отношения тоже основаны на матриархате: наследство передается женщине. И жениха выбирает невеста. Специфический (необычный для культурных кодов россиянина) подход к счету возраста обнаруживается в традиции бирманцев, живущих на островах архипелага Мьей: новорожденному приписывается 60 лет, и с каждым прожитым годом его возраст убавляется; достигшему «нулевого» возраста прибавляется еще 10 лет и т. д., а старик обозначается словом, смысл которого — «рожденный трижды». Для традиционных культур характерно и снятие исчисления по годам как возрастного ориентира или использование условного (социально значимого) числа лет. Так, исследования в Абхазии показали, что старики часто называют своим возрастом 100 и более лет не в соответствии с реальным. Этот эффект в антропологии характеризуется как нечувствительность представителей традиционных обществ к определению хронологического возраста — в силу представлений о жизни как циклическом, а не линейном процессе. Таких примеров в различных культурах немало.

Правовая культура и правосознание

Правовая культура, установившаяся в обществе, выступает основой для формирования *правосознания*. Под этим термином принято понимать одну из *форм общественного сознания, которая отражает отношение людей к праву и обеспечивающим его разработку и применение органам и организациям, представления о том, что законно и что пре-*

¹ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. М.: Междунар. отношения, 2009.

ступно, а также готовность действовать в соответствии с законом или противодействовать ему. Правосознание тесно связано с пониманием индивидом или социальной группой того, что такое социальная справедливость, ожиданиями от общества, представлениями о «хорошем обществе»¹. В индивидуальных и коллективных тезаурусах, распространенных в обществе, правосознание сплавлено с другими формами общественного сознания — философией, моралью, религией, наукой, искусством, политической идеологией. В конечном счете усвоенная человеком в ходе социализации и сконструированная им на основе своего понимания жизни *культурная картина мира*² определяет и то, каково его правосознание. Из-за того, что доминирующие в тезаурусах людей картины мира могут в разных обществах существенно расходиться, одни и те же события и действия получают нередко противоположную оценку, хотя несогласные стороны могут одинаково понимать принцип законопослушания.

Одна из жен тайского короля Рамы V утонула вместе с маленькой дочерью, поскольку никто из находившихся рядом подданных не посмел нарушить закон, запрещавший прикасаться к королевской особе под угрозой смертной казни.

Многие другие примеры свидетельствуют, что к правосознанию нельзя подходить без учета всей палитры факторов, которые его формируют в конкретных условиях данного общества. Правосознание не является собранием идей, взглядов, установок, присущих всем людям во все времена. Оно несет на себе печать зависимости субъекта от предлагаемых обстоятельств и активности субъекта в достижении своих целей, а значит, он представляет собой особый аспект личностного или группового тезауруса — *правовой тезаурус*. Увидеть его свойства можно, применяя к нему общие характеристики тезауруса, такие как:

— *неполнота* по сравнению с многообразием действительности и реальным развитием культуры — и в то же время *полнота как достаточность для ориентации субъекта* в доступном фрагменте природной и социальной реальности и культуры, а также для наращивания потенциала развития субъекта;

— *единство*, несмотря на фрагментарность и автономность составляющих тезаурус элементов (концептов, культурных констант и т. д.), которое *обеспечивается субъективно*, в частности на уровне индивида — через единство личности;

— *иерархичность значимого и незначимого* (ось «свое — чужое — чуждое»), идущая от ценностного строя тезауруса: ядро тезауруса составляет культурная картина мира, которая иерархически выстраивает воспри-

¹ См.: Федотова В. Г. Хорошее общество: моногр. М.: Прогресс-Традиция, 2005; Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: моногр. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.

² См.: Кузнецова Т. Ф. Культурная картина мира: теоретические проблемы: науч. моногр. М.: ГИТР, 2012.

ятие мировой культуры и культуры Происходящего¹, отделяя важное и потому интересное, от неважного и потому неинтересного;

— *конструирование и переконструирование* социальной и культурной реальности, такое представление о реальности, которое совмещает действительное и виртуальное без всякой дистанции и регулируется субъективным определением ситуации;

— наличие *родственных явлений в разных тезаурусах*, что ставит вопрос о генезисе тезаурусов; тезаурусы могут воспроизводить ориентирующие знаниевые комплексы, сложившиеся в других пространственно-временных обстоятельствах, заново актуализируясь после длительных периодов забвения;

— *устойчивость и изменчивость*, которые обеспечивают жизнеспособность тезаурусов;

— *действенность*, или, иными словами, такая встроенность тезауруса в управление человеческим поведением — и индивидуальным, и групповым, которая обеспечивает выбор стратегий и тактик, целеполагание и достижение целей, изменение действительности; в силу социальной значимости этого свойства для человека оно оказывается сопряженным с социализацией личности и системами воспитания, а также с развитием социальных общностей и социокультурным проектированием².

В структуре правосознания выделяются *четыре группы* оценочных отношений:

- 1) отношение к праву как социальному институту;
- 2) отношение к действиям других людей (их группам, организациям и т. д.) с точки зрения законности/преступности;
- 3) отношение к органам власти и правоохранительной системе на основе представлений об их легитимности и правомерности действий;
- 4) отношение к своим собственным поступкам с точки зрения их законности/преступности.

Эти оценки могут выражаться в различной *форме* (идеи, теории, мнения, настроения и т. д.), иметь разную *степень осознанности* и разную *интенсивность*. То, что не дает спокойно спать правозащитникам, людям с обостренным чувством справедливости, может мало волновать тех, кто вполне удовлетворен своим положением и не хочет обременять себя чужими заботами, или вызывать такую же степень осознанности и интенсивности, но с совершенно другим пониманием справедливости.

Правосознание подвижно и активно влияет на правовую культуру, делая и возможным, и необходимым развитие института права и связанных с ним институтов государства и гражданского общества. Вся правотворческая деятельность была бы бессмысленной, если бы не от-

¹ Об этом понятии см.: Ильинский И. М. Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 2006; Луков М. В. Социокультурное конструирование Происходящего (тезаурусный анализ феномена телевидения): науч. моногр. М.: ГИТР, 2012.

² См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. С. 647—649.

кликалась на импульсы, идущие от правосознания граждан и выражающие их насущные потребности и интересы.

История многократно показывала, что сами по себе инструменты права не могут работать, если правосознание не принимает нововведения как приемлемые, одобряемые общественным мнением, если в итоге не возникает критической массы тех, кто готов такие нововведения реализовать в своем реальном поведении. Намерения законодателя могут быть самыми передовыми, законы могут быть приняты, но их судьба — быть отмененными или забытыми.

Эпоха Просвещения дает яркие примеры активной законотворческой деятельности без учета уровня правосознания основной массы граждан (а абсолютная монархия вовсе не ориентирована на учет этого обстоятельства: источник права — воля короля). Приведем один из них. Иохан Фредерик Струэнзе (1737—1772), врач датского короля Кристиана VII, став фаворитом при слабом и больном монархе, провел в Дании в 1770—1772 г. серию реформ. Он реализовал идеи Монтескье о разделении властей, впервые в мире провозгласил равенство всех сословий перед судом, отменил телесные наказания, прекратил процессы ведьм. Был отменен закон о праве отца посадить сына в тюрьму, при Струэнзе перестали привлекать к уголовной ответственности за нарушение супружеской верности, прошла перестройка армии: чины стали даваться по заслугам, а не по знатности. Струэнзе отменил празднование Рождества, Пасхи и других религиозных праздников (поскольку они «служат только поводом для пьянства и распутства»), впервые в Европе была провозглашена свобода совести для всех вероисповеданий, признано равноправие евреев и открыт им доступ в цехи и магистраты, прекращена постройка и реставрация церквей, часть церквей превращена в больницы и дома престарелых, учрежден воспитательный дом для подкидышей (по петербургскому образцу), упразднен полицейский надзор за проституцией, все сословия получили право запрягать карету цугом и носить башмаки с драгоценными пряжками. Имея право издавать законы именем короля, Струэнзе спешил провести как можно больше законов для регулирования всех сторон жизни. За 18 месяцев он издал 1069 новых законов, но после его казни в 1772 г. все его законы были отменены (кроме создания воспитательного дома)¹. Здесь проявились особенности реформаторской деятельности, осуществляемой на верхнем этаже власти. В истории России подобный пример можно найти в реформаторской деятельности М. М. Сперанского (1772—1839), ныне признаваемого создателем российской юридической науки и теоретического правоведения. Его взлет начался в 30-летнем возрасте, в 1803 г. по поручению императора он составил «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», затем и другие юридические сочинения, выявившие его как сторонника конституционной

¹ См.: Коган М. «Неладно что-то в Датском королевстве...» (Струэнзе и его реформы) // Прометей: Историко-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 5. М.: Мол. гвардия, 1968. С. 371—379.

монархии¹, он не только обосновал, но и добился реализации грандиозных планов — создания Госсовета (1810), министерской реформы (1811). Но в марте 1812 г. он был лишен милостей государя, был отправлен в Пермь, позже пребывал в должности гражданского губернатора Пензы. После возвращения в столицу Сперанский вынужден был участвовать в вынесении приговора декабристам (которые хотели в случае победы сделать его первым президентом российской республики). При Николае I он выполнял почетные обязанности наставника наследника престола по юридическим наукам, за несколько дней до смерти получил титул графа — но его реформаторские идеи (в том числе и в области права) по большей части остались не востребованными².

Социальные реформы, как правило, содержат претензию на всеохватный масштаб, их инициаторы амбициозны и пользуются широким арсеналом правовых средств, чтобы нормативно закрепить нововведения. Они по большей части основываются на идеологии и технологии отказа от предшествующего опыта, его дискредитации, развенчания бывших кумиров и идей. Но нередко такие замыслы неглубоки, их реализация противоречит обыденной жизни и не укореняется в сознании людей. Потому так часто неустойчивы результаты реформаторской деятельности, а сами нововведения легко могут быть отменены тем же путем, что и были приняты.

В социологии права важно учитывать, что правосознание противоречиво сочетает в себе надежду на «справедливый закон» и большую или меньшую произвольность в ориентации своего поведения на предписания действующего законодательства. Такое рассогласование во многом следует из недостаточной информированности граждан о том, какие правовые нормы сегодня действуют. Но не только это имеет значение. Сама система права, будучи очень сложной, многоуровневой, постоянно перестраиваемой и достраиваемой, в любой стране так велика, что не может быть освоена в полном объеме ни простым человеком, ни даже профессиональным юристом. В законодательстве имеется множество правовых коллизий, и хотя обычно есть установленный порядок разрешения таких коллизий, уже сам факт их появления означает, что по одному и тому же вопросу имеются разные точки зрения и окончательное решение может оспариваться.

Правосознание и здравый смысл

Безоговорочное следование букве закона на практике во многих случаях невозможно, а этим подрывается один из базовых принципов правосознания — *законопослушность*.

Тезаурусы как ориентационные комплексы обходят эту сложность, подключая для принятия решения *здравый смысл*. Этот механизм оце-

¹ См.: Сперанский М. М. Юридические произведения. М.: Зерцало, 2007.

² См.: Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. 5-е изд., обновл. и доп. М.: Зерцало-М, 2012.

нивания информации, складывающийся в повседневности при решении рутинных задач типового характера, позволяет отсечь явно устаревшие нормы как несущественные и не считать их невыполнение предосудительным как для других, так и для себя. Хотя в правовом отношении это ничего не меняет и действие принятого закона неотвратимо, но в социальной оценке это далеко не всегда так. Многие правонарушения имеют настолько массовый характер, что скорее в общественном сознании их принимают за должное, а нарушителям сочувствуют, если им грозит наказание. На уровне правосознания никакого двойного счета в отношении законопослушности граждан в таких случаях не происходит. В еще большей мере это относится к тем правовым нормам, которые явно не вписываются в правовое поле, каким его рисует здравый смысл большинства людей.

Приведем примеры некоторых правовых норм, которые с позиций здравого смысла вряд ли могут быть исполнены в современном обществе. В канадской провинции Альберта законодательно установлено, что преступник, выпущенный из тюрьмы, должен получить заряженный пистолет и коня, чтобы он мог покинуть город. В Германии владельцам овощных магазинов запрещено продавать пупырчатые огурцы, клубнику, которая «не напоминает по форме сердце», и короткие бананы (за нарушение предусмотрен штраф до 1000 евро). В США законодательство штатов и нормативные правовые акты городов пестрят невероятными с точки зрения здравого смысла нормами. В Лос-Анджелесе муж не вправе бить жену ремнем шире двух дюймов, не получив от нее предварительного согласия, а в городе Джаспер (штат Алабама) муж не может колотить жену палкой, диаметр которой больше толщины его большого пальца на руке. В штате Айдахо запрещено рыбачить, сидя на верблюде. В Балтиморе не разрешается приходить в театр со львами. В Аризоне под угрозой штрафа запрещено класть спать осла в ванной. В Сент-Луисе (штат Миссури) запрещается сидеть на мостовой и распивать пиво из ведра. В штате Флорида нельзя разбивать более трех тарелок в день. В Майами запрещена езда на велосипедах, не оборудованных звуковым сигналом, хотя использование звуковых сигналов велосипедистами запрещено. В Хартфорде (столице штата Коннектикут) запрещено переходить дорогу на руках, а супругам запрещено целоваться по воскресеньям. В Балтиморе запрещается швырять копны сена со второго этажа. В штате Небраска, находящемся в центре Америки, запрещается ловить китов. В Форт-Медисоне (штат Айова) пожарные обязаны провести 15-минутную тренировку перед каждым выездом на пожар. В городе Девон (штат Коннектикут) запрещается ходить задом после заката солнца, а в Оклахома Сити нельзя ходить по улицам задом, поедая на ходу гамбургер. В Индиане законом установлено, что число «пи» равно 4, а не 3,1415. В Арканзасе закон предписывает, что река Арканзас Ривер не может подниматься выше моста в городе Литтл Рок. В штате Нью-Йорк запрещено охотиться из трамвая за кроликами, в штате Калифорния из автомобиля — за китами. В Огайо особым законом запрещено предлагать рыбам спиртные напитки. В городе Кар-

мел (штат Калифорния) недопустимо есть мороженое, стоя на тротуаре. В Оклахоме собакам запрещено собираться в группы, числом три и более, если они не имеют специального разрешения, подписанного мэром города.

О большинстве подобных правовых норм те, кому предписано их выполнять, ничего о них не знают, а узнавая, относятся к ним скептически и даже с юмором.

Британской телевизионной сетью UKTV был проведен опрос с участием около 4 тыс. человек, которым было предложено выбрать самые, на их взгляд, большие нелепости из заранее заготовленного списка действующих в Великобритании и других странах правовых норм. Небезынтересно, что среди таких нелепых законов оказался и принятый по инициативе Оливера Кромвеля в XVII веке запрет на употребление в день Рождества сладких пирожков, которые по старой британской традиции выпекают как раз в период рождественско-новогодних праздников. Почти половина участников опроса признались в регулярном нарушении этого закона.

Во многих случаях нелепости, обнаруживаемые в законах, действующих сегодня, имеют определенное историческое и ситуационное обоснование, и юмористический эффект в правосознании современного человека вызывает лишь то, что закон принадлежит иной эпохе и отраженные в нем реалии давно ушли в прошлое. Очевидно, что сегодня не имеет смысла действующий в Англии закон, запрещающий являться в здание Парламента в латах, хотя во времена Средневековья это было актуально. То же касается многих законов американских штатов.

В штате Аризона запрещено охотиться на верблюдов. Некогда для принятия такого закона были весомые основания: армия США использовала верблюдов в качестве тягловой силы. Местные же жители считали их новым видом диких животных и охотились на них, нанося таким образом ущерб обороноспособности страны. Или другой пример. В городе Мобил (штат Алабама) мужчинам запрещено выть по-волчьи в публичных местах. Этот запрет появился во времена, когда здесь квартировала воинская часть, носившая на нарукавном шевроне изображение волка. По вечерам солдаты собирались в местных барах и страшно выли, подражая волкам. Это раздражало горожан, и городские власти отреагировали, установив соответствующую правовую норму.

Сколько бы ни было подобных казусов, правосознание, основанное на верховенстве права и сформированное в массе народа на принципе законопослушания, легко справляется с задачей распознать, где действия правомерны, а где преступны. Принятый в обществе социальный порядок поддерживается при всех отклонениях. Структуры гражданского общества не дают праву как автономной системе развиваться бесконтрольно. Напротив, в обществе со слабым уровнем правосознания и соответственно с ослабленными возможностями правовой культуры даже самая стройная система законодательства не даст ожидаемого от нее эффекта.

Итак:

1. Правовая культура — одна из *сфер* культуры, специфику которой составляет главенство регулятивной функции и ее рациональная упорядоченность, а также определенный *аспект* культуры как общего регулятора коллективной жизни людей.

2. Правовая культура находит отражение в *тезаурусах* — комплексах знаний, понимания и умений, позволяющих человеку ориентироваться в окружающей социокультурной среде.

3. Основу правовых культур составляют системы *ценностей* — разделяемых в обществе (сообществе) убеждений относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения.

4. *Типология* правовых культур основывается на разделении (1) локальных и глобальных; (2) светских и религиозных; (3) примитивных и высокоразвитых правовых культур.

5. Движение от примитивных к высокоразвитым правовым культурам, диалектика локальных и глобальных, светских и религиозных правовых культур в ретроспективе и перспективе может быть прослежена в различных «магистральных сюжетах» правовой культуры, указывающих на источник правовых норм и на ценностную ориентацию в отношении к ним.

6. *Правосознание* представляет собой одну из форм общественного сознания, которая отражает отношение людей к праву и обеспечивающим его разработку и применение органам и организациям, представления о том, что законно и что преступно, а также готовность действовать в соответствии с законом или противодействовать ему.

7. Правосознание не является собранием идей, взглядов, установок, присущих всем людям во все времена. Оно несет на себе печать зависимости субъекта от предлагаемых обстоятельств и активности субъекта в достижении своих целей, а значит он представляет собой особый аспект личностного или группового тезауруса — *правовой тезаурус*. Его исследование — одна из важных задач социологии права.

ЛЕКЦИЯ 25. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА, ГОСУДАРСТВО, ПРАВО

- Государство и право как элементы общей и правовой культуры.
- Роль государства и права в формировании и развитии правовой культуры. Правовое воспитание.
- Влияние юридического образования на процесс формирования и развития правовой культуры.

Государство и право как элементы общей и правовой культуры

1. Несмотря на существующие в научной литературе разночтения относительно понятия и содержания правовой культуры как системы духовно-нравственных и правовых ценностей, выражающейся во вне в виде нормативно-правовых и индивидуальных актов, сложившегося в стране правопорядка, определенного уровня правосознания населения и т. д., — исследователи данного феномена единодушны в том, что правовая культура всегда была и остается *органически связанной с государством и правом*¹.

Причем в силу сложности и многогранности рассматриваемых явлений эта связь прослеживается на самых разных уровнях (сущностный, содержательный, формально-юридический, фактический), в разных аспектах и с разных сторон (институциональный, функциональный), а также в разных направлениях, формах и сферах (социальная, духовная, идеологическая, политическая и др.).

Кроме того, в отношении правовой культуры эта связь обуславливается также тем, что ее существование и функционирование с неизбежностью предполагает формирование и существование определенных *предпосылок*, которые в большинстве своем создаются *ею самой совместной с государственными и правовыми институтами*.

Среди них в научной литературе выделяются такие, как: а) определенный уровень правового сознания членов общества, их осмысленное восприятие правовой действительности; б) общие культурные элементы, определенный уровень развития цивилизации, «национальные корни и истоки, историческая память, обычаи и традиции»; в) надлежащий уровень знания населением действующего законодательства, а также уважения к закону; г) высокое качество правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности; д) наличие эффективных способов юридической деятельности законодательных, исполнительных и других государственных органов; е) законопослушность граждан и должностных лиц, поддержание в стране высокого уровня правопорядка и законности².

В основу органической связи и взаимодействия правовой культуры с государством и правом, в результате которых государство и право

¹ См.: Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М., 1991; Бондарев А. С. Юридическая ответственность и безответственность — стороны правовой культуры и антикультуры. СПб., 2008; Вопленко Н. Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000; Каландрашвили З. Н. Правовая культура молодежи современного российского общества: теоретико-правовой анализ. СПб., 2011; др.

² Право и культура / отв. ред. Н. С. Соколова. М., 2002. С. 386.

оказывают прямое воздействие на процесс ее формирования и развития, а правовая культура, в свою очередь, оказывает на них обратное воздействие, лежит целый *ряд объединяющих их* между собой в некое целостное образование *факторов*.

2. В их числе следует назвать, во-первых, *однотипность* материальных, социальных, политических, идеологических и иных *основ правовой культуры, государства и права*.

Используя формационный подход при рассмотрении данного вопроса, следует заметить, что существующая и функционирующая в рамках государственно-правового пространства на определенном историческом этапе развития общества правовая культура не может принципиально отличаться в социально-классовом смысле от действующих наряду с ней государства и права. Многовековой социально-политический опыт всех без исключения поколений недвусмысленно свидетельствует о том, что правовая культура как особое правовое свойство субъекта права всегда была и остается не абстрактным, а *конкретно-историческим явлением*, ибо, по справедливой констатации ученых «степень правовой развитости, правового совершенства субъекта права находится в прямой зависимости от конкретно-исторической ступени развития классового общества и его правовых ценностей»¹.

На всех этапах развития человеческой цивилизации определенный тип правовой культуры органически сочетался только с соответствующим типом государства и права. И наоборот, каждый тип государства и права всегда соотносился лишь с определенным типом правовой культуры.

В теоретическом, а тем более в практическом плане весьма трудно себе представить, чтобы, скажем, в условиях буржуазной государственно-правовой действительности могла существовать и функционировать рабовладельческая или иного типа правовая культура. Так же как и наоборот. К тому же не следует забывать, как отмечал Гольбах, что любая государственная власть поддерживает и лелеет только «свою», способствующую ее укреплению, а не любую культуру. Власть, утверждал, исходя из накопленного опыта и наблюдений, просветитель, «обыкновенно выгодным для себя считает поддерживать принятые взгляды, признаваемые ею необходимыми для укрепления своего господства». При этом выгодные ей «предрассудки и заблуждения поддерживаются силой, которая никогда не рассуждает»².

Во-вторых, в основе органической связи и взаимодействия правовой культуры с государством и правом лежит *общая*, существующая на том или ином историческом этапе развития общества и объединяющая их между собой *культура*.

Понимаемая как исторически сложившаяся в человеческом обществе система материальных и духовно-нравственных ценностей, общая

¹ Бондарев А. С. Правовая культура — фактор жизни права. М., 2012. С. 27.

² Гольбах П. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного / История политических и правовых учений: хрестоматия / сост. В. В. Ячевский. Воронеж, 2000. С. 438.

культура служит *одновременно базисом и средой*, на основе и под влиянием которой возникают и развиваются государственные и правовые институты, а также формируется и со временем отпочковывается от нее, наряду с другими ее разновидностями, правовая культура.

Подобно тому как, по справедливому утверждению Г. Еллинека, без государства и права невозможно никакое современное общество и «не достижима никакая общечеловеческая цель»¹, так и без общечеловеческой культуры как таковой вообще и правовой культуры в частности, невозможно существование и нормальное функционирование современного, цивилизованного государства и права.

Исходя из общности одностипных государственно-правовых и культурных учреждений, выступающих в пределах отдельных стран в виде определенного целостного образования, в теоретическом, практическом и методологическом плане *государство и право*, в целях их более глубокого и разностороннего познания, целесообразно рассматривать как *структурные элементы*, а точнее — *компоненты как общей, так и правовой культуры*.

При этом весьма важным представляется иметь в виду, что правовая культура, компонентами которой являются государство и право, пронизывает собой не только данные образования, но и правосознание, складывающиеся в том или ином социуме правовые отношения, правовую деятельность всех общественных и государственных органов².

Будучи порожденным человеческим разумом и в силу этого, выступая в отношениях с государством и правом, равно как и в отношениях с другими явлениями, в виде социального, а не природного феномена, правовая культура проявляется в двух *основных формах* — внутренней и внешней.

Одна из них — *внешняя*, зримо проявляющаяся форма предстает перед исследователем в виде правомерного поведения. Благодаря ей правовая культура не только обнаруживает себя, но и «делается доступной для непосредственного восприятия окружающими, их оценки и соответствующего реагирования»³.

Внешняя форма служит одним из важнейших каналов и одновременно одним из показателей степени воздействия правовой культуры на государство, право и окружающую ее среду.

Что же касается *внутренней*, зримо не воспринимаемой формы проявления правовой культуры, то она находится, по мнению исследователей данного феномена, «в правосознании субъектов права в виде их правовых знаний и правовой убежденности, мотивирующих и направляющих их правомерную деятельность»⁴. В силу своих особенностей

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 192.

² См.: Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974; Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974; Бондарев А. С. Правовая антикультура в правовом пространстве общества. Пермь, 2006; др.

³ Бондарев А. С. Правовая культура — фактор жизни права. С. 31.

⁴ Там же.

внутренняя форма, по сравнению с внешней, не оказывает значительного непосредственного влияния на государственно-правовую жизнь в целом или же на отдельные ее фрагменты. Ее влияние проявляется в основном опосредованно, через те или иные правомерные действия или отдельные поступки субъектов права, мотивированные их правовой убежденностью, а также знанием и уважением действующих законов.

Иными словами, свое влияние на окружающий мир внутренняя форма, а фактически — сущность и содержание правовой культуры, оказывает в основном благодаря ее трансформации во внешнюю форму.

Однако, данное положение не следует абсолютизировать, поскольку *в историческом плане* уровень развития государства и права в значительной степени *непосредственно предопределяется* уровнем развития общей правовой культуры — ее сущностью и содержанием. В особенности уровнем развития правового сознания населения.

В связи с этим И. Ильин, говоря о важности «нормального правосознания» как «особого способа жизни, которым живет душа, *предметно и верно* переживая право в его основной идее и в его единичных видоизменениях (институтах)», особо подчеркивал, что жизнь и деятельность как государства, так и права «должны быть *проявлением самодетельности граждан*». Ведь государство, порождающее позитивное право, не есть учреждение, «возносящееся над гражданами, а корпорация, существующая ими, в них и через них». Государство, — подытоживал автор, — «есть союз, творимый гражданами, и самоотверженной и в то же время свободной самодетельностью»¹.

И, в-третьих, в основе неразрывной связи и взаимообусловленности правовой культуры государства и права лежит их *одинаковая социально-классовая целенаправленность, общие*, разделяемые ими *ценности*, в конечном счете, общие, выражаемые ими и защищаемые интересы.

Не только государство, как полагал Г. Еллинек, «есть целевое единство»², но таковым может и право как элемент общей и правовой культуры, а вместе с тем и формируемое на базе общей и правовой культуры государственно-правовое образование.

Разумеется, это отнюдь не исключает наличия внутренних противоречий и, соответственно, в процессе разрешения их в рамках данного образования, также как и в пределах государства и права, внутренней борьбы.

Внутренняя борьба, в частности, в положительном праве, рассуждал И. Ильин, возникает вследствие того, что «воля к праву разлагается на два противоположных течения: с одной стороны, воля к *цели права* зовет к правовому праву и к творческому обновлению правопорядка; с другой стороны, та же *воля к цели права* зовет к осуществлению нарушимости положительного права»³.

¹ Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 144, 166.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 170.

³ Ильин И. А. Указ. соч. С. 221.

Аналогичные противоречия и борьба в процессе их разрешения могут возникать и возникают не только внутри положительного (позитивного) права, но и в пределах формирующегося на базе общей и правовой культуры государственно-правового образования.

Однако эти противоречия и возникающая при их разрешении борьба сами по себе «не делают погоды» и соответственно не оказывают существенного влияния как на характер самих государства и права — элементов общей и правовой культуры, так и на характер их взаимоотношений. Ситуация в корне меняется лишь тогда, когда в социальной структуре общества, в отношениях между различными слоями и классами, между правящими и управляемыми существенно нарушается баланс, в результате чего со значительной долей вероятности могут возникнуть радикальные изменения как в государстве и праве, так и в отношениях между ними.

Роль государства и права в формировании и развитии правовой культуры. Правовое воспитание

1. Ни государство, ни исходящее от него позитивное право никогда не оставались пассивными по отношению как к общей человеческой культуре, которая нередко переплеталась с официальной идеологией, так и по отношению к правовой культуре, которая зачастую ассоциировалась с правовой политикой государства и с правовой идеологией.

Об особом внимании и активной влиянии государства, а вместе с ними и права, на процесс формирования и развития культуры свидетельствует, с одной стороны, многовековая социально-политическая практика, а с другой — многочисленные исследования в данной области.

Государство в лице правительства, замечал по этому поводу П. Гольбах, «неизбежно влияет в равной мере как на физическую, так и на духовную сторону жизни народов». В том смысле если «своей заботливостью, — рассуждал автор, — оно побуждает граждан к трудолюбию и деятельности», то результатом этого будет «изобилие и здоровье граждан». В противном случае — в случае «невнимательного и несправедливого» его отношения к гражданам это повлечет за собой «лень, апатию, голод, заразные болезни, пороки и преступления»¹. От правительства зависит, резюмировал просветитель, «вызвать к жизни или задуть таланты, трудолюбие, добродетель». В своем повседневном функционировании «оно разжигает страсти граждан, оно направляет их в выгодную ему сторону, оно видоизменяет их и *определяет нравы*, которые как у народов, так и у отдельных индивидов есть не что иное, как поведение, т. е. совокупность желаний и поступков, необходимо *вытекающих из воспитания людей*, их образа правления, законов, религиозных взглядов, разумных и бессмысленных учреждений»².

¹ Гольбах П. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. С. 437.

² Там же.

Аналогичные мысли и суждения, касающиеся влияния государства (через право или помимо права) на процесс формирования и развития общей и правовой культуры общества многократно высказывались в многочисленных работах и другими авторами. В частности, И. Ильиным, который считал, что «особенную важность получают заботы государства об умственном развитии народа», ибо «образование ума, расширение кругозора и углубление мысли необходимы человеку во всех отношениях и прежде всего для того, чтобы исполнить свое высшее назначение: *осуществить на земле жизнь духовно-значительную и нравственно-совершенную*»¹. Развитие ума и интеллекта человека, продолжал автор, есть путь к «истинному знанию, благородной воле, чистому чувству и прекрасному искусству», а для государства «к этому присоединяется еще необходимость создать развитое и твердое *правосознание*, невозможное среди умственно-отсталого народа». В силу этого, заключал ученый, «основные задачи государства заставляют его взять на себя заботу о народном образовании, о всеобщем обучении и о поддержании наук и искусств»².

Разумеется, будучи неотъемлемой составной частью окружающей среды и оказывая при этом влияние на процесс формирования и развития общей и правовой культуры, государство и право не могут успешно действовать само по себе, в отрыве от других, порожденных обществом и функционирующих в рамках общества социальных институтов. Государство, резонно замечал по этому поводу Э. Дюркгейм, «слишком далеко от индивидов, оно поддерживает с ними слишком поверхностные и неустойчивые отношения, чтобы иметь возможность глубоко проникнуть в индивидуальные сознания и внутренним образом социализировать их»³.

В ходе воздействия государства и права на процесс формирования и развития общей культуры — ее различные стороны и свойства в виде универсальности, многокачественности, динамизма»⁴, а в рамках общей культуры — на правовую культуру, в своей деятельности эти феномены неизбежно опираются на самые различные — профсоюзные, молодежные, кооперативные и другие социальные и социально-политические институты.

При этом используются самые разнообразные пути, методы и формы воздействия государства (преимущественно через право) на процесс формирования и развития правовой культуры. Учитываются также различные экономические, социальные, политические, юридические и иные *факторы*, которые оказывают как позитивное, так и негативное влияние на данный процесс.

¹ Ильин И. А. Теория права и государства. С. 143.

² Там же.

³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 32.

⁴ Подробнее об этом см.: Барулин В. С. Социальная философия. Ч. 2. М., 1993. С. 128—129.

Среди такого рода факторов можно указать, например, на *качество законов* как на юридический фактор, который в зависимости от уровня этого качества может играть в процессе формирования и развития правовой культуры отдельных индивидов и всего общества в целом как позитивную, так и негативную роль.

Высококачественные законы и другие нормативные правовые акты, получая одобрение и активную поддержку со стороны значительной части населения, несомненно, играют по отношению к правовой культуре — к процессу ее формирования и развития — позитивную роль. Чем выше уровень качества законов и других нормативно-правовых актов, тем более значимую в данном процессе они играют роль. И, наоборот.

Понятно, что если не идеализировать современное или любое иное государственно-организованное общество и не представлять его в виде некоего социального монолита, где нет социально-классового расслоения со всеми вытекающими из этого последствиями, то, помимо всего прочего, неизбежно встанет вопрос о *критериях оценки качества* законов и подзаконных актов, а вместе с тем — о степени и характере их воздействия на правовую культуру общества.

Ведь качество законов и других нормативных правовых актов складывается, как известно, не только из технических, а точнее — *формально-юридических компонентов*, указывающих на то, насколько профессионально подготовлен тот или иной правовой акт, но и из *социально-классовых элементов*, свидетельствующих о том, в какой мере данный акт отвечает интересам если не всего, то по крайней мере большинства членов общества и соответственно — в какой степени он пользуется их поддержкой и доверием.

Не нужно быть экспертом в правотворческой сфере, чтобы понять, в частности, на примере трудового права и некоторых других отраслей правовой системы постсоветской России, что целый ряд законов, фактически обслуживающих интересы финансового и иного крупного капитала, оцениваются им, естественно, весьма позитивно и представляются в виде «высококачественных актов». Основным критерий оценки их качества в данном случае сводится по логике вещей к степени выражения и степени защиты ими его экономических, финансовых и иных интересов.

Но будут ли рассматриваться как «высококачественные» эти акты *с точки зрения интересов остальной, подавляющей в своем большинстве, части общества*? В полной мере — нет, не будут.

С технической (формально-юридической) точки зрения они могут отвечать всем требованиям юридической техники и в этом смысле представляться в качестве актов «высшей пробы». Однако с социально-классовых позиций, *с точки зрения интересов всего общества* такие акты несомненно, будут рассматриваться как ущербные для настоящего и будущего общества и в конечном счете — для самого государства, принимающего и обеспечивающего реализацию таких законов. Ведь основной смысл и подлинное назначение настоящих, здравых и полноценных законов в современном обществе, причисляющем себя к разряду цивилизованных

социумов, — служить всему обществу, защищать его ценности и интересы, а не обслуживать эгоистические интересы и прихоти его отдельных, избранных членов, стоящих у власти или прильнувших к власти.

Касаясь данной темы и исходя из того, что «все законы вытекают из деятельности разума, т. е. наших размышлений о собственной природе», П. Гольбах вполне обоснованно заявлял, что «хорошими являются только те законы, которые соответствуют природе человека и обязывают его выполнять свой долг по отношению ко всем другим членам общества; нравственность — это осознание указанных обязанностей; добродетель состоит в том, чтобы *приносить пользу обществу*; общество должно обеспечить благосостояние тем, кто ему полезен; оказываемая им помощь и доставляемые им преимущества — основа его власти над гражданами; никакая власть не может быть справедливой, если целью ее не является благо людей»¹.

В идеале «высококачественными», «хорошими» законами оказывающими как юридический фактор максимальное влияние на процесс формирования и развития правовой культуры отдельных индивидов и общества в целом, можно было бы считать те из них, в которых предельно высокий уровень их формально-юридической (технической) составляющей органически сочетался бы с аналогичным уровнем их фактической, социально-классовой составляющей, отражающей в себе интересы и ценности не отдельных людей, слоев и классов, а всех без исключения членов общества.

Однако как показывает исторический социально-политический опыт, это не более чем идеал, в определенном смысле иллюзия, виртуальность, но отнюдь не вчерашняя или сегодняшняя американская, западноевропейская, российская или иная реальность.

В силу глубокой материальной и, как следствие, — социально-политической, культурной, идеологической и иной раздробленности общества, где, как в постсоветской России, небольшое число «креативных» граждан жирует за счет других своих сограждан, а десятки миллионов их соотечественников живут за чертой бедности, законодатель при всем желании не может принимать законы, которые бы в равной мере выражали и защищали интересы всех и одинаково оценивались бы всеми как «высококачественные», «хорошие» законы, в максимальной степени воздействующие на все сферы жизни общества, включая общую и правовую культуру.

В ранних академических кругах, правда, предпринимались попытки разработки общих критериев определения «высококачественных» законов — «законов, доведенных до максимума совершенства», ассоциирующихся с достижением «максимума счастья» у людей², но они касались преимущественно их технической (формально-юридической), а не социально-классовой стороны. В то же время с точки зрения эффективности права и отдельных законов и их социальной значимости, в том

¹ Гольбах П. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления. Т. I. Об обществе // История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 439, 442.

² Бентам И. Принципы законодательства // История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 631.

числе в плане их воздействия на процесс формирования и развития, правовой культуры, последняя — социально-классовая сторона имеет не меньшее, а зачастую гораздо большее значение, нежели их формально-юридическая сторона.

Говоря о качестве законов как о юридическом факторе, оказывающем значительное воздействие на процесс формирования и развития правовой культуры, следует особо отметить, что в реальной действительности данный фактор действует не сам по себе, а в системе других — материальных, социальных, духовных и иных факторов¹.

2. Какими путями и в каких формах воздействуют государство и право на процесс формирования и развития правовой культуры? Какие методы при этом используются?

Отвечая на эти и другие им подобные вопросы, необходимо обратить внимание прежде всего на традиционные пути и формы влияния государства и права на правовую культуру в процессе ее формирования и последующего развития. Это *правовое воспитание населения и юридическое образование*.

В государственно-правовой теории и в повседневной жизни общества и государства правовому, равно как и любому иному, воспитанию и образованию всегда уделялось повышенное внимание, поскольку от их уровня в значительной степени зависит в конечном счете благополучие как общества, так и государства.

«Социальное средство воспитания», писал по этому поводу М. Ориу, «является средством, рассчитанным на длительный промежуток времени». Оно было бы, в частности, «достаточным для борьбы с кризисами государственного режима, если бы эти последние всегда развивались медленным темпом; но эти кризисы, напротив того, изобилуют жестокими и кровавыми событиями, революциями и государственными переворотами, беспорядками и гражданскими войнами»².

Указывая на важность различных форм и «сил воспитания», в качестве которых выступает семья, общество, государство и церковь, автор заблаговременно упреждал, что «нельзя пренебрегать ни одной из этих воспитательных сил, так как каждая из них играет свою роль». При этом «интерес государства, — подытоживал автор, — заключается в том, чтобы найти применение всем этим силам»³.

В государственно-правовом плане, как показывает опыт, в системе «воспитательных сил» и средств, при всей их важности и в определенной степени незаменимости, на первом месте все же несомненно стоит государство и исходящее от него позитивное право, а среди различных направлений его воспитательной деятельности — *правовое воспитание*.

¹ См.: Право и социология / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Казамирчук. М., 1973; Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974; Каландаршвили З. Н. Правовая культура современного общества. СПб., 2008; Сырых В. М. Социология права. 4-е изд. М., 2012; и др.

² Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 735.

³ Там же. С. 734.

Будучи неотъемлемой составной *частью идеологической функции государства* и в то же время обладая *относительной самостоятельностью* по отношению к политическому, этическому и другим видам воспитательной деятельности государства и иных «воспитательных сил», правовое воспитание как явление не имеет однозначного определения понятия и соответствующего сложившегося у его исследователей представления.

Возникающие время от времени по общему вопросу споры не имеют, как представляется, принципиального характера, поскольку расхождения во взглядах авторов зачастую касаются лишь частных вопросов¹.

Среди многочисленных определений понятия правового воспитания, сложившихся в юридической и социологической литературе за последние годы, наиболее адекватно отражающим данное явление представляется определение, согласно которому правовое воспитание рассматривается прежде всего как целенаправленная систематическая деятельность государства в лице его соответствующих органов и должностных лиц, а также «общественных объединений и трудовых коллективов по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры»².

Предмет правового воспитания отдельной личности или в целом социума заключается в правовом аспекте их социально-психологических свойств. *Объектом правового воспитания* является сам индивид и коллектив, а точнее — их сознание и поведение³.

Касаясь особенностей воспитания как перманентного процесса, составной частью которого является правовое воспитание, и исходя из того, что «воспитание — явление главным образом социальное как по своим функциям, так и по происхождению», Э. Дюркгейм обращал особое внимание на сугубо конкретный характер воспитания в каждом социуме и в каждой стране, на то, что «не бывает воспитания, повсеместно пригодного для всего человеческого рода». Более того, констатировал основатель французской социологической школы, «не бывает, в известном смысле, общества, где бы различные педагогические системы» — системы воспитания и обучения не существовали бы и не функционировали бы параллельно⁴.

Основная причина такого конкретного, индивидуального подхода к воспитанию вообще и к правовому воспитанию, в частности, заключается, во-первых, в необходимости использования, наряду с государственными, также и функционирующих в каждой стране своих особых общественных «воспитательных сил». А во-вторых, в необходимости и важности в процессе воспитания индивида или социума той или иной страны в максимальной степени опираться на сложившиеся в стране

¹ Подробнее об этом см.: *Бондарев А. С.* Правовая культура — фактор жизни права. М., 2012. С. 165—168.

² *Право и культура* / отв. ред. Н. С. Соколова. М., 2002. С. 396.

³ *Правовое воспитание и социальная активность населения.* Киев, 1979. С. 101—103.

⁴ *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1994. С. 245, 247.

исторические, национальные и иные традиции, а также на различные правовые обычаи.

Будучи неотъемлемой составной частью процесса социализации личности или группы лиц, правовое воспитание традиционно осуществляется с помощью таких *средств*, как правовая пропаганда, правовое обучение, юридическая практика, а также правовое самообразование и самовоспитание¹. Основной целью и задачей применения этих и иных средств, как верно указывается в научной литературе, является обеспечение «правовой информированности, предполагающее передачу, восприятие, преобразование и использование информации о праве и практике его реализации»².

В плане повышения эффективности правового воспитания в современной России исследователи вполне оправданно и обоснованно предлагают воссоздать централизованную, в масштабе всей страны, систему правового воспитания населения, а также в связи с этим разработать и законодательно утвердить специальную, «федеральную целевую программу развития правовой культуры в Российской Федерации»³.

Представляется, что не будет зазорным для постсоветских «либеральных» властей, по неразумению зачастую «с порога» отрицающих любой советский опыт, использовать те весьма положительные наработки в данной области, которые имелись в Советском Союзе и с лихвой себя оправдывали.

Речь идет, в частности, о работе специальных комиссий по правовому воспитанию населения при Министерстве юстиции СССР и союзных республик; об общесоюзных программах, направленных на повышение экономической и юридической грамотности населения; о разносторонней просветительской работе общества «Знание»; об издании огромными тиражами доступной во всех отношениях каждому желающему популярной правовой литературы и т. д.

Разумное, с учетом современных российских «демократических» и иных реалий, использование данного опыта несомненно способствовало бы повышению и углублению правовой культуры постсоветского общества.

Влияние юридического образования на процесс формирования и развития правовой культуры

1. Наряду и параллельно с правовым воспитанием огромное влияние на процесс формирования и развития правовой культуры оказывает *юридическое образование*.

¹ См.: Зенин В. П. Формы, методы и система правового воспитания // Правовое воспитание и правовая активность населения. Киев, 1979; Татаринцева Е. В. Правовое воспитание. Методология и методика. М., 1990; и др.

² Право и культура. С. 398.

³ Право и социология. С. 399—401; Бондарев А. С. Правовая культура — фактор жизни права. С. 180—192; и др.

В этимологическом и отчасти в философском плане образование как таковое, составной частью или разновидностью которого является юридическое образование, рассматривается как «процесс руководства приобщением молодых поколений к тем формам чувствования, думания и поведения, которые характерны для общества на данном этапе его развития»¹.

В практическом, утилитарном плане юридическое образование представляется в виде процесса передачи правовых знаний и юридических навыков от прежних поколений новым поколениям и усвоения их последними с целью использования в повседневной жизнедеятельности отдельного человека, всего общества и государства.

Система юридического образования, состоящая из высшего и среднего уровней, а ныне, в условиях глобализации и регионализации — из магистратуры и бакалавриата, никогда не оставалась неизменной, а развивалась и, как правило, совершенствовалась вместе с обществом и всегда оказывала трудно переоцененное влияние на правовую культуру. Исторически, как показывает социально-политический и юридический опыт всех ранее существовавших и ныне существующих государственно-правовых систем, между уровнем развития юридического образования и уровнем правовой культуры общества существует прямая и обратная связь, а также взаимозависимость друг от друга.

В теоретическом и практическом отношении это означает, что чем выше уровень юридического образования в стране, тем сильнее его воздействие на социальную и государственно-правовую среду и тем выше уровень правовой культуры общества. И наоборот, чем слабее система юридического образования в стране, тем ниже уровень правовой культуры. Ибо от количества людей, получивших юридическое образование, а главное — от качества последнего² напрямую зависят количественная и качественная стороны правовой культуры, поскольку каждый выпускник образовательных юридических учреждений — носитель профессиональных правовых знаний по логике вещей является не только и даже не столько объектом, сколько *субъектом* — творцом, хранителем и продолжателем сложившейся в стране и за ее пределами правовой культуры.

Исходя из этого не трудно понять, почему на протяжении всей истории существования и функционирования государства и права теоретиками права и практиками неизменно уделялось огромное внимание юридическому образованию — его количественной и в особенности качественной составляющей.

Качество юридического образования при этом вполне оправданно представляется как «характеристика системы образования», отражающая степень соответствия реально достигаемых результатов, существующим на данный момент образовательным стандартам и «нормативным тре-

¹ Ильинский И. Образовательная революция. М., 2002, С. 165.

² Вроейстийн А. И. Оценка качества высшего образования. М., 2000; Качество образования: технологии, экономика, законодательство. Материалы IX межрегиональной научно-методической конференции (17—18 ноября 2006 г.) / отв. ред. В. В. Тирский. Томск, 2007; и др.

бованиям, социальным и личностным ожиданиям» обучающихся и обучающихся¹.

Весьма важную роль при определении качества юридического образования и соответственно степени воздействия последнего на правовую культуру всегда играли и продолжают играть *критерии* его объективной оценки и установления уровня его развития.

В качестве таковых в одних случаях рассматривается уровень соответствия учебного процесса требованиям государственных образовательных стандартов. В других за основу берутся соответствующие социологические исследования, их данные, полученные при опросах студентов, преподавателей и других сотрудников юридических образовательных учреждений. А в третьих случаях в качестве критериев определения уровня юридического и любого иного образования предлагается рассматривать отзывы так называемых работодателей, соответствующие материалы СМИ и всякого рода рейтинги, среди которых, по мнению специалистов, нет такого, который объективно и целостно оценивал бы деятельность образовательного учреждения или качество образовательной программы².

Решая вопрос о критериях определения качества юридического, равно как и любого иного образования, не следует, как представляется, искать легких и простых путей. Для всесторонней оценки качества такого сложного, многопланового, а нередко и внутренне противоречивого явления, каковым в реальной действительности позиционируется юридическое образование, необходим только *комплексный подход* и соответствующий ему критерий, а точнее — критерии. Представляется важным при этом учитывать, с одной стороны, теоретический уровень обучающихся — уровень их профессиональных знаний, а с другой — способность применять в повседневной жизни эти знания³.

2. Не менее важным представляется для объективной оценки уровня развития и качества юридического образования, в значительной степени предопределяющего уровень развития правовой культуры, учитывать также те многочисленные — экономические, социальные, политические, финансовые и иные *факторы*, которые способствуют развитию и совершенствованию юридического образования, а вместе с тем — и правовой культуры в стране, и те, которые, наоборот, создают препятствия на пути этого процесса.

Последние, как свидетельствует исторический опыт, могут не только временно затормозить развитие юридического и иного образования, но и отбросить его далеко назад, привести в конечном счете к трудно преодолимому кризису и к упадку.

¹ Шеслер А. В. Критерии образовательной ниши высшего учебного заведения; Балокан М. Я. Критерии оценки качества образования // Качество образования: экономика, законодательство, технологии. Материалы XII научно-практической конференции (20—21 ноября 2009 г.) / отв. ред. В. В. Тирский. Томск, 2010. С. 15—18; 27—28.

² Балокан М. Я. Критерии оценки качества образования. С. 28.

³ См.: Актуальные проблемы высшего юридического образования. Материалы секции 11 VII Международной научно-практической конференции «Высшее образование для XXI века» (Москва, 18—20 ноября 2010 г.) / под ред. Т. А. Сошниковой. М., 2010.

В качестве примера можно сослаться на *«глобальный кризис образования»*, который возник в силу социально-экономических, политических и других причин на Западе и о котором заговорили западные эксперты еще в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Основные признания этого образовательного недуга проявились, как верно подмечает И. Ильинский, в том, что: «1) учащиеся и студенты все меньше знают; 2) все хуже владеют полученным знаниями на практике; 3) все чаще пасуют, когда оказываются в нестандартной ситуации, сталкиваются с нетривиальными задачами»¹.

Ярким примером кризиса юридического образования *в масштабе отдельно взятой страны* может служить кризис системы юридического образования в постсоветской России, возникший в силу разрушения СССР и последующего проведения «демократических» реформ, имевших чрезвычайно пагубные последствия для всех сфер жизни общества, в том числе для правовой культуры и юридического образования.

Конечным итогом «демократических» преобразований в сфере юридического образования, проводившихся на «либеральной» основе в течение более чем 20 лет, стало, как известно, резкое падение качества образования и соответственно уровня подготовки юристов-специалистов².

Следует заметить, что вопрос о причинах падения качества юридического образования в современной России стоит гораздо глубже и серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Ибо речь идет не об отдельных частностях и упущениях в подготовке высококвалифицированных специалистов-юристов, а о глубоком *кризисе всей системы юридического образования*, являющегося составной частью, плоть от плоти того всеобщего кризиса, который поразил в «ельцинскую эпоху» всю страну.

3. Каковы основные «слагаемые» кризисного состояния современной системы юридического образования в России, пагубно сказавшегося на его качестве и на уровне правовой культуры в стране? Из чего оно складывается и в чем проявляется?

Отвечая на эти и им подобные вопросы, необходимо выделить прежде всего следующие негативные факторы — «слагаемые кризиса» высшего юридического образования.

Во-первых, беспрецедентный дефицит высококвалифицированных преподавательских кадров и резкое (причем — повсеместное) падение уровня вузовского юридического преподавания, возникшие еще в 1990-е гг.

Низкая заработная плата, рост цен, девальвация и прочие хорошо известные большинству российских граждан социально-экономические, финансовые невзгоды заставили профессоров и преподавателей юридических вузов искать дополнительные средства для выживания, работать в двух-трех, а то и более местах.

Естественно, это не могло не сказаться самым негативным образом на качестве преподавания как на основных, так и на дополнительных

¹ Ильинский И. Образовательная революция. С. 173.

² См.: Наука в XXI веке. Юридическое образование в современной России: состояние и перспективы развития / отв. ред. Д. А. Керимов, М. Н. Марченко. М., 2006.

местах работы. Не говоря уже о воспитательной и иной «сопутствующей» преподаванию в вузах деятельности. С неизбежностью появился процесс довольно быстрого выхолащивания профессионально-творческих начал даже у наиболее опытных преподавателей юридических вузов, процесс превращения лектора-творца в лектора-ремесленника.

Вынужденная работа по совместительству большинства преподавателей юридических вузов во вновь сформированных образовательных структурах отнюдь не решила проблему дефицита высококвалифицированных преподавательских кадров. Наоборот, почти трехкратное увеличение количества юридических вузов и их многочисленных филиалов, возникших за последние 20 лет, по сравнению с периодом конца 80-х — начала 90-х гг., когда также в ряде юридических вузов (Сибири, Якутии и др.) ощущался кадровый голод, весьма усугубило данную проблему. В результате этого даже в некоторых московских, возникших за последние годы, образовательных учреждениях место лектора-профессора заняли лекторы-аспиранты и ассистенты, а семинарские занятия стали проводиться студентами старших курсов «классических» юридических вузов.

Во-вторых, резкое снижение фундаментальных научных исследований, а также методической и методологической работы в юридических вузах.

На потребу дня перспективные научные исследования стали все чаще *подменяться прикладными исследованиями*, а серьезные монографические работы — объемными, *имеющими широкий рыночный спрос* комментариями гражданского, банковского, налогового, финансового и иного законодательства.

Отдельные методические разработки, появившиеся за последние годы в связи с чрезвычайно быстрым расширением экстерната, введение дистантного и других, менее затратных, а значит более прибыльных форм обучения по сравнению с регулярным дневным обучением, отнюдь, *сколько-нибудь заметно не расширили и не обогатили методическую базу юридического образования.*

К тому же эпизодические усилия в данной области не могут заменить собой, а тем более компенсировать систематическую методическую работу.

Аналогично дело обстоит в области юриспруденции и с *методологической работой*. Здесь ситуация еще более печальная. Усугубилась она, помимо всего прочего, еще и тем, что по недоразумению или по невежеству все методологические проблемы современной юридической науки негласно, но огульно сведены в основном к перепеву старых, дореволюционных (октябрь 1917 г.) методологических песен или же к конъюнктурной критике марксизма, большевизма, коммунизма и пр. В результате имеем то, что имеем. А точнее — не имеем — в виде добротных, отвечающих современным требованиям методологических работ.

В-третьих, ориентация значительной части юридических вузов в силу финансовых и других причин не столько на качественную сторону обучения, на совершенствование учебного процесса, сколько *на количественный на договорных началах набор и ускоренный выпуск* как можно большего числа студентов.

В особенности это касается юридических вузов, перешедших на многоуровневую систему обучения (бакалавр, специалист, магистр), а также вузов, далеко не бескорыстно по отношению к студентам и их родителям использующих так называемые новые образовательные технологии, экстернат и другие формы обучения для сокращения учебных программ и соответственно сроков обучения.

Это тем более легко делается, что практически *отсутствует эффективный промежуточный контроль* (в период между аттестацией или аккредитацией вузов) за качеством обучения со стороны Министерства общего и профессионального образования РФ, а тем более — со стороны других каких-либо государственных и общественных структур. Благие намерения Минвуза и Минюста России создать некую контрольную межведомственную комиссию, в том числе и для этих целей, так и остались, впрочем, как и многое другое в этой области, лишь благими намерениями.

В-четвертых, публикация огромного количества низкопробной учебной литературы практически по всем дисциплинам юридического профиля.

Появление ее и относительно высокий рыночный спрос на нее обусловлен, с одной стороны, возникновением множества разношерстных юридических образовательных учреждений, без разбора поглощающих любую по качеству юридическую продукцию. А с другой — имевшимся дефицитом по многим юридическим дисциплинам высококачественных учебников и учебных пособий.

Грифованная и, как правило, доброкачественная продукция в виде учебников, хрестоматий и учебных пособий буквально утонула в нахлынувшем потоке низкопробной продукции. К тому же она далеко не всегда могла и может быть по достоинству оценена руководителями многих новых юридических учебных заведений, зачастую не имевших и не имеющих никакого отношения к юридической профессии.

В силу этого и ряда других причин при формировании книжного фонда в новых юридических вузах предпочтение нередко отдается тем учебным изданиям, которые на рынке сбыта можно купить по относительно низким, демпинговым ценам. По таким ценам зачастую продавалась и продается лишь низкопробная учебная литература.

В-пятых, отсутствие должного, отвечающего долгосрочным интересам общества и государства, динамизма учебных планов юридических вузов и программ, *а также их сбалансированности.*

Речь идет, в частности, о том, что если в доперестроечный, дорыночный период в учебных планах и программах наблюдался явный крен в сторону уголовно-правовых дисциплин, то в настоящее время имеет место явный перекося в другую сторону, а именно в сторону гражданско-правовых, цивилистических дисциплин. Из одной крайности бросились в другую, *не менее пагубную для долгосрочных интересов общества и государства*, чем первая.

Нет необходимости доказывать очевидное, суть которого заключается в том, что нормальное, сбалансированное развитие современного государства и общества с неизбежностью предполагает наличие специалистов в области государства и права всех без исключения, а не только

отдельных направлений. В противном случае это будет и впредь негативно сказываться, в системе других факторов, на уровне государственного управления, а также на уровне правовой защищенности и сбалансированности общества.

Вполне очевидной в настоящее время является, например, необходимость введения в учебные планы таких дисциплин, как «сравнительное правоведение (общая и особенная части)», которое преподается в зарубежных вузах уже почти две сотни лет, «философия права», «юридическая конфликтология», «компьютерное» право», и др.

В-шестых, *проявление все более зримых признаков профессионального и морального выхолащивания юридической специальности среди широких слоев населения, а вместе с тем и системы высшего юридического образования.*

Упрощенное, слегка поверхностное отношение значительной части общества к юридической профессии и к получению юридического образования в российской действительности в определенной мере было всегда. Считалось, в частности, что не нужно прилагать особых усилий для того, чтобы получить юридическое образование и начать заниматься правотворческой, правоприменительной или любым иным видом юридической деятельности.

В настоящее же время такое отношение к юридическому образованию, охватившее и многие вновь созданные учебные заведения, судя по целому ряду внешних признаков, достигло своего апогея. Свидетельством этому могут служить, в частности, публичные заявления некоторых руководителей, порожденных рынком образовательных структур, о виртуальности юридического образования. Рассуждения их о возможности получения полноценного юридического образования лишь с помощью Интернета или спутниковой связи и т. д.

Такого рода легковесное отношение к юридическому образованию, естественно, не может негативно не сказаться на его качестве, а вместе с тем на правопорядке в стране, на правовой культуре общества, а также на эффективности государства и права.

Упадок системы юридического образования и, как следствие, резкое снижение его качества, отнюдь не являются «прерогативой» постсоветской России, где процветают коррупция на всех уровнях государственной власти и другие негативные явления. Как показывает общественно-политическая практика и повседневная жизнь, это в значительной мере касается также многих других «цивилизованных» стран, где наблюдается чрезмерная коммерциализация юридического, равно как и любого иного вида образования, и где последнее рассматривается в виде обычной «услуги», как повседневно предлагаемый для продажи и покупаемый товар.

Подобного рода упрощенное, если не сказать примитивное, отношение к юридическому образованию, в корне подрывает и искажает его изначальную высокогуманную, социально значимую в самом широком смысле, высокоинтеллектуальную природу и характер, неизбежно ведет к деградации юридического образования и упадку органически связанной с ним правовой культуры.

Раздел VI

СОЦИОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

ЛЕКЦИЯ 26. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА

- Понятие правовой политики.
- Субъекты правовой политики.
- Механизм реализации правовой политики.
- Федеральная и региональная политика: проблемы взаимосвязи и взаимодействия (на примере современной России).

Понятие правовой политики

1. В исследованиях отечественных и зарубежных авторов вопросам, касающимся правовой политики, уделяется значительное внимание, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные издания в виде книг, брошюр, статей; научные конференции; заседания круглых столов и т. д.¹

Рассматриваются различные стороны данного явления, начиная с раскрытия его сущности и содержания и закончив анализом форм и методов его проявления.

Традиционно правовая политика, за редким исключением, исследуется преимущественно с позиций общей теории государства и права, что является вполне понятным и оправданным, поскольку речь идет о правовом явлении и соответственно о «правовой политике» как юридической категории.

Однако, такой подход, как представляется, не дает и не может дать полного представления об исследуемом явлении. Ведь правовая политика, как бы она не понималась и не представлялась, будучи по своей природе и характеру продуктом преимущественно государственной деятельности, формируется и осуществляется не только в сугубо государственной, точнее — государственно-правовой, но и в «негосударственной», в широком смысле — социальной среде.

На процесс формирования и реализации правовой политики оказывают постоянное влияние не только внутригосударственные «чисто» политические или юридические, но и экономические, финансовые, психологические, идеологические и многие другие «внешние» по от-

¹ См.: *Алексеев С. С.* Основы правовой политики в России: курс лекций. М., 1995; *Правовая политика: федеральные и религиозные проблемы. Материалы конференции* / под ред. Н. И. Матузова. Саратов; Тольятти, 2001; *Правовая политика субъектов Российской Федерации. Материалы круглого стола.* Владивосток, 2002; *Российская правовая политика: курс лекций* / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2003; *Малько А. В., Шундигов К. В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003; *Пушило Н. В.* Правовая политика современного демократического государства // *Социология права* / под ред. В. М. Сырых М., 2004; *Солдаткина О. Л.* Цели в правовой политике: системный анализ // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2009. № 3; и др. См.: *Социология права* / под ред. В. М. Сырых. М., 2001. С. 140—143.

ношению к внутригосударственной жизнедеятельности и проводимой государством правовой или иной политике факторы¹.

Аксиоматичным, не подлежащим никакому сомнению, является тот факт, что реальная, а не формально закреплённая и декларируемая политика, независимо от того, в какой сфере жизни общества она провозглашается и осуществляется, не может практически состояться, если она не учитывает в процессе своего формирования и функционирования состояние политической, социальной и правовой системы общества, уровень развития экономики и культуры, особенности культивируемой в стране идеологии, а также все иные, оказывающие на нее прямое или косвенное влияние реалии. Данное обстоятельство касается всех без исключения видов и разновидностей государственной политики, включая, разумеется, и правовую политику.

Это бесспорно, так же как бесспорным в силу сказанного представляется и то, что глубокое и разностороннее познание последней невозможно осуществить лишь с позиций одной какой-либо дисциплины, в данном случае — общей теории государства и права. Возникает настоятельная необходимость подходить к исследованию правовой политики как социального в широком смысле, политико-правового явления не только в плане общей теории государства и права, но и с позиций других смежных с ней дисциплин, в частности — политологии, философии права, конфликтологии и социологии права.

Так же как в процессе познания государства и права, рассмотрение правовой политики с позиций разных дисциплин дает возможность взглянуть на нее не только с точки зрения ее внутреннего строения, сущности и содержания, но и под углом зрения основных направлений ее развития, стоящих перед ней целей и задач, а также различных форм ее проявления.

Кроме того, изучение правовой политики, в частности, с социологических позиций — *с позиций общей социологии или социологии права* позволяет рассмотреть и оценить данное явление с точки зрения его эффективности, уровня восприятия или, наоборот, отторжения его населением, под углом зрения его социальной значимости.

2. Разумеется, для того чтобы глубоко и разносторонне исследовать правовую политику, рассмотреть ее как сложное, многоаспектное и нередко довольно противоречивое явление с позиций разных дисциплин, необходимо, согласно логике, как это имеет место во всех подобных случаях, предварительно составить о нем по возможности четкое, адекватно отражающее реальную действительность представление.

В научной литературе, как известно, в настоящее время существует целый ряд в той или иной степени отличающихся друг от друга представлений о понятии правовой политики². Приводить их и анализиро-

¹ См.: Малько А. В., Саломатин А. Ю. Основы правовой политики. М., 2013.

² См.: Приоритеты правовой политики в современной России (круглый стол) // Правоведение. 1998. № 1; Коробова А. П. К вопросу о понятии правовой политики. Атриум. 1995. № 5; Рыбаков О. Ю. Личность и правовая политика в Российском государстве. Саратов, 2003; Правовая политика России: теория и практика / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2006; Золотухина Т. А. Правотворческая политика современной России. Ростов н/Д, 2011; и др.

вать каждое из них, как представляется, нет никакой необходимости и возможности.

Следует лишь заметить, что большинство из бытующих представлений о понятии правовой политики *адекватно отражают различные стороны* данного явления и в силу этого, несомненно, имеют право на жизнь. В качестве примера можно сослаться на такое определение понятия правовой политики, согласно которому она представляется в виде «основы, принципов, направлений, задач, стратегии и тактики правового регулирования общественных отношений»¹ или в виде «научно обоснованной деятельности уполномоченных субъектов в сфере формирования и реализации права»².

Среди вошедших в научный обиход понятий правовой политики наиболее устоявшимся и наиболее полно отражающим действительность является, судя по практике его использования и реальной жизни, понятие, согласно которому правовая политика определяется как «комплекс идей, мер, задач, целей, программ, методов, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права»³.

Спорным моментом в данном определении понятия правовой политики является, однако, указание на то, что им охватываются не только идеи, программы, установки и иные аналогичные им компоненты, *формирующие стратегию государства в правовой сфере, но и методы ее осуществления*, т. е. компоненты, которые по своей природе и характеру неизменно выступают лишь в качестве составных частей *механизма реализации правовой политики*.

В целях более глубокого и разностороннего познания *правовой политики как стратегии государства в правовой сфере* представляется необходимым более четко различать, с одной стороны, само явление и отражающее его понятие, именуемое правовой политикой, а с другой — систему мер, методов, установок и пр., с помощью которых реализуется правовая политика, т. е. механизм претворения в жизнь данной политики. Иными словами, представляется необходимым более дифференцированно подходить к рассматриваемому явлению и отражающему его понятию и различать собственно *саму правовую политику* как стратегию государства в правовой сфере (своего рода политику в статике) и *механизм ее осуществления*, правовую политику как процесс реализации соответствующих идей, программ и т. п. (правовую политику в динамике).

Подобный подход представляется теоретически и практически оправданным, поскольку он дает возможность более четко решать ряд вопросов, касающихся, в частности, субъектов формирования правовой политики и субъектов ее осуществления, средств и методов ее формирования, средств и методов ее осуществления и др.

¹ Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 97.

² Золотухина Т. А. Указ. соч. С. 17.

³ Теория государства и права: курс лекций. 2-е изд. / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2000. С. 647.

Кроме того, при определении понятия правовой политики недопустимым представляется смешение данного понятия и отражаемого в нем явления, с одной стороны, с другими видами и разновидностями социальной политики, такими, в частности, как экономическая, финансовая, культурная, образовательная и другие ее виды и разновидности, которые опосредуются правом и осуществляются в рамках права и с помощью права. Имея при этом в виду, как резонно замечается в научных исследованиях, что, опосредуя другие виды социальной политики, правовая политика вместе с тем сохраняет «свои специфические особенности и свое содержание», ибо «оформление» правом других видов политики отнюдь не отменяет ее самостоятельности¹.

А с другой стороны, теоретически и практически неоправданным является смешение понятия правовой политики с формами ее выражения и осуществления, а также со сходными, но не идентичными ему понятиями, такими, в частности, как «политические и правовые преобразования», «политические и правовые реформы» и т. п. В научной литературе по поводу последних верно отмечалось, что «правовая политика в отличие от правовых реформ должна осуществляться постоянно», создавая «основу этим реформам» и вместе с тем обозначая «их характер, пределы, сроки, эффективность»².

3. Анализируя многочисленные высказанные в отечественной и зарубежной литературе мнения по поводу правовой политики и определения ее понятия и соотнося их с реальной действительностью, можно выделить наиболее важные для формирования адекватного представления о ней ее признаки и черты — своего рода «слагаемые» правовой политики.

Это, **во-первых**, те по преимуществу стратегические *идеи, программы и концепции*, на основе которых формируется и осуществляется государственная правовая практика. Некоторые из этих интеллектуальных «слагаемых» правовой политики не только официально провозглашаются, но и законодательно закрепляются, в то время как другие остаются на уровне академических разработок.

В качестве одного из примеров законодательного закрепления интеллектуальной составляющей правовой политики может служить Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 год, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. (№ 858). Согласно Указу данная Концепция «является основой для разработки соответствующих программ в области правовой политики государства, перспективных и ежегодных планов за-

¹ См.: Матузов Н. И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. Ноябрь. С. 30; Золотухина Т. А. Указ. соч., С. 19; Малько А. В., Шундинов К. В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. 2001. № 7. С. 15—16; и др.

² Малько А. В. Правовая политика в условиях правовой реформы в современной России // Правовая политика России: теория и практика. С. 60.

конопроектных работ Правительства Республики Казахстан, проектов нормативных правовых актов Республики»¹.

Другим примером может служить аналогичная, официально закреплённая Концепция, действовавшая в Казахстане с 2002 по 2010 год. «Главными итогами» реализации этой Концепции, говорится в Указе Президента от 24 августа 2009 г., «стало существенное обновление основных отраслей национального законодательства», разработка и принятие новых кодифицированных актов, принятие мер, «позволивших вывести нормотворческий процесс на новый качественный уровень»².

Во-вторых, наличие в научно обоснованной правовой политике строго выверенных ее *конечных и промежуточных целей*, а также наиболее оптимальных, в максимальной степени отвечающих сложившимся в государственно-правовой и общественной жизни реалиям *средств и методов реализации*.

В связи с данными «слагаемыми» правовой политики, уровнем их адекватности сложившимся обстоятельствам и их эффективности в научной литературе справедливо акцентируется внимание на том, что «долгосрочная и краткосрочная политика государства оказывает значительное влияние на формирование всей системы законодательства, на сферу, масштаб и объем систематизации законодательства, ее темпы, задачи, приоритеты, очередность и т. д.» Правовая политика «определяет общие ориентиры, эволюции законодательства, подходы и средства для решения стоящих задач»³.

В-третьих, наличие у правовой политики своей *особой сферы проявления и функционирования*, каковой является *правовая сфера*.

Это не означает, разумеется, что действие права ограничивается лишь правовой сферой. Право, как известно, распространяется также на экономическую, собственно политическую, образовательную и все другие сферы жизнедеятельности общества и государства⁴. Практически все виды и разновидности социально-экономической и иной политики государства опосредуются правом, *имеют правовую форму* и в этом смысле являются «правовыми».

Принципиальная разница между правовой политикой и другими видами государственной политики, опосредуемыми правом, заключается в том, что если в первом случае право выступает в двух своего рода ипостасях — одновременно и *как объект*, на который направлено воздействие государства, и *как средство*, а точнее — совокупность средств, с помощью которых осуществляется это воздействие, то во втором случае, применительно к государственной политике, проводимой им в эко-

¹ <http://adilet.kz/rus/docs/U090000958>

² Там же.

³ *Ударцев С. Ф.* Правовая политика, систематизация законодательства и эволюция права // Право и политика. Научный журнал. 2011. № 5 (137). С. 743.

⁴ *Матузов Н. И.* Право в политическом измерении // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 1; Правовая политика: от концепции к реальности / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько М., 2004; и др.

номической и других собственно неправовых сферах, право выступает исключительно как средство¹.

И **в-четвертых**, весьма важным, ключевым для правовой политики «слагаемым» является ее *практическая «составляющая»*, выступающая в виде совокупности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности всех соответствующих государственных органов, направленной на реализацию осуществляемой государством правовой политики.

Правовая политика, замечают по этому поводу исследователи, представляет собой не что иное, как научно обоснованную, последовательную и системную деятельность, уполномоченных и заинтересованных субъектов, направленную на создание механизма правового регулирования, на наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, на формирование социально-ориентированной правовой государственности, на повышение в обществе правовой культуры и правосознания².

Наряду с названными «слагаемыми», правовая политика как относительно самостоятельный феномен содержит в себе также и другие социально значимые «слагаемые», выступающие в виде *особых субъектов* правовой политики, *принципов* ее формирования и осуществления, отражаемых и защищаемых ею определенных *ценностей и интересов* и т. д.

Каждое из этих и других «слагаемых» правовой политики в силу своей социальной значимости требует к себе особого внимания и отдельного рассмотрения.

Субъекты правовой политики

Под субъектами правовой политики понимаются государственные органы, должностные лица и общественные институты, которые в соответствии с их полномочиями принимают участие в ее формировании и осуществлении.

В каждой политической и правовой системе круг субъектов правовой политики далеко не всегда одинаков и варьируется в зависимости от целого ряда факторов, касающихся форм правления государства и форм государственного устройства, характера и иных особенностей политического режима, круга официально признаваемых источников права, и др.

Например, круг субъектов правовой политики у федеративного государства по определению будет шире, нежели у унитарного государства, поскольку в ее формировании и осуществлении участвуют как федеральные, так и региональные органы государства и общественные

¹ Муромцев Г. И. Правовая политика: вопросы методологии // Научные труды. Вып. 5. В 3 т. Т. I. Российская академия юридических наук. М., 2005. С. 196—197.

² Малько А. В. Правовая жизнь: основы теории // Правовая жизнь современной России: теоретико-методологический аспект/ под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005. С. 59; Золотухин Т. А. Указ. соч. С. 15.

институты. Соответственно круг субъектов правовой политики в демократических политических режимах в силу открытого доступа граждан к политике и праву будет по логике вещей гораздо шире и разнообразнее, чем в авторитарных и тоталитарных режимах. И так далее.

Однако, несмотря на различие субъектов правовой политики в разных государственно-правовых системах, общим для них остается, *во-первых*, то, что в качестве субъектов правовой политики, хотя и в разных «пропорциях», выступают как государственные органы, так и общественные институты; *во-вторых*, что приоритет в процессе формирования и проведения в жизнь правовой политики всегда отдается государственным органам и должностным лицам, а не общественным институтам, имея в виду, что правовая политика — это не общественный, а государственный феномен; и *в-третьих*, что не все субъекты (например, законодательные органы), участвующие в формировании правовой политики, участвуют также в равной мере с другими институтами в ее реализации, и наоборот.

Говоря о природе и характере субъектов правовой политики, следует отметить, что они, так же как и субъекты права, предстают преимущественно в виде *правовых категорий*. Это обусловлено, в частности, тем, что они: а) порождены и закреплены с помощью норм права; б) действуют в сфере права; в) используют, наряду с социологическими, также и юридические методы; г) обеспечиваются в своей многосторонней — правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности при необходимости государственным принуждением, опосредованным нормами права; д) функционируют в пределах, установленных с помощью норм права.

В каждой государственно-правовой системе законодательно устанавливается и закрепляется не только вид субъекта, обладающего правом на участие в формировании и реализации правовой политики, но также уровень и характер этого участия.

Применительно, например, к современной России один из наиболее значимых субъектов правовой политики — Президент — конституционно наделяется правом определять в строгом соответствии с Конституцией и федеральными законами «основные направления внутренней и внешней политики государства», в том числе, разумеется, и правовой политики.

Во исполнение данных полномочий Президент издает указы и распоряжения, которые «не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам»¹, т. е. должны иметь подзаконный характер.

Данные прерогативы Президента России, связанные с формированием и реализацией правовой политики в стране, значительно отличаются от соответствующих прерогатив глав ряда других государств. Таких, например, как Республика Казахстан, где Президент в плане формирования и реализации правовой политики имеет право издавать не только

¹ Конституция Российской Федерации. М., 2012. Ст. 90.

подзаконные акты, но и законы, а также акты, имеющие юридическую силу закона.

Согласно Конституции Казахстана Президент Республики издает *законы* по вопросам, касающимся войны и мира. Что же касается *указов, обладающих юридической силой закона*, то они издаются во всех тех случаях, когда Парламентом Республики нарушается конституционно закрепленное право Президента «определять приоритетность рассмотрения проектов законов, а также объявлять рассмотрение проекта закона срочным, означаящее, что Парламент должен рассмотреть данный проект в течение месяца со дня его внесения». Такие указы действуют «до принятия Парламентом нового закона в установленном Конституцией порядке»¹.

Характер и степень участия в процессе формирования и реализации правовой политики России и других стран закрепляется не только за главой государства, но и за другими государственными органами и общественными институтами, в том числе за законодательными органами всех уровней, исполнительно-распорядительными и судебными органами, а также за некоторыми общественными институтами, принимающими участие в соответствии с действующим законодательством в формировании правовой политики.

В федеративных государствах законодательное закрепление характера и степени участия в формировании и реализации правовой политики осуществляется не только на общегосударственном, федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации.

Об этом свидетельствует, в частности, Конституция (Основной закон) ФРГ, в соответствии с которой «осуществление государственных полномочий и решение государственных задач», касающихся в том числе правовой политики, является делом не только Федерации, но и земель, поскольку Основной закон «не устанавливает или не допускает другого регулирования»².

Аналогично обстоит дело и в других федерациях, где в законодательном порядке закрепляется участие в формировании и осуществлении правовой политики как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации.

В Конституции Российской Федерации эти вопросы решаются, например, на основе ст. 71 Основного закона, закрепляющей за Федерацией, наряду с решением ряда других вопросов, также «установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации»; на основе ст. 72 Конституции, закрепляющей правовые и иные вопросы, решение которых относится к совместному ведению Федерации и субъектов Федерации; и на основе ст. 73, устанавливающей, что «вне пределов

¹ Конституция Республики Казахстан. Алматы, 2011. Ст. 45, 53, 61.

² Основной закон Федеративной Республики Германии. Ст. 30 // Конституции государств Европейского союза. М., 1999. С. 191.

ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации» субъекты Федерации «обладают всей полнотой государственной власти», в том числе, разумеется, и в решении вопросов, касающихся формирования и осуществления правовой политики.

По аналогичной схеме решается вопрос о совместном формировании и реализации правовой политики федеральными органами и органами субъектов Федерации и в других федеративных образованиях.

Механизм реализации правовой политики

Наряду с механизмом *формирования* правовой политики, механизм *ее реализации* является составной частью всего *механизма правовой политики в целом*.

Название этих составных частей говорит само за себя. А именно: первая часть имеет дело с процессом разработки и развития правовой политики, а вторая — с процессом ее реализации. Соответственно первая часть — механизм, и, по сути, система формирования правовой политики аккумулирует в себе все то (элементы, связи, локальные процессы и пр.), что непосредственно связано с процессом разработки и развития правовой политики, а вторая — все то, что ассоциируется с процессом претворения этой политики в жизнь.

Механизм реализации правовой политики как стратегии государства в правовой сфере с *теоретической и формально-юридической точек зрения* с неизбежностью включает в себя всю систему соответствующих методов, средств, принципов, различных теоретических установок, программ, идей и иных положений, которыми руководствуются субъекты правовой политики в процессе проведения ее в жизнь. С *практической точки зрения* механизм реализации правовой политики, так же как и механизм ее формирования, складывается из *реальных действий* ее субъектов, которые не только формируют эту политику, но и реализуют.

При этом не придается принципиального значения степени участия субъектов правовой политики в процессе ее осуществления, равно как и в процессе ее формирования, поскольку в подавляющем большинстве случаев субъекты правовой политики прямо или косвенно участвуют и в том и в другом процессе.

В подтверждение сказанного можно сослаться на активное участие в процессе формирования и реализации правовой политики суда в тех государственно-правовых системах, где в качестве источника права официально признается судебный прецедент и где высшие судебные органы выступают одновременно и в качестве законодателя — непосредственно-го творца правовой политики и в качестве правоприменителя — участника процесса реализации этой политики. Сходным образом обстоит дело и в тех государственно-правовых системах, как, например, в современной России, где высшие судебные инстанции наделяются правом законодательной инициативы, хотя и ограниченно — только «по вопросам их ведения».

Механизм реализации правовой политики, так же как и механизм ее формирования, строится и функционирует на основе определенных — правовых и неправовых *принципов*.

В научной литературе не сложилось единого представления как о принципах правовой политики в целом — исходных идеях, базовых требованиях и положениях, лежащих в основе процесса ее формирования и осуществления, так и о принципах функционирования механизма реализации этой политики¹.

Тем не менее в научной литературе широко анонсируются и используются такие, например, *неправовые*, своего рода, «универсальные» принципы, как принцип научной обоснованности правовой политики вообще и механизма ее реализации в частности², принцип планомерности, эффективности, экономичности, сбалансированности, последовательности и др.³

Среди *правовых принципов* выделяются и рассматриваются такие, как: а) *принцип законности и конституционности*, основным требованием которого является строгое и неуклонное следование в процессе реализации правовой политики всем предписаниям, содержащимся как в конституционных, так и во всех других нормативных правовых актах. При этом запрещается использование правовых механизмов и процедур, если это связано с нарушением законодательства, и не допускается игнорирование требований законодательства под предлогом политической или иной целесообразности; б) *принцип легитимности*, суть и содержание которого заключается в требовании соответствия правовой политики и процесса ее реализации интересам не отдельных, причастных к власти людей, а всего общества. Легитимной будет считаться та правовая политика, которая не только официально декларируется как демократическая, гуманная и пр., но и пользуется реальной поддержкой большинства населения; в) *принцип приоритетности основных прав и свобод человека и гражданина* в процессе формирования и осуществления правовой политики. «Человек, его права и свободы, — декларируется в связи с этим в действующей Конституции России, — является высшей ценностью», а «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» является обязанностью государства⁴; г) *принцип согласованности правовой политики* государства на всех стадиях ее формирования, развития и осуществления с международно-правовыми стандартами, опосредованными общепризнанными принципами,

¹ Рудковский В. А. О принципах правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4.

² Трофимов В. В. Научная обоснованность правовой политики как фактор ее осуществления // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 3.

³ Золотухина Т. А. Правовая политика современной России. Ростов н/Д, 2011. С. 28.

⁴ Конституция Российской Федерации. М., 2012. Ст. 2.

нормами международного права, а также международными договорными актами того или иного государства; и др.¹

Наряду с названными, в научной литературе рассматриваются кроме того такие принципы, как принцип сочетания механизмов управления и стимулирования, принцип планомерности и поэтапности, принцип реализма правовой политики, принцип целесообразности и четкого определения в правовой политике приоритетов, принцип достаточности правовых средств и ресурсов, и др.

Анализируя данные и другие, им подобные положения, именуемые принципами правовой политики вообще и механизма ее реализации в частности, следует заметить, что они как исходные, основополагающие идеи и положения не возникают и не функционируют сами по себе, вне связи и вне влияния со стороны других — социальных, экономических, политических и прочих — правовых и неправовых феноменов. Будучи, как и любые иные явления, институты и учреждения, обусловленными окружающей социальной и иной средой, эти принципы вместе с нею *изменяются и развиваются*.

Кроме того, они подвергаются порою весьма значительному изменению в связи с изменением отражающихся в них интересов и ценностей, а также в связи с изменением стоящих перед обществом и государством на том или ином историческом отрезке их развития *целей и задач*.

Вполне естественно и понятно, например, что в условиях развития капиталистического общества и государства, в том числе и в современной России, где основной фон задает крупный — олигархический и ему подобный капитал, сущность, содержание и принципы правовой политики и механизма ее реализации будут принципиально отличаться от аналогичных институтов, скажем, социалистического или ему подобного общества и государства, поскольку перед ними стоят принципиально разные *по своей социальной природе и характеру цели и задачи*, выражаются и защищаются *разные интересы*, приоритет отдается *разным моральным и иным ценностям*. Если в основе капитализма лежит *прибыль*, деньги, то в основе любой разновидности социализма находится *человек*.

Не случайно в связи с этим Конституция СССР 1977 года констатировала, что «законом жизни» советского общества «является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех»². В развитие данного принципа Конституция закрепила такие основные направления, а вместе с тем цели и задачи государства, общества и политической системы в целом, как «все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и обществен-

¹ Матузов Н. И. Актуальные проблемы российской правовой политики // Государство и право. 2001. № 10; Рудковский А. О. О принципах правовой политики; Золотухина Т. А. Указ. соч.; и др.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 9.

ной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения»¹.

Наряду с правовыми и неправовыми принципами, в формировании и функционировании механизма реализации правовой политики не менее важное значение имеют также и остальные его «слагаемые», выступающие в виде различных теоретических установок, средств, методов, разного рода научных программ, и др.

Федеральная и региональная правовая политика: проблемы взаимосвязи и взаимодействия (на примере современной России)

1. Рассматривая проблемы взаимосвязи и взаимодействия федеральной и региональной правовой политики, следует обратить внимание (как на исходное) на то, что в Российской, равно как и в любой другой федерации в силу ее природы и характера именно как федерации, где ее субъекты, будучи относительно самостоятельными образованиями, формируют в тоже время единое, целое государственное образование, федеральная правовая политика не может формироваться, существовать и реализовываться изолированно, вне связи и взаимодействия с региональной правовой политикой.

Однако это не означает, что федеральная правовая политика является неким симбиозом или же некой суммой, механическим отражением региональной правовой политики, проводимой каждым субъектом федерации на своем уровне.

Как показывает опыт существования и деятельности в правовой сфере различных федераций², федеральная правовая политика, несмотря на то, что она формируется и осуществляется при прямом участии и содействии субъектов федерации, тем не менее является вполне самостоятельным по отношению к ним федеральным феноменом, имеющим свои собственные федеральные цели и приоритеты, свои формы выражения и задачи.

В свою очередь, региональная правовая политика, формируемая и проводимая на уровне субъектов федерации, выступает как относительно самостоятельное явление по отношению к федеральной правовой политике, *существующее и функционирующее, однако, в ее рамках и на ее основе*. Степень самостоятельности региональной правовой политики определяется уровнем самостоятельности самих регионов — субъектов федерации, характером их отношений в целом с федерацией, точнее — с центром управления федерацией³.

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. С. 9.

² См.: *Engdahl D. Constitutional Federalism*. N.Y., 1998; *Федерализм: теория и история развития (сравнительно-правовой анализ)* / отв. ред. М. Н. Марченко М., 2000; др.

³ См., например: Конституции и конституционные акты Республики Саха (Якутия) / отв. ред. М. М. Федоров. Якутск. 1994; Устав Тюменской области. Комментарий / под ред. С. Е. Корепанова. Тюмень, 2007; др.

Если, например, слабый Центр, стремясь укрепить свою власть, заигрывает с субъектами федерации и предлагает им, как это было в начале 1990-х гг. в России, «брать суверенитета столько», сколько они смогут «проглотить», то в результате такого призыва-взвешивания правовая политика некоторых субъектов федерации — республик по своей самостоятельности не только приближалась к уровню самостоятельности федеральной правовой политики, но по ряду параметров значительно выходила за ее пределы.

В подтверждение сказанного можно сослаться на широко известную правовую политику Республики Татарстан, породившую ряд текущих и конституционных законов, которые далеко не всегда соответствовали Конституции РФ и федеральным законам.

Так, например, согласно конституции данного субъекта РФ Республика Татарстан провозглашается как «суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией — Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения» (ст. 61). В конституции говорится также, что «Республика Татарстан самостоятельно определяет свой государственно-правовой статус, решает вопросы политического, экономического, социально-культурного строительства». Законы Республики Татарстан, отмечается далее в ее Конституции, «обладают верховенством на всей ее территории, если они не противоречат международным обязательствам Республики Татарстан» (ст. 59).

Анализируя данные и иные вытекающие из них конституционные положения Республики Татарстан, являющиеся следствием проводимой в этом субъекте РФ своеобразной региональной политики, не трудно заметить, что по существу своему и своим последствиям по ряду направлений она ассоциируется скорее с правовой политикой некоего субъекта («ассоциированного» с Россией) конфедерации, нежели федерации.

В дополнение к сказанному следует напомнить, что Республика Татарстан, в отличие от других субъектов Российской Федерации, не участвовала в подписании федерального договора «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации», заключенного 31 марта 1992 г., и что в Республике культивируется отношение к заключенному позднее Договору «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» как к базовому документу (даже более важному, судя по отдельным местным комментариям, чем Конституция Российской Федерации), скрепляющему федеративный характер взаимоотношений Российской Федерации с Республикой Татарстан.

2. Аналогичные проблемы, связанные с некоторыми отступлениями, а нередко и с прямыми противоречиями правовой политики, проводимой на региональном уровне с федеральной правовой политикой,

имеют место не только в Татарстане, но и в некоторых других субъектах Российской Федерации, преимущественно в республиках.

Аналитики отмечают, например, что в силу противоречия региональной правовой политики соответствующей федеральной политике в ряде республик не учитываются конституционные полномочия Российской Федерации по защите прав граждан Российской Федерации за пределами территории России, и устанавливаются для граждан республик гарантии предоставления защиты и покровительства за пределами их территорий (ст. 61 Республики Марий Эл, ст. 61 Конституции Удмуртской Республики, ст. 28 Конституции Чувашской Республики — Чаваш Республики).

В нарушение ст. 71 Конституции РФ, закрепляющей вопросы, относящиеся к исключительному ведению Российской Федерации, Конституция Республики Мордовия (ст. 60, 61) устанавливает, что осуществление международных и внешнеэкономических отношений (предмет исключительного ведения РФ) относится к ведению данного субъекта РФ.

В конституциях некоторых субъектов Российской Федерации при определении полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации допускаются существенные расхождения с определенными Конституцией Российской Федерации принципами организации государственной власти, а также нарушение соответствующих полномочий федеральных органов государственной власти. В частности, полномочия президента республики в ряде конституций субъектов Российской Федерации сформулированы так, как будто речь идет о «президенте независимого государства». При этом не учитывается, что многие из соответствующих полномочий отнесены к полномочиям Президента Российской Федерации.

В частности, согласно ст. 67 Конституции Республики Мордовия, глава Республики Мордовия выступает гарантом Конституции Республики Мордовия, прав и свобод человека и гражданина, а согласно ст. 70 этой же Конституции глава Республики обеспечивает территориальную целостность Республики, формирует и возглавляет Совет безопасности республики.

Президент Республики Марий Эл в соответствии со ст. 79 Конституции Республики обеспечивает безопасность и территориальную целостность Республики.

Далее, без учета положений ст. 88 Конституции Российской Федерации сформулированы п. 2 и 3 ст. 56 Конституции Удмуртской Республики, закрепляющие при введении на территории Республики чрезвычайного положения необходимости получения предварительного согласия законодательного органа Удмуртской Республики, а также возможность введения чрезвычайного положения при наличии обстоятельств в порядке, установленном не только федеральным конституционным законом, но и законом Удмуртской Республики.

Помимо названных в качестве примеров отступлений или прямых противоречий конституционного и текущего законодательства респу-

блик федеральному законодательству, к сожалению, можно привести множество и других аналогичных примеров.

При всем их многообразии данные примеры имеют одну несомненную общность, суть которой заключается в том, что каждый из них в отдельности и все они вместе взятые отнюдь *не свидетельствуют о гармонии, которая должна бы существовать по логике вещей* между федеральной и региональной правовой политикой, между правовой политикой, проводимой на уровне федерации, и правовой политикой, осуществляемой на уровне различных субъектов федерации.

Кроме того, общность большинства подобного рода примеров, свидетельствующих о противоречиях между федеральной и региональной правовой политикой, в особенности применительно к конституционному законодательству республик — субъектов РФ проявляется также в том, что они появились и стали возможны не иначе, как в результате весьма завышенной оценки роли и значения суверенитета республик, абсолютизации, а точнее, *переоценки, суверенитета республик — субъектов федерации и недооценки суверенитета самой федерации в целом*.

Это, несомненно, была крайность, породившая, наряду с другими, менее общими — объективными и субъективными причинами целый ряд противоречий между федеральной и региональной правовой политикой и, как следствие, между федеральным и региональным конституционным и текущим законодательством.

В настоящее время, как известно, со стороны власть предержащих в России, объявивших устами Президента в «нулевые годы» курс на «усиление вертикали власти», проводится значительная работа по устранению многочисленных противоречий между региональным и федеральным законодательством и тем самым — между федеральной и региональной правовой политикой. Однако, как показывает опыт и подсказывает здравый смысл, эта работа, в особенности в сфере конституционного законодательства, требует не только много времени и больших усилий, но и определенного такта и деликатности во избежание появления на национальной или иной основе напряженности в процессе пересмотра, возникших на волне «гиперсуверенизации» республик противоречащих Конституции РФ положений.

3. Искусственная, порожденная субъективными факторами суперсуверенизация ряда республик — субъектов РФ и приведшая к перекосам в соотношении федеральной и региональной правовой политики в пользу последней — это, несомненно, своего рода патология, крайность, которая не могла не спровоцировать социальные, национальные, конфессиональные и иные весьма болезненные для всего российского общества и государства процессы.

Вместе с тем в настоящее время в системе взаимоотношений РФ в целом с ее субъектами-республиками, а следовательно, и в системе взаимосвязей и взаимодействий федеральной и региональной правовой политики нельзя не видеть и другую наметившуюся, не менее негативную по своим ближайшим и отдаленным последствиям крайность. Суть

ее сводится к полному отрицанию какого бы то ни было суверенитета у республик — субъектов РФ.

Такую позицию, как известно, высказал Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 7 июня 2000 г., вскоре после провозглашения тезиса о необходимости укрепления «вертикали власти».

В постановлении говорится, в частности, что «Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т. е. не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации».

И далее: «Конституция Российской Федерации связывает суверенитет Российской Федерации, ее конституционно-правовой статус и полномочия, а также конституционно-правовой статус и полномочия республик не с их волеизъявлением в порядке договора, а с волеизъявлением многонационального российского народа — носителя и единственного источника власти в Российской Федерации, который, реализуя принцип равноправия и самоопределения народов, конституировал возрожденную суверенную государственность России как исторически сложившееся государственное единство в ее настоящем федеративном устройстве».

И, наконец, в качестве вывода: «Содержащееся в Конституции Российской Федерации решение вопроса о суверенитете предопределяет характер федеративного устройства, исторически обусловленного тем, что субъекты Российской Федерации не обладают суверенитетом, который изначально принадлежит Российской Федерации в целом. По смыслу преамбулы, статей 3, 4, 5, 15 (часть 1), 65 (часть 1), 66 и 71 (пункт «б») Конституции Российской Федерации и их взаимосвязи, республики как субъекты Российской Федерации не имеют статуса суверенного государства; решить же этот вопрос иначе в своих конституциях они не могут, а потому не вправе наделить себя свойствами суверенного государства, даже при условии, что этот суверенитет признавался бы ограниченным».

Данное постановление Конституционного Суда, полностью отрицающее наличие суверенитета у республик — субъектов РФ, фактически сводит их *статус как государств*¹ или же государственных образований к положению самых заурядных, типичных для унитарного, но отнюдь не для федеративного государства, административно-территориальных единиц со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. В частности, как для конституционного и текущего законодательства республик — субъектов РФ, фактически приравниваемого к обычным нормативным правовым актам, принимаемым на уровне администра-

¹ См.: Конституция Российской Федерации. М., 2012. Ст. 5. П. 2.

тивно-территориальных единиц, так и для региональной правовой политики, полностью теряющей свою самобытность и самостоятельность и неизбежно превращающуюся в некий механический придаток федеральной правовой политики.

Лишение республик — субъектов РФ суверенитета, даже на формально-юридическом уровне — на уровне постановления Конституционного Суда РФ отнюдь не будет способствовать, как это следует из логики развития политико-правовой жизни России за последнее десятилетие, укреплению федеративных начал российского общества и государства, а вместе с тем — укреплению гармоничных отношений между федеральной и региональной правовой политикой.

Наиболее оптимальный вариант решения назревших федеративных проблем и установления гармоничных отношений между федеральной и региональной правовой политикой видится не в крайностях, связанных с манипуляцией государственным суверенитетом, а как обычно в таких случаях, с нахождением «золотой середины»¹.

4. Наряду с названными проблемами взаимосвязи и взаимодействия федеральной и региональной правовой политики и вызывающими их причинами, существуют и иные, менее общие, зачастую производные, но не менее важные проблемы. Они касаются, в частности, выбора наиболее оптимальных форм соотношения федеральной и региональной правовой политики, принципов их построения и функционирования, определения приоритетов проводимой на федеральном и региональном уровнях правовой политики, ее эффективности и социальной значимости и др.

Важное значение имеют также, как справедливо отмечается в литературе², проблемы, связанные с **определением места и роли юридической науки в процессе формирования и осуществления на разных уровнях российского государства правовой политики**. Речь идет, в частности, о реальности и научной обоснованности правовой политики, об органической увязке правовой политики с экономической, социальной и с другими видами политики, о выработке научно обоснованных и реальных задачах и целях федеральной и региональной правовой политики, о приоритетных направлениях ее развития на разных уровнях и др.

¹ Elazar D. American Federalism: A View from the States. N.Y., 1997; Karst K. The US Supreme Courts «New Federalism»: is it Really New? // Waseda Proceedings of Comparative Law. 2001. № 4; etc.

² См.: Социология права / под ред. В. М. Сырых. М., 2001. С. 140—143.

ЛЕКЦИЯ 27. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Теория правового регулирования в общей теории права является одной из наиболее важных, ибо в ее рамках исследуется «жизнедеятельность» права, т. е. механизм действия права, способы и методы воздействия на общественные отношения и т. д. В научной литературе рассматриваются вопросы места правового регулирования в ряду других правовых феноменов, виды правового регулирования, его предмет и отдельные характеристики, конкретные формы его реализации и т. д.

Исследователи проблем теории правового регулирования неоднократно отмечали, что правовое регулирование может осуществляться различными субъектами, в разных сферах жизнедеятельности общества, неодинаковыми способами и при помощи отличающихся друг от друга средств — нормативных и индивидуальных правовых актов. Так, например, в зависимости от цели регулирования различают общее правовое регулирование и индивидуальное правовое регулирование, другую классификацию правового регулирования на виды в научной литературе производят в соответствии со сферами упорядочиваемых общественных отношений, т. е. регулирование экономических, социальных, политических и духовно-культурных отношений.

Все чаще правовое регулирование рассматривается в соотношении с правовым воздействием.

Согласно словарям русского языка, под воздействием следует понимать влияние, действие, оказываемое кем-либо, чем-либо на кого-либо, что-либо с целью добиться, достичь определенного результата¹, т. е. как влияние одного объекта на другой, способное привести к каким-либо изменениям.

Существуют разные подходы к пониманию категории «правовое воздействие» и его соотношению с «правовым регулированием».

Так, например, правовое регулирование характеризуют как «специфическое воздействие, осуществляемое правом...»². Исходя из смысла этого положения, правовое регулирование является одной из форм правового воздействия. Проводя различия между правовым регулированием и правовым воздействием, например по предмету, делают вывод о том, что «правовое регулирование всегда означает также и правовое воздействие, но правовое воздействие не всегда означает сознательное нормирование общественных отношений», правовое регулирование — «лишь одна из форм воздействия права на общественные отношения, далеко не охватывающая всех его форм»³.

Существуют и другие точки зрения по поводу разграничения этих понятий.

Так, предлагают критерием для разграничения правового регулирования и правового воздействия считать юридические средства, составля-

¹ Словарь русского языка. Т. 1. М., 1981. С. 199.

² Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. С. 145—146.

³ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве / под ред. проф. Н. И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 10—11.

ющие основу такого воздействия¹; обращают внимание на степень правового регулирования, выделяя три элемента, имеющих самостоятельное и в то же время «позтапное взаимопоглощающее значение: 1) правовое воздействие; 2) правовое регулирование; 3) правовое руководство»², где правовое воздействие выражается в закреплении правом существующих отношений, т. е. степень вторжения права в общественные отношения минимальна, «правовое регулирование есть установление правовых рамок, в которых складываются и развиваются экономические отношения»³, правовое руководство осуществляется прямыми адресными актами управления, т. е. степень вмешательства права здесь наиболее высока.

Даже элементарное сравнение вышеприведенных авторских позиций, определений правового воздействия и правового регулирования показывает, что для одних авторов правовое воздействие и правовое регулирование в общем-то синонимичны, для других — правовое регулирование — одна из форм правового воздействия. Если же между правовым воздействием и правовым регулированием проводится различие, то для такого различия выбирается следующий критерий: нормативные или индивидуальные средства или степень правового «вмешательства».

Кроме того, это сравнение показывает, что одним из критериев различия правового воздействия и правового регулирования выступают нормы права как одно из правовых средств. Правовое регулирование осуществляется собственно правовыми нормами, тогда как правовое воздействие — такими явлениями, как правосознание, правоприменительная практика, правовая культура, правоотношение.

Кроме того, правовое регулирование понимают как одну из форм (каналов) правового воздействия⁴. В. Н. Кудрявцев, исследуя проблему правового воздействия, изначально выделил три его канала: информационное, ценностное и принудительное⁵. Затем четвертую форму правового воздействия автор определил как стимулирование⁶. С. С. Алексеев, который придерживается примерно такой же позиции, между тем отмечает, что стимулирование и принуждение характеризуют в целом правовое регулирование как форму правового воздействия⁷.

¹ Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 40.

² Ильинов П. И. Воля и право в рыночной экономике. Вопросы методологии и теории. Волгоград, 1994. С. 129.

³ Там же, С. 30.

⁴ См. Алексеев С. С. Проблемы теории государства и права. М., 1987. С. 226—227; Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. С. 146; Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве / под ред. Н. И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 10 и др.; Спиридонов Л. И. Теория государства и права: учебник. М.: Фирма Гардарика, 1996. С. 202—203; Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 72; Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 26 и др.

⁵ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. С. 72.

⁶ Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и политология. С. 26.

⁷ См.: Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. С. 146.

Естественно, невозможно отрицать такие формы, направления, каналы правового воздействия на общественные отношения — как информационный и ценностный¹.

Справедливо мнение большинства исследователей, что правовое регулирование не охватывает все формы и средства воздействия права на общественные отношения².

Правовое воздействие — это процесс, включающий в себя все имеющие отношение к праву функциональные системные образования. К этим системам относятся все правовые явления в целом (юридические нормы, правосознание, правореализующая практика, правотворчество, правопорядок, законность, правовая культура и др.).

Констатируя известные расхождения у различных авторов как по вопросу понятия правового воздействия, так и по вопросу о соотношении его с правовым регулированием необходимо отметить наиболее существенные моменты:

1. Феномен воздействия является активным, динамическим началом, близким по значению к словам «действие», «влияние».

2. Воздействие в отличие от взаимодействия предполагает односторонне направленное влияние.

Правовое воздействие относится к числу социальных феноменов, которым присуща социальная субъективность, выражаемая в сознательном отношении, как к цели, так и выбору способов и методов, продолжительности, степени интенсивности и т. д. воздействия. Именно сознательное, рациональное начало предопределяет начало волевое, т. е. динамизм, силу и активность воздействия.

3. Правовое воздействие шире правового регулирования. В него можно включать (а не только выделять как формы) информационное воздействие права, ценностно-ориентационное влияние, правовое регулирование как таковое и правореализацию (в части не охватываемой понятием «правовое регулирование»). Правореализация как важнейший элемент непосредственных общественных отношений определяет в целом эффективность права и правового воздействия. Именно конкретная индивидуальная организационно-властная деятельность компетентных органов и должност-

¹ В отечественной юридической литературе, на наш взгляд, достаточно основательно и интересно разработаны ценностный и информационный аспекты права. См., например: *Кудрявцев Ю. В.* Нормы права как социальная информация. М., 1981; *Ушаков А. А.* О диалектике содержания и форме в праве, гносеологической функции права и категориях правового познания // Ученые записки Пермского ун-та. 1968. № 199; *Ревтов В. П.* О разграничении функции права и правового регулирования // Правоведение. 1974. № 6. С. 17; *Явич Л. С.* Об исследованиях механизма действия права // Советское государство и право. 1973. № 8; *Халфина Р. О.* Необходимые условия действительности права // Советское государство и право. 1990. № 3.

² См., например: *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 19; *Лазарев В. В.* Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 39; *Матузов Н. И.* Личность. Права. Демократия: теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 63; *Гойман В. И.* Действие права: методологический анализ. М., 1992. С. 55.

ных лиц обеспечивает формирование (наряду с другими общественными явлениями и пропагандой) правовой культуры, ценностного восприятия права. Так, например, волокита и взяточничество в судах, неисполнение государством судебных решений порождают правовой нигилизм и самосуд как форму общественной саморегуляции. В то же время, например, эффективное применение судами норм о защите прав вкладчиков может обеспечить условия для динамичного развития ряда финансовых отраслей.

4. Правовое воздействие — это процесс влияния права посредством действия всех его инструментов на ту или иную сферу общественных отношений, вызывающий в ней любые определенные изменения. Правовое регулирование — это частный случай правового воздействия.

5. В результате воздействия не обязательно возникает упорядоченность, могут произойти и другие изменения, которые способны в некоторых случаях привести и к разрушению объекта. Регулирование же должно быть направлено на достижение поставленных целей, определенного, заранее осмысленного результата, существующего в виде абстрактной модели. Отличие правового регулирования от правового воздействия не в «степени» или в применяемом инструментарии, а в сознательности, рациональности волевого фактора, в логичности и целесообразной направленности его действия, в его полезности для граждан, общества, государства. Поэтому можно утверждать, что не будут являться правовым регулированием волевые действия, хотя и облеченные в правовую форму, но не учитывающие внутреннее состояние и потребности общества.

Регулирование предполагает необходимость знания внутреннего строения, устройства объекта регулирования, принципов его функционирования и трансформации, при воздействии же эти знания не обязательны. Как понятно, указанные выше критерии различения правового воздействия и правового регулирования имеют «глубинную» сущность, и по внешним признакам того или иного юридического акта трудно определить, о чем в данном случае идет речь, только ли о воздействии или о регулировании. Логика правотворчества может быть понята после проведения анализа данного акта по двум факторам: целесообразности и эффективности. Принятие актов нецелесообразных и/или неэффективных свидетельствует об отсутствии правового регулирования и проявлении правовой деятельности только в форме правового воздействия.

Правовое воздействие динамичнее, гибче, чем правовое регулирование, поскольку может влиять на общественные отношения, не только напрямую вмешиваясь в них, но и через правовые идеи, ориентиры, оказывая не совпадающее по времени с нормой права воздействие на общественную жизнь.

Правовое воздействие может опережать непосредственную реализацию правовой нормы (т. е. правовое регулирование)¹. Законодатель

¹ Непосредственная реализация правовых норм может выступать в определенных случаях и как собственно правовое воздействие, и как правовое регулирование. И в таких случаях правовое воздействие может опережать правовое регулирование. Правда, не всегда непосредственная реализация правовых норм является правовым регулированием.

может предполагать такое опережающее правовое воздействие, желать или допускать его¹, а может и не учитывать, и получать результат, прямо противоположный правовой норме. Например, целью введения нового налога является пополнение бюджета, в результате же его введения бюджет не пополняется, поскольку потенциальный налогоплательщик под воздействием правовой нормы заранее скорректировал статус имущества или свой собственный статус, чтобы, наоборот, избежать нежелательного для него вида или объема налогообложения. Целью введения более высоких ставок налогов может являться не только пополнение бюджета — поскольку каждый налог влияет на мотивы экономического поведения производителя, рост ставки налога на имущество, например, может привести к более эффективному использованию этого имущества или отчуждению неиспользуемого имущества. Известны примеры, когда введение обязательного декларирования имущества чиновников приводило к переоформлению имущества на других лиц, информация об увеличении в будущем таможенных пошлин на ввоз импортных автомобилей порождала повышение цен на уже ввезенные автомобили и т. д.

Вероятно, для того чтобы опережающее воздействие правовой идеи усилило результат действия самой нормы, а не тормозило ее реализацию, она должна совпасть с тем, что называют «правовыми ожиданиями». В процессе принятия решений индивиды выбирают не только такие комбинации благ, которые являются для них наилучшими, экономически выгодными прежде всего, но и формулируют некоторые ожидания насчет будущего (уровень доходов, уровень цен, спрос и т. д.). Эти ожидания формулируют не только участники хозяйственных отношений, но и прежде всего государство. В процессе обсуждения экономических законопроектов достаточно часто используются аргументы типа: «доходный законопроект», «ожидаемый экономический эффект», «экономическая цена проекта» и т. д. Но эти ожидания основываются на реально сложившейся ситуации, без учета возможной реакции участников хозяйственных отношений. Например, существование налоговых льгот должно стимулировать какую-либо деятельность, но при этом означает для налогоплательщиков постоянную угрозу их отмены. В результате порождается неуверенность, нежелание вкладывать средства в долгосрочные программы. И даже при относительной политической стабильности может отмечаться падение инвестиционной активности. Надо отметить, что одной из основных причин социально-экономических проблем современных государств является «постоянный рост ожиданий общества».

Можно отметить и такой вариант правового воздействия, при котором само действие нормативного акта может привести к правонарушениям. Наиболее ярким примером такого деструктивного воздействия нормативных актов является теневая экономика. Например, в условиях социалистического хозяйствования подпольная экономическая деятель-

¹ Примером такого воздействия служит введение в действие нормативного акта не с момента его принятия, а с момента, установленного законодателем, — в целях подготовки условий для его реализации.

ность развивается не столько ради утаивания налогов, сколько из-за узких рамок разрешенной частно-индивидуальной деятельности. Для многих постсоветских стран одной из форм подпольной экономики является теневая занятость, т. е. участие на рынке услуг и труда без выполнения всех общепринятых обязательств (эта деятельность всегда связана с уклонением от налогов).

Результат предупредительного правового воздействия может выражаться в отказе субъектов права под воздействием нормы от какого-либо поведения. Например, в уголовном праве в понятии наказания содержится общая и специальная превенция. Такое воздействие может осуществляться вместе с нормой (в момент ее реализации), а может носить и опережающий характер¹.

Очень часто деятельность законодателя, правотворца является ярко конструктивной, поскольку он создает, конструирует те отношения и связи, которых в реальной жизни еще не существует. Как отмечается в литературе: «Законы, составляющие основу правовой реформы, должны быть рассчитаны на регулирование общественных отношений, которых в момент принятия еще не существует, они призваны не санкционировать уже существующие в обществе экономические отношения, а вводить на смену старых новые отношения»². Поэтому правовое воздействие внешне может выступать как динамическое (активное), когда законодатель активно вторгается в экономические процессы и устанавливает необходимые ему правила поведения, так и статическое (пассивное) воздействие, заключающееся в правовом оформлении сложившихся отношений. Надо сказать, что субъективный характер поведения людей, которое не поддается математическому расчету, «механическому урегулированию», определяет положение, при котором поведение этих людей никогда не будет строго нормативно. Правовая деятельность всегда связана с согласованием воль, позиций, интересов людей различных

¹ Как нам кажется, предупредительное (превентивное) правовое воздействие в определенных случаях просто необходимо должно учитываться законодателем. Например, нормами, предусматривающими уголовную ответственность за уклонение физического лица от уплаты налога или страхового взноса, а также от уплаты таможенных платежей, могут быть освобождены от уголовной ответственности лица, впервые совершившие данные преступления, если они способствовали раскрытию преступления и полностью возместили нанесенный ущерб. Специалисты в уголовном праве указывают: «Законодатель формулирует норму, стимулирующее лицо впервые совершившее уклонение от уплаты налога или страхового взноса... к полному возмещению вреда...» (*Волженкин Б. В.* Экономические преступления. СПб.: Изд-во «Юридический центр пресс», 1999). Однако, на наш взгляд, такая редакция утрачивает общую превенцию, и вместе с ней эти нормы перестают воздействовать как некие «ограничители», поскольку всегда есть возможность в случае обнаружения подобных деяний заплатить налог и избежать уголовной ответственности. Нечто подобное происходит и в случае безбилетного проезда в общественном транспорте — размер штрафа, не во многом превышающий плату за проезд, не служит стимулом к приобретению билета.

² *Мозолин В. П.* Правовая реформа и регулируемая рыночная экономика в СССР // Правовое регулирование рыночных отношений в СССР. М., 1990. С. 7.

слоев, профессий, возрастов, достатка и потому сам предмет правового воздействия объективно противоречив.

Для понимания сущности правового регулирования необходимо установить предмет регулирования. Конечно, им являются разнообразные общественные отношения, на которые воздействует право. В литературе отмечается, что от содержания и характера этих отношений зависят особенности содержания правового регулирования и особенности структуры права. Виды общественных отношений требуют определенного вида правового регулирования. Положение субъектов общественных отношений, особенности объектов также оказывают влияние на специфику правового регулирования. «Особенностью общественных отношений, регулируемых правом, является также то, что они могут быть предметом правового воздействия лишь постольку, поскольку выступают в качестве волевых решений»¹.

В связи с этим представляет интерес позиция С. С. Алексеева. Он, например, различает два понятия: «среда правового регулирования» и «качество «энергетического поля» регулирования»². Среда правового регулирования включает и регулируемые правом волевые общественные отношения, и иные общественные связи, входящие в его сферу, сопровождающие и «окутывающие» его, и само правовое регулирование. Особенностью этих отношений является, по мнению С. С. Алексеева, то, что они существенно влияют на своеобразие средств юридического воздействия, их комплексы и построение. Под качеством «энергетического» поля регулирования С. С. Алексеев понимает общее состояние социальной среды, которое может быть охарактеризовано либо как «поле активности», либо как «поле сдерживания», либо как сочетание того и другого³. К факторам социальной среды можно отнести не только уровень правосознания, правовой культуры, но и динамику политических процессов, эффективность судебной системы, состояние экономики, образования, науки.

Общества с современной рыночной экономикой основываются прежде всего на объединении капитала, ресурсов, укрупнении производства, а значит, объединении человеческих ресурсов, т. е. предполагают формирование определенных сообществ — трудовых коллективов, финансово-промышленных групп, торгово-производственных объединений и т. п. Экономическая деятельность представляет собой одну из наиболее фундаментальных и динамических форм общения людей, социального взаимодействия. Способность к общению, к коллективным действиям, в свою очередь, зависит от того, в какой степени те или иные сообщества придерживаются схожих норм и ценностей и могут подчинять индивидуальные интересы отдельных личностей интересам больших групп. На ос-

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 213.

² См.: Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. С. 147—148.

³ См.: Там же. С. 147.

нове таких ценностей, как отмечает Ф. Фукуяма¹, возникает доверие, которое, кроме социальной, имеет и вполне конкретную экономическую ценность. Доверие есть возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что члены данного сообщества будут вести себя добросовестно и честно в соответствии с общепризнанными нормами. К этим нормам могут относиться как общие ценности, традиции, обычаи, так и различные профессиональные стандарты, кодексы поведения и т. п. Так, «мы вправе рассчитывать, что врач умышленно не причинит нам вреда, так как предполагается, что он обязан соблюдать клятву Гиппократова и определенные профессиональные нормы»².

В литературе на примере нашей страны отмечается, что процесс трансформации доверия занимает значительное время, связан с трансформацией общественного сознания, типа мышления, моральных норм и ценностей. Тема доверия становится в связи с этим в настоящее время одной из наиболее востребованных как в экономической теории, так и в других общественных науках. На смену традиционному доверию, основанному на личностном факторе, приходит его иная форма: доверие, основанное на предсказуемости, предопределенности, прогнозируемости событий, в том числе и в правовой сфере. Такое доверие невозможно без уверенности в устойчивости законодательства, стабильности экономики и экономической политики государства. При этом рост доверия может означать как «расширение радиуса доверия», так и его постоянное «воспроизводство» различными структурами и на различных уровнях (государством, рынком, политическими партиями, средствами массовой информации, медицинскими учреждениями, производителями и т. д.). Доверие рассматривается как своего рода социальный капитал, наличие которого в обществе упрощает и удешевляет многие общественные процессы. «Доверие само по себе не является моральной ценностью, а скорее ее побочным продуктом; оно возникает, когда люди разделяют нормы честности и взаимности в отношениях...»³.

Право, т. е. формальные правила поведения, может поддерживать общий комплекс этических норм какого-либо сообщества. Тогда, в таком сообществе не требуется громоздкого договорного и нормативно-правового регулирования отношений, оно может быть минимально⁴. Отсутствие же доверия или его дефицит ведет к тому, что люди вынуж-

¹ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 129.

² Там же. С. 134.

³ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003. С. 77.

⁴ Примером такого общества, где не законы, а традиции определяют поведение людей, служит китайский народ. Вот что пишет об особенностях китайской правовой системы Р. Давид: «Традиционная китайская концепция не отрицает права, но полагает при этом, что оно для варваров... Китайский народ же прекрасно обходится и без права. Он не интересуется тем, какие нормы содержат законы, не обращается в суд и регулирует межличностные отношения так, как ему подсказывает смысл, следуя не праву, а соглашению и гармонии» (Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 356—357).

дены постоянно вырабатывать, согласовывать, отстаивать формальные правила и положения, в рамках которых они будут взаимодействовать. Рынок не может существовать вне отношений доверия и взаимодействия людей, при этом речь идет не о личном доверии, а доверии институтам власти, государству в целом, институтам рынка и т. д. Для постсоветских стран всегда был характерен низкий уровень доверия государству и его институтам, с другой стороны, государство тоже не доверяет гражданам, поэтому осуществляет множество проверок, ревизий, инспекций, что тормозит экономическую деятельность и порождает еще большее недоверие государству¹.

Интересными и важными аспектами механизма правового регулирования представляются не столько его чисто юридические аспекты, а такие его стороны, которые непосредственно связаны с формированием мотивации поведения людей, особенности психологии поведения не только отдельных личностей, но и групп, общностей, общества в целом.

Например, правовые нормы могут оказывать деструктивное воздействие на экономику, если они не учитывают экономические интересы субъектов права и реальное содержание конкретных экономических отношений. Если налоговая политика государства явно выполняет фискальные функции и слабо использует регулятивные возможности налогов, важной функцией которых оказывать стимулирующее или, наоборот, ограничивающее воздействие на экономические отношения, налоговое законодательство становится неэффективным, стимулирует переход официальной экономики в тень и вывод капиталов из страны.

Думается, что для России особое значение имеет национальный духовный компонент правового поведения. Считается, что психологическими чертами россиянина являются преобладание эмоционального начала над рациональным, некоторая отрешенность от реального мира, увлечение мистикой и ожидание «чуда», смирение, тяга к общинности, к коллективным работам. Немалую роль в формировании национальной психологии сыграла и православная церковь, которая наставляла на труд, призывала к справедливому распределению доходов. Все эти черты свидетельствуют, что в России много людей неэкономических, нерациональных в повседневной жизни. Национальный экономический дух умело использовался в советской системе права (в преобладании моральных стимулов над материальными, в системе коллективных форм организации труда, развитой системе социального обеспечения). Очевидна потребность в учете национальной духовности и при нормативном регулировании на современном этапе. Прежде всего это касается трудового законодательства, социального, налогового, предпринимательского права в части этики предпринимательства. Тогда правовое

¹ В литературе приводят данные, свидетельствующие о том, что уровень доверия Государственной Думе в РФ в 2008 году был на уровне 24%, что ниже среднего уровня доверия парламенту в европейских странах (34%) (см.: *Веселов Ю. В.* Доверие и справедливость: Моральные основания экономического общества: научн. изд. М.: Аспект Пресс. 2011. С. 228).

регулирование будет опираться не столько на административные методы, сколько будет органично и совместимо с внутренними установками субъектов права, поддерживаться системой социального регулирования в обществе в целом.

В настоящее время для определения результативности того или иного нормативного акта, отдельной нормы права, отраслевого законодательства все чаще используется категория «эффективность».

Эффективность (от латинского слова *effectus* (исполнение, действие)) — означает «результат, действие», следствие к.-л. причин, действий», т. е. эффективный — это дающий эффект, приводящий к нужным результатам, отсюда эффективность — это результативность; и критерий эффективности — это мерило результативности целенаправленного действия.

Различают технический и экономический подходы в понимании эффективности. При техническом понимании эффективности главным является сам характер оцениваемой деятельности, при экономическом — важно, насколько производительно используются затрачиваемые ресурсы. Очевидно, что способы достижения определенных результатов имеют немалое значение. «...Эффективность норм неизбежно связана с их реализацией; но определение эффективности только как отношения между результатом и целью нормы будет несколько упрощенным. Процесс действия норм, его влияние на результат, средства достижения этого результата как бы остаются в стороне...»¹. Невозможно оценивать деятельность только по достигнутым результатам и совершенно игнорировать средства, которые при этом использованы, неверно при оценке эффективности игнорировать качество продукта или услуги, особенно если речь идет о воздействии данного продукта или услуги на граждан и общество.

В советской юридической литературе под эффективностью права понималось соотношение между целями правовых норм и полученных в результате их действия результатами. В соответствии с этой теорией право понималось как «средство, инструмент для достижения экономических, политических, идеологических, иных целей»². То есть цели правовых норм — социальные, неправовые. Иные взгляды на понятие «эффективность» появляются в нынешнее время: «...Под эффективностью права следует понимать степень соответствия уровня конфликтности регулируемых правовыми нормами отношений оптимальному уровню конфликтности в данной сфере»³. Понимаемая таким образом эффективность может быть измерена некой условной единицей измерения. Эффективные правовые нормы, таким образом — те, которые снижают уровень конфликтности, неэффективные, которые, напротив,

¹ Марочкин Ю. С. Эффективность норм международного права и механизм международно-правового регулирования // Вопросы государства, права и социального управления.

² Эффективность правовых норм. М. 1980. С. 22.

³ Проблемы общей теории права и государства. С. 507.

порождают конфликты, поскольку правообразующие интересы разбалансированы. В связи с таким пониманием эффективности правовых норм делается вывод о необходимости в ходе нормотворчества поиска некоторой правовой компенсации для интересов, которые могли бы быть ущемленными в результате принятия того или иного правового решения. При этом социальная и правовая интерпретации могут различаться: например, экономическая теория требует экономического возмещения, юридическая наука — правовой компенсации (как кажется, именно поэтому в качестве юридических санкций может использоваться как возмещение вреда (экономическая санкция), так и восстановление доброго имени, репутации (правовая компенсация)).

Отмечают, что «анализ социальной эффективности права тесно связан с изучением его социальной обусловленности. Между этими двумя явлениями существует тесная двусторонняя связь. Если та или иная норма права не вызвана требованиями жизни, вряд ли можно рассчитывать на то, что применение даст желательный результат. Вместе с тем только на основе изучения эффективности действующего законодательства можно внести полезные предложения о его дальнейшем совершенствовании»¹. При небольшой социальной эффективности законодательства оно может быть эффективно в юридическом смысле: «Нельзя утверждать, что норма права, не имеющая социальной обусловленности, неэффективна; она может быть вполне удачно применяема. Однако эффективность правовой нормы не означает эффективности правового регулирования, поскольку эффективность нормы не влечет за собой социальности самого права; и только “социальное право” может быть эффективным»².

Эффективность любых норм можно характеризовать как их свойство положительно влиять на развитие различных общественных отношений, при этом немаловажное значение приобретает процесс установления *целей* того или иного нормативного акта, соотнесения их с генеральной целью развития общества и государства. «Проверка правовых норм на эффективность — это социологический метод оценки воздействия права на регулируемые отношения... Формой выражения эффективности является достижение с помощью норм права тех целей, ради которых они установлены. В соответствии с этим эффективность норм права можно выразить как отношение результатов их действия к поставленным перед ними целям»³. Многие исследователи, несмотря на многообразие взглядов на цели правовых норм и средства их достижения, соглашались, что «будучи порождением конкретных условий общественного бытия и в конечном счете определяясь им, цель представляет собой иде-

¹ Кудрявцев В. Н. Право и социальная действительность // Проблемы социологии права / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. Б. Чапас. Вып. 1. Вильнюс. 1970. С. 9—12.

² Варданянц Г. К. Социологическая теория права: монография. М.: Академический проект, 2007. С. 67.

³ Зенин И. А. Теория эффективности гражданского законодательства // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М. К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский дом Городец», 2005. С. 87.

альный образ тех результатов волевых действий индивида, ради которых эти действия им совершаются»¹. Как справедливо отмечает Д. А. Керимов, общефилософские и психологические представления имеют прямое отношение и к познанию права и законодательства. «Определяясь условиями жизни общества, закономерностями его развития, право является объективным социальным образованием. Вместе с тем право, будучи выражено и закреплено в законодательстве, должно рассматриваться и как фактор субъективный, поскольку прежде чем возникнуть, оно созревает в сознании людей, получает форму правосознания, затем закрепляется в правовых принципах, в нормативных и ненормативных предписаниях, реализуется в правоотношениях и иных видах воздействия на общественные отношения, наконец, воплощается в законности и правопорядке как итоге достижения правовой цели»².

Исследуя проблему эффективности правового регулирования, необходимо обратить внимание на противоречия между эффективностью в экономическом смысле и социальной справедливостью³.

Наиболее важным выводом экономического подхода к правоохранительной деятельности является вывод о том, что увеличение вероятности, а также степень суровости наказания удерживают от совершения преступлений. При этом отмечается, что государство и общество способны достичь нулевого уровня преступности, если бы хотели тратить на деятельность правоохранительных органов достаточно много средств. Однако с точки зрения экономической это неразумно, так как в интересах общества следует проявлять рациональность: «...Нам следует тратить деньги на предотвращение преступлений, исходя из того, чтобы каждый доллар, затраченный на предотвращение преступлений, давал бы столько же... пользы... сколько и доллар, потраченный в любом другом направлении»⁴. Наказание в форме тюремного заключения экономически весьма неэффективно: «Преступник, находящийся в тюрьме, не способен быть производительным, он наносит (обществу) определенные издержки, хотя никто не получает в результате никакой выгоды»⁵, в то время как штрафы в определенных случаях более экономически эффективны. Наказания в этом смысле рассматриваются только в аспекте сдерживания, юридически выражаясь, главное в наказании — предотвращение совершения преступления другими людьми, достижение же непосредственно «кары» — не главное; нравственная сторона, проблема

¹ См.: Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М.: Изд-во СГУ. 2009. С. 272.

² Там же. С. 273.

³ См., например: Туруоу Л. Правоохранительная деятельность: справедливость против эффективности // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферативный журнал. Вып. I. М.: РГГУ. 1999. С. 87—88.

⁴ Рубин П. Экономическая теория преступности // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферативный журнал. Вып. I. М., РГГУ. 1999. С. 26.

⁵ Там же. С. 27.

перевоспитания является не первостепенной, поэтому допускается возможность рецидива¹.

Например, если каждая жалоба потерпевших будет рассматриваться полицией (что выражает требование социальной справедливости), потребуется огромное количество времени (а это неэффективно), значит, не нужно расследовать каждую жалобу. Социальная справедливость требует также уравнивания шансов быть пойманными и наказанными для всех преступников, однако экономически легче концентрировать усилия правоохранительных органов на определенной территории, в отношении определенных лиц и т. д.

Бороться с воровством на улицах, мелким мошенничеством менее эффективно с точки зрения соотношения затрат и результата, чем бороться с организованной преступностью. Социальная справедливость же предполагает уравнивание шансов стать жертвой преступления и нести убытки от преступлений для всех членов общества.

Цели наказания как средства предотвращения и как средства перевоспитания могут противоречить друг другу, поскольку исправление требует строительства современных благоустроенных тюрем, а это, в свою очередь, может быть менее эффективно для сдерживания преступлений.

Экономически обоснованное правовое решение может быть несправедливым, а справедливое — неэффективным. Например, справедливый размер штрафа за парковку в неположенном месте — 500 руб., но если поднять его размер до 3000 руб., можно сократить количество полицейских, ловить правонарушителей будут реже, но доходы бюджета от этого не изменятся, поэтому несправедливый штраф является более эффективным решением, чем справедливый. В качестве другого примера можно привести защиту слабой стороны (работника) при заключении трудового договора. Для эффективного использования ресурсов работодателю необходимо иметь как можно больше информации о работнике (в том числе личного характера, такой как отношение к алкоголю, имущественное положение, наличие малолетних детей), однако справедливость требует права на защиту личной информации.

Очевиден вывод: необходим выбор таких методов правового регулирования (в том числе и правоохранительной деятельности), которые в равной мере обеспечивали бы обществу и эффективность, и справедливость.

Эффективность, результативность действия правовых норм определяется не только мерами контроля, которые предпринимает государство для их реализации, но и зависит от того, насколько они отвечают интересам, потребностям, совпадают с мотивами, жизненными установками людей. В случае совпадения норма достигает цели — налицо правовое регулирование, в случае несовпадения правовая норма окажет правовое воздействие в других его формах.

¹ Напомним, что, например, российское уголовное законодательство, опираясь на традицию отечественной юридической науки, определяет цели наказания иначе: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (п. 2 ст. 43 УК РФ).

ЛЕКЦИЯ 28. ПРАВОТВОРЧЕСТВО

- Понятие правотворчества.
- Субъекты правотворчества.
- Формы (виды) правотворческой деятельности.
- Санкционирование.
- Делегирование.
- Законодательный процесс.
- Систематизация законодательства.

Понятие правотворчества

Понятие правотворчества методологически и содержательно связано с пониманием права и творчества. В истории политической и правовой, философской и социологической мысли выработаны многочисленные самобытные правовые доктрины и понятия (И. Кант о тысячах понятиях права). Право — это и специфическая форма общественного сознания (философы), специфические общественные отношения (социологи), императивно-атрибутивные переживания (психологи), система установленных и общеобязательных (государственных) норм, правил поведения, регулирующих социальные связи. Так или иначе приведенные варианты понятия права раскрывают право с различных сторон его сущности, содержания, функционального назначения. Однако все они в большей или меньшей степени подчеркивают нормативную, государственно-властную, регулятивную природу права.

Термин «творчество» фиксирует следующее важнейшее обстоятельство. Право создается, творится. Правотворчество — это интеллектуальная, нравственная, мировоззренческая, преобразующего характера деятельность различных видов и способов по воплощению идеологий, нравственных установок, интересов, потребностей, мотивов в систему правовых норм, в разновидность социального нормативного регулятора. Иначе говоря, категория «творчество» показывает как через различные варианты и виды деятельности, доктрины, идеи, эмоции, страсти опредмечиваются, воплощаются в конечном счете в систему норм государственно-властного, общеобязательного характера.

Если говорить об узко-предметном понятии права, то правотворчество можно определить как деятельность компетентных, уполномоченных на то государственных органов по установлению, изменению или отмене правовых норм. В собственно юридической литературе существуют и другие подходы к пониманию правотворчества. Правотворчество это форма, в которой государство осуществляет свои функции. Например, для осуществления экономической функции государство издает трудовое, финансовое, бюджетное, налоговое, гражданское и другое законодательство. В целом это точное наблюдение. Однако история знает массу примеров из различных исторических эпох, когда государство в силу разных политических, экономических, военных внутренних и внешних обстоятельств действует и вне правотворческих форм.

Еще одно определение правотворчества, которое можно встретить в юридической литературе. Правотворчество — это самостоятельная и отдельная функция государства. Или правотворчество — это один

из признаков государства. Понимание правотворчества как функции или признака государства все-таки упрощает объективную социальную, интеллектуальную природу права. *Государство и право* теснейшим образом взаимодействующие и взаимовлияющие друг на друга институциональные и нормативные образования, возникшие в результате действия одних и тех же причин, в определенном смысле образующие одно целое. Однако по своей природе и содержанию они достаточно самостоятельные явления.

Понимание правотворчества как признака государства уводит от природы понимания признака как такового. Признак — это не то что отличает данную вещь от другой. Признак представляет собой свойство, качественную характеристику данной вещи, то, без чего данная вещь невозможна. Например, суверенитет или публичная власть как признаки государства раскрывают именно природу, свойства, качество государства как политической формы, социально-экономически дифференцированного сообщества.

Если не сводить правотворчество исключительно к нормотворчеству, то в нем можно (как в его содержании) выделить следующие составляющие: формирование в жизнедеятельности общества (составляющих его социальных классов, социальных групп, этносов) объективных потребностей в праве, группе нормативных правовых актов для юридической нормативной регламентации тех или иных социальных связей (уже существующих или возникающих); осмысление данных потребностей, мотивов в виде мировоззренческих, идеологических, доктринальных, нравственных, психоэмоциональных установок; воплощение этого мировоззренческого, интеллектуального, нравственного материала в первую очередь через деятельность соответствующих государственных органов в юридическую нормативную систему. В последнем случае речь идет о своего рода технологической составляющей правотворчества.

Если обратиться к многовековой истории права, то будет видно как правотворчество во всех своих составляющих жестко определялось типом общества и государства, экономическими формами жизнедеятельности общества, типами политической и правовой культуры, доминацией тех или иных идеологических систем (не только светских), социальной структурой общества, субъектами правотворчества. К примеру, история отечественного права от Русской Правды Ярослава Мудрого до правотворческого опыта современной России наглядно показывает, что нет и не может быть на все времена одной модели, одного алгоритма (во всех его составляющих) правотворческого процесса. Он также подвижен, изменчив, противоречив, как и жизнь общества во всех ее проявлениях и формах. Революции, гражданские войны, смена политических ценностей и векторов исторического движения, экономические кризисы и подъемы, изменения характера общественных отношений самым непосредственным образом определяли все уровни содержания правотворческой деятельности.

Субъекты правотворчества

Если право — это всегда чья-то воля, чьи-то интересы, идеи, мотивы, потребности, то правотворчество — это всегда деятельность конкретных субъектов. Как право не может быть ничьим, бесхозным, так и правотворчество не может быть бессубъектным.

Разумеется, нет стандартного набора субъектов правотворческой деятельности для всех существующих и существовавших государств. И исторические типы государства и общества, и формы правления и государственного устройства, и экономические модели общества, и идеологические и политические системы, и типы правовой культуры — все это вместе взятое определяет субъектную сторону правотворчества.

Однако при всех возможных и реальных различиях по субъектам в многочисленных национальных опытах правотворчества можно выделить следующие субъекты.

1. *Государство как организация суверенной политической власти.* Независимо от его исторического типа, формы правления и устройства, государственного режима, идеологической ориентации государство всегда является активным субъектом правотворчества как в международных отношениях, так и внутри общества.

2. *Компетентные и уполномоченные на то государственные органы.* Государственные органы классифицируются по принципу разделения властей, и по вертикали, и по горизонтали. Результаты их правотворческой деятельности как правило выступают в форме нормативно-правового акта. Эти акты различаются и по юридической силе, и по предмету регулирования, и по территории действия, и по времени действия, и по технологии их принятия. Разумеется, в реальной жизни их компетенция и полномочия могут меняться, может изменяться их структура, государственные органы могут быть объединены или даже упразднены. Такие перемены, конечно, влекут за собой изменения и в их правотворческой деятельности, как в технологии, так и результатах.

3. *Должностные лица.* Этот государственно-властный институт известен опыту разных стран. Например, по конституции страны высшим должностным лицом является президент государства. В другом случае должностным лицом может являться генеральный прокурор страны.

4. *Общественные организации.* Это могут быть организации политического, творческого, профессионального профиля. Этот субъект свойствен больше всего правотворческому опыту новейшей истории. Например, в СССР общественные организации всесоюзного масштаба в лице своих руководящих органов обладали в рамках законодательного процесса правом законодательной инициативы. Если оставить в стороне политико-идеологические оценки данного обстоятельства, то еще раз можно отметить, как динамичен бывает данный аспект правотворческого процесса.

5. *Юридические лица.* Данный субъект формально-догматически и практически связан с мировым опытом гражданского права. Эти организации для своего устройства и функционирования разрабатывают

и принимают уставы (своего рода нормативный акт), которые должны быть соответствующим образом зарегистрированы в компетентном и уполномоченном на то государственном органе. Иными словами, государство наделяет данный документ юридической природой, придает ему юридическую силу.

6. *Народ*. В данном случае имеется в виду чаще всего референдум как самостоятельная форма правотворчества. При этом пользоваться понятием «народ» необходимо с определенными оговорками. Возрастные и иные ограничения, установленные законом, не позволяют определенным гражданам принять участие в референдуме. Мировой опыт проведения референдумов показывает, что он может практиковаться как в общегосударственном масштабе, так и в рамках отдельных административно-территориальных единиц, в субъектах федерации (провинциях, кантонах, республиках, землях и т. д.).

Перечень субъектов правотворчества, может быть, особенно наглядно показывает степень сближения государства и общества в творчестве, которое, несмотря на возможные противоречия и противостояния, отвечает их общим интересам. И все-таки отметим, что среди всех субъектов правотворчества лидирующее (монопольное) положение занимает именно государство. Это не связано с какой-то изначальной тоталитарной природой государства. Такая позиция государства прежде всего связана с тем, что государство выступает от имени всего общества, представляет и защищает интересы всего общества, наделяет результаты правотворческой деятельности всех субъектов юридической силой, общеобязательностью правовых норм, обеспечивает в конечном счете (не избегая принуждения) реализацию этих норм.

Формы (виды) правотворческой деятельности

Долгий и громадный исторический опыт правотворчества различных обществ и государств выработал немало видов и способов творения права, правовых норм. Остановимся на некоторых из них.

Непосредственная нормоустановительная деятельность. В данном случае речь идет о конкретных компетентных и уполномоченных на то государственных органах, устанавливающих, изменяющих или отменяющих нормы. Этот способ предметно и наглядно показывает, как данный субъект творит (мировоззренчески, идейно, технологически) право. Правотворчество здесь вещественно предстает не только как создание нового, но и как разрушение, устранение старого, отжившего. Это, пожалуй, самый универсальный способ правотворчества, практикуемый многими государствами.

Санкционирование

Оно означает, что государство (в лице своих компетентных и уполномоченных на то государственных органов) не само от и до создает правовые нормы (нормативные правовые акты). Но санкционирует (ут-

верждает) нормы (акты), созданные другими субъектами. Государство может (и делает это) санкционировать уставы, например, юридических лиц, обычаи и даже (если обратиться к истории древнего Рима) юридические доктрины.

Как способ правотворчества санкционирование познавательно-практически реально показывает, что само государство не может (это не целесообразно и неэффективно) проникать во все отношения, нуждающиеся в правовой регламентации. Например, обычаи как исторически сложившиеся, устойчивые, повторяющиеся отношения, ставшие в опыте многих поколений моделью, нормой, правилом поведения. Государство, санкционируя такой обычай, придав ему статус правовой нормы, наделяет его юридической силой, делает его властным и общеобязательным предписанием, берет на себя обязанность обеспечить его исполнение силой государственного принуждения.

Другой пример. Санкционирование уставов юридических лиц. Такого рода нормативные документы носят локальный характер, но в то же время они практически адресованы очень широкому кругу субъектов правоотношений. Здесь нет конкуренции между нормативными правовыми актами государственных органов и нормами, созданными иными субъектами правотворчества. Напротив, мировой опыт показывает, что данный вариант правотворчества весьма значителен и широк. Однако все это не означает, что правотворчество собственно государства вытесняется на периферию. Социально-практически и политико-юридически санкционирование свидетельствует о необходимой демократизации правотворческой деятельности современных государств.

Делегирование

Такой способ современного правотворчества означает, что тот или иной государственный орган передает (делегирует) часть своих правотворческих полномочий другому органу. Чаще всего в таких случаях речь идет о передаче парламентом своих законодательных полномочий правительству или президенту страны. Надо отметить, что данный способ не имеет широкого хождения в мировой правотворческой практике. Делегирование имеет жесткую и четкую законодательную (конституционную) регламентацию. Определяются круг вопросов, порядок, сроки передачи, ответственность за принятые в таких случаях законы.

Появление данного способа прежде всего и во многом связано с тем, что современный законодательный процесс в парламентах иногда протекает очень трудно и долго. Тогда как именно законодательное решение и регламентация назревших острых проблем не может быть затянута. Порой делегирование толкуется как кризис парламентаризма, законности или усиления авторитарных тенденций в развитии государства. Однако, как представляется, это упрощенная и повышено идеологизированная трактовка. Технологическая составляющая правотворчества современных государств может быть так же противоречива, как противоречивы общественные процессы и само право.

Законодательный процесс

Принятие, изменение и отмена законов являются важнейшими, сложнейшими и ответственнейшими видами правотворческой деятельности. Это объясняется следующими обстоятельствами.

Законы — это нормативные правовые акты, принятые по особой процедуре высшим представительным органом законодательной власти, обладающие высшей юридической силой и регулирующие важнейшие общественные отношения. Именно и прежде всего в законах получают свое юридическое оформление и закрепление система прав и свобод человека, политическая система общества, форма государства, принципы организации и структуры государственного аппарата, экономические основы общества, мировоззренческие и идеологические ориентиры и ценности общества, государства, человека. Законы задают вертикаль всего массива нормативных правовых актов, действующих в обществе и государстве.

Характер субъектов законодательного процесса, предмет регулирования законами, их высшая юридическая сила, специальная процедура их принятия, политико-практическая и юридическая значимость, принципы, лежащие в основе законодательного процесса, позволяют определить законотворчество как наиболее значимый вид правотворчества в целом.

Все, что описывается в отечественной и зарубежной юридической литературе как законодательный процесс, законотворчество во всех его формах, видах, принципах складывалось на протяжении новой и новейшей истории. Формирование данного вида правотворчества было связано с выработкой избирательных систем, созданием развитых систем представительных органов разработкой фундаментальных политико-правовых доктрин, с расширением демократизации всех форм жизни общества, образованием неизвестных в прошлом политических систем. Законы, законодательный процесс в прямом смысле являются предметным выражением и воплощением таких в наши дни актуальных идей и политических формул, как народ, нация, демократия, народный и государственный суверенитет, народ — источник власти, принцип разделения властей, правовое государство.

Разумеется, в современных государствах законодательный процесс может иметь и имеет свои особенности, которые объясняются многими факторами — формой правления государства, формой государственного устройства, избирательной системой, структурой парламента, составом политической системы, традициями.

Однако при всем разнообразии и особенностях можно выстроить более или менее общую схему законодательного процесса. В нем выделяются следующие стадии — законодательная инициатива, обсуждение законопроекта, голосование законопроекта, подписание закона, его опубликование и вступление в силу. Законодательное закрепление содержания каждой стадии процесса (субъекты, обладающие правом законодательной инициативы, порядок обсуждения, виды голосования,

название изданий, в которых обязательно должны публиковать законы, порядок вступления закона в силу (особенно подчеркивают общественную и государственную значимость законодательного процесса). Разумеется, в силу тех или иных обстоятельств некоторые элементы процесса могут меняться.

Современная законотворческая практика ряда государств использует и такую форму, как принятие закона (и даже конституции) путем референдума. Референдум как способ принятия закона не конкурирует с законодательным процессом в парламенте ни по степени демократизма процедур, ни по юридической силе законов, ни по их политико-практической и социально-экономической значимости.

Систематизация законодательства

Правотворчество прежде всего современных государств отличают масштабность, динамизм, разнообразие. Его результатом является колоссальный массив нормативных правовых актов. Можно сказать, что это непрерывный процесс во всех его видах. Для облегчения работы (и правотворческой, и правоприменительной, правореализации во всех ее видах) с таким колоссальным материалом создаются автоматизированные поисковые системы нормативных правовых актов, информационные банки данных. Иначе говоря, современное правотворчество, правореализация требуют постоянной и планомерной работы по систематизации законодательства. Официальная систематизация законодательства — это деятельность компетентных и уполномоченных на то государственных органов по упорядочению нормативных правовых актов (законодательство в широком смысле, не только законы), выделению в них противоречий, устаревших и не действующих практически, но по тем или иным причинам не отмененных законодателем, дублирующих друг друга актов и т. п. Неофициальная систематизация может проводиться любыми заинтересованными в ней организациями, учреждениями, предприятиями, фирмами, учебными заведениями.

Официальную систематизацию можно и нужно включить в правотворчество как его технологическую составляющую. Без нее практически затрудняется успешная и эффективная правотворческая деятельность для ее субъектов. История права свидетельствует о том, в том или ином объеме, виде, форме систематизация практиковалась всегда. Однако в наши дни она представляет собой обязательную деятельность планомерного характера, органически включенную в правотворческий процесс.

Чаще всего различают следующие виды официальной систематизации законодательства — инкорпорация, консолидация, кодификация. Инкорпорация — это такой вид систематизации, когда нормативные правовые акты группируются по предмету регулирования или по принявшему их государственному органу, или по дате их принятия. Результатом инкорпорации могут быть сборники законодательства, свод законов. Например, сборник налогового законодательства (по пред-

мету), сборник нормативные правовые актов министерства торговли (по государственному органу), свод законов за тот или иной временной период. Важно при этом заметить, что при инкорпорации в самих инкорпорируемых актах их содержание не меняется, они не отменяются, не принимают новые нормативные акты.

Консолидация как вид систематизации предполагает, что некоторые нормативные правовые акты или их разделы, главы, статьи консолидируются в общий акт. Однако и при консолидации никак не меняется их содержание.

Кодификация, пожалуй, самый сложный, объемный и масштабный вид систематизации законодательства. Кодификация сопровождается отменой некоторых актов, внесением изменений или дополнений в другие акты, принятием нового нормативного акта. Итогом кодификации является принятие нового закона, кодекса. Как видно из содержания кодификации, ей может предшествовать, например, инкорпорация, которая, несомненно, поможет субъекту правотворчества более результативно и успешно выполнить работу по кодификации. Однако в чистом виде собственно правотворчество (нормотворчество) присутствует именно при кодификации законодательства. За последние годы в России проделана громадная по масштабам и интенсивности кодификационная работа во многих отраслях системы отечественного права, приняты кодексы, которых вообще не было в правотворческой практике СССР.

Все виды систематизации, практиковавшиеся в большом историческом времени, необходимо связывать с конкретной эпохой того или иного государства, с той или иной правовой семьей (например, романо-германская правовая семья или семья мусульманского права, или семья обычного права). Они очень хорошо иллюстрируют масштабы и динамику правотворчества, их причины, перемены в технологической составляющей правотворчества.

ЛЕКЦИЯ 29. ПРАВООТНОШЕНИЯ

- Понятие правоотношения.
- Содержание правоотношения.
- Юридические факты.
- Объект правоотношения.

Понятие правоотношения

Правовые отношения служат юридической формой взаимодействия участников (субъектов) многочисленных и разнообразных по предмету, целям, способам реализации общественных отношений. Составляя в целом правопорядок, правоотношения являются одновременно необходимым условием и непосредственной задачей целенаправленного и систематического правового воздействия на общественные отношения со стороны государства в процессе осуществления им своих правотворческих функций. Они придают наиболее значимым с точки зрения законодателей общественным связям устойчивый и стабильный характер, не зависящий от какого-либо произвола и случайностей.

Посредством создания, изменения или прекращения правоотношений в процессе правового регулирования общественных отношений создаются необходимые предпосылки для достижения целей социально-экономического, политического и духовного развития общества — осуществления интересов и удовлетворения материальных и духовных потребностей человеческих индивидов и их социумов (различных форм объединений и организаций) в их согласовании с коренными интересами, затрагивающими условия жизнедеятельности государства в целом.

Традиционно *правовые отношения определяются как урегулированные нормами права общественные отношения, участники (субъекты) которого являются носителями субъективных юридических прав и субъективных юридических обязанностей, гарантируемых и обеспечиваемых государством.*

Им свойственны следующие существенные черты:

1. Правовые отношения являются особой разновидностью общественных отношений. Это означает, что они представляют собой многообразные связи, возникающие между людьми (отдельными человеческими индивидами) и организационными формами взаимодействия различных социумов — социальных групп, этносов, народностей и наций, классов, в процессе их экономической, социальной, политической и духовной жизнедеятельности. Их основание составляют закономерности развития того или иного типа общества. «Правовые отношения, — писал К. Маркс, определяя их глубинное основание, — так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа... наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях»¹.

2. Правоотношения представляют собой *идеологические* отношения, складывающиеся в результате *сознательно-волевых действий* (поведения, поступков) их участников. Марксистская социология в основу класси-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6.

фикации общественных отношений вносила деление их на материальные и идеологические, считая последние надстройкой над первыми.

3. Правовые отношения как сознательно-волевые действия людей возникают, существуют, изменяются и прекращаются определяемые содержанием правовых норм, в которых выражается государственная воля. Они являются *юридической* разновидностью идеологических общественных отношений, так как предпосылки и условия возникновения, существования, изменения или прекращения правоотношений, *состав участников* и их *права и обязанности* определяются нормативными правовыми (юридическими) актами государства. В этих же актах устанавливаются способы обеспечения (реализации), а также и охраны правовых отношений от нарушений. Связь правоотношений с правовыми нормами, содержащимися в законодательных актах государства, выражается в том, что данные отношения в целом и их структура являются необходимым звеном в общей системе правового регулирования общественных отношений. Таким образом, правовые отношения одновременно являются и формой упорядочения конкретных сознательно-волевых отношений, и формой их осуществления. При этом следует иметь в виду, что кроме нормативных правовых актов (типичных для романо-германской правовой семьи) в качестве форм, являющихся юридическими формами-моделями правовых отношений, выступают и другие источники права: правовые обычаи, судебные и административные прецеденты, договоры, правовые принципы, доктрины, религиозные канонизированные источники, индивидуальные юридические акты¹.

4. Правовые отношения с точки зрения внутренней формы представляют собой различного рода связи и взаимодействия их участников (субъектов права) посредством юридических субъективных прав и обязанностей. Характеристика и определение субъектов права, предмета, объема, условий, видовой принадлежности, методов правового регулирования, а также мер юридической ответственности в случаях нарушения правовых предписаний составляет содержание правоотношений.

5. Правоотношения индивидуализируются применительно к конкретным субъектам и реальным жизненным обстоятельствам. Они возникают на основе общих норм, в которых содержится их идеальная, можно сказать, теоретическая модель (юридическая формула поведения участников отношений), и осуществляются индивидуально в рамках персонально определенного состава субъектов правоотношений.

6. Реализация правоотношений гарантируется возможностью государственного принуждения, но во многих случаях государство стремится мотивировать волевое правомерное поведение субъектов права с помощью материальных и духовных (морально-нравственных, религиозных и т. п.) стимулов. В целом реализация правоотношений в современных социальных системах в условиях относительно бесконфликтного состояния рассчитана и опирается на добровольное и сознательное поведение

¹ Различные источники права и в истории, и в Новейшее время могут доминировать в разных странах, в зависимости от традиционной принадлежности определенной национальной правовой системы к той или иной правовой семье.

их участников. Решающую роль в процессе функционирования правоотношений играют авторитет законов государства, сила общественного мнения, моральные ценности общества, а в сфере экономической жизни — различные материальные формы поощрения. Но это не означает, что обеспечение правоотношений исчерпывается только указанными факторами. В необходимых случаях важное, а подчас и решающее значение имеет и принудительная сила государственной власти (государственного аппарата в частности). Правоотношение содержит в себе возможность применения государственного принуждения в целях реального обеспечения субъективных юридических прав и выполнения юридических обязанностей. Кроме того, государство может препятствовать возникновению различных негативных с точки зрения общества жизненных связей или отношений. Оно формирует соответствующие правовые запреты, стремясь с их помощью разрушить или вытеснить подобные отношения, устанавливая определенную меру ответственности (гражданской, административной, дисциплинарной или уголовной) лица за участие в этих отношениях (например, это касается коррупции, вымогательства и т. д.).

Правоотношения как форма реального существования права занимают важнейшее место в правовом регулировании общественных отношений. Подобно тому как невозможно в практической деятельности считать мысль об объекте самим объектом, невозможно и юридические формулы поведения субъектов права, выраженные на языке законодательных актов, считать действительным, осуществленным правом. Ценность и значение правоотношений как формы права заключаются в их реальности. Именно с правоотношениями связывается действительность права. Соответствие реального поведения людей — субъектов права — в процессе осуществления ими своих юридических прав и обязанностей юридическому содержанию законов и других источников права данного государства является прямой и непосредственной задачей правового регулирования. Только реальные правоотношения, правовой порядок в целом могут рассматриваться в качестве критерия истины при оценке соответствия юридических законов объективным закономерностям жизни общества и соответствия сформулированных законодателем правовых норм их воплощению в действительности. Правоотношения являются правовым опосредствованием человеческой практики, практической деятельности наделенных сознанием и волей людей, социальных групп, этносов, классов, и т. д. по реализации ими своих конкретных индивидуальных и общественных целей. Эффективность права поэтому может быть измерена только на основе соотнесения содержания юридических актов (идеальной модели правовых отношений) с их реальным воплощением в действительности и, в конечном счете, с теми реальными успехами общественного развития, которые программируются законодателем. В противном случае желание законодателя провозглашается в качестве правовой действительности и законы в такой ситуации составляют лишь идеологическое средство манипулирования сознанием

населения, которое теряет доверие к институтам власти государства и к государству как таковому.

Существуют различные способы классификации правовых отношений.

Основным критерием, очевидно, выступает применение принципов отраслевой и институциональной принадлежности норм, на основе которых возникает, изменяется, существует или прекращается то или иное правоотношение. Это могут быть правоотношения государственно-правовые, административные, финансовые, гражданско-правовые, трудовые, банковские и т. д.

Основанием для разделения правоотношений на виды является форма и характер распределения прав и обязанностей между их участниками. Если критерием классификации правоотношений выступает характер обязанностей, то одни из них считаются активными, а другие — пассивными. Обязанность совершить определенные правомерные действия (например, передачу проданной вещи, долга, уплата налогов и т. д.) будет характеризовать правоотношения активного типа. Если содержание обязанности составляет, наоборот, требование воздерживаться от совершения известных действий (не нарушать, например, права собственника и т. п.), то правоотношение относится к пассивному типу.

Правоотношения с точки зрения характера воздействия на субъектов права делятся на регулятивные и охранительные.

Регулятивные правоотношения основываются на регулятивных нормах права, и их возникновение связано с наступлением жизненных ситуаций, которые не противоречат правовым нормам.

Охранительные правоотношения связаны с действиями, носящими характер правонарушений, и основываются такие отношения на правоохранительных нормах.

Если за основу деления правоотношений берется способ конкретизации обязанных лиц, то обычно выделяются относительные и абсолютные правоотношения.

В первом случае конкретно определены только управомоченные субъекты, а все остальные выступают в качестве обязанных (например, в отношениях, связанных с реализацией основных прав и свобод граждан), во втором — конкретно определены обе стороны, как управомоченные, так и обязанные (например, в процессуальных отношениях, в ряде гражданских имущественных правоотношений и т. д.).

С точки зрения содержания правоотношения могут быть определены в зависимости от сферы жизнедеятельности общества. В таком случае они представляют собой форму различных общественных отношений экономического, политического, социального или межличностного характера, а также отношений в области духовного процесса жизнедеятельности общества (культуры в целом, просвещения, образования, науки и т. д.).

Содержание правоотношений

Содержание правоотношений в конечном счете определяется материальными отношениями, т. е. отношениями в области экономики,

а также политики, социальной жизни и сферы производства духовных благ (интеллектуальная собственность и процесс информатизации общества). Непосредственным юридическим содержанием правовых отношений выступают *субъективные юридические права и субъективные юридические обязанности*, под субъективным правом понимается мера возможного (дозволенного) поведения лица, обладающего данным правом, гарантируемая государством. Возможность как содержание субъективного права включает:

- 1) возможность определенного нормой права соответствующего поведения управомоченного лица;
- 2) возможность управомоченного лица требовать от обязанного лица определенного поведения, вытекающего из его обязанностей;
- 3) возможность управомоченного лица обратиться к государственным органам за защитой своих нарушенных прав.

Следовательно, субъективное право — это не само поведение, а лишь его *возможность*. Если субъективное право воплощается в соответствующем поведении (поступках), то речь идет о уже реализованном праве. Поэтому для субъективного права характерно то, что оно возникает на основе *общей правовой нормы*, принадлежит конкретному субъекту, гарантируется и защищается от нарушений в необходимых случаях *силой государственного принуждения*.

Особенности субъективного права определяются тем, на основе каких *видов норм* оно возникает.

Осуществление правомочия через действие, как правило, обязанной стороны происходит на основе реализации *представительно-обязывающих* норм. В необходимых случаях государство может воздействовать на обязанную сторону, для того чтобы последняя совершила действия, требуемые правомочной стороной. На основе *управомочивающих* норм лицо, являющееся носителем субъективного права, обладает юридической возможностью совершать любые не противоречащие закону действия.

Под юридической обязанностью понимаются требуемые законом вид и объем должного поведения лица, соответствующие субъективному праву другого лица. Речь идет о круге определенных действий, возложенных на конкретное лицо и, безусловно, необходимых для выполнения. В одних случаях обязанное лицо должно *воздержаться* от совершения действий, а в других — *осуществить* действия в целях реализации права управомоченного лица. Следовательно, юридическая обязанность — это не само поведение лица, а *установленная законом необходимость соответствующего действия*.

Для юридической обязанности характерны:

- 1) установление ее в общих нормах права;
- 2) гарантированная государством безусловная необходимость для определенного лица действовать определенным образом;
- 3) возможность в случае неосуществления требуемых законом действий применения к обязанному лицу государственного принуждения.

Как и субъективное право, юридическая обязанность носит *персональный* характер. Для юридических обязанностей, возникающих на ос-

нове представительно-обязывающих норм, характерно их осуществление путем *активных* действий. Эти действия реализуют правомочие другого участника регулируемого отношения. При невыполнении юридической обязанности государственное принуждение применяется по требованию правомочной стороны. Юридическая обязанность возникает и на основе обязывающих норм, в которых заключены требования совершать известные положительные действия.

Конкретное субъективное право и юридическая обязанность не существуют независимо друг от друга. Субъективным правом можно обладать только по отношению к обязанному лицу, и, наоборот, юридическая обязанность может быть осуществлена только перед кем-либо управомоченным. Неразрывная связь субъективного права и юридической обязанности определяется *единством правоотношений*. Правоотношение всегда выражает такую общественную связь, которая по отношению к одной стороне выступает как субъективное право, а применительно к другой — как юридическая обязанность. Правоотношение выражает единство и связь различных правовых позиций участников. Правоотношения не существуют изолированно друг от друга. Во многих случаях определенные действия, выражающие содержание субъективного права в одном правоотношении, могут составлять содержание юридической обязанности в другом, одновременно существующем правоотношении. Так, например, в *процессуальном отношении* должностное лицо (судья, следователь и т. п.), осуществляя свою специальную правоспособность в отношениях с гражданами (подсудимым или подследственным лицом), является одновременно юридически обязанным перед государством осуществлять данное правомочие.

Особенностью социалистических правоотношений, вытекающих из природы экономического базиса социалистического общества, является использование прав и обязанностей их участников только в интересах общества. В идеологии марксизма правоотношения не могут служить целям эксплуатации человека человеком, как это характерно, с точки зрения марксизма, для капиталистического общества. Субъективные права и юридические обязанности вытекают из закономерностей развития общества и приобретают форму потребностей и интересов конкретных субъектов права, будучи выраженными в нормативно-юридических актах государства. Поэтому государство провозглашает в своей официальной идеологии стремиться наделить участников общественных отношений такими субъективными правами и возложить на них такие юридические обязанности, которые направлены на обеспечение всестороннего развития личности, служат удовлетворению личных интересов в гармоническом сочетании с интересами общества. Гарантией охраны прав и исполнения обязанностей выступает обеспечиваемый государством режим *законности*.

Субъекты права

Понятие «субъект права» служит для обозначения участников правовых отношений, которые определяются государством как носители субъективных прав и юридических обязанностей. Это понятие является

юридическим выражением действительных предпосылок общественных отношений, к которым в первую очередь относится существование живых человеческих индивидов и различных организационных форм их социального взаимодействия.

Субъекты права — реальная предпосылка и необходимый элемент правовых отношений — с точки зрения юридических свойств характеризуются *правоспособностью* и *дееспособностью*.

Правоспособность — это установленная законом способность лица — участника правовых отношений — обладать субъективными юридическими правами и обязанностями.

Дееспособность — это установленная законом способность лица — участника правовых отношений — непосредственно своими действиями самостоятельно осуществлять субъективные права и юридические обязанности. Очень часто о дееспособности говорят, что это способность своими действиями порождать юридические последствия (характерно для англосаксонской правовой семьи).

Правоспособность и дееспособность вместе составляют понятие *правосубъектности*. Объем правоспособности и дееспособности субъектов права — совокупность субъективных прав и юридических обязанностей в их качественном и количественном выражении — определяется государством в нормативно-юридических актах (и в иных источниках права), основополагающее значение среди которых имеют конституции и другие правовые акты конституционного (государственного) права.

Субъекты права могут быть разделены на две категории: отдельные человеческие индивиды и их организационно оформленные объединения (социумы).

К первой разновидности субъектов права, как правило, законодательство относит *граждан, иностранных граждан (подданных, в странах с монархической формой правления) и лица без гражданства*, находящиеся на территории данного государства.

С точки зрения признания указанных лиц субъектами права вообще и их способности быть участниками правовых отношений можно говорить об обладании ими общей *правосубъектностью*. Как правило, в цивилизованном обществе все люди уже с момента своего рождения обладают общей правосубъектностью.

Различия, порождаемые объемом и спецификой осуществления гражданами субъективных прав и юридических обязанностей в рамках той или иной относительно однородной области правовых отношений, позволяют характеризовать их юридические свойства с точки зрения *отраслевой правосубъектности*. В ряде отраслей права правосубъектность граждан является единой *праводееспособностью*, т. е. момент наступления правоспособности (способности обладать правами и обязанностями) и момент наступления дееспособности (способности самостоятельно осуществления прав и обязанностей) совпадают. Единая *праводееспособность* характерна для таких правоотношений, которые не могут существовать вне личного и непосредственного участия в них самих носителей прав и обязанностей. Речь идет о трудовой, брачно-семей-

ной, колхозной, избирательной и т. п. правосубъектности. Например, в области трудовых правоотношений правоспособность, как правило, наступает с 16 лет, а брачно-семейных (в России) — с 18 лет. В сфере гражданского права правоспособность и дееспособность могут не совпадать. Гражданская правоспособность возникает с момента рождения, а полная дееспособность в России наступает с 18 лет. Это объясняется тем, что малолетние и несовершеннолетние в силу недостаточной зрелости еще не могут самостоятельно совершать действия, вызывающие соответствующие юридические последствия. Малолетние (до 15 лет) и несовершеннолетние (от 15 до 18 лет) признаются законом частично дееспособными. Законодательство предусматривает также возможность ограничения дееспособности или признания *недееспособными* отдельных граждан, которые в силу душевной болезни или слабоумия не в состоянии руководить своими действиями и правильно оценивать их социально-юридические последствия. Может быть ограничена дееспособность лиц, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами. В таких случаях субъективные права и юридические обязанности указанных лиц в гражданских правоотношениях и некоторых других имущественных отношениях осуществляются их законными представителями: родителями, опекунами, попечителями.

Понятие правосубъектности включает в себя также способность лица нести юридическую ответственность за совершенные правоотношения (деликты) — *деликтоспособность*, которая в области уголовного права наступает с 16 лет, а по некоторым преступлениям — с 14 лет.

Совокупность всех прав, свобод и обязанностей граждан государства, закрепленная в законодательстве, охватывается понятием *правового статуса*.

Правовой статус характеризуется единством прав и обязанностей. Общий правовой статус гражданина служит основой формирования правового статуса конкретной личности как участника различных правовых отношений. Различия, порождаемые специфическими особенностями участия того или иного гражданина в трудовой, общественно-политической, духовной деятельности, семейным положением, образовательным, профессиональным, культурным уровнем, определяют изменение его правового статуса. Важнейшей характеристикой правового статуса любого гражданина в демократических государствах является равноправие, которое закреплено в их конституциях. Обеспечиваемое во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни равноправие характеризуется *равенством граждан перед законом* независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

В отношении участников определенного круга правоотношений можно говорить о *специальной правосубъектности*. Таковой обладают, например, *должностные лица* в пределах административных правоотношений.

Правовой статус иностранцев и лиц без гражданства также включает предусмотренные законом права и свободы, в том числе и право на обращение в суд и иные государственные органы для защиты принадлежащих им личных, имущественных, семейных и иных прав. В отличие от граждан конкретного государства правоспособность указанных лиц в ряде случаев ограничена. Они, например, не могут избирать и быть избранными в различные органы государственной власти.

Важной категорией субъектов права являются *организации*. К ним относятся: 1) государственные организации (предприятия, учреждения, представительные и исполнительно-распорядительные государственные органы, суд, прокуратура и др.); 2) общественные организации (профсоюзы, творческие союзы и добровольные общества, кооперация и др.); 3) государство в целом. Данным субъектам присущи внутренняя структура и организационное единство, закрепляемые в положениях, уставах и т. п. Они являются *субъектами властных функций*, оперативной хозяйственной, социально-культурной и политической деятельности. Любая организация в зависимости от области общественной жизни, в которой она выступает в качестве участника правовых отношений, действует в соответствии с определенными целями и задачами. Поэтому для организаций характерна *целевая правоспособность*. Объем и содержание правоспособности организации закрепляются в нормативных актах в соответствии с задачами их организации и функционирования.

Правоспособность организаций возникает и прекращается одновременно с дееспособностью. Последняя (*праводееспособность, правосубъектность*) реализуется через органы или представителей этих организаций (директора, председатели правлений).

Конкретные виды субъектов права определяются, как правило, применительно к той или иной области государственной и общественной жизни и, следовательно, к тем или иным разновидностям правовых отношений. Поэтому каждая отрасль права закрепляет соответствующие виды и компетенцию (объем прав и обязанностей) организаций.

В сфере имущественных правоотношений (гражданских, финансовых, административных) ряд организаций наделяется правами *юридического лица*.

Юридические лица обладают самостоятельным имуществом и организационным единством; действуют от своего имени и несут самостоятельную ответственность; обладают специальной правоспособностью и вступают лишь в такие имущественные правоотношения, которые необходимы для выполнения их задач. Юридические лица могут быть истцами и ответчиками в судебной системе (судах общей юрисдикции, арбитражных судах, или третейских судах). Они возникают и прекращают свою деятельность в порядке установленном законом. Особым видом субъектов права выступает *государство*, которое является неотъемлемым участником международно-правовых, государственно-правовых и имущественных отношений. Государство является исключительным субъектом права государственной собственности. На него не распространяются положения, ограничивающие правоспособность организаций.

Юридические факты

Правовые отношения, как и любые другие общественные отношения, всегда основываются на реально существующих жизненных обстоятельствах, фактах. Закрепленные в нормативных правовых актах (и иных источниках права) и составляющие тем самым *содержание гипотез* правовых норм, такие обстоятельства приобретают юридическое значение. Именно с ними законодатель связывает возможность реализации участниками общественных отношений своих субъективных прав и обязанностей. Следовательно, *юридические факты — это такие сформулированные в гипотезах правовых норм жизненные обстоятельства, с которыми закон связывает возникновение, существование, изменение или прекращение правовых отношений.*

Юридическая природа фактов, с которыми связана реализация правовых отношений, обусловлена, во-первых, известным кругом жизненных обстоятельств, *определенным законодателем (или договором, например договоры страхования)* для каждой из сфер регулируемых правом общественных отношений. Эти обстоятельства выделяются государством в соответствии с задачами правового регулирования в тот или иной период, с теми или иными его особенностями, обусловленными изменениями в экономической, политической, социальной или духовной сферах общественных отношений. Поэтому юридические факты не остаются неизменными. Одни из них могут потерять свой юридический статус, другие — стать основой иных правоотношений. Круг юридических фактов может пополниться новыми обстоятельствами. Во-вторых, юридическое значение фактов вытекает из закрепления их в нормативных юридических актах и придания им смысла *необходимых юридических предпосылок, условий*, с наличием которых для участников правоотношений наступают соответствующие юридические последствия.

Классификация юридических фактов осуществляется по различным критериям. Одним из них является так называемый *волевой признак*, в соответствии с которым юридические факты делятся на *действия и события.*

Действия — это такие юридические факты, которые зависят от сознания и воли лиц, являющихся участниками правовых отношений. Юридическими фактами могут быть не всякие действия, а лишь те, которые носят общественно значимый характер. При этом действия не отождествляются с волевыми побуждениями или чувствами людей. «По каким признакам судить нам *о реальных* “помыслах и чувствах” реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей — а так как речь идет только об общественных “помыслах и чувствах”, то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*»¹.

Различаются правомерные и неправомерные действия. *Правомерные действия* — это поведение людей, соответствующее правовым предписаниям. В зависимости от того, совершаются ли правомерные действия со специальной целью вызвать юридические последствия или без та-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423—424.

ковой, их разделяют на юридические поступки, сделки и административные акты.

Юридические поступки — это действия, с которыми нормы права связывают наступление юридических последствий вне зависимости от целей или волевых побуждений субъектов правоотношений (например, находка).

Сделки — это действия, которые сознательно направлены на достижение определенных юридических результатов — возникновение, существование, изменение или прекращение правовых отношений (договор, завещание).

Административные акты — такие правомерные действия, которые, имея целью вызвать определенные юридические последствия, носят вместе с тем властный характер (например, административные или судебные акты применения права).

Неправомерные действия (правонарушения) — это действия, нарушающие требования правовых норм, установленный правопорядок. Они подразделяются на уголовные правонарушения (преступления), административные, дисциплинарные и гражданские проступки. Данные действия порождают охранительные правоотношения (процессуальные правоотношения и отношения юридической ответственности).

К *событиям* как к юридическим фактам относятся такие жизненные обстоятельства, которые с точки зрения своего существования не зависят от воли субъектов правоотношений (например, стихийные бедствия, болезнь или смерть человека и т. д.). События как юридические факты, вызывающие юридические последствия, должны быть определены законодательством или договорами.

Юридические факты классифицируются также в зависимости от фазы реализации (возникновения, существования (юридическое состояние), изменения или прекращения) того или иного правоотношения на *правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие*. К числу юридических фактов относятся также факты, определяемые как *юридическое состояние* (например, состояние в браке).

Во многих случаях приходится сталкиваться не с простыми юридическими фактами, в основании которых лежат единичные обстоятельства, а со сложными, охватывающими целую совокупность обстоятельств. Последние называются *юридическим составом*. Например, правоотношения, связанные с реализацией права на получение пенсии по старости, возникают при наличии следующих юридических фактов: достижения определенного возраста, трудового стажа, заявления о назначении пенсии, решения органов социального обеспечения о назначении пенсии.

Объект правоотношения

Вопрос об объекте правоотношения имеет две плоскости рассмотрения. В первом случае речь идет об *объекте правового регулирования*. Государство, издавая нормативно-юридические акты, воздействует на общественные отношения с помощью создания, изменения или прекращения

правовых отношений. Общественным отношениям придается правовая форма. Но создание, изменение или прекращение правоотношений предполагает непосредственные сознательно-волевые действия субъектов права. Таким образом, объектом правовых отношений выступают *юридически значимые действия* субъектов права, опосредствующие своим правовым поведением тот или иной вид общественных, экономических, политических, социальных, межличностных и иных отношений. Следовательно, общественные отношения могут рассматриваться в качестве объекта правовых отношений с точки зрения *цели и результата* правового регулирования. Но непосредственно функционирование правоотношений связано с действиями носителей субъективных прав и юридических обязанностей.

Другая плоскость трактовки объекта правоотношения связывается с *реализацией конкретных целей* (достижением определенных результатов) различных субъектов прав и обязанностей. В таком случае *под объектом правоотношения следует понимать различные вещественные и духовные блага, а также сами действия или их результаты, на которые направлена реализация субъективных прав и юридических обязанностей участников*. Юридическое значение указанных объектов вытекает из закрепления их в качестве таковых в законодательных актах государства. В качестве объектов правоотношений рассматриваются материально-вещественные и духовные ценности, связанные с удовлетворением различных социально-культурных потребностей и с защитой коренных интересов личности: произведения духовного творчества, авторские права, честь и достоинство, жизнь и здоровье, тайна переписки и т. д.

К объектам правоотношений относятся действия и результаты действий, если они являются целью правового поведения субъектов прав и обязанностей. Особое место среди них занимают *правоотношения процессуального характера*.

Таким образом, речь может идти об оказании, например, различного рода услуг производственного, бытового, культурного, воспитательного и т. п. характера, которые служат средствами удовлетворения социально полезных потребностей. А в области процессуальных правоотношений — о действиях, например, в гражданском процессе суда, обязанного правильно и быстро рассмотреть то или иное гражданское дело.

ЛЕКЦИЯ 30. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Конечной целью правового регулирования является реализация права, т. е. такое поведение людей и других участников общественных отношений, при котором предписания правовых норм воплощаются в жизнь, в зависимости от того, какие предписания (обязывание, запрет или дозволение) реализуются, различают три основные формы реализации права. Особую форму реализации правовых норм связывают с властной индивидуально-правовой деятельностью и именуют правоприменением. Такая характеристика форм реализации права отражает их связь с правовыми нормами и субъектами их реализации. Безусловно, поскольку реализация правовых норм есть поведение людей, наделенных сознанием, волей, чувствами и эмоциями, она не может происходить автоматически, а связана с оценкой этих норм, выбором наиболее применимых и выгодных для той или иной ситуации.

Всякое поведение людей и их деятельность осуществляется для реализации их потребностей, которые определяют как «необходимость и возможность приобретения, сохранения и использования различных благ — частных и общественных, экономических и неэкономических, материальных и нематериальных. Если некое благо оказывается значимым, желаемым для человека, то оно превращается в стимул — внешний объект стремления, активизированную потребность. Когда же импульс стремления к этому объекту проходит через сознание человека, стимул перерастает в мотив — внутреннее побуждение к действию»¹.

Потребление как процесс удовлетворения потребностей человека (и как процесс социального взаимодействия людей) и «общество потребления» были всегда в центре внимания социологической науки. Экономическая социология показала «демонстративный характер потребления — через потребление вещи индивид воспроизводит свой социальный статус, и таким образом, потребление служит инструментом закрепления социальной дифференциации в обществе... Кроме того, потребление становится активным модусом социальной жизни — люди раскрываются не через труд, творчество или профессию» а через потребление...»².

Современное общество рассматривается часто как общество потребления и обмена, при этом понятие и чувство справедливости являются мерой в оценке процесса и результатов распределения и обмена. Правовые нормы, закрепляя представления того ли иного общества о справедливости, устанавливают как правила распределения, так и правила обмена.

Государство, в котором господствуют законы, формирует понятие обязанностей граждан перед государством и другими субъектами права и тем самым связывает законы и справедливость.

¹ Радаев В. В. Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 91.

² Веселов Ю. В. Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества: научное издание. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 92.

Идея справедливости неизбежно возникает всегда, когда необходимо рассматривать общественную жизнь людей с точки зрения столкновения их желаний, интересов, потребностей, когда возникает вопрос о распределении обязанностей и льгот, об обосновании мер ответственности и условий применения санкций, таким образом, справедливость должна быть учтена не только в процессе законотворческой деятельности, но и правоприменительной и в том числе правоохранительной деятельности. Философская наука обращает внимание на правовые аспекты справедливости, выражающиеся в том, что справедливость понимается как «формальное равенство, одинаковость масштаба (требований, законов, правил, норм), посредством которого «измеряются» поступки... Люди здесь равны именно как субъекты права, как если бы у них не было других свойств, интересов, потребностей, целей, кроме как выполнять нормы права»¹. Основу теорий справедливости составляют представления о видах (формах) справедливости (Аристотель), которые по своей сути представляют способы распределения благ в обществе, где этими благами нельзя наделить всех. Таких форм две: распределительная и уравнивающая справедливость. В случае уравнивающей справедливости блага распределяются между членами общества независимо от вклада их в общее дело: такой способ распределения уместен при обмене вещей (обмен происходит в соответствии со стоимостью вещей, и не зависит от личности покупателя) и при назначении наказаний. Распределительная справедливость предполагает различные принципы распределения, обусловленные особенностями лиц, вступающих в отношения: всем поровну, всем по заслугам (труду), всем по потребностям. Очевидно, что эти формы справедливости представлены в конкретном обществе в сочетании и для рыночных отношений, например, предпочтительной является уравнивающая справедливость, а для социалистической модели общества более характерна распределительная справедливость².

Исследователи обращают внимание на то, что справедливость стала только в условиях капитализма центральным понятием морального сознания, вытеснив на периферию все другие понятия, многие современные общественные отношения, не будучи связаны экономически, не требуют справедливости — к таким можно отнести отношения в семье, дружбу, другие — требуют различных распределительных процедур (справедливых и несправедливых). При этом невозможно предложить универсальный способ распределения: «например, каждый имеет право на жизнь — справедливость распределения предполагает абсолютное равенство, но распределение должностей в офисе должно регулироваться в соответствии со способностями и заслугами работника... а распределе-

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Республика; Современник, 2009. С. 637.

² Подробнее см.: Там же. С. 637—638.

ние медицинских услуг будет справедливо осуществляться по потребностям (т. е. лечение предоставляется только тому, кто в этом нуждается)»¹.

Фактическое поведение человека в первую очередь подчинено его интересам и потребностям, и человек во всех сферах жизни обладает известной свободой в выборе не только модели, но и способов своего поведения. Фактически эта свобода ограничена таким же желанием других индивидов реализовать свои интересы и потребности, а юридически способы и границы возможного поведения ограничиваются разного рода социальными нормами. Согласование собственных интересов с интересами других людей может носить неформальный характер (например, когда в случае болезни преподавателя его коллега по работе может добровольно взять на себя проведение вместо него занятий или когда пассажиры в ожидании посадки в транспорт выстраиваются в очередь), те же способы поведения могут быть формально закреплены в должностных инструкциях, иных документах и приобретать тем самым характер правовых норм. При этом часто подобные нормы включаются в «свод» внутренних установок того или иного индивида и становятся не только внешними, но и внутренними ограничителями. В том случае, когда внутренние установки и внешние ограничения вступают в противоречия и добровольная реализация той или иной нормы невозможна, возникает необходимость в принуждении, которое может приобретать и правовую форму².

Например, с точки зрения экономической теории любое хозяйственное действие основано на экономическом интересе. Рассматривая возможность получения какого-либо материального и нематериального блага, человек просчитывает как возможную предельную полезность этого блага, так и те издержки, которые он может понести (затраты труда, времени, денег и т. д.) для получения данного блага. Оценивая два этих фактора, человек определяет эффективность своих действий. Однако не всегда человек свободен в следовании своему интересу, эта свобода ограничивается не только действиями других людей, стремящихся к реализации их интересов, но и теми социальными нормами, которые предписывают определенные модели поведения (в том числе направленные на защиту интересов других лиц, например потребителей или даже государства). Например, большое внимание в юридической литературе в наши дни уделяется проблеме реализации в предпринимательской деятельности «коммерческого интереса». Исследователи обращают внимание на то, что, несмотря на то что основу регулирования предпринимательских договоров составляют нормы гражданского права, специальные правила регулируют не столько отношения между сторонами договора (предпринимателями), «сколько отношения между ними и государством: налоговыми, финансовыми, таможенными и др. органами. Это свидетельствует о публичности предпринимательских договоров.

¹ Веселов Ю. В. Указ. соч. С. 210.

² Подробнее о мотивации, например, хозяйственной деятельности см.: *Падеев В. В.* Указ. соч. С. 91 и далее.

Предпринимательский договор является правовой формой, объединяющей интересы как предпринимателей, так и государства и общества»¹.

Потребности (интересы) людей могут быть насущными (пища, вода, жилье), могут быть дикими, противоестественными (насилие, наркотики, педофилия и т. д.)². В самых крайних случаях, эгоистические устремления людей ограничиваются принуждением (в том числе правовым). Правовые нормы выступают ограничителем не только потому, что предполагают обязательные модели поведения, но и потому, что существенно влияют на «скорость» реализации какого-либо интереса (требуют соблюдения установленной процедуры, согласований на различных уровнях власти, принятия решений и т. д.). Однако возникающие риски все-таки требуют неукоснительного соблюдения требований закона.

Кроме того, вступая в разного рода общественные отношения, человек вступает в процесс социализации: в процессе обучения, труда, потребления и т. д. человек осваивает не только различные профессиональные роли, но и учится пребывать одновременно в разных социальных и правовых статусах (быть продавцом и покупателем, коллегой и подчиненным, родителем и супругом, пенсионером, избирателем и т. д.), в каждом из которых он реализует различные, зачастую противоречивые, интересы. Например, в статусе покупателя человек должен стремиться снизить возможную цену покупки, однако он, наоборот, идет в более дорогой («престижный») магазин и платит в несколько раз дороже³, чтобы сознательно поддержать свой социальный статус.

Способность индивида к труду в какой-либо организации часто определяется не столько его профессиональными навыками, опытом и умениями, не столько физиологическими или психическими качествами личности, но и «связями» (принадлежностью к определенному социальному кругу или членством в каком-либо обществе) и т. д. Часто потребление превращается в символическое: «в обществе потребления под влиянием рекламы покупаются не товары, а торговые марки...»⁴.

Многообразие и разнозначимость интересов и потребностей людей учитывается в процессе правотворчества и порождает многообразие тех моделей поведения, которые предлагает им законодатель. Таким образом, возникает проблема выбора необходимой правовой нормы для удовлетворения конкретной потребности человека.

Довольно часто для описания существующего в правовом массиве многообразия норм и описания их альтернативности используется понятие «конкуренция правовых норм», однако простое перенесение этого экономического понятия в юридическую терминологию искажает правовую реальность. Остановимся на этой проблеме подробнее.

¹ Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Формула права, 2008. С. 275.

² Проблема классификации потребностей не рассматривается в данной главе.

³ Вспомним анекдоты начала 90-х про «новых русских».

⁴ Веселов Ю. В. Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества: научное издание. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 93.

Будем исходить из первоначального смысла понятия «конкуренция», которое было сформулировано еще А. Смитом: конкуренция — это борьба различных хозяйствующих субъектов на рынке, соперничество продавцов за наиболее выгодные условия продажи или покупки товара. Ясно, что речь идет, во-первых, о конкуренции однородных товаров, во-вторых, о конкуренции различных производителей, в-третьих, о рыночных отношениях, где все эти производители независимы друг от друга. Если мы применим это понятие к «производству» правовых норм, то сразу обратим внимание на монополию государства в области законотворчества, а это означает, что во избежание внешней конкуренции внутри монополии должна осуществляться дифференциация товаров (правовых норм). Если подходить с этой точки зрения к существующим в юридической литературе определениям конкуренции правовых норм, то становится понятно, что в их основе, как правило, лишь одна составляющая — борьба, соперничество, именно поэтому термин «конкуренция» часто используется как тождественный термину «коллизия» (который означает также столкновение противоположных сил, стремлений), при этом стало традицией, что в общей теории права и отраслевых науках используется термин «коллизия», в уголовном праве — «конкуренция норм»¹. Если же эти понятия различаются, то речь идет о столкновении норм с разной степенью конкретизации, детализации, объема и т. д. (норм разной юридической силы, уровня, исходящих от неравнозначных правотворческих органов)². Понятно, что экономический смысл термина «конкуренция» никак не связан с тем смыслом, который вложен в приведенные выше определения «конкуренции правовых норм».

Хотелось бы обратить внимание на иные явления, которые не укладываются в указанные определения, но, как кажется, наиболее полно содержат все признаки конкуренции в экономическом смысле. Для большого количества норм, прежде всего частного права, характерно, что они, предоставляя субъекту права выбор, тем самым вступают между собой в состязание, собственно, законодатель их и дифференцировал для того, чтобы предоставить разные варианты поведения, ориентированные на разный правовой результат; при этом они могут быть изданы одним правотворческим органом, иметь равную юридическую силу, одинаково детализированы и конкретизированы. В качестве примеров можно привести состязание норм гражданского законодательства об организационно-правовых формах предпринимательской деятельности в рамках одной отрасли права; состязание институтов гражданско-правового договора и трудового договора в рамках различных отраслей; состязание норм национального права с нормами права других государств (примером «победы» законодательства РФ над законодательством Франции может служить случай конца 2012 г., когда известный французский актер Ж. Депардье, оценив возможные последствия принятого во Франции за-

¹ См. подробнее, например: *Иногамова-Хегай Л. В.* Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М. 2002.

² См. подробнее: *Сенякин И. Н.* Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. С. 62—65.

кона о налогах на роскошь, обратился за получением гражданства РФ); состязание, наконец, правовых норм и неправовых. Такого рода состязания, столкновения обусловлены различными *правовыми последствиями* реализации той или иной нормы, которые выступают как бы ее ценой.

Другого рода столкновения правовых норм обусловлены при том же правовом результате различными *экономическими последствиями*: выбор между наследованием по закону или по завещанию для близких родственников часто не связан с конечным правовым результатом (переход права собственности происходит и в том и в другом случае), но обусловлен размерами налогов; выбор вида гражданско-правовой сделки (доверенность или купля-продажа, например) также часто не ориентирован на правовой результат, но определяется возможными издержками организационного и экономического характера и т. д. Возможно состязание норм, при котором оцениваются и организационные, и экономические, и правовые последствия, например, при выборе применимого законодательства или страны регистрации вновь создаваемого юридического лица для внешнеэкономической деятельности сами правовые последствия имеют конкретное экономическое содержание (оффшорные зоны предлагают благоприятный экономико-правовой режим деятельности, при котором важное значение имеет не только размер налогообложения (экономические последствия), а также правовая возможность действовать анонимно, через доверенных лиц и т. д.)

Иногда конкуренция правовых норм обусловлена неопределенностью их баланса (равновесия), например, нет и не может быть однозначно определенного равновесия конституционных норм, несмотря на их одинаковую высшую юридическую силу, хотя не может быть и их иерархии. Примером могут служить нормы Конституции РФ 1993 года о свободе предпринимательской деятельности и праве на здоровую окружающую среду. Понятно, что до тех пор, пока не превышены нормы загрязнения атмосферы, выброса вредных веществ в водоемы, концентрации добавок в пищевых продуктах, предполагается, что право на здоровую окружающую среду не нарушается, хотя известно, что этим, тем не менее, наносится вред и здоровью человека и природе; т. е. эти конституционные нормы всегда балансируют, приоритет той или иной нормы зависит от норматива, который может меняться в ту или иную сторону. Можно привести пример подобной конкуренции и в сфере избирательного права: в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П указывается на то, что демократический принцип равных выборов и обязанность государства гарантировать равенство избирательных прав граждан и принцип федерализма и равноправия субъектов федерации, с другой стороны, могут входить в юридическое противоречие. Постановление Конституционного Суда не устанавливает их баланс однозначно, а лишь определяет приоритет принципов федерализма и равноправия субъектов федерации и соответственно возможность ограничения равного избирательного права законом таким образом, чтобы гарантировать представительство субъектов федерации с малочисленным населением и тем самым обеспечить представительный характер и леги-

тимность федерального парламента. В данных примерах мы видим, как в ходе реализации правовых норм могут столкнуться интересы граждан, всего общества в целом, субъектов федерации, государства в целом.

Одинаковый ситуационный экономический результат может быть менее значимым по сравнению с будущими выгодами для субъектов права: работник может отказаться получать «серую» зарплату, поскольку заинтересован не столько в размере дохода, а в его легализации, так как обеспокоен, например, будущим пенсионным обеспечением или возможной оплатой больничного, или рассчитывает на получение потребительского кредита, размер которого может зависеть от уровня официального дохода.

Социальные последствия от реализации конкретной модели поведения могут оцениваться весомее, чем экономический результат: можно получить, например, юридическое образование на бюджетном отделении в непрестижном вузе или на платной основе в ведущем вузе страны. Для разных абитуриентов ценность экономических и социальных последствий такого выбора будет оцениваться по-разному.

В приведенных примерах мы видим такую состязательность правовых норм, которая основана на их преимуществах экономического, правового, политического, социального, организационного характера, которую и можно назвать их конкуренцией в экономическом смысле. Субъекты права (в том числе и государство в целом, и государственные органы) выбирают наиболее выгодный для них вариант, при этом выбор может быть сделан не только в пользу какой-либо правовой нормы, но и в пользу неправомерного поведения.

Приведем еще несколько примеров.

Рассмотрим, например, как воздействуют на непосредственных контрагентов нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающие организационно-правовую форму предприятия.

Прежде чем любая из этих норм будет реализована в уставе конкретного предприятия, анализируются выгоды и издержки выбора той или иной формы в отношениях: а) имущественных (между учредителями (участниками)), б) учредителей (участников) с юридическим лицом, в) с контрагентами (прежде всего имущественные). Также учитывается система налогообложения, действующая в отношении той или иной формы. Допустим, норма выбрана, зарегистрировано предприятие, информация об организационно-правовой форме, в которой оно зарегистрировано, дает представление о возможном поведении его представителей в ходе реализации контракта. Сама форма предприятия не только экономически значима как для самих участников, так и для его партнеров, но и может формировать у них различные целевые установки и ценностные ориентиры¹.

¹ Отчасти, видимо, и эти обстоятельства повлияли на то, что наибольший удельный вес в экономике России в 90-е годы заняли акционерные общества открытого и закрытого типа и товарищества с ограниченной ответственностью (около 49% от всех коммерческих организаций). См.: *Черник Д. Г.* Налоги в рыночной экономике. М.: Финансы, ЮНИТИ, 1997. С. 122.

Граждане часто выбирают вид сделки, оценивая разные экономические последствия этих сделок, прежде всего размер налогов государству. В результате возможная передача имущества по наследству заменяется договором дарения, договор дарения заменяется мнимым договором купли-продажи, договор купли-продажи — выдачей генеральной доверенности.

Работодатель, принимая на работу, подписывает не трудовой, а гражданско-правовой договор с работником, так как это дает возможность усилить имущественную ответственность работника, установить ограниченный срок для взаимоотношений, существенно сэкономить на социальных гарантиях работников.

Известны типичные для перестроечной России ситуации, когда предприятия, избегая излишнего налогообложения, создавали легальные схемы оплаты труда через кредитно-депозитные отношения, через страхование, денежные ссуды (здесь мы видим уход из трудового права в банковское и страховое), пользуясь пробелами в налогообложении. Даже юристов для работы в коммерческих структурах стали подбирать по принципу умения «нарушать закон, не нарушая закон».

Особое внимание необходимо уделить проблеме выбора правовых норм в правоприменительной деятельности, поскольку в случае реализации правовых норм самими субъектами права они, осознанно выбирая ту или иную правовую (или неправовую) модель поведения, самостоятельно несут риск неудачного выбора, а в процессе правоприменения властвующий субъект, осуществляя выбор, должен заботиться не столько об интересах конкретных лиц, о выгоде субъектов права, а о законности и справедливости использования применяемой нормы.

Как правило, в качестве наиболее яркого примера правоприменительной деятельности рассматривают судебную деятельность. Несмотря на то что в соответствии с Конституцией РФ суд независим и подчиняется только закону, это не значит, что суд механически применяет нормы права к какому-либо конфликту. «Вряд ли нужно доказывать, что законодатель не только закрепляет за судьей право толкования применяемых норм права, но и оставляет на его усмотрение выбор одного из допускаемых законом вариантов решения стоящих перед ним вопросов»¹. При этом различные варианты решения могут быть обусловлены не только обстоятельствами фактического характера (недостаточностью юридических фактов, пробелами в законодательстве, коллизией правовых норм), но и обстоятельствами субъективного характера, в том числе судебными ошибками. Не ставя задачу рассмотрения всех видов судебных ошибок в рамках данной работы, обратим внимание на те из них, которые тесно связаны с личностью судьи. Сама по себе правоприменительная деятельность является интеллектуально-волевой деятельностью. Интеллектуальная сторона правоприменения выражается в установлении фактических обстоятельств дела, уяснении содержания

¹ Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Формула права, 2008. С. 310.

правовых предписаний, применяемых к данным обстоятельствам, волевая — в самом вынесении государственно-властного решения¹. Именно пороки интеллектуально-волевого характера часто лежат в основе судебных ошибок: исследователи обращают внимание на незнание, непонимание или игнорирование судьями действующего законодательства, их прямую или косвенную заинтересованность, симпатии или антипатии, постороннее влияние, утрату чувства справедливости². Особое внимание уделяют в литературе таким юридико-психологическим категориям как внутреннее убеждение судьи и судейское усмотрение. Так, судья по своему усмотрению определяет относимость и допустимость доказательств по делу, вынесение решения по делу также часто происходит с использованием судейского усмотрения.

Аналогичные трудности возникают в правоприменительной деятельности и других государственных органов, именно этим во многом объясняется практика принятия административных регламентов на разных уровнях, которые должны свести к минимуму возможные ошибки или факты злоупотреблений правом должностными лицами и органами государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что фактическое воплощение в жизнь требований правовых норм (реализация правовых норм во всех ее формах) невозможно без анализа его социологических аспектов, без учета интересов и потребностей людей, их предпочтений, мотивации поведения, особенностей нравственных и правовых установок в обществе, экономической ситуации и т. п.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. 2009. С. 529.

² Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Формула права, 2008. С. 359.

ЛЕКЦИЯ 31. ПРАВОПОРЯДОК

- Правопорядок как форма проявления социального порядка.
- Правопорядок, право и иные социальные нормы.
- Обычай и правопорядок.
- Религия и правопорядок.

Правопорядок как форма проявления социального порядка

Категория «правопорядок» широко используется в теории государства и права. С точки зрения этимологии слово «порядок» означает организованность, устойчивость и предсказуемость в построении и функционировании какого-либо социального явления, так как порядок свойственен только миру людей. Он (порядок) может быть установлен и поддерживаться различными средствами и методами вплоть до применения внеправового принуждения. Порядок выступает антиподом неорганизованности, хаосу, анархии и т. д.

В словаре Вебстера при конкретизации термина «порядок» отмечается, что этот термин подразумевает состояние мира и спокойствия, надлежащее «упорядоченное поведения», «соблюдение права».

Категория «правопорядок» хотя и производна от слова «порядок», но по своему содержанию и смыслу далеко не так однозначна.

Надо отметить тот факт, что ни в отечественной, ни в зарубежной юридической науке нет единого понимания правового порядка.

На наш взгляд, «правопорядок» можно определить следующим образом. Во-первых, как цель и итог правового регулирования, т. е. упорядочение системы общественных отношений; во-вторых, правопорядок понимается как одна из форм проявления социального порядка, который устанавливается в результате реализации правовых и иных социальных норм. В-третьих, как такой порядок, характеризующий строение права, выраженное в единстве и непротиворечивости системы норм права и закрепляющих их форм.

Таким образом, понятие «правопорядок» можно рассматривать как юридическую, так и как социологическую категорию.

Нормативный подход к пониманию правопорядка был разработан Г. Кельзеном. Ученый рассматривал право как принудительный порядок¹. В исследованиях по общей теории права и теории международного права Г. Кельзен отождествлял государство и правопорядок. В его теоретико-методологической парадигме государство мыслилось как идеальный порядок, как система норм и, таким образом, не как нечто нереальное, а идеальное явление². В данном случае он рассуждает о правопорядке как о системе норм, оторванных от реальной действительности. С точки зрения разработчика «Чистого учения о праве», правопорядок — это безоценочный социальный порядок, который очи-

¹ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. переводов. Вып. 1. Перевод С. В. Лезова / отв. ред. акад. В. Н. Кудрявцев, д.ю.н., проф. Н. Н. Разумович. М., 1988. С. 24—43.

² См.: Kelsen H. Das Problem der Souverinität und die Theorie des Völkerrechts. Tübingen, 1940. S.11.

шен от каких-либо моральных, религиозных и иных метафизических, не относящихся к праву характеристик.

В своих исследованиях Г. Кельзен был последователен в непринятии методологического синкретизма. Правопорядок, по Кельзену, — это мир должного, ограниченный от сущего.

В праве Кельзен различал статический и динамический аспекты. Основываясь на динамическом аспекте права, ученый разработал учение о ступенчатом строении правопорядка (*Stufenbau der Rechtsordnung*). Эта разработанная Адольфом Мерклем и интерпретированная Кельзеном в чистое учение о праве теория рассматривает правопорядок не как сумму норм права, установленных законодателем или другим правотворческим органом, а также обычаями и судебными решениями¹, а как совокупность принятых на различных уровнях правотворчества актов: от конституции через законы и распоряжения до судебного приговора (Г. Кельзен полагал, что в судебном решении (приговоре) содержится индивидуальная норма. — В. К.), а также решения местных органов власти или заключенного индивидуального договора.

Теория ступенчатого строения правопорядка имеет непосредственное значение для теории интерпретации как идеальной схемы, пригодной для толкования (*Deutungsschema*), поскольку, как считал Кельзен, судебные решения, правовые состояния и другие правовые факты являются результатом толкования отдельных норм права или, по его убеждению, правопорядка в целом.

Учения Меркла и Кельзена о правопорядке оказали существенное воздействие на современную юридическую науку Германии. В публикациях по общей теории права по проблемам понятия и структуры правопорядка ясно видно непосредственное влияние идей названных ученых.

В общей теории права правопорядок трактуется как иерархическая система форм (источников) права, в которую включаются международно-правовые акты, правовые акты органов Европейского союза, Конституция и т. д. В этой системе нет судебных решений потому, что современная доктрина права в Германии не включает их в разряд форм (источников) права.

Разобранная нами теоретическая интерпретация понятия и структуры правопорядка имеет не только познавательное, но и сугубо практическое значение. В современной правоприменительной практике она положена в основу системного толкования норм права, подлежащих применению при рассмотрении конкретного юридического дела.

«Правоприменитель, — пишет немецкий ученый-юрист Бернд Рюттерс (Bernd Ruttters), — решая конкретное юридическое дело, не ограничивается одной нормой, а обосновывает свое решение, исходя из смысла всего правопорядка»².

Ряд теоретиков права, находясь под воздействием идей Кельзена, вместе с тем рассматривают правопорядок в контексте его социальной

¹ Merkl A. Das doppelte Rechtsandlitz. Jur. Blatter. 1918. S. 425.

² Ruttters Bernd. Rechtsheorie. Bonn. 1999. S. 156.

обусловленности. Данный подход характерен для известного немецкого теоретика права Ганса Навяски (Hans Nawiasky), который, давая дефиницию правопорядка, определял его как социально обусловленную систему предписаний, предназначенную для регулирования поведения членов общества, несоблюдение которых влечет за собой применение мер государственного принуждения¹.

В концепции Навяски государство является носителем правопорядка. Он также воспринял и развил идею о ступенчатом строении правопорядка.

Разновидностью нормативно-социологического подхода к раскрытию сущности правопорядка стала идея «эмпирического правопорядка», которую разрабатывал Макс Вебер.

Его воззрения складывались под очевидным воздействием нормативной теории правопорядка, от которой, отмечая ее явную ограниченность, он пытался уйти.

Макс Вебер полагал, что понимание права прежде всего и главным образом как совокупности норм ассоциируется с нормативным (идеальным) правопорядком. Вместе с тем он предостерегал от попыток смешения нормативного и фактического, так как последнее не всегда будет соответствовать идеальному порядку, который конструируется в нормах права. Одна из многочисленных заслуг Макса Вебера перед наукой состоит в том, что он обосновал необходимость различения нормативно-юридического и эмпирического взглядов на правопорядок. Каждое из этих понятий имеет свою инструментальную научно-практическую ценность. О чем уже в общих чертах отмечалось выше.

В итоге своих рассуждений о соотношении нормативного и фактического он вводит понятие «эмпирического правопорядка». «Эмпирическое» бытие права... мы называем «эмпирическим» правопорядком².

Социальный порядок складывается не только под воздействием правовых, но и иных социальных норм. В силу этого в социальном порядке функционируют и взаимодействуют и другие нормативные порядки: нравственный, религиозный и т. д.

Можно сделать вывод о том, что нормативно-юридическая конструкция правопорядка при всех ее изъянах позволяет решать ряд теоретических и практических проблем, возникающих как в системах внутригосударственного так и международного права. Например, международный и внутригосударственный правопорядки взаимодействуют прежде всего как нормативные системы, составляющие нормативную основу правопорядка. Иными словами, они соотносятся как система международного и внутригосударственного права. Как представляется, здесь неизбежным является отождествление правопорядков с системой действующих норм права, в которых выражается идеальный образ правопорядка.

¹ См.: *Nawiasky. Allgemeine Rechtslehre als System der rechtlichen Grundbegriffe.* Zurich; Koln. 1948. S.17, 24.

² Цит. по: *Gephart W. Recht und Kultur.* Berlin, 1998. S. 6—8.

В отечественной теории государства и права нет единого подхода к пониманию правопорядка. Вместе с тем, как справедливо отмечается в юридической литературе, при наличии множества определений понятия правопорядка их объединяет один общий момент. Во всех имеющихся определениях понятия этой юридической категории утверждается, что он выступает как результат неукоснительной реализации юридических норм, исключительно правомерного поведения, реализованная законность¹.

Подобная постановка вопроса представляется не совсем правильной, так как «эмпирический» правопорядок, как уже отмечалось ранее, складывается не только под воздействием юридических факторов.

Правопорядок, понимаемый как механическая проекция представлений о нем, заключенных в нормах права, независимо от их содержания, представляет собой безжизненную и весьма опасную конструкцию, которая решительно не соответствует современным потребностям общества и личности, может насаждаться велениями государства с игнорированием ценностных представлений общества.

Правопорядок без аксиологического его обоснования представляет собой абстракцию, которая может наполняться любым содержанием и тем не менее будет именоваться правопорядком, даже если окажется в явном противоречии с основными правами и достоинством личности. Здесь мы сталкиваемся с проблемой легитимации правопорядка.

Правопорядок в нормативном его значении формируется главным образом в результате правотворческой деятельности государства. Кроме того, формирование нормативной основы правопорядка осуществляется и с участием международного права: п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Нормативный правопорядок преобразуется в эмпирический (фактический), т. е. одну из форм социального порядка, путем трансформации нормативных правовых предписаний в правосознание, а затем и в поступки людей. В этом смысле можно сказать, что правопорядок является динамической характеристикой системы права². Правопорядок, выстроенный без учета критерия легитимности, с неизбежностью вызовет отторжение и не будет восприниматься как ценность ни массовым, ни групповым, ни индивидуальным правосознанием.

Для формирования научной концепции правопорядка важное значение имеет выяснение вопроса о соотношении правопорядка с социальным порядком.

¹ См.: Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В. М. Сырых. М., 2008. С. 517.

² См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. М., 2012. С. 476 и след.

В современных исследованиях отечественных ученых-юристов предлагается отказаться от одного из важнейших положений концепции правопорядка, согласно которому правопорядок рассматривается как часть социального (общественного) порядка, существующего наряду с нравственным, религиозным, политическим, экономическим и иными порядками. В связи с этим О. П. Сауляк отмечает, что при таком определении соотношения правопорядка и социального порядка последний предстает как дискретное явление, включающее самостоятельные сегменты с четко очерченными границами, переступив которые можно переместиться из области правопорядка в зону порядка политического, экономического и т. д. Однако в реальности правопорядок не существует в «чистом» виде, в отрыве от политического, морального и других порядков.

Социальный порядок есть ценность, которая не может делиться на части, способные функционировать независимо друг от друга. Вместе с тем он имеет множество форм проявления, ни одна из которых не исключает любую другую. Одной из таких форм и является правопорядок¹.

Правапорядок фактически складывается в результате взаимодействия с иными порядками. Современный подход к правопорядку как одной из форм проявления социального порядка состоит также и в том, что к нему относят не только правомерное поведение индивидов, но и совокупность противоправных поведенческих актов. Такое понимание сущности правопорядка способствует формированию реалистического взгляда на фактическое состояние упорядоченности отношений, образующих социальный порядок.

Для оценки эффективности правопорядка немаловажным показателем является качество законодательства. Закон или иной нормативный правовой акт должен следовать не только требованиями морали, но и ряду иных требований социального и специально-юридического характера. Это зависит от способности законодателя максимально учитывать закономерности общественного развития, интересы и потребности общества, а также от знания научных основ правотворчества.

Законодательные и иные правотворческие органы в своей деятельности по сознанию нормативных основ правопорядка должны непременно учитывать антикоррупционную направленность принимаемых нормативных правовых актов, поскольку коррупция имеет, наряду с правовым нигилизмом, характер системной угрозы правопорядку.

На формирование и эффективность правопорядка влияет характер деятельности правоприменительных органов. Особое место здесь занимает судебский корпус. Судья, принимая решение по конкретному делу, говорит от имени государства. Качество правосудия зависит не только от качества применяемых нормативных правовых актов, но и от того, насколько подготовлен судья профессионально, каковы его личные качества, какие его моральные и правовые установки. В практической де-

¹ См.: Сауляк О. П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. М., 2009. С. 48.

тельности по применению нормативных правовых актов формируется реальный (фактический) правовой порядок.

Правопорядок, право и иные социальные нормы

Мораль и правовой порядок

Правопорядок, будучи одной из форм социального порядка, основан прежде всего на реализации норм права. Вместе с тем правовые нормы — это не единственные социальные нормы, которые составляют предпосылку правового порядка.

Помимо права нормативное регулирование общественных отношений осуществляется при помощи иных социальных норм. Нормативное регулирование определяет в отношениях «человек к человеку» социальный порядок в условиях взаимодействия множественных факторов.

В отношениях между людьми складываются нормы, обеспечивающие целостность форм жизнедеятельности людей, определяющие социальный порядок в обществе. Их называют социальными нормами.

Социальные нормы — общие правила поведения людей, выражающие волю участников социальных связей, регулирующих общественные отношения в интересах упорядочения форм их взаимодействия и поддержания целостности общества.

В обществе существует множество социальных норм, имеющих свой предмет регулирования: мораль, религиозные, политические, корпоративные и иные нормы. Особое место среди них занимает право в силу специфических свойств, которыми оно обладает.

Право в процессе обеспечения правового порядка, взаимодействует со всеми социальными нормами. Особое значение имеет взаимодействие права и морали. Мораль также представляет собой мощный регулятор общественных отношений. Она является одной из форм общественного сознания. В морали отражаются представления людей о добре и зле, справедливости и несправедливости, т. е. о том, что обществом либо поощряется, либо, наоборот, порицается. Система моральных норм образует основу морального порядка.

При рассмотрении соотношения права и морали прежде всего надо отметить их общие черты.

Право и мораль обладают свойствами нормативности, поскольку устанавливают общие правила поведения, которым должны следовать участники общественных отношений. Иными словами, и право, и мораль регулируют поведение людей. Нормы права и нормы морали основываются на общих, фундаментальных ценностных представлениях о человеческом общежитии. Право и мораль служат одной цели — созданию и поддержанию «замыренной среды», обеспечению социального порядка¹.

¹ См.: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 174—177.

Различение права и морали проводят по следующим позициям. Исторически первой возникает мораль, а затем уже и право. Сфера общественных отношений, которые регулируются моралью, гораздо шире, чем сфера регулирования права. По словам Л. И. Петражицкого, нормы морали имеют более возвышенный характер. Правовые нормы более прозаичны и тесно связаны с материальными интересами, чего нельзя сказать о нормах морали¹. Еще Сенека отмечал, что мораль порой запрещает делать то, что разрешает право.

Одним из существенных свойств права, как уже отмечалось, является формальная определенность, нормы права имеют предоставительно-обязывающий характер. Нормы морали — это односторонне обязывающие требования, исходящие от общества, но не от государства. Их исполнение обеспечивается силой общественного мнения, а также внутренней самооценкой индивида, внутренними переживаниями (совестью).

Право и мораль, несмотря на то что они направлены на регулирование поведения людей, нельзя отождествлять. Вместе с тем в условиях тоталитарных и авторитарных режимов нередки случаи их отождествления. Так, например, в нацистской доктрине права признавалось, что позитивное право является критерием моральности поступков. При нацистском режиме господствовал принцип: моральным является не только то, что не запрещено, но и то, что предписано актом государственной власти, а предписания власти нацистского государства попирали элементарные нормы человеческой морали². Концепция совпадения права и морали в социалистическом обществе развивалась советскими учеными³.

Нормы морали не имеют общеобязательного характера, поскольку в мире нет абсолютной и универсальной морали. Вместе с тем общество людей не может нормально существовать без морали, так как мораль выполняет роль своеобразного цемента, который скрепляет общество. Упадок морали приводит к тому, что общество превращается в агрегат ничем не связанных между собой индивидов.

Право и мораль активно взаимодействуют. Прежде всего надо отметить то, что в основе правопорядка лежит определенный ценностный порядок. Более того, мораль является не только основой права, но и также целью, ибо право служит господствующей морали. Право при помощи приведения в действие санкций осуществляет лежащие в его основе ценностные представления, а также защищает их от нарушений. На основе системы моральных ценностей возможна нравственная оценка норм действующего позитивного права и основанного на нем правопорядка.

Совершенно недопустимыми являются явные или неявные попытки принижения роли регулятивных свойств морали, что, к сожалению,

¹ См.: *Petrażycki L.* O pobudkach postapowania i o istocie moralnosci i prawa. Warszawa, 1924, S. 39.

² См.: *Jankowski H.* Prawo i moralnosc. Warszawa, 1968. S. 8.

³ *Карева М. П.* Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1951.

имеет место быть в современной России. Взаимодействие права и морали состоит в том, что эффективное действие права возможно только в условиях, когда в обществе и государстве соблюдаются требования общечеловеческой морали.

Легитимация правопорядка — это акт признания в массовом правосознании действующих норм права, который носит моральный характер. Для нас важно уяснить, на чем же все-таки основывается признание правовой нормы как решения и установления государства и почему гражданин воспринимает какую-либо норму права как необходимое условие для совершения собственных поступков. Этот процесс Л. И. Честнов называет стадией воспроизводства правопорядка¹.

В контексте проблемы действия права акт его признания со стороны граждан нельзя сводить исключительно к тому, что право признается правом только в силу его установленности государством, потому что оно осуществляется государствам и гарантируется им угрозой применения санкций за нарушение норм права. Это может породить только повиновение праву. Подлинным признанием права можно считать восприятие его на уровне свободного правового убеждения в необходимости и оправданности существования правовых норм. На убеждении основывается уважение. Следовательно, признание права, а стало быть, и правопорядка в социально-психологическом аспекте на этой стадии возвышается до моральности. Повиновение праву рождается на уровне законности, а признание права имеет в своей основе моральные предпосылки. «Совесь, — отмечал французский философ Н. Рикер, — является не чем иным, как глубинным повиновением закону как закону, — из чистого уважения к нему, а не просто сообразуясь высказыванием правила. Определяющее слово здесь — уважение»².

Значение признания права в нравственном аспекте имеет важнейшее значение. Длительное и устойчивое действие установленных государством правовых норм достигается только в случае признания их народом. Но когда установленные государством нормы отвергаются подавляющим большинством народа, тогда эти нормы предстают перед народом как неправо. Возникает противоречие между действующим позитивным правом и массовым правосознанием. Ни о каком признании права не может идти речи. Тогда право может приводиться в действие при помощи применения мер государственного принуждения. Следовательно, для создания условий, необходимых для устойчивого правопорядка и стабильности государственной власти, государство при установлении правовых норм должно учитывать характер базовых моральных ценностей самого широкого круга своих граждан³. Таким образом, мораль, имея свой специфический предмет регулирования, тесно взаимодействует с правом, чем способствует формированию устойчивого правопорядка.

¹ См.: Честнов Л. И. Указ. соч. С. 478.

² Рикер П. Справедливое. М., 2005. С. 177.

³ См.: Радбрух Г. Указ. соч. С. 100.

Обычай и правопорядок

Регулятивную социальную роль, и притом весьма существенную, играют обычаи. Обычаи — это такие правила поведения, которые сложились в результате их фактического многократного применения. Обычаи взаимодействуют с правом. Речь идет прежде всего о бытовых, профессиональных, национальных и иных подобных им обычаях. В этом случае они действуют самостоятельно, отдельно от права.

Наряду с бытовыми обычаями следует различать и правовые обычаи. В основе правового обычая находится обычай бытовой или иной подобный ему обычай. Правовым он становится в силу признания его таковым законом (ст. 5 и п.1 ст. 19 ГК РФ) или санкционирования его государством в иной форме.

Обычаи, наряду с нормами права содержащиеся в нормативных правовых актах, составляют нормативную основу правопорядка. Норма права, по замечанию Кельзена, устанавливается актом воли либо обычаем.

Обычай представляет собой древнейшую форму права. В современной юридической науке нет однозначного отношения к обычаю как форме права. Однако нельзя не согласиться с мнением профессора М. Н. Марченко, считающего, что «роль обычая в разные времена менялась, но никем не отменялась»¹. В отечественной и зарубежной юридической науке существуют различные определения понятия правового обычая. Однако во всех определениях этой формы права общим местом является то, что обычай приобретает юридические свойства только тогда, когда он санкционируется, признается государством как правовой регулятор общественных отношений. Например, А. Б. Венгеров отмечал, что «обычаи и их правовая форма, которая устанавливается признанием, утверждением государством складывающихся или сложившихся отношений, которым следуют участники этих отношений только потому, что так заведено, что им следуют все, — это мощное регулятивное средство, которое сохраняет свое значение и в современных социальных условиях во многих странах»². И. Н. Миронова предлагает понимать обычай как форму объективации общественно значимой социальной нормы, не выраженной в писаном акте, сформированной в результате сознательной совместной деятельности группы людей, многократно применяемой в течение более или менее длительного отрезка времени и формально легитимированной компетентными органами, в силу чего охраняемой силой государственного принуждения³. В этом же русле высказывался В. А. Туманов: «...История права свидетельствует о том, что обычаи становились правовыми лишь тогда и постольку, когда и поскольку они

¹ Марченко М. Н. Сравнительное правоведение: учебник для вузов. Общая часть. М., 2001. С. 33.

² Венгеров А. Б. Теория государства права: учебник для юридических вузов. 6-е изд., стереотип. М., 2009. С. 393.

³ См.: Миронова И. Н. Правовой обычай как источник современного российского публичного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 65.

санкционировались государственной властью, путем судебной практики или с помощью иных государственных форм»¹. Можно привести еще большое количество определений понятия правового обычая, в которых неизменным его признаком является санкционирование со стороны государства.

В юридической науке называются различные виды санкционирования обычая. Например, известный итальянский правовед Бруно Леони считает, что главными видами государственного санкционирования обычая являются прямое и косвенное санкционирование. Прямое санкционирование происходит тогда, когда государство непосредственно ссылается на соответствующий обычай как форму права, закрепляет его в действующем законодательстве и устанавливает санкцию за его нарушение или ненадлежащее исполнение. При косвенном санкционировании обычай используется постоянно и систематически, прямого указания на него в законе не существует, но государство по молчаливому согласию признает обычай формой права².

Примером первого вида санкционирования может служить Федеральный закон от 7 мая 2001 г. «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», который допускает регулирование отношений в области охраны и использования этих территорий обычаями малочисленных народов, если такие обычаи не противоречат действующему законодательству (ст. 2)³.

Конечно, государство санкционирует только такой обычай, который отвечает целям и задачам государственной власти. По содержанию он остается тем же правилом поведения, но обретает возможность государственно-принудительной реализации: если не сработает сила привычки, в дело вмешивается государство. Обычаи, противоречащие государственным целям, общечеловеческой морали, как правило, запрещаются. Последнее требование логически вытекает из обусловленности обычая народным убеждением. На нравственную обусловленности правового обычая указывали многие отечественные ученые-юристы: П. Г. Виноградов, Д. И. Мейер, Е. Н. Трубецкой, Г. Ф. Шершеневич. Вместе с тем нравственные оценки того или иного поступка могут меняться в зависимости от различных обстоятельств. Под нравственным характером обычая понимается его соответствие моральным представлениям, нормам и правилам, действующим в конкретном обществе. Очевидно, что «обычай не должен противоречить нравственности: общество не может признавать прав, несовместимых с доброй нравственностью. Впрочем, это условие заключается уже в том, что обычаи должны содержать в себе правовое воззрение, которое есть не что иное, как проявление нрав-

¹ Туманов В. А. Вступительная статья // Карбонье Ж. Юридическая социология. Благовещенск, 1998. С. 17.

² См.: *Leoni B. Legal Positivism*. Milano; Boston, 1961. P. 22—27.

³ См.: Кочетыгова Н. И. Этнический правовой обычай как источник права в России. Ростов н/Д, 2007; Мацин И. Ф. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2011. С. 301.

ственного закона в применении к общежитию»¹. Поэтому некоторые исследователи правовых обычаев относят этот признак не к обязательным, а к факультативным признакам². Кроме требования нравственности обычая к нему предъявляются и иные требования: многократность и единообразие применения, длительность существования обычая, а также обусловленность обычая мировоззрением, убеждением народа. Данное суждение соответствует традициям исторической школы права, а также свойственно отечественной юридической науке. Об этом писали Г. Ф. Шершеневич, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, Н. М. Коркунов. Последний, например, отмечал, что «существующее между людьми постоянное общение приводит к объективированию нашего правосознания. Юридические нормы первоначально вырабатываются субъективным сознанием, под влиянием условий об жизни получают внешнее объективное выражение в сложившихся обычаях, в установившейся судебной практике, в издаваемых органами государственной власти законах»³.

Возвращаясь к такому признаку правового обычая, как санкционирование его государством, обратимся к способам санкционирования. На этот счет в юридической науке существуют различные суждения. Наиболее полный перечень способов государственного санкционирования обычая представлен О. В. Маловой в ее кандидатской диссертации⁴. Она выделяет шесть способов государственного санкционирования.

1. Законодательное санкционирование:
 - общее санкционирование;
 - частное санкционирование.
2. Правоприменительное санкционирование:
 - судебное санкционирование;
 - санкционирование органов исполнительной власти.
3. Ведомственное санкционирование.
4. «Молчаливое» санкционирование посредством соблюдения обычаев в деятельности государственных органов.
5. Признание государствами международного обычая.

Важным моментом в определении роли обычая в формировании правопорядка является выяснение его соотношения с законом.

В юридической науке (Р. Давид) выработано три подхода в определении соотношения обычая и закона:

- 1) обычай в дополнение к закону (*secundum legem*). С помощью обычая осуществляется детализация закона. Такие обычаи не только

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902 / под ред. В. С. Ем; авт. вступ. ст. А. Гольмстен. Изд. 3-е, исп. М., 1999. С. 55.

² См.: Милонова И. Н. Указ. соч. С. 83.

³ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. М., 1909. С. 275—276.

⁴ См.: Малова О. В. Правовой обычай как источник права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 71—86.

дополняют, но и поддерживают существующее законодательство, что обуславливает необходимость их существования;

2) обычай «кроме закона» (*praeter legem*). Данный обычай рассматривается как вполне самостоятельная форма права по отношению к нормативным правовым актам и иным формам права. М. Н. Марченко отмечает, что «область применения обычаев типа *praeter legem* ограничена кодифицированным и иным законодательством»;

3) обычай «против закона» (*adversus legem*). Этот обычай — редкое явление в праве, который не только не приветствуется, но и в ряде случаев запрещается на законодательном уровне.

Существенное значение для выяснения соотношения обычая и правопорядка имеет классификация обычаев по сфере их действия, так как законодатель или иной правотворец обязан учитывать специфику действующих правовых обычаев.

Можно выделить следующие виды правовых обычаев:

1) местные обычаи, которые регулируют общественные отношения, складывающиеся с учетом местных особенностей;

2) национальные обычаи, которые учитываются при регламентации некоторых правоотношений в гражданском, семейном праве;

3) специальные обычаи, которые сложились в банковском деле, торговой, биржевой, предпринимательской и т. д. деятельности. Данные обычаи предназначены для регулирования конкретных отношений и не могут применяться к другим, не относящимся к специфике регулируемой деятельности.

В современной правовой реальности роль обычая как нормативной основы правопорядка возрастает, что обусловлено объективными причинами: формирование рыночной экономики, обострение международных отношений, развертывание процессов глобализации и т. д.

Религия и правопорядок

Право взаимодействует с религиозными нормами. В юридической науке высказаны обоснованные суждения о том, что «наибольшую роль в возникновении и развитии права играла религия»¹.

Религиозные нормы имеют сходство с правовыми нормами, поскольку они регулируют поведение человека. В целом же, говоря о религии, она имеет регулятивную функцию, которая состоит в том, что с помощью определенных идей, ценностей, установок стереотипов, мнений, традиций, обычаев, институтов осуществляется управление деятельностью и отношениями, сознанием и поведением индивидов, групп, общин².

Религиозные нормы — это разновидность норм социальных, совокупность которых составляет нормативную основу религиозного порядка как одной из форм выражения социального порядка вообще. Эти

¹ Лейст О. Э. Указ. соч. С. 159.

² Философия права. С. 132.

нормы, направленные на регулирование поведения людей, устанавливаются различными вероисповеданиями и обязательны прежде всего для верующих. Вместе с тем нормы прямо или косвенно оказывают влияние на правовые нормы и находятся во взаимодействии с правопорядком, создавая тем самым режим упорядоченности и устойчивости социального порядка.

По регулятивному значению и по источникам, в которых находят свое выражение религиозные нормы, их можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, это такие нормы, которые содержатся в религиозных книгах: Ветхий и Новый Завет, Коран, Сунна, Талмуд, буддистские религиозные книги и т. д. Во-вторых, нормы, содержащиеся в решениях руководящих органов различных конфессий (например, Архиерейский собор Русской православной церкви). В-третьих, нормы, которые излагаются в трудах выдающихся религиозных деятелей. И наконец, нормы позитивного права, с помощью которых государство регулирует государственно-конфессиональные отношения. Указанные нормы имеют нерелигиозную природу, но они имеют большое значение для установления нормальных отношений между различными конфессиями и государством. В современной России нормативную базу таких отношений прежде всего составляют Конституция РФ 1993 г. (ст. 28), Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г.

Религиозными нормами устанавливается порядок организации и деятельности религиозных объединений, отправление обрядов и т. д. Религиозные заповеди имеют моральное содержание и предписывают верующим образ поведения среди верующих и мирян. Религия оказывала и оказывает существенное влияние на право и правопорядок. В Новом Завете выражен ряд всем известных морально-религиозных предписаний, которые оказывают как непосредственное регулятивное воздействие на поведение людей, так и закрепляются в соответствующих нормах права: не убивай, не кради, не прелюбодействуй и т. д. В рамках христианской религии была обоснована идея религиозного естественного права, в основе которой лежат, в частности, положения Нового Завета. В соответствии с христианским учением божественный закон (*Lex aeterna*) выше законов, созданных людьми: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деяния апостолов 5, 29). В отношении язычников, которые не веруют в божественный закон апостол Павел говорит: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают... они показывают, что закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их» (Ап. Павел послание к римлянам 2,14; 2,15). Следуя этим и другим положениям Нового Завета, Фома Аквинский и создал свое учение о естественном праве. Совокупность четырех законов: вечный (*lex aeterna*), естественный (*lex naturalis*), человеческий (*lex humana*) и божественный (*lex divina*) — составляли согласно теории этого религиозного мыслителя основу миропорядка.

Теологическая теория естественного права имеет несомненные заслуги, которые до сих пор не потеряли своей значимости для юридической науки и практики, в том числе и интерпретации сущности правопорядка в контексте его взаимодействия с религиозным порядком.

Во-первых, теологическое учение о естественном праве указывает на то, что правопорядок основан на бесспорной и очевидной связи права и морали; право является ценностно обоснованным социальным регулятором.

Во-вторых. В соответствии с положениями естественного права в его религиозном варианте основным ориентиром правотворческой деятельности государства является выраженный в Священном Писании христианский нравственный закон: признание равного достоинства за всеми людьми.

В-третьих, религиозное учение о естественном праве юридически оправдывало права людей на восстание против тирании власть предержащих, что затем нашло свое закрепление в конституционных актах отдельных государств.

Кроме того, надо отметить роль естественно-правовых идей, в том числе и в христианском варианте, а может быть, и в первую очередь выходит на первое место, когда разрушается старый правопорядок и возникает необходимость формирования нового. В истории развития государств такая необходимость обуславливалась фактами падения тоталитарных и авторитарных режимов и актуальной потребности становления на их руинах демократических правопорядков.

В ряде современных мусульманских государств религиозное право имеет непосредственное юридическое значение. Шариат (пер. с араб. «прямой правильный путь») составляет нормативную основу мусульманской правовой культуры, мусульманского правопорядка. Закон шариата — это правовая система поведения правоверных, их обязательства перед людьми, обществом и Аллахом¹.

Для Российской Федерации как многонациональной и многоконфессиональной страны весьма важной является проблема влияния религиозного права, в частности мусульманского, на формирование и функционирование правовой системы и правопорядка. Современная российская правовая система, как подчеркивает профессор М. Н. Марченко, находится в состоянии переходного периода, поэтому на нее воздействуют различные правовые системы, в том числе и мусульманская. Для этого есть все объективные и субъективные основания, поскольку мусульманский менталитет имеет хотя и не решающее, но определенное значение и не учитывать этот факт попросту нельзя. Более того, он все чаще заявляет о своем существовании в различных формах.

В силу этого специалистам-юристам как практикам, так и теоретикам не бесполезно знать основные положения мусульманской куль-

¹ Подробнее о мусульманской правовой системе см.: Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики / отв. ред. В. А. Туманов, М., 1986; *Он же*. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1957. Саидов А. Х. Мусульманская правовая культура // *Философия права* / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2011. С. 31—100 и др.

туры и мусульманского права, а при осуществлении правотворческой и правоприменительной деятельности органов государства непременно учитывать то, что мусульманский фактор в правовом порядке существует наряду с другими.

Данная проблематика обсуждается на общегосударственном уровне, что свидетельствует о серьезности вопроса для обеспечения устойчивого правового порядка в нашей стране. Сошлемся на статью председателя Конституционного Суда Российской Федерации профессора В. Д. Зорькина «В хаосе нет морали», в которой он отмечает: «там, где на общегосударственном уровне, на уровне единой для всего народа религиозно-культурной нормы наличествует то, что созвучно шариату — там шариат нормален. А называть его патологией — ненормально. А также бестактно, аморально, контрпродуктивно»¹.

Нормы шариата действуют на уровне обычаев, и с этим фактом приходится считаться.

Христианский, по сути, естественно-правовой вариант отношения религии к праву и действующему правовому порядку в Российской Федерации сформулирован и выдвинут Русской православной церковью в документах, принятых Архиерейским собором Русской православной церкви: «Основы социальной концепции Русской православной церкви», «Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека». В принятии названных документов выражено еще одно функциональное назначение религии, которое практически сопоставимо с функцией права: легитимирующе-разлегитимирующая функция. Суть данной функции религии состоит в узаконении некоторых социальных институтов (государственных, политических, правовых и др.), отношений, норм образцов как должных или, наоборот, утверждение неправомерности каких-то из них. Религия выдвигает высшее требование, в соответствии с которым дается оценка определенных явлений и формируется определенное отношение к ним².

В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» прямо отмечается, что «право признано быть проявлением единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере. Вместе с тем, всякая система права, создаваемая человеческим сообществом, являясь продуктом исторического развития, несет на себе печать ограниченности и несовершенства. Право — особая сфера, отличная от смежной с ней этической сферы: оно не определяет внутренних состояний человека... Вместе с тем никакое человеческое сообщество не может существовать без права и правового порядка».

В приведенном нами отрывке нетрудно заметить наличие идей и постулатов теологической теории естественного права. Здесь также достаточно четко обозначается водораздел сфер регулятивного воздействия права и морали, права и религии.

¹ Российская газета. 2012. 12 ноября.

² См.: Философия права: Курс лекций: учебное пособие / отв. ред. М. Н. Марченко. С. 132—133.

В социальной концепции Русской православной церкви утверждается приоритет религиозно-этических ценностей над позитивным правом и правопорядком, абсолютные ценности выступают в качестве этических стандартов для оценки права и правопорядка.

Особое внимание в документах Русской православной церкви уделено правам и свободам человека. В контексте христианского правосознания идея прав и свобод человека неразрывно связана с идеей служения. Они (права и свободы) даны человеку для того, чтобы он мог наилучшим образом наполнять свой долг не только перед Богом и церковью, но и перед людьми, семьей, государством, народом и иными человеческими сообществами.

Всем правам и свободам человека дается религиозно-этическая интерпретация и оценка.

В документах содержатся положения, которые прямо направлены против существования безоценочного позитивного права и апологетики его с позиций юридического позитивизма, потому что в таком случае порождается некритичное отношение к нормам действующего права и правопорядку в целом. Позитивисты полагают, что общество может вводить самые разные нормы, даже противоречащие морали, а с другой стороны, считают любой действующий закон легитимным уже в силу самого его существования.

Главным связующим звеном между религией, правом и правопорядком является утверждение о том, что нравственность, т. е. представления о праве и добродетели, всегда предшествует закону, который и возник из этих представлений. Вот почему, — как отмечается в Основах учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека, — эрозия нравственности всегда, в конце концов ведет к разрушению законности, добавим от себя, также правопорядка в целом.

ЛЕКЦИЯ 32. ПРАВОМЕРНОЕ И ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

- Понятие правомерного поведения, его мотивация и условия.
- Границы правомерного поведения и правонарушения.
- Понятие преступности и ее причины.
- Уголовная политика, ее источники и духовно-нравственные ценности.

Понятие правомерного поведения, его мотивация и условия

Поведение человека — это направленные личностно или социально значимые действия, источниками которых являются сам человек и возлагаемая на него личная ответственность.

Поведение — это внешне ощущаемые, осмысленные и целенаправленные действия, телодвижения и реакции человека. Деятельность — это человеческое поведение, направленное на получение социально значимого (значимого для общества) результата, за что он и может нести юридическую ответственность.

К личной ответственности он привлекается только за те деяния (действие, бездействие), которые осуществляются им свободно. Соответственно в содержание поведения человека входят только его свободные действия.

В социальной сфере большинство человеческих поступков являются правомерными, они и составляют основу нормального существования и развития общества.

Итак, правомерное поведение — это такая деятельность субъектов, которая согласуется с предписаниями правовых норм и основывается на них.

К *признакам правомерного поведения* относятся следующие, указывающие на то, что поведение:

- соответствует нормам права (формальная сторона);
- социально значимо (содержательная сторона);
- осознано (внутренняя сторона);
- носит массовый характер.

То есть правомерное поведение как социальный процесс можно рассматривать с объективной и субъективной стороны:

1. С объективной стороны правомерное поведение представляет собой совершение в необходимой последовательности, с применением соответствующих средств, в определенные сроки и в конкретном месте, предусмотренных нормативными предписаниями, правомерных действий.

2. С субъективной стороны в правомерном поведении выражается отношение лица к нормативным требованиям, обусловленное состоянием его воли на момент совершения предписываемых действий. В сознании субъекта, использующего правовую норму, подчас происходит психологический процесс, связанный с осознанием социальной значимости своего поведения, с оценкой и выбором его определенного варианта. В том случае если лицо реализует требования закона, то его воля при этом направлена на повиновение правовым предписаниям. Исключение воли (побуждения) к повиновению нормативным требованиям исключает процесс реализации права. Отсюда и наступают различные негатив-

ные социальные последствия: правонарушение, преступления, изменения в правовой системе, упадок ее или преобразование¹.

В зависимости от внутренней стороны правомерного поведения можно выделить его виды:

1. *Социально-активное* поведение — это поведение, которое основано на внутреннем убеждении человека в необходимости и целесообразности своего правомерного поведения. В подобных случаях субъект действует не в связи с ожиданием поощрения или боязни (страха) понести наказание, а на основе сформировавшегося высокоразвитого правосознания и внутренней правовой культуры; действует он целенаправленно и активно, стремясь осуществить правовое предписание эффективно и в полной мере, принести максимальную пользы обществу, при этом как можно больше реализовать свои способности.

2. *Законопослушное* поведение — это правомерное поведение, характеризующееся сознательным и ответственным подчинением субъектов требованиям законодательства. Соответствующие правовые предписания используются при этом добровольно, на основе надлежащего правосознания. Такое поведение чаще всего и встречается в обществе.

3. *Привычное* поведение — это правомерные действия, которые в силу многократного их повторения превращаются у лица в привычку. Соблюдение правовых предписаний становится внутренней потребностью, побудительным стимулом человека.

4. *Конформистским* является такое поведение, которое основано на подчинении правовым требованиям «без их глубокого анализа и всестороннего осознания, как следствие приспособления личности к внешним обстоятельствам». Человек пассивно соблюдает правовые нормы, стремясь приспособиться к окружающим его людям, социальным группам, обществу в целом, не выделяться, «делать как все» и живет по принципу: «Моя хата с краю».

5. *Маргинальное* поведение — это поведение, основанное лишь на подчинении правовым требованиям, осуществляемое под воздействием властного принуждения и страха перед наказанием (маргинал — от французского *marginal*, латинское *margo* — край, граница; это человек, находящийся на границе двух сред; по своему положению оказавшийся вне определенного социального слоя, группы (маргинальная личность), например, это поведение алкоголиков, наркоманов, бродяг). В силу своей низкой социальной ответственности его маргинальное поведение находится на грани антиобщественного, неправомерного. С одной стороны, такое поведение не является неправомерным и его субъект не совершает каких-либо правонарушений, он подчиняется закону, но не признает и не уважает его, возможно, в силу, например, корыстных мотивов. В науке такое поведение признается антисоциальным, негативным, так называемым фоновым явлением — социальным отклонением. Такие социальные отклонения, как правило, связаны с устойчивыми искажениями ценностной ориентации лица, групп населения,

¹ Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 8.

продуцирующими отклоняющееся поведение и детерминирующие преступность. Среди вышеуказанных социальных отклонений можно выделить группы социально-активного (пьянство и алкоголизм, наркомания, проституция, игромания) и социально-пассивного (социальный паразитизм и детская безнадзорность) типа. Первому типу социальных отклонений присуща агрессивная ориентация, выражающаяся в хулиганских побуждениях, насилии, а также корыстная направленность. Для второго типа характерно безразличие к общественно значимым ценностям и гражданскому долгу. Мотивация большинства социальных отклонений прежде всего связана с отчуждением личности от общества, коллектива и семьи.

Итак, с юридической точки зрения правомерное поведение — это активное и добровольное исполнение норм права.

Как видно из приведенной классификации правомерного поведения, необходимым условием выступает мотивация правомерного поведения, т. е. система побудительных факторов личности, ее убеждений, ценностных ориентаций, и иных внутренних характеристик, побуждающих его к действию и управляющих его поведением, определяющих его направленность, организованность, активность и устойчивость.

Вообще на поведение человека влияют самые разнообразные как *внешние* факторы (время дня, окружающие люди, ситуация), так и факторы *внутренние* (кроющиеся в биологии человека — генетика; физиологии — состояние здоровья; его психологии — настроение, привычки, способ мышления).

К условиям, способствующим формированию правомерного поведения, следует отнести *объективные* факторы (уровень социально-экономического развития общества, устойчивость и стабильность общественно-политической системы) и *субъективные* факторы (уровень правовой культуры и правового сознания общества, устойчивость политических и правовых традиций, сформировавшаяся система духовно-нравственных ценностей).

В идеале правомерное поведение должно обуславливаться исключительно нравственными потребностями и никакими другими мотивами. Нравственно-правовая социализация конкретной личности во многом связана с уровнем развития правовой и нравственной культуры общества. Именно их влияние участвует в формировании у конкретного индивида определенного нравственно-правового идеала поведения, в воспитании у него сознательного и уважительного отношения к закону.

Таким образом, правовая культура личности — это необходимая предпосылка и созидательное начало правового состояния общества, его цель и составная часть, но вместе с тем это степень и характер правового развития самой личности, которые находят выражение в уровне ее правомерной деятельности¹.

¹ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М: Юрист, 2001.

В ходе формирования правовой культуры личность должна выступать не только объектом воспитания, но и субъектом самовоспитания.

Процесс воспитания правовой культуры личности в силу самой своей специфики является процессом нестабильным, достигнутый результат постоянно чреват возможностями «сползания» назад, снижением уровня духовно-нравственного и правового воспитания и образования личности. Стабилизировать его может лишь перманентное воздействие на личность со стороны общественных и государственных институтов и собственные усилия личности. Без этого, особенно под воздействием экономических и политических потрясений, а также тенденций, разрушающих позитивные национальные традиции, может произойти частичная или даже полная потеря правовой культуры личности, которая будет означать и десоциализацию самого человека и приведет к криминализации общества.

Содержание и границы правомерного поведения закреплены в диспозициях правовых норм, а его реализация происходит в системе поступков и отношений, основанных на стандартах духовности и культуры, учреждений и органов, которые формируют и несут правовую культуру, способствуют повышению уровня правомерного поведения субъектов.

Стимулирование является оптимальным механизмом активизации правомерного поведения, эффективным инструментом государственного управления в различных сферах общественной жизни.

Принято разграничивать правовое и нормативное стимулирование, где *правовое* стимулирование — это процесс воздействия на сознание и психику человека имеющихся реальных правомочий, связанных с реализацией субъективного права либо с получением лицом награды за свое правомерное поведение, превышающее обычно предъявляемые требования; *нормативное* стимулирование характеризуется воздействием на сознание и психику человека посредством юридических норм, закрепляющих определенные средства с целью усиления мотивации поведения, в развитии которого заинтересована конкретная власть¹.

Правовые стимулы оказывают сильнейшее мотивационное воздействие и служат средством воспитания современной личности, формируют деловую этику, культуры делового общения в различных сферах общественных отношений.

Итак, правомерное поведение — это обусловленная духовными и культурными ценностями, нравственными идеалами, правовыми воззрениями и жизненным опытом человека деятельность в сфере социального воздействия права, основанная на сознательном выполнении его предписаний.

Основными чертами правомерного поведения, определяющими его социальную ценность, являются массовость, общественная полезность, добровольность и сознательность, убежденность в своей деятельности,

¹ Мирошник С. В. Теория правового стимулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.

ответственность лица за нее, его активность в выполнении обусловленных правыми предписаниями действий.

Следует отметить, что правомерное поведение — это всегда самое массовое общественное явление, свойственное подавляющему большинству людей, и для них следование в своей деятельности нормам права является естественным. Такое поведение основано на понимании того, что правовые нормы закрепляют наиболее рациональные, соответствующие законным интересам общества формы их взаимоотношений. Именно осознанное и добровольное правомерное поведение является наиболее устойчивым и значимым для общества.

В этой связи основой государственной правовой идеологии должна стать идея о всеобщем, активном выполнении всеми гражданами и другими коллективными субъектами политической системы правовых предписаний, о совместном и активном стремлении в реализации общечеловеческих ценностей, предоставленных прав и свобод.

Таким образом, от массовости правомерного поведения, вовлечения в его реализацию каждого гражданина и общества в целом, от стремления повысить уровень значимости права во всех сферах общественной жизни в большей мере зависит формирование основ правового государства на российской земле.

Правовую активность граждан можно определить как настойчивую и целенаправленную деятельность в сфере урегулированных нормами права общественных отношений.

Признаками правовой активности граждан являются следующие:

- это всегда свободное правомерное поведение;
- систематическое участие в правотворческой деятельности государства посредством реализации каждым гражданином субъективного избирательного права (в отстаивании своих прав и свобод, поддержании ценностей правовая активность выражается в осознанной, добровольной, внутренне необходимой, детерминированной духовными потребностями и интересами, деятельности граждан);
- психологическая готовность к реализации права, в рамках которой у каждой личности должна присутствовать убежденность в справедливости правовых норм, которая в дальнейшем воплотится в устойчивую психологическую готовность отдельного гражданина и общества в целом;
- ориентирована на тесное взаимодействие с общечеловеческими ценностями и исходит от общества, граждан.

Правовая активность граждан в условиях построения правового государства имеет ряд факторов своего развития. Это прежде всего правовое воспитание, правосознание и правовая культура.

В результате правового воспитания у гражданина формируются такие правовые потребности, интересы, ценностные ориентации и установки, которые в значительной мере определяют выбор соответствующей линии его поведения, поступков. Такие потребности побуждают субъекта оценивать правовую действительность, постоянно обращать внимание на различные правовые явления. В результате у такого лица

формируются интересы как важный компонент социальной и психологической регуляции правомерного поведения. Они сопряжены с осмыслением объективных условий, в которых существует норма права, способов надлежащей реализации предоставленных прав, исполнения юридических обязанностей.

Правовая культура как внешний фундамент правовой активности граждан имеет ряд признаков:

- это высокий уровень юридического мышления, высокое качество всей юридической деятельности;
- сформированная правовая культура способствует правомерному и социально активному поведению;
- это целостное явление, взятое в единстве составляющих его элементов: объективного и субъективного права, правовых отношений, законности и правопорядка, правовой деятельности, правовой информированности, уважения к праву, активной жизненной позиции в сфере права.

Источником, вызывающим убежденную внутреннюю готовность гражданина в правомерном поведении, является правосознание. Правосознание должно основываться на нравственном и духовном фундаменте, учете и всестороннем применении исторических и культурных традиций российского общества и развития личности.

Граждане должны самостоятельно, исходя из общечеловеческой сущности, найти наиболее правильный, реальный путь применения правовой активности. В результате данного процесса гражданин основывает свое поведение на общечеловеческих принципах и нормах. И если гражданин, общество или государство будут отрицать духовно-нравственные ценности, не повышают их социальное значение, не формируют на их основе нормативные правовые предписания, игнорируют принцип верховенства права, а также общечеловеческие ценности, значит, активная правовая деятельность граждан и государства в целом была неверной, ошибочной.

Границы правомерного поведения и правонарушения

Поведение людей с юридической точки зрения может быть правомерным, неправомерным и юридически безразличным, и если последние к реализации правовых предписаний прямого отношения не имеют, правомерное поведение тесно связано с их соблюдением, поскольку выражает интересы и волю всего общества. Правомерное поведение является наиболее эффективной формой реализации права, к которой всегда стремится законодатель.

Государство и общество в целом всячески поддерживают правомерное поведение, которое выступает общепринятой социальной нормой, одновременно они ведут решительную борьбу с девиантными проявлениями — неправомерным поведением, которое препятствует достижению целей права и влечет за собой реализацию юридической от-

ветственности, является основанием применения мер государственного принуждения.

Поэтому если правомерными признаются те действия, на случай совершения которых закон специально предусматривает какие-либо правовые последствия, давая тем самым юридическую оценку этих действий, то неправомерными действиями — такие действия, которые запрещены законом, влекут применение санкций.

Неправомерные проступки — это акты волевого поведения, которые не соответствуют правовым предписаниям, нарушают субъективные права, влекут невыполнение возложенных на лиц юридических обязанностей.

В нормативных правовых актах закрепляются законные интересы общества, отражающие его политические, экономические, имущественные, духовные и другие потребности, и правонарушения всегда направлены против подобных благ. По своей направленности и вероятности наступления вредных последствий, их тяжести, характеру вызвавших мотивов, целям правонарушения всегда различны, однако они имеют свое определенное место в системе правовых отношений.

Антиподом правомерному поведению выступает **правонарушение** — это виновное, противоправное деяния лица, причиняющее вред (или создающее его угрозу) личности обществу и государству, установленному законодательством правопорядку и влекущее юридическую ответственность.

Признаками правонарушения являются:

- деяние (действие или бездействие);
- вина (умысел, неосторожность) — психическое отношение субъекта к совершаемому им правонарушению и к возможным его последствиям;
- противоправность — нарушение субъектом правовых норм, содержащих запрет на те или иные действия;
- вредоносный результат — это совокупность негативных последствий правонарушения;
- причинная связь между деянием и вредоносным результатом;
- наступление юридической ответственности.

В зависимости от социальной опасности все правонарушения подразделяются на два вида: **проступки и преступления**.

Проступок — деяние, имеющее внешнее сходство с преступлением, но не содержащее его признаков вследствие отсутствия общественной опасности.

Преступление — совершенное виновное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом.

Проступки свершаются в различных сферах общественной жизни и подразделяются на:

- гражданские — проступки, совершаемые в сфере имущественных и личных неимущественных отношений;
- административные — проступки, посягающие на права и свободы граждан, собственность, на государственный или общественный поря-

док, на установленный порядок управления, за совершение которого предусмотрена административная ответственность;

дисциплинарные проступки представляют собой противоправные деяния, нарушающие внутренний распорядок деятельности предприятий, учреждений и организаций. Совершая дисциплинарный проступок, правонарушитель нарушает трудовую, учебную, служебную, производственную, воинскую дисциплину (прогулы, опоздания на работу, пропуски учебных занятий, невыполнение распоряжений администрации и т. д.), установленные правила внутреннего распорядка на службе или в трудовых коллективах.

По мнению Н. Ф. Кузнецовой, «преступления отличаются от неправомерных правонарушений и аморальных поступков: а) по общему объекту, более широкому и разнообразному, чем во всех иных отраслях права; б) по антисоциальности, которая в преступлениях наивысшая и именует общественной опасностью, а в других неправомерных правонарушениях содержит определенную долю вредоносности в соответствующих сферах правоотношений; в) внутри общественной опасности ведущим разграничительным элементом выступает вред (ущерб) охраняемым интересам личности, общества, государства; г) среди других криминообразующих признаков, которые позволяют провести границу между преступлениями и неправомерными нарушениями, УК предусматривает низменную мотивацию, опасные способы совершения деяний, в том числе групповой, с использованием должностного положения субъектом, с применением оружия»¹.

Правомерное поведение, основанное на согласии с правовым запретом, является наиболее ценным, ибо лицо соблюдает запрет не из страха перед наказанием, а вследствие согласия с содержанием нормы, которое является результатом оценки содержащегося в ней запрета в качестве необходимого требования. Возможно также поведение правомерного типа, ориентированное на санкцию правовой нормы. В отношении лиц, придерживающихся такого поведения, общепреventивное воздействие закона является необходимым.

Существенное значение имеет не только вероятность обнаружения и санкционированное правовой нормой наказание (взыскание), но и сам факт закрепления в нормативном акте того или иного деяния в качестве правонарушения.

Большинство граждан не совершают правонарушений не в силу своей правовой грамотности, а из-за того, что основополагающие правила человеческого общежития, а также моральные нормы тесно связаны с нормами права, и, усваивая данные социальные нормы в качестве обязательного элемента правовой культуры, он и реализует эти правовые нормы в своем поведении, не осознавая их как таковые.

Результат социализации личности — формирование психологических реакций, которые определяют линию поведения индивида на эмо-

¹ Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 167.

циональном уровне. Содержание соответствующих правовых велений входит настолько глубоко в структуру личности, что уже не отражается непосредственно в сознании человека. Такого рода глубокое усвоение социальных (в том числе уголовно-правовых) норм, велений и запретов обозначается в качестве процессов «интернализации» соответствующих категорий. «Лишь в этом случае (если норма интернализирована) можно говорить об успешной социализации личности и прогнозировать — с относительной надежностью — законопослушное поведение индивида в критических ситуациях».

Правомерное поведение в этой связи имеет ряд специфических черт. Так, большинство людей не крадут и не убивают вовсе не из-за их правовой информированности или какого-либо. Как правило, такие люди смутно представляют конкретные санкции за подобные деяния, установленные в законе. Они подчас даже не задумываясь, проходят мимо ситуаций, в которых с точки зрения наступления неблагоприятных последствий есть реальная возможность нарушить закон. Совершение же правонарушения в силу незнания правового запрета может иметь место лишь тогда, когда личность, сформировавшаяся в условиях одной культуры, попадает под действие правопорядка, отражающего ценности совсем иной культуры.

С другой стороны, значительное число лиц совершают преступления во второй раз и более, причем уже после того, как они лично на своем опыте убедились в силе наказания. В целом делинквентная часть населения в среднем обладает таким же или более высоким уровнем правовой осведомленности по сравнению с неделинквентным населением и, несмотря на это, нарушает законы. Не отрицая в принципе целесообразность норм уголовного закона, преступники почти всегда находят для себя аргументы, оправдывающие их общественно опасные деяния.

Подобного рода психологический механизм защиты, позволяющий лицу нарушить закон, не отвергая само его существование, принято называть нейтрализацией. Данный прием позволяет субъекту еще до совершения преступления мысленно смягчить осознание угрозы применения уголовного наказания, морально упрощает ему путь к совершению преступления.

Понятие преступности и ее причины

Преступность представляет собой социальное явление, включающее совокупность различных актов индивидуального преступного поведения. Причем преступность включает в себя не просто множество (массу) преступлений, а их совокупность, представляющую сложное специфическое системно-структурное образование с многообразными взаимосвязями преступлений и лиц, их совершивших, разных видов преступлений и преступности в целом.

Под *преступностью* в науке криминологии понимается социальное, исторически изменчивое, массовое, уголовно-правовое, системное яв-

ление, проявляющееся в совокупности общественноопасных деяний, и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени.

Таким образом, преступность имеет следующие признаки:

- социальная природа и социальная обусловленность;
- это исторически изменчивое явление;
- массовость;
- уголовно-правовой характер;
- системный характер.

Социальная природа и социальная обусловленность преступности проявляются в том, что возникает она из конкретных деяний, совершенных людьми в обществе и против интересов общества. Преступность социальна потому, что в основе неправомерного поведения каждой личности лежат не биологические, а социальные причины, обусловленные особенностями сложившихся общественных отношений с их закономерностями и противоречиями. Преступность тесно взаимосвязана со всеми сторонами жизни общества, и в первую очередь с социальными конфликтами, экономическими кризисами и политическими потрясениями.

Признание *исторической обусловленности* преступности позволяет утверждать, что с момента ее появления в обществе непрерывно изменялись ее уровень, динамика, структура, набор причин и условий, оценка господствующими классами круга деяний, относимых к разряду преступных в различных социально-экономических формациях (рабовладельческой, феодальной, капиталистической, социалистической), так и в отдельные исторические периоды.

С изменениями общественных отношений изменялись криминологические показатели преступности. Криминализация и декриминализация отдельных видов посягательств на интересы и права тех или иных лиц определялась возникновением новых общественных отношений, потребностями общества в их защите.

При изучении вопроса социальной обусловленности уголовной ответственности за совершение преступления, следует определить, насколько соотносятся социально охраняемое благо с уголовно-правовым запретом. Поэтому прежде чем признать определенное деяние в качестве преступления, необходимо решить проблему социальной обусловленности такого шага. При этом если существует возможность урегулировать сложившиеся в общественных отношениях противоречия, не прибегая к введению мер уголовно-правовой ответственности, то нужно постараться ограничиться использованием в этих целях других отраслей права.

Преступление рассматривается как единичный акт человеческого поведения, существующий в одном неповторимом виде. В силу взаимообуславливающих обстоятельств, преступление в конкретной обстановке может совершиться, а может и не произойти, т. е. носит случайный и неустойчивый характер. Преступность же, складываясь из отдельных преступных актов, образует явление, объективно отличающееся от со-

ставляющих его частей. И в этой связи очень важным признаком преступности является ее *массовость*.

Преступность — это множество индивидуальных противоправных событий, которые в своей массе образуют негативное социальное явление, имеющее обобщенные статистические показатели и закономерности, характерные для всей их совокупности. При этом количественные характеристики преступности как массового явления обнаруживают ее устойчивость.

Однако отдельные преступные деяния в составе целого (преступности) не связаны между собой, и лица, их совершающие (если они не соучастники), также не связаны ни едиными целями, ни средствами их достижения. Стало быть, преступность в целом относится к *статистическим* образованиям. В этой связи *преступность* — это статистическая совокупность массовых видов преступлений (однородных деяний), обладающая определенным состоянием, уровнем и динамикой.

Важной характеристикой преступности является ее *уголовно-правовой характер*, объединение в ней индивидуальных актов нарушения заповедей, сформулированных в уголовном законе. Это позволяет отграничить преступность от иных правонарушений и аморальных поступков.

С позиций морали преступность — это сумма отклонений от норм, не охваченных позитивным правом, и уголовно-правовая оценка конкретного или иного деяния — это прежде всего результат отношения к нему со стороны государства. Основной смысл такой оценки состоит в том, что из всего многообразия действий и поступков человека (гражданина) в соответствии с интересами того или иного общества выделяются и оцениваются только те из них, которые влекут причинение наибольшего вреда обществу, характеризуются общественной опасностью. Указанный признак является основным для социальной оценки деяния в качестве преступного, тогда как юридическим критерием преступного выступает признак противоправности.

Преступление обычно рассматривается в двух основных аспектах: как акт человеческого поведения и как уголовно наказуемое деяние. В преступном поведении фиксируются и определяются последствия нравственно-правового отторжения личности, обусловленного теми жизненными условиями и обстоятельствами, которые сделали эту личность криминальной и позволили поведение данного лица признать преступным в соответствии с уголовным законом.

Итак, преступность — не просто множество преступлений или даже их статистическая совокупность. Она по своей природе является *специфическим системным образованием* с многообразными связями преступлений и преступников, преступлений и видов преступности, с наличием собственных закономерностей, т. е. объективных, устойчивых существенных связей с различными социальными явлениями и процессами общества.

В рамках системного анализа преступность выступает в качестве системы, состоящей из отдельных функциональных элементов, — это сложная социальная динамическая система, которая может быть доста-

точно адекватно охарактеризована определенными параметрами и изучена как процесс. В данном случае ей присущи такие характеристики, как целенаправленность, открытость, самодетерминация и развитие при недостатках борьбы с преступностью. Системный характер преступности проявляется в ее отдельных элементах, объективных связях между ними. При определенных условиях один вид преступности порождает другой (другие) или влияет на них. Таким образом, в качестве элементов системы «преступность» рассматриваются отдельные виды преступлений, которые находятся в закономерной зависимости, выступающей в виде преступной деятельности.

Преступность есть определенное порождение издержек общественного развития, причины которых, имеющие социальный характер, надо искать в социальных же явлениях, а не за пределами общества.

Причины преступления как социально-психологические явления непосредственно порождают, воспроизводят преступность и преступления как свое закономерное следствие.

Истинные причины чаще всего глубоко скрыты во множестве взаимосвязанных событий и обстоятельств, внутреннем мире человека.

Условия — это обстоятельства, способствующие достижению преступного результата.

Под условиями, способствующими совершению преступления, понимаются такие обстоятельства, факты реальной действительности, которые прямо преступлений не вызывают, но способствуют возникновению у человека намерения совершить преступление, облегчают реализацию преступных намерений и достижение преступного результата. По отношению к преступлению условие является именно таким обстоятельством, которое способствует, содействует, благоприятствует совершению преступления, но не вызывает, не обуславливает, не порождает его. Условиями следует считать любые факторы, которые благоприятствуют совершению преступлений.

Причина отличается от условий тем, что передает следствию свое качество. Если убрать причину, не будет следствия. Условия же могут в конкретных случаях присутствовать или отсутствовать, а преступление может и не быть совершено. Так, например, отсутствие замков на дверях склада материальных ценностей — бесспорное условие, способствующее совершению преступлений, но хищений с этого склада может и не быть. И наоборот. Наличие замков, может не остановить преступника от совершения подобного преступного деяния.

Итак, причины и условия преступности и преступлений — это система негативных для соответствующей экономической формации, государства и общества явлений, детерминирующих преступность как свое следствие.

Методологией познания причин и условий преступности и преступлений служат законы детерминации, единства и борьбы противоположностей, историзма и системности. Детерминанта — это такой фактор (явление, предмет материального либо духовного мира), который определяет появление другого фактора, именуемого последствием. Совокуп-

ность всех видов связей называется *детерминизмом*, означающим объективную по своей природе причинную обусловленность всех явлений природы и общества.

Основаниями *классификации причин* современной преступности являются:

- сферы общественной жизни — экономические отношения; социальные отношения; политические интересы (конфликты); нравственное состояние общества и др.;
- уровень причин преступности — общие причины преступности; причины видов преступлений; причины отдельных преступлений;
- объективные и субъективные причины преступности;
- близость к преступности и преступлениям — факторы непосредственные и опосредованные, ближайшие и отдаленные.

В механизме причинно-следственной связи существенную роль играют внутренние и внешние противоречия, возникающие внутри общества и государства и проявляющиеся во взаимодействии с внешним миром.

Условия преступности (или криминогенные условия) принято подразделять на две группы: условия, способствующие совершению преступлений (так называемые ситуационные) и условия, формирующие криминогенную мотивацию. Все они взаимодействуют на информационном уровне, например, ситуационное условие — наличие так называемого белого пятна, пробела в вопросах регулирования порядка получения субсидий из средств федерального бюджета на те или иные неотложные нужды. В случае продолжительного существования такого условия оно способствует формированию корыстной мотивации, направленной на хищение бюджетных средств. По механизму обусловливания преступлений ситуационные условия преступлений могут, в свою очередь, быть нейтральными, способствующими или препятствующими совершению преступлений.

Криминогенные условия также можно классифицировать на внешние и внутренние (объективные и субъективные). Такое деление дает возможность в каждом конкретном случае выявить условия воздействия на человеческое поведение извне и условия влияния внутренних (личностных) особенностей индивида на его поступки. К внешним условиям относятся следующие: экономические, социальные, политические, правовые, организационные, социально-психологические, технические, медико-социальные, экологические и некоторые другие. К внутренним можно относить криминальный рецидивизм, профессионализм, криминальную организованность, социально-криминологические проблемы адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

В настоящее время влияние преступности на социальные процессы, его масштабы заставляют оценивать преступность не только как социально-правовой, но и как все более значимый политический и экономический криминогенный феномен. Преступность пронизывает самые важные сферы жизнедеятельности государства и общества: экономику, экологию, национальные отношения, политические преобразования и т. п. Любая из этих сфер испытывает на себе деструктивную силу

криминальных процессов. Поэтому для предупреждения преступлений необходимо учитывать весь комплекс криминогенных факторов.

Причины преступности, в частности, следует искать в нравственном состоянии общества, в наличии или отсутствии тех или иных моральных ценностей и установок. Воспитание нравственности — составная часть воспитательной работы с населением, включающей и получение образования, специальности, привитие культуры, нравственных ценностей и установок, выработанных человечеством за всю историю его развития.

В сознании значительной части людей преобладают элементарные потребности, мотивы физического выживания, сиюминутные интересы. Неуверенность в завтрашнем дне, ощущение перманентной угрозы благополучию, переживание ненадежности, а то и ущербности социального статуса, материального и служебного положения вызывают у многих людей состояние фрустрации, порождает социальную депрессию, апатию, пессимизм.

Выявлена общая закономерность: чем более низок уровень культуры людей, тем грубее по характеру и примитивнее по мотивации совершаемое ими преступление. Чем выше образование, социальный статус преступника, тем изощреннее способы совершения преступления, умение их скрывать, «уточненное» мотивы преступлений.

Немалую роль в причинном комплексе преступности играет социально-психологический кризис, которому способствовало отсутствие идеологии как неотъемлемого признака любого государства. В результате этого в определенных слоях общества стало стихийно утверждаться стремление к наживе любыми средствами, в том числе противоправными, получает широкое распространение ориентация на материальное благополучие, достигаемое любой ценой. Ученые единодушно констатируют, что в настоящее время происходит всеобщее падение нравов, девальвация нравственных ценностей, что является одной из важнейших причин роста преступности, преобладания в ней корыстной направленности. Корыстная мотивация в настоящее время становится доминирующей, что размывает духовно-нравственные устои общества. К социально-психологическим факторам, влияющим на преступность, относят и традиционно терпимое отношение населения к существующему в стране высокому уровню хищений и коррупции. Рост преступности во многом стимулируется имеющей место в российском обществе тенденцией индифферентного отношения к преступлениям, совершаемым по корыстным мотивам, формированием моральных аспектов, оправдывающих правонарушителей.

Таким образом, в группу *психологических факторов преступности* могут быть включены: стремление к наживе; уверенность или надежда на безнаказанность; презрение к подчас незначительному наказанию; тщеславие и др.

Сложившаяся ситуация в России дала толчок к росту правового и нравственного нигилизма, недоверию к проводимым реформам, которое выражается, прежде всего, в игнорировании требований и предписаний законов и норм морали.

Уголовная политика, ее источники и духовно-нравственные ценности

На протяжении всего своего существования человечество пыталось найти эффективные способы борьбы с преступностью. По мнению Н. И. Загородникова и Н. А. Стручкова, «уголовная политика представляет собой такое направление... политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер, создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию... и декриминализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения»¹.

Под уголовной политикой предлагается понимать: 1) государственную политику (доктрину) борьбы с преступностью, выраженную в соответствующих директивных актах (законах, указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства); 2) научную теорию и синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний; 3) особый вид социальной деятельности, направленной на активное, наступательное противодействие преступности и другим правонарушениям»².

В. П. Ревин считает: «Уголовная политика — это целенаправленная активная деятельность государства по защите общества от преступности, разработка и реализация оптимальной стратегии, призванной обеспечить достижение цели стабилизации и ограничения уровня преступности, создания предпосылок позитивных тенденций преступности»³.

По мнению Я. Г. Стахова, это государственная программа борьбы с преступностью и ее реализация в деятельности государственных и общественных организациях, а также сложное, многогранное социально-политическое образование, объектом воздействия которого является преступность⁴.

По мнению Г. Ю. Лесникова, «уголовная политика — это система принципов, политических и политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального цикла, криминологических программ и программ ресоциализации преступника, выработанных на научной основе и осуществляемых государством совместно с субъектами российского гражданского общества по обеспечению правопоряд-

¹ Загородников Н. И., Стручков Н. А. Направления изучения советского уголовного права // Сов. гос-во и право. 1980. № 7. С. 4.

² См.: Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999. С. 32.

³ См.: Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник / под ред. Л. И. Беляевой. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 7.

⁴ См.: Стахов Я. Г. Современная уголовная политика и совершенствование взаимодействия правоохранительных органов субъектов Российской Федерации при ее реализации: монография. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 7.

ка, предупреждения и борьбы с преступностью, безопасности личности, в необходимых случаях, национальной безопасности»¹.

Д. И. Аминов и А. Ю. Солонин уголовную политику отождествляют со стратегической основой определения социально-профилактических и уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, которая определяет основные задачи, методы, силы и средства борьбы с преступностью, исходя из принципов, призванных согласовать содержание уголовной политики и системы соответствующих правовых норм с основными ценностями общества².

Уголовная политика во всех аспектах должна обеспечить реализацию требования ст. 2 Конституции РФ, предусматривающей обязанность государства защищать интересы гражданина, а также общества и государства в целом. Уголовная политика включает в себя не только правовые средства воздействия на преступность, но и правоприменительную деятельность, а также меры социально-экономического и идеологического характера — ее реализацию.

Стадии реализации уголовной политики самостоятельны и достаточно взаимосвязаны. К ним относятся:

- 1) формирование политического решения (это может быть выступление, заявление представителя высшего органа государственной власти и др.);
- 2) законодательное оформление (процесс подготовки и рассмотрения законопроекта, принятие закона);
- 3) правоприменительная реализация.

По всем указанным стадиям реализации уголовной политики существенными являются вопросы: кто участвует в формулировании основных идей (концепции) уголовной политики и кто детализирует ее отдельные направления?

Чтобы ответить на них, необходимо определить, что следует отнести к материальным источникам уголовной политики, анализ которых позволит разобраться в сущности современной уголовной политики и природе формальных ее источников (нормативных правовых актов).

Материальные источники уголовной политики подразделяются на две группы:

объективные:

- 1) общественная необходимость, потребности, которые можно выявить по данным статистики, программам общественных организаций, например, профсоюзов, Общественной палаты и др.;
- 2) экономическая необходимость (объективные тенденции развития и обеспечения экономической безопасности, законы экономики);
- 3) международная политика (отношения России с другими государствами, международными организациями);

¹ См.: Лесников Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики): монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004. С. 20.

² См.: Аминов Д. И., Солонин А. Ю. Современные подходы к построению эффективного механизма уголовной политики российского государства. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2010. С. 23.

4) международно-правовые обязательства, взятые Россией перед международным сообществом, иностранными государствами либо в одностороннем порядке;

субъективные (олигархические интересы, лобби, протекционизм (усиление власти), карьеризм, амбиционизм, непрофессионализм, популизм и т. п.). Последнее — это пример принятия статей УК РФ о рабстве, торговле людьми, что было сделано в угоду международному мнению, хотя аналоги таких деяний уже существовали в УК РФ.

Эксперты субъектов законодательной инициативы — комитетов Государственной Думы РФ формируют (формулируют) идеи уголовной политики, детализирует необходимые положения решений, программ, законопроектов.

В основе национальной уголовной политики должны стоять не сиюминутные, текущие задачи развития нашего государства, а закон в широком его смысле, закон (закономерности), как система научных знаний. Поэтому анализ положений современной уголовной политики России возможен только после ответа на вопросы: кто формирует ее и основана ли уголовная политика на научных знаниях?

Если рассмотреть основные причины трудностей борьбы с преступностью, реализации уголовной политики, то заключаются они в низком уровне общественной и личной нравственности как источнике государственной воли.

В наше время, по мнению Протоиерея Артемия Владимирова, самые обыкновенные общечеловеческие понятия о долге, чести, совести, ответственности, верности становятся неочевидными, сейчас рушатся все общественные устои, и народ страдает под гнетом собственной безнравственности.

Если взглянуть на поведение отдельных высших должностных лиц, крупных бизнесменов, да и простых граждан, то можно обнаружить, что эти люди не только не стремятся следовать нравственным нормам, но и не имеют о них представления, и, что самое главное, общество разучилось оценивать и себя и поведение других на основе моральных идеалов. В ходу такие ценности, как карьера, богатство, приспособленчество, «шоколадная жизнь», гламурная слава и др. Глядя на то, что происходит в нашем обществе на современном этапе — тотальная коррупция, алкоголизм и бытовое пьянство, проституция, детская безнадзорность и порнография, дешевое «поп-искусство» и многое другое, можно признать, что народ не только страдает под гнетом собственной безнравственности, но и, похоже, не знает выхода из этого состояния.

В нашем государстве, несмотря на существенные изменения современного общественного уклада, исторически сложившиеся в российском народе нравственные ценности существуют и служат ориентиром в сфере духовных, семейно-бытовых, межличностных и политических отношений. Таким образом, во главе угла принципов развития основных общественных отношений должна стоять не экономическая целесообразность, а адекватность принятого решения нормам морали и нравственности, общечеловеческим понятием о долге, чести, совести, ответственности и верности.

ЛЕКЦИЯ 33. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

- Понятие, структура и виды социальной ответственности.
- Юридическая ответственность — вид социальной ответственности.
- Юридическая ответственность как социологическая проблема.

Понятие, структура и виды социальной ответственности

Понятие социальной ответственности

Слово «ответственность» в разных своих формах встречается человеку уже в период его детства и юности. «Когда же ты повзрослеешь? Когда у тебя наконец-то появится *ответственность*?» — вздыхают родители по поводу очередной шалости своего отпрыска. В школе или институте прямо призывают учащихся *ответственно* подходить к учебе.

Это слово часто звучит в трудовых и служебных отношениях, в управленческой среде. Об ответственности говорят, например, когда хотят определить сферу компетенции, объем обязанностей того или иного социального субъекта: «Вы несете личную ответственность», «Ответственность возлагается лично на вас» — эти и подобные фразы часто можно слышать при принятии управленческих решений. Они означают, с одной стороны, что тот или иной вопрос, достижение определенной цели, решение задачи находится в ведении конкретного лица. С другой стороны, в этой фразе содержится и почти неприкрытая угроза наступления неблагоприятных последствий, если искомая цель не будет достигнута, задача не будет решена.

В последние десятилетия нередко слышны фразы о социальной ответственности бизнеса, организаций, о корпоративной социальной ответственности. Например, говорят о «социально ответственных инвестициях», «ответственном управлении компанией» и т. д., подразумевая тем самым повышение качества продукции, охрану окружающей среды, осуществление благотворительности¹.

Не стесняются употреблять это слово и политики. «Мы, как ответственная политическая партия», — подчас слышишь с высокой трибуны. В этом контексте слово «ответственность» стало неким символом, подчас не имеющим внутреннего содержания. Однако само использование слова «ответственность» в коммерческих (в широком смысле) целях показательно: ответственность тот инструмент, с помощью которого стара-

¹ Впрочем, не стоит обольщаться: для бизнеса социальная ответственность — зачастую это способ увеличения прибыли. Как указано на одном интернет-портале, посвященном вопросам бизнеса, «общемировая практика свидетельствует о том, что компании, которые правильно придерживаются основных принципов социальной ответственности бизнеса, действительно могут увеличить объемы продаж, укрепить позиции своих брендов на рынке, а также повысить собственную инвестиционную привлекательность и даже сократить себестоимость производства продукции» — см.: <http://www.kreditbusiness.ru/social.html>. Цели предпринимательской деятельности не меняются, но сопровождаются презентацией этических норм отношения к клиентам, коллективу и проч.

ются понравиться широким массам (потребителям, избирателям) либо доказать свою профпригодность.

У этого слова есть еще одна особенность: оно способно подстраиваться под различные социальные ситуации, к разным социальным группам. Порой его звучание необычно: известная фраза, проникшая в широкое употребление из блатного лексикона, «за базар *ответишь*», тому свидетельство. Любая среда предполагает «ответственность». Можно сказать, что социальный механизм, обозначаемый этим словом, находится за пределами добра и зла, он по меньшей мере *обеспечивает существование порядка* в любой социальной группе, безотносительно к тому, чем эта группа является.

Социальная ответственность в разных своих обликах является одной из важнейших тем социальной философии, теории и социологии права, этики, политологии. Для правовых научных дисциплин вопрос о социальной ответственности — это вопрос о «местобитии» юридической ответственности среди иных видов социальной ответственности, специфики юридической ответственности и механизме ее функционирования.

О содержании понятия «ответственность» нам прежде всего могут сказать те смыслы, которые закрепляются за этим словом общественным сознанием. Только надо заметить, что слово не предопределяет содержание предмета; оно передает содержание мысли о предмете, что в конечном итоге влияет (применительно к социальным институтам) и на сам предмет.

Исследователи отмечают, что слово «ответственность» появилось как в русском, так и в ряде иных языков мира сравнительно недавно: на рубеже XVII—XIX вв. В первом издании Словаря академии Российской (СПб., 1789—1794) этого слова — ни как существительного, ни как прилагательного — нет. Лишь в издании данного Словаря, вышедшем в 1822 г., можно найти прилагательное «ответственный» со значением «требующий ответственности, хлопотливый»¹. Впрочем, в древности понятию «ответственность» соответствовало слово «ответ» в значении «держат ответ»: так, в «Повести временных лет» есть описание эпизода, когда князья Олег Святославович и Борис взяли совместно с половцами Чернигов. Летописец пишет: «Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет Бог с них, и *ответ дадут* они за погубленные души христианские»².

Словарь русского языка С. И. Ожегова связывает существительное «ответственность» с рядом иных слов: прилагательным «ответственный», глаголами «ответить» и «отвечать», а также существительным «ответ». Ответственность — это необходимость, обязанность отвечать за свои поступки перед кем-либо, быть ответственным за них. В свою очередь,

¹ Муздыбаев К. Психология ответственности / под ред. В. Е. Семенова. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. С. 6.

² Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1999.

«ответственный» означает: 1) облеченный правами и обязанностями в осуществлении какой-нибудь деятельности; 2) человек с развитым чувством долга; и 3) существенно важный («ответственный момент»). В некоторых контекстах слово «ответственность» прямо может быть заменено словом «ответ» («держат ответ за что-либо» — как в пословице «семь бед — один ответ»), «Дать ответ» — это «ответить», еще одно слово, соприкасающееся с проблематикой ответственности. И одновременно «ответить» — это получить возмездие за что-либо, нести ответственность. У глагола «отвечать» есть и еще одно значение — «соответствовать чему-либо». Чисто юридический смысл слово «ответственность» приобретает в звучании правового понятия «ответчик»¹.

Ключевым для всех смыслов слова «ответственность» является слово «ответ», которое, в свою очередь, таит в себе смыслы, связанные с корнем «-вет-». Этимологический словарь М. Фасмера дает такие значения этого корня, имеющего индоевропейскую основу, т. е. весьма древнему по своему происхождению: «только др.-русск. вѣтъ *«совет, договор»*... Сюда же *отвѣт, привѣт, обѣт, совѣт, вѣче, отвѣтитъ, отвеча́тъ, завеща́тъ*»².

Таким образом, этимология подсказывает нам несколько значений, «спрятанных» в слове ответственность.

Исходя из норм словообразования, ответственность — это состояние «держания ответа», ответа *на* что-либо или *за* что-либо, *перед* кем-либо или *от* кого-либо. Ответ, который можно «требовать» и нужно «держат» — в том числе в случае несоответствия поступка, деятельности каким-либо требованиям. «Необходимость держать ответ», в свою очередь, является своеобразным долгом, обязанностью, которая может побуждаться либо внутренне, либо внешне. Добровольное исполнение долга, обязанности свидетельствует об особом личном качестве субъекта, его *ответственном бытии*. Ответственность в этом значении приобретает духовный смысл. Такое проявление ответственности нередко одобряется, поощряется. Ответственность может быть возложена внешне, стать внешней обязанностью. Неисполнение долга, обязанности и шире общественных требований и ожиданий приводит к негативным последствиям для соответствующего лица, к нему применяются меры ответственности в смысле санкций, наказаний, возмездия. И «ответственность» тем отличается от «обязанности», что в понятии «ответственность» всегда присутствует — открыто или скрыто, в качестве возможности — наказание.

Все рассмотренные выше значения слова «ответственность», эти смыслы — плод исторического развития как самого понятия ответственность, так и тех понятий, которые вобрало в себя понятие ответственности. Первоначально на исторической сцене ответственность выходит в форме возмездия, кары, наказания — и именно этот смысл в наибольшей степени сохраняет понятие юридической ответственности.

¹ Ожегов Г. И. Словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. д-ра. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М.: Рус.яз., 1981. С. 412.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: (А-Д) / пер. с нем. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. С. 305.

Возмездие — функция достаточно развитого правопорядка, хотя и основанного, быть может, еще на нормах обычного права. Возмездие идет на смену кровной мести, института, который регулировал отношения между коллективными образованиями, родами и племенами, и состоящего в том, чтобы отомстить за мнимую или реальную обиду враждебному роду, включая потомков обидчика. Месть рассматривается как обязанность всех состоящих в роду родственников, обязанность даже не перед живущими, а перед предками и высшими силами. Месть должна осуществляться либо до полного уничтожения чужого рода, либо до примирения, которое порой происходило под давлением извне. Понятно, что состояние вражды было очень трудно исчерпать; месть, следовавшая за обидой, стимулировала месть со стороны враждебного рода и так далее до бесконечности. Кровная месть иррациональна, восстановления справедливости не происходит, справедливость теряется в «дурной бесконечности» (Гегель) мстящих поступков¹.

Уже на ранней стадии своего развития государство постаралось прекратить такого рода обычаи, конфликт из частноправовой плоскости «перевести» в плоскость публично-правовую. Инструментом, который позволил совершить эту трансформацию и одновременно принять решение о запрете кровной мести, стал такой вид государственного принуждения как наказание, в идеале — справедливое наказание, налагаемое внешне нейтральным по отношению к конфликту лицом.

Преступление воспринималось, как полагают исследователи древнего права, не столько как нарушение общественного порядка, но прежде всего как посягательство на основы мироздания. Анализируя понятия преступления и наказания в древнеегипетском праве, проф. В. А. Томсинов отмечает: «Понятие преступления имело в древнеегипетском мировоззрении прежде всего религиозно-моральное содержание. В этом качестве оно воспринималось злом вселенского масштаба, то есть деянием, вносящим в мир хаос, несправедливость, ложь, — одним словом, состояние, прямо противоположное *маат*; порядку, справедливости, правде»².

¹ Гегель оценивал месть как бесконечность не только фигурально, но и буквально: «Будучи позитивным деянием особенной воли, месть становится новым нарушением; в качестве такого противоречия она оказывается внутри продвижения, уходящего в бесконечность, и передается по наследству из поколения к поколению» (Гегель. *Философия права* / пер. с нем.: ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц; автор вст. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. С. 151). Месть потому не является достойным ответом на преступление, что сама оценивается как преступление; реакция на преступление не признается всеми, не приобретает — словами Гегеля — стадии всеобщности. Всеобщность, по Гегелю, достигается только в государстве и благодаря государству.

² Томсинов В. А. *Государство и право Древнего Египта: монография*. М.: ИКД «Зерцало-М», 2011. С. 469. *Маат*, богиня, которая выступала в облике красивой женщины со страусиным пером на голове, олицетворяла не просто земной, сколько космический порядок. Она же встречала души покойных и взвешивала их сердце — как раз с помощью пера. Взвешивание происходило на весах Осириса, и, похоже, именно с тех пор (через Фемиду пантеона древних греков) весы становятся символом правосудия.

Как следствие, и наказание мыслилось как действие, восстанавливающее порядок мироздания: «наказанию неизбежно должны были придавать значение меры, восстанавливающей прежний порядок в мире... наказание должно было представляться в виде меры воздействия не только на преступника, но и на мир в целом»¹.

Таким образом, не только возмездие в рамках института кровной мести, но и государственное наказание мыслилось как *компенсирующее и восстановительное воздействие, воздаяние*. Этот компенсирующий характер с формальной стороны также виден в древнем принципе *талиона*, согласно которому наказание должно точно соответствовать преступлению, должно его воспроизводить («зуб за зуб»), от которого постепенно отходила правовая практика разных культур². Только компенсация здесь — это не частноправовая компенсация ущерба, а компенсация абстрактным высшим силам для восстановления порядка мироздания. Компенсационная функция наказания не утрачена в любом современном виде ответственности и является реализацией идеи т. н. ретрибутивной справедливости.

В древнегреческой мифологии богиня, которая была «ответственна» за ответственность, — Немезида, богиня возмездия³. Возмездие в этом смысле имеет древний характер, и его можно признать также одной из мирообразующих потенций. Возмездие явно относится к космическим силам, проникающим в отношения между богами и планетами, людьми и животными. Иными словами, люди заботят Немезиду только как одно из проявлений всеобщего порядка, Космоса. Немезида наблюдает за справедливым распределением благ среди людей и в этом смысле

¹ Томсинов В. А. Там же. С. 473.

² Принцип талиона для некоторых культур — это не такое далекое прошлое, кое-где он и настоящее. При определенных обстоятельствах правовая практика к принципу талиона даже может вернуться. Недавний пример — уголовный кодекс т. н. Чеченской Республики Ичкерии. Назначенный в 1999 г. прокурором Республики Чечня И. И. Кисилев говорил в интервью «Российской газете»: «Отдельная тема — законы Чеченской Республики Ичкерия. Остановлюсь лишь на одном из них, но принципиально важном — Уголовном кодексе, который утвержден указом Масхадова в августе 1996 года. В подавляющем числе своих положений кодекс противоречит даже объявленной Конституции Ичкерии. По этому документу в качестве наказания применяется смертная казнь путем отсечения головы, забивания камнями либо *таким же путем, каким преступник лишил жизни свою жертву*. Другое варварское наказание — бичевание. Наряду с этим кодексом также предусмотрен принцип «воздаяния равным», или известный доправовой вандализм «око за око, зуб за зуб». *Перечень частей тела и тех ранений, за которые назначается наказание в виде воздаяния равным, в кодексе тоже детально прописан. К примеру, у виновного выкалывается зрачий глаз, если он выбил глаз жертве, отсекается рука у осужденного, если у потерпевшего отрезана рука в суставе*, и т. д. Правом на варварское наказание наделяется прежде всего жертва преступления, но затем оно переходит к близким родственникам. Действовавший кодекс Ичкерии юридически закрепил и право на существование обычаев кровной мести». http://www.rg.ru/anons/arc_1999/1126/22.htm (выделено мной. — А. Г.). Аналогичный анализ представлен на сайте правозащитной группы «Мемориал»: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/itogi/d4—09.htm>

³ Мифы народов мира. Т. 2 С. 218 (автор статьи А. Ф. Лосев).

близка по своим функциям другой известной богине Дике, богине справедливости. Вообще, у древних греков справедливость и возмездие ходят рука об руку. Дике вроде бы богиня справедливости, но на кратерах¹ ее изображение можно встретить с палицей в руках. Да и справедливость она реализует весьма показательным образом: выискивает в людских отношениях несправедливость, сообщает об этом Зевсу, а потом пронзает мечом сердце (вариант: разбивает палицей голову) несправедливых людей. Она не лишает их жизни, она лишает их сердца и разума. Дике — богиня по родственным своим связям отнюдь не «простушка»: она — одна из дочерей Фемиды от союза с Зевсом. Фемида — мать Дике — также выступает одним из символов порядка вещей, правосудия и правопорядка.

Вопросы преступления и наказания были одной из важнейших тем и древнегреческой философии. Наказание воспринималось не просто как социальная функция, но как движущая сила космического развития. Как отмечает А. Ф. Лосев, «Анаксимандру² принадлежат загадочные слова (фрг. 9): «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются, согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут *наказание* и получают *возмездие* друг от друга в установленное время». Здесь намечается та эстетическая модификация, которая обычно именуется трагическим: общее, воплощаясь в частном и индивидуальном, не может вместиться в нем целиком и приводит одно единичное к столкновению с другим единичным. Таким образом, в конце концов все гибнет, возвращаясь во всеобщее лоно»³. Наказание, по мысли Анаксимандра, — не просто социальное действие; наказанию придана эстетически-трагическая, космологическая функция очищения, возвращения к исходному бытию.

Платон, переживший смерть своего учителя, Сократа, принявшего по приговору суда чашу с цикутой, тему наказаний особенно подробно разбирает в диалоге «Законы», который можно считать одной из первых инструкций по государственному строительству. В духе своего времени Платон достаточно строг в формулировании наказаний: многие преступления у него влекут только одно наказание — смерть, часть — избиение, изгнание, пожизненное тюремное заключение и проч. В малом числе случаев говорится о штрафе и даже о тюрьме. Этого требовал и сам проект его совершенного (как ему казалось), абсолютного государства, из которого изгоняется любая порча. Но в то же время он отмечает, что у наказания есть функция восстановления ущерба («говоря в целом, наказание должно возместить причиненный ущерб»⁴);

¹ Вид древнегреческой посуды, изначально — сосуд для смешивания вина с водой.

² Анаксимандр (ок. 610 — после 547 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, представитель милетской школы, последователь Фалеса.

³ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev_HistEst2_3_1.php

⁴ Платон. Собр. соч. в 4 т. Т 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; авт. ст. и примеч. А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 399.

воспитательная функция («за каждое злодеяние нужно расплачиваться последующим возмездием, ради вразумления»¹, «наказание производит одно из двух действий: оно делает наказываемого либо лучшим, либо менее испорченным»²). В учении Платона чувствуется вера в превосходстве наказания, вера, по-видимому, отражающая характерный для определенного периода развития любой культуры настрой. Хотя отметим, что у Платона в качестве средств воздействия на человека выступают и правильное воспитание, и музицирование, и ограничение в видах деятельности (в частности, в растлевающей торговле) и т. д.

Вообще для древнего законодательства характерна, исходя из современного восприятия, строгость, даже подчас чрезмерная жесткость³. Стала поговоркой фраза «драконовские меры» — но она означала, напомним, не более чем систему наказаний, которая приписывается афинскому законодателю Драконт (последняя четверть VII в. до н. э.)⁴. Специалисты отмечают, что одновременно со становлением внутригрупповых наказаний «постепенно развивается то, что увеличивает их жестокость и страх перед ними; они становятся позорящими и мучительными. Все более ощутимым становится показатель характер уголовной репрессии, состоящей в применении особо жестоких мер наказания со специальной целью устроить других»⁵. Вместе с тем жесткость древнего наказания — жестокость только в глазах представителя современной культуры. Для человека ранних эпох становления культур и цивилизаций она была более чем оправдана: речь шла о восстановлении мирового порядка,

¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. Т 4. С. 399.

² Там же. С. 308.

³ Опять-таки строгость наказания — культурно- и временным образом обусловленное явление. Профессор В. А. Томсинов, характеризуя уголовное законодательство Древней Руси, отмечает: «Законодательство Киевской Руси отличается от законодательства других государств, пребывавших на аналогичной ступени, своего исторического развития, своим гуманизмом. Для него характерна сравнительная, мягкость наказаний, которые, как правило, выражаются в денежном штрафе. Предписывая кары за нарушение правовых норм, русский законодатель исходил из *идеи святости человеческой жизни* и не предусматривал смертной казни в качестве меры наказания» (Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X—XVIII века. М.: Изд-во «Зерцало», 2003. С. 55). Однако древность — это не только исторически давно прожитое время: древность у каждого народа своя и, более того, древность может возвращаться. По большому счету по настоящему к теме чрезмерной строгости наказания по сути дела обратились только в XIX веке, под воздействием проблемы *достоинства человека*.

⁴ Современные исследования древнегреческого (в частности, афинского) права показывают, что суждения о жестокости драконовских законов — миф, рожденный родовой афинской аристократией. Как пишет И. Е. Суриков: «...Жестокость драконовских законов была, очевидно, сильно преувеличена аристократической традицией: в VII в. до н. э. родовая знать уже в самом появлении писанных законов, ограничивающих ее всевластие при толковании устного права, видела ситуацию весьма для себя неблагоприятную» (Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 47—48).

⁵ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 492—493.

об акте, которым восстанавливалась нарушенная клятва народа блюсти закона (как, скажем, в Риме еще царских времен).

Но уже в Древнем мире родилось понимание того, что жесткость наказания — очевидный, но далеко не самый надежный путь решения проблемы нарушения закона, преступлений. У Демокрита, а затем в этике стоиков впервые делается акцент на такое понятие, как *долг*. Демокрит «приподнял» значение категории «долг», прочно связав ее с привычной для греков категорией «справедливость»: «Справедливость есть исполнение долга, несправедливость — неделание того, что должно, уклонение [от исполнения своих обязанностей]»¹.

Еще более резко вопрос о границах наказания был сформулирован в христианстве. Слова Христа «милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9:12—13), являющиеся реминисценцией, близкой по духу фразе пророка Осии («Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжения» (6:6)), продемонстрировали перенос «центра тяжести» не просто с внешнего воздействия, с *наказания* на внутренний *долг*, а на еще более «тонкий» уровень настройки личности. Долг («жертва») где-то дополняется, а где-то противопоставляется милосердию.

Такой поворот в понимании соотношения внешнего контроля и внутренних побудительных мотивов, кристаллизованных в идее долга, был связан и с более глубоким пониманием самого человека, и с его растущей социальной активностью, и со становлением идеи личности — личности, способной к разумному действию не в силу внешнего контроля, системы табу и наказаний, а в силу именно внутренних мотивов. Этот процесс не был простым, одномоментным и линейным: он не одинаково проходил в различных культурах. Для современной европейской культуры философским осмыслением этого процесса стало, по-видимому, этическое учение Канта. Кант четко формулировал различие внешнего и внутреннего как различие правового долга и долга добродетели: «долг добродетели и правовой долг отличаются друг от друга тем, что для последнего морально возможно внешнее принуждение, первый же поκειται на свободном самопринуждении»².

Следствием этого процесса стало отмеченное выше понимание ответственности и как свойства социальных, т. е. межсубъектных отношений (*объективная сторона ответственности*), и как качества субъекта, человека (*субъективная сторона ответственности*). В правовой сфере мы имеем дело с ответственностью как социальным отношением, правоотношением. Во всех случаях, когда человек *принимает* на себя ответственность, *слагает* с себя ответственность, *несет* ответственность или на него *возлагают* ответственность, проявляют себя специфические социальные отношения, которые можно назвать *отношениями ответственности*.

Однако ответственность обозначает также и особое качество, бытие субъекта, что проявляется в таких устойчивых выражениях, как «быть ответственным», «чувство ответственности». И, обратим внимание,

¹ Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. Баку, 1946. С. 311.

² Кант И. Метафизика нравов. Соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 424.

в русском языке в отношении «чувства ответственности» фиксируется иной ряд высказываний, иной ряд смыслов, нежели в отношении слова «ответственность»: чувство ответственности может *«расти»* и *«уменьшаться»*, его можно *«воспитать»*,

Понятие «чувство ответственности» своими корнями уходит в понятие «моральное чувство», которое родилось у представителей так называемого этического сентиментализма, обобщенное название для мыслительной традиции в новоевропейской этике, представители которой (А. Смит и др.) полностью или частично основывали мораль на моральном чувстве (или чувствах, эмоциях). «Моральное чувство» можно определить как рациональную способность восприятия добродетели или порока, отличную от разума (рассудка) и обладающую таким качеством как врожденность¹. Кант определяет моральное чувство как «восприимчивость к удовлетворению или неудовлетворению лишь из сознания соответствия нашего поступка закону долга или противоречию с ним»².

Достаточно широко понятие «чувство ответственности» применял в своих трудах И. А. Ильин. Чувство ответственности, по И. А. Ильину, возникает в том случае, если человек чувствует, что он предстоит перед Высшим и Священным: «это чувство предстояния и привязанности... дает им (людям. — А. Г.) ощущение высшей «водимости», творческой основы, жизненного смысла и собственного достоинства... вызывает в них живое чувство *духовного задания, высшей ответственности и собственного несовершенства*»³. Чувство ответственности прямо связано с понятиями свободы и духовного достоинства человека: «Человек, как свободное и зрелое существо, *отвечает* за свою жизнь, за ее содержание и за ее направление»⁴. Чувство предстояния и привязанности, живую волю к совершенству Ильин называет *«предварительной ответственностью»*, отличая ее от последующей ответственности, ответственности как наказания⁵. Отмечая значение предварительной ответственности в культурном строительстве, Ильин не допускал ее юридикации, рассматривал ее именно в качестве элемента духовного измерения человека.

Таким образом, можно говорить, что развитие понятия ответственности идет в направлении от внешней ответственности, связанной с принуждением, к внутренней ответственности, связанной с понятием (и принятием) долга, обязанности.

Ответственность, понимаемая как долг, обязанность соответствовать социально значимым ценностям, как бы обращена в будущее и поэтому получила название *перспективная* (или позитивная) *ответственность*. Современное гражданское общество немыслимо без того, чтобы все субъекты отношений чувствовали, осознавали свою ответственность

¹ Подробное: История этических учений: учебник / под ред. А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. С. 611—628 (автор главы А. В. Смирнов).

² Кант И. Указ. соч. С. 441.

³ Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 301.

⁴ Там же. С. 303.

⁵ Там же. С. 305.

как участников единого исторического процесса. Современное государство говорит о том, что отношения между гражданами и государством в правовом государстве базируются на принципе *взаимной ответственности*, которая реализуется через конкретные права и обязанности. Роль позитивной ответственности возрастает по мере того, как возрастает роль личности, ее творческой энергии. С позитивной ответственностью связана и позитивная социальная оценка деятельности, выраженная в виде общественного признания, одобрения¹.

Ответственность, связанная с негативной оценкой совершенных поступков, получила название *ретроспективная* (или негативная) *ответственность*. Стержнем ее, квинтэссенцией является наказание, справедливое, соразмерное нарушению (в идеале), умаление социальных возможностей субъекта ответственности. Роль негативной ответственности также высока, особенно в качестве юридической ответственности.

Второе направление развития социальной ответственности связано с расширением круга субъектов ответственности. Субъект ответственности (как несения, так и возложения) исторически весьма подвижен. На заре становления человечества, вероятно, субъектами ответственности были коллективные образования — род, племя, народ. Именно род, все родственники по восходящей или нисходящей линии, нес ответственность за проступок члена рода в обычае кровной мести². Коллективная ответственность и связанная с ней коллективная вина исторически предшествовала вине индивидуальной. Коллективная ответственность до сих пор прослеживается, например, в ответственности государств. Становление индивидуальной ответственности происходило постепенно, одновременно с развитием товарно-денежных отношений и формированием культурной среды, в которой стала признаваться личность.

Менялось — в разных культурах различно — не только содержание ответственности; менялись субъекты ответственности. Эти изменения наиболее заметны в юридической ответственности, обособившейся с течением времени от иных видов ответственности. Если в институте кровной мести род противостоял роду, род был коллективной инстанцией, то со временем эти функции стали передаваться внешне независимым органам, наделяющим властными полномочиями, государству в конечном ито-

¹ Внешне позитивная ответственность не связана с идеей какого-либо понуждения к исполнению обязанности; обязанность принимается и исполняется добровольно. Однако если мы говорим об ответственности как качестве субъекта, то и у субъекта есть определенная «внутренняя инстанция», которая выносит свои приговоры, — это совесть. Как объективная величина эта «внутренняя инстанция» передается таким религиозным понятием, как «страх Божий».

² Проф. Г. В. Мальцев в исследовании, посвященном вопросам возмездия в древнем праве, отмечает, что институт кровной мести связан с коллективной ответственностью. «Ответственным признается весь род реального или предполагаемого обидчика, персональный состав которого не ограничивается живущими в данное время людьми, но включает их будущих потомков в нескольких поколениях, т. е. детей, внуков, правнуков и т. д.» (Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 135).

ге: «преодоление кровной мести и беспорядочных войн явилось одной из причин создания государства в человеческом обществе»¹. И хотя в настоящее время ставится вопрос о частноправовой ответственности, все же именно публичные органы (государство и уполномоченные им органы, а также международно-правовые институты) обладают легальным и легитимным полномочием по возложению юридической ответственности.

Изменение ответственности связано также с процессом усложнения социальных ролей, в которых принимает участие конкретное лицо. Одно и то же лицо может быть субъектом, который несет ответственность, на который возложена ответственность и который сам обладает властью ответственность возложить. Так, в семейных отношениях родители отвечают — морально, а в иных случаях и юридически — за несовершеннолетних детей, несут ответственность перед обществом за воспитание детей в соответствии с общественными ожиданиями. Но одновременно родители могут применить наказание к детям, являться для них «инстанцией», возлагающей ответственность.

Таким образом, еще раз подчеркнем историческую подвижность понятия «ответственность». В ходе исторического процесса акцент с ответственности как наказания постепенно стал переноситься на ответственность как долг, внутренняя обязанность субъекта, добровольное следование социально значимым приоритетам, соответствие социально-значимым ценностям. Одновременно изменяется круг субъектов ответственности — как тех субъектов, которые несут ответственность, так и тех, кто обладают социально признанной возможностью возлагать ответственность. Эти исторические процессы прямо повлияли на понятие социальной ответственности. С учетом данных замечаний социальную ответственность можно определить как *специфический социальный механизм, связанный:*

1) с *принятием и исполнением субъектом социальных отношений общественно значимого долга, обязанности;* а также

2) с *несением субъектом социальных отношений наказания (в том числе в форме воздаяния) и соответственно применением к нему наказания в случае несоответствия его деятельности социальным нормам и социальным ожиданиям, принятым им на себя обязанностям.*

Структура социальной ответственности

Социальная ответственность состоит из нескольких элементов, образующих *структуру социальной ответственности*.

Прежде всего мы должны говорить о *субъектах социальной ответственности* — лицах, которые несут ответственность (и в смысле добровольного обязывания, и в смысле состояния наказуемости). Как уже было показано, субъект социальной ответственности — исторически изменчивое понятие; в качестве субъектов ответственности выступают прежде всего отдельные индивиды и образуемые ими коллективные образования. Однако субъектами ответственности в некоторых культурах

¹ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 126.

могут признаваться животные¹ и предметы природного мира². Для современной европейской культуры, впрочем, характерен подход, согласно которому субъект ответственности должен обладать определенными качествами, прежде всего быть способен осознавать свои действия и их последствия (для таких образований, как юридическое лицо и государство, эта способность презюмируется). Возможность сделать выбор между различными вариантами поведения, так называемая свобода воли, — условие наступления социальной ответственности.

Во-вторых, это лица, перед которыми субъект несет ответственность, а также лица, которые могут возложить ответственность на субъекта ответственности. Такого рода участники отношений ответственности в социологии именуются *инстанцией*. Инстанции, в свою очередь, можно дифференцировать на формальные (обладающие формализованными полномочиями — например, государство) и неформальные (все иные, например, друзья, родственники и проч.).

В-третьих, выделяется *объект ответственности* — то, в отношении чего принимается и налагается ответственность. Объектом ответственности является социально значимое, связанное с исполнением долга поведение или, напротив, поведение асоциальное.

В-четвертых, *нормативный аспект*: ответственность — это социальная норма или группа социальных норм, образующих институт ответственности, который фиксирует, упорядочивает, стимулирует несение или возложение ответственности конкретным лицом.

В-пятых, это *социально значимая цель ответственности*. Иными словами, то, ради чего социум выделил в системе отношений социальную ответственность, почему придал ей социальную значимость, превратил

¹ В Законе Моисеевом сформулирована такая норма, устанавливающая ответственность вола: «Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть; а хозяин вола не виноват» (Исход. 22:28). Побитие камнями — стандартный для древности (а для некоторых стран — и в современности) вид наказания. Распространены были публичные наказания животных и в европейском Средневековье, и даже в Новое время, вплоть до начала XX века. В некоторых странах животные и до сего дня могут стать субъектами правонарушений.

² Геродот оставил нам сведения о вошедшем в пословицы наказании моря («высечь море»). Царь Ксеркс (V век до н. э.), узнав, что буря разрушила мосты, возведенные для перехода через Геллеспонт (ныне — пролив Дарданеллы), «распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Передают еще, что царь послал также палачей заклеить Геллеспонт клеем. Впрочем, верно лишь то, что царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: «О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По слугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке». Так велел Ксеркс наказать это море, а надзирателям за сооружением моста через Геллеспонт — отрубить головы» (Геродот. История в 9 книгах: пер. с древнегреч. и примеч. Г. А. Стратоновского. М.: НИЦ Ладомир, 1993 С. 323). Поступок сей весьма характерен для языческого мировоззрения, считающего, что каждый предмет обладает душой.

в ценность¹. Генеральная цель ответственности — это поддержание общественного порядка и одновременно стимулирование субъектов к активному социально значимому поведению, деятельности, позволяющей обществу активно развиваться.

В-шестых, это *коммуникация*. Социальная ответственность представляет собой общественное отношение — более очевидное, в случае возложения ответственности, менее очевидное, когда ответственность является личной, добровольно принимается. Но и в этом случае существует та инстанция, в отношении которой эта ответственность осознается и чувствуется. Даже совесть человека в качестве инстанции носит и духовный, и социальный характер. В этом смысле социальная ответственность — специфический вид социальный коммуникации, способ «выравнивания» обществом субъектов под общественно признанные стандарты с тем, чтобы не допустить чрезмерных отклонений.

В-седьмых, это *меры воздействия* (или санкции), которые могут носить характер наказания (меры ответственности, меры наказания) или, напротив, поощрения, одобрения. Наказания иногда называют негативными санкциями, поощрения — позитивными. Меры воздействия также можно дифференцировать на исходящие от легитимной инстанции и от инстанции неформальной. Неформальные негативные меры воздействия — это, например, насмешки; формально негативные меры воздействия — меры наказания, определенные современным правом. Неформальные позитивные санкции — похвалы, знаки внимания, одобрения. Формальные позитивные санкции — например, награды.

В литературе можно встретить и иные описания структуры социальной ответственности. Часто рассматривается три элемента ответственности «субъект» — «объект» — «инстанция». Предлагались другие варианты: «социально значимое поведение личности» — «свобода воли» — «меры общественного воздействия на личность» (А. Ф. Плахотный²); «свобода воли» — «осознание долга» — «социальные меры воздействия» (Л. И. Грядунова³), «объективная и субъективная стороны, субъект и объект» (А. П. Чирков⁴) и др.

Виды социальной ответственности

Социальную ответственность возможно дифференцировать по различным основаниям. Прежде всего *функционально* социальная ответственность делится на ответственность, обращенную в будущее (*позитивная, перспективная ответственность*), и ответственность за прошлые деяния (*негативная, ретроспективная ответственность*). Иногда понятия пози-

¹ О категории «ценность» см.: Жуков В. Н. Понятие юридической аксиологии // Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / С. Н. Бабурин, А. Г. Бережнов, Е. А. Воротилин [и др.]; отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2011. С. 301—326.

² Плахотный А. Ф. Свобода и ответственность (социологический аспект проблемы). Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1972. С. 64.

³ Грядунова Л. И. Социальная ответственность личности в условиях развитого социализма. Киев: Вища школа, 1979. С. 24.

⁴ Чирков А. П. Ответственность в системе права: учеб. пособие. Калининград, 1996. С. 6.

тивной и перспективной ответственности различают. Так «позитивной ответственностью» именуется ответственность, возникающая по поводу осуществленного правомерного поведения. В свою очередь, «перспективной ответственностью» называют ответственность, реализуемую в отношении будущего правомерного поведения.

У каждого из этих видов ответственности свой «участок» работы. Ответственность как наказание определяет реакцию социума на негативные, с точки зрения социума, поступки субъекта ответственности. Функция этого вида социальной ответственности — поддержание социального порядка; это, если хотите, социальный редут, выстраиваемый для поддержания общественной стабильности. Позитивная ответственность неоднородна. Она может быть связана с соблюдением социальных ограничений. Она может требовать активной, даже подчас героической деятельности по достижению социально значимых целей (что ярко прослеживается в такой категории, как воинский долг). Ответственность как обязанность, долг стимулирует субъекта ответственности к социально активной деятельности. В любом случае, позитивная ответственность, как представляется, работает «на развитие».

Отличие позитивной ответственности от негативной проявляется также и в том, что негативная ответственность всегда представляет собой социальное отношение, складывающиеся между субъектом ответственности и субъектом наложения взыскания, «инстанцией». Позитивная ответственность проявляет себя внешним образом и как социальное отношение, складывающееся между субъектом ответственности и субъектом одобрения, и как внешне личное отношение социальным значимым целям, в виде качества субъекта («быть ответственным»)¹.

Социальная ответственность также дифференцируется предметно, *в зависимости от сферы социального регулирования*. По большому счету, можно говорить о том, что, сколько видов социальных норм выделяется, столько и видов социальной ответственности существует. Основными, традиционно выделяемыми в литературе, видами ответственности являются *моральная, политическая и юридическая*. Моральная ответственность — это ответственность в виде осознания своего долга, и ответственность при нарушении этических правил. Политическая ответственность характерна для сферы профессиональной политики и связана с негативными последствиями для политика в случае нару-

¹ В литературе отмечены недостатки понимания ответственности одновременно и как позитивной, и как негативной. Так, проф. О. С. Иоффе отмечал, что «ответственность... выступает: то как благо (следование долгу), то как неизбежное зло (последствие нарушение долга), то как результат нормальной деятельности (осознание долга), то как результат очевидных аномалий (пренебрежение долгом), то как выражение высоких моральных достоинств (ответственное отношение к долгу), то как основание для морального осуждения (безответственное отношение к долгу). Понятно, что рассчитывать на научную эффективность или практическую результативность подобной классификации можно только при весьма гипертрофированной склонности к оптимизму...» (Иоффе О. С. Вина и ответственность по советскому праву // Советское государство право. 1972. № 9 С. 35—36).

шении последним как юридически значимых требований, так и норм этики. Говорят о *духовной ответственности* как ответственности за *грех*, т. е. за преступления против Бога и его миропорядка¹. Современность выделяет такие самостоятельные виды ответственности, как *экологическая, ответственность бизнеса, профессиональная* (врачебная, инженерная и проч.). Каждый вид ответственности исследуется специальными дисциплинами.

Юридическая ответственность — вид социальной ответственности

Юридическая ответственность как вид социальной ответственности: видовые и индивидуальные признаки

Юридическая ответственность является одним из видов социальной ответственности и в таком качестве наследует все родовые признаки последней. Следует отметить следующие общие черты, позволяющие рассматривать юридическую ответственность в качестве вида социальной ответственности:

- 1) юридическая ответственность представляет собой специфическое социальное отношение, возникающее между субъектом ответственности и лицом, уполномоченным на применение санкций;
- 2) как и в социальной ответственности, в структуре юридической ответственности выделяются субъект ответственности и орган (лицо, институт), уполномоченный применять меры ответственности, санкции;
- 3) юридическая ответственность наступает при нарушении социальных норм — в данном случае правовых норм;
- 4) юридическая ответственность связана с наступлением последствий нарушения социальных норм (норм права).

Вместе с тем юридическая ответственность имеет свои особенности.

Во-первых, в юридической ответственности силен формальный момент, вообще свойственный праву. В структуре юридической ответственности четко формализуются: субъект ответственности; субъект, уполномоченный налагать ответственность; основания несения ответственности; применяемые санкции. Все это закреплено соответствующими нормами права, составляющими *правовой институт юридической ответственности*. Юридическая ответственность наступает только при совершении правонарушения, признаки которого определены законом или договором. Формализация проявляется в том, что юридическая ответственность осуществляется в определенной процессуальной форме. Формализован статус субъекта ответственности, например, юридическая ответственность к физическому лицу может быть применена только в случае, если это физическое лицо деликтоспособно. Развитие права выделило важную особенность процесса привлечения к ответвен-

¹ В этом смысле интересен подход Ю. В. Романца, который вполне обоснованно ставит вопрос о признании юридической ответственности видом духовной ответственности (*Романец Ю. В.* *Этические основы права и правоприменения*. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. С. 317—347).

ности: право лица на защиту. Субъект, уполномоченный налагать ответственность, должен иметь формально определенные, закрепленные полномочия.

Во-вторых, в иных видах социальной ответственности превалирует позитивная социальная ответственность, наказательный элемент менее очевиден, хотя он также присутствует (неформальные санкции в виде порицания, неодобрения и проч., иногда весьма жесткие). Напротив, ценность юридической ответственности именно в том, что она связана с системой наказания, формализует отношения, связанные с наступлением негативных последствий в случае совершения правонарушения. Вопрос же о допустимости включения в состав юридической ответственности позитивной ответственности вызывал и вызывает серьезные споры в советской и современной российской правовой литературе.

В российской правовой науке позитивная юридическая ответственность определяется различным образом: как осознание долга (В. Г. Смирнов¹), как обязанность дать отчет (В. А. Тархов²); как добросовестное (надлежащее) исполнение субъектами возложенных на них обязанностей (Н. В. Матузов³); как осознание личностью содержания и значения собственного поведения, согласование его со своими правами и обязанностями, своим конституционно-правовым долгом в настоящем и будущем поведении (Н. В. Витрук⁴); как обязанность соблюдать предписания, обязанность действовать правомерно (Б. Т. Базылев⁵); как добровольная форма реализации юридической ответственности, или способ закрепления юридической обязанности соблюдать требования правовых норм, реализующаяся в правомерном поведении субъектов юридической ответственности, одобряемом или поощряемом государством (Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский⁶). Существуют и другие определения⁷.

В этих определениях позитивной юридической ответственности силен вектор морализаторства, на который обращал внимание проф.

¹ Смирнов В. Г. Уголовная ответственность и наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 79.

² Тархов В. А. О юридической ответственности. Саратов, 1978. С. 14.

³ Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 208.

⁴ Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2009. С. 18.

⁵ Базылев Б. Т. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985. С. 26.

⁶ Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 172.

⁷ В связи с рассматриваемой проблемой обратим внимание и на терминологический аспект. Позитивную юридическую ответственность чаще отождествляют (иногда различают) с такими понятиями, как: «перспективная», «интроспективная», «умеренно-позитивная», «активно-позитивная», «поощрительная» юридическая ответственность, «правовая ответственность», «надлежащее исполнение обязанностей». Обзор этого терминологического многообразия представлен в: Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Указ. соч. С. 37—38. Вообще, подозрительная какая-то эта «позитивная юридическая ответственность», никак не может придумать себе подходящего слова — похоже, в силу неясности, неустойчивости самого явления.

О. Э. Лейст¹, ряд других авторов. Вектор, надо сказать, в социальном плане небезопасный: весьма сомнительна, к примеру, конструкция «позитивной уголовной ответственности», предполагающая, по-видимому, возможность наступления уголовной ответственности вне связи с преступлением. Если ответственность — это обязанность дать отчет, то у лица, подозреваемого в совершении преступлений, если исходить из этой концепции, возникает обязанность рассказать о своем деянии, независимо от выстраданной ходом истории нормы Конституции РФ об отсутствии обязанности свидетельствовать против себя (ч. 1 ст. 51).

В этой связи вполне обоснован вопрос, не подменяется ли юридическая ответственность каким-либо иным видом ответственности, в данном случае — моральной ответственностью. Субъективное отношение к своему долгу не порождает какого-либо правоотношения, является лишь предпосылкой к поведению субъекта, формирует мотивы этого поведения. Право же тем и сильно в качестве вида социальных норм, что обращает внимание на поступки, действия, т. е. внешние проявления активности субъекта (хотя в историческом плане встречались попытки судить за мысли). Даже если мы рассматриваем в качестве проявления позитивной юридической ответственности применение к лицу каких-либо позитивных санкций (наград), то весьма сложно совместить в одном смысловом ряду эти награды и привлечение к ответственности преступника-рецидивиста. Более того, сам смысл награды состоит в том, что поощряется не просто добросовестное отношение к своему социальному долгу, а именно выдающиеся заслуги, результат превосходящий просто добросовестное отношение к обязанностям.

Понятно, что идея так называемой позитивной юридической ответственности порождена не только желанием формально следовать структуре социальной ответственности вообще, в рамках которой выделяется как позитивная, так и негативная ответственность. Как представляется, эта идея связана прежде всего с неудовлетворенностью системой наказания, с пониманием того, что правопорядок зависит не столько от совершенной системы наказания, сколько от отношения личности к своему социальному долгу. Однако основной социальный смысл юридической ответственности был и остается в сфере последствий правонарушения, а не в юридически значимом социальном долге.

Третье отличие юридической ответственности от иных видов социальной ответственности состоит в наличии специального аппарата, механизма, который обеспечивает реализацию норм, касающихся юридической ответственности. Моральная и политическая ответственность ситуационны, спонтанны, они возникают как случайный, стихийный ответ на возникшую ситуацию (хотя при принятии решений об ответственности также учитывается прошлый опыт, выраженный в традициях, обычаях, привычках, каких-то прецедентах). Напротив, юридическая ответственность задействуется с применением специального правового

¹ См.: Лейст О. Э. Понятие ответственности в теории права // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1994. № 1.

и властного механизма: более очевидного в сфере уголовной и административной ответственности, менее — в сфере частноправовой.

Четвертое отличие юридической ответственности состоит в том, что здесь четко сочетаются материально-правовые нормы, определяющие характер юридической ответственности, и процессуальные нормы, позволяющие обеспечить социальную справедливость в процессе привлечения лица к ответственности. Процессуальные нормы, с одной стороны, гарантируют право на защиту и служат заслоном от чрезмерно ретивого проявления власти, с другой — они требуют достижения правовой истины, выявления в полном объеме события и состава преступления, административного проступка или условий гражданско-правовой ответственности. Для современности вполне очевидна связь наказания с необходимостью указания на правонарушение в законе и наличие санкции. Мысль эту (она звучала по латыни так: *nullum crimen, nulla poena sine lege*), как известно, сформулировал немецкий правовед Павел Иоганн Ансельм Риттер фон Фейербах в качестве Максимы (принципа) Баварского уголовного кодекса 1813 года. Однако в более ранние времена осуждение и наказание могло совершаться, даже если норма не была обеспечена санкцией и в том случае, когда не было четкого указания на то, что соответствующее деяние является правонарушением. Известный историк русского права М. Ф. Владимирский-Буданов, к примеру, отмечал эту особенность правового режима XVI в. в Московском царстве: «В действительности в большой массе случаев воспрещенные деяния в законе не были обложены никакими наказаниями... Если присоединить к тому еще обстоятельство..., а именно умолчание в законе о многих преступлениях, которые карались на практике, то в обоих случаях мы видим огромное отступление от принципа: *nulla poena sine lege*»¹.

О понятии юридической ответственности

Вопрос о юридической ответственности — это прежде всего вопрос о последствиях правонарушения. В современной правовой литературе присутствует множество определений того, что собой представляет юридическая ответственность. Юридическая ответственность — это: 1) *применение мер государственного принуждения, негативная реакция государства на совершенное правонарушение* (И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин²); 2) *наказание* (Н. С. Малеин³); 3) *применение санкции* (Л. С. Явич⁴);

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. С. 414.

² Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. С. 6.

³ Малеин Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 19.

⁴ Явич Л. С. Право и социализм. М.: 1982. С. 136. О. Э. Лейст, позицию которого в целом была близка позиции Л. С. Явича, отмечал, что кроме непосредственно реализации санкции правовой нормы, в содержание юридической ответственности входят такие правовые явления, как: квалификация правонарушения, правовые гарантии, основание освобождения от ответственности, состояние наказанности и т. д. (Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 102—103).

4) *принудительно исполняемая обязанность* (С. Н. Братусь¹); 5) *особая государственно-принудительная мера, связанная с применением дополнительных обременений* (О. С. Иоффе²), *применение к лицу, совершившему правонарушение, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, в особом процессуальном порядке* (О. Э. Лейст³), и др.

Многообразие определений не должно затенять сущность предмета юридической ответственности, которая, как уже было отмечено, связана с негативными последствиями для лица, наступающими в случае совершения им правонарушения. Поэтому исходным элементом юридической ответственности является правонарушение как виновное⁴ противоправное деяние, влекущее за собой причинение ущерба или вреда. Правонарушение признается *фактическим основанием ответственности*. Правонарушение является тем юридическим фактом, который порождает правоотношение юридической ответственности, возникающее между субъектом правонарушения и лицом, уполномоченным на применение мер ответственности. В пределах этого правоотношения у субъекта ответственности возникает обязанность нести наказание, а у лица, уполномоченного на применение мер ответственности, — право (у государственных органов — полномочие) возложить ответственность, применить наказание, требовать компенсации.

Совершение правонарушения — обязательный, но не достаточный элемент для возникновения юридической ответственности: необходимо, чтобы нарушенные правовые нормы, положения договора, *содержащие связывание или запрет*, были обеспечены *санкцией*, содержащей указание на неблагоприятные последствия для нарушителя. Санкция в этом смысле не только структурный элемент правовой нормы, обеспечивающий реализацию диспозиции правовой нормы, но и специальная правоохранительная норма (например, содержащаяся в уголовном кодексе), а также те положения договора (и публичного, и частноправового), которые указывают на эти неблагоприятные последствия. Норма права, обеспеченная санкцией, признается *юридическим основанием ответственности*.

Неблагоприятные последствия для правонарушителя — достаточно разнообразны, и они представлены категорией *меры правового принуждения*. В теории права и в отраслевых юридических науках выделяются следующие меры принуждения: 1) меры предупреждения; 2) меры пресечения; 3) меры защиты и восстановительные меры; 4) меры юридической ответственности. Иногда также выделяют меры процессуального обеспечения. Некоторые

¹ Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М.: Юридическая литература, 1976. С. 4.

² Иоффе О. С. Вина и ответственность по советскому праву // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 39.

³ Лейст О. Э. Юридическая ответственность // Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 655.

⁴ В рамках гражданского права существует так называемая ответственность без вины, наступающая в случае причинения ущерба источником повышенной опасности или как ответственность за действия третьих лиц, которая не может быть распространена на иные сферы правового регулирования.

меры применяются в ситуации, когда правонарушение еще отсутствует (например, меры предупреждения). Иные направлены на то, чтобы остановить вредное воздействие правонарушения на других субъектов отношений (меры пресечения). Отличие мер юридической ответственности в том, что в качестве реакции на правонарушение здесь используется *наказание, которое состоит в соразмерном (в идеале) правонарушению ограничении прав, иных социальных возможностей правонарушителя, в личных и имущественных лишениях.*

Меры наказания, определенные санкцией правовой нормы (самостоятельной правоохранительной нормой, положением договора об ответственности сторон), могут быть задействованы только в случае *властного применения их уполномоченным лицом* — государственным органом (судом, административным органом), международно-правовой инстанцией, работодателем и т. д. Добровольное исполнение обязанности должником по уплате штрафа при неисполнении (ненадлежащем исполнении) им условий договора в социальном плане также связано с проявлением властных возможностей кредитора, который, если его властного ресурса оказывается недостаточно, может обратиться в суд, третейский суд или к посредникам по урегулированию споров (медиаторам)¹. Это властное применение мер ответственности, определенных санкцией нормы, носит *процессуальный характер* — иногда более выраженный (уголовный и административный процесс), иногда менее выраженный. Отношения юридической ответственности возникают с момента предъявления обвинения лицу (в уголовном, административном процессе), с момента предъявления иска в суд или обращения в третейскую инстанцию для привлечения лица к гражданско-правовой ответственности. Процесс применения мер ответственности, связанный с конкретным правоприменительным актом, реализующим абстрактную норму об ответственности в конкретике правоотношения, называется *процессуальным основанием ответственности.*

То обстоятельство, что юридическая ответственность как правовой институт формируется нормами и международного (частного и публичного), и внутригосударственного права, с учетом отраслевой структуры последнего, не могло не сказаться на ряде специфических черт ответственности, характерных именно для соответствующей сферы правового регулирования. Так, в рамках гражданского права выделяются *условия наступления гражданско-правовой ответственности*, включающие 1) права и обязанности, нарушение которых влечет возложение на нарушителя гражданско-правовой ответственности; 2) противоправное нарушение прав третьих лиц или собственных обязанностей; 3) наличие вреда или убытков, причиненных противоправным деянием; 4) наличие

¹ В теории гражданского права нередко даже в добровольном исполнении гражданско-правовой ответственности видят государственную природу мер ответственности: «В некоторых случаях меры ответственности могут использоваться и добровольно, а не с помощью публичной власти (например, правонарушитель добровольно уплачивает штраф). Это обстоятельство не меняет их природы как государственно-принудительных мер, содержание и порядок применения которых установлены законом» (Суханов Е. А. Гражданско-правовая ответственность // Гражданское право в 2 т. Т. 1: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Изд-во БЕК, 2000. С. 428).

причинной связи между противоправным деянием и вредоносными последствиями; 5) наличие вины правонарушителя¹.

В рамках административного и уголовного права в понятие юридической ответственности включается понятие «состояния наказуемости», т. е. период, в течение которого правонарушитель считается подвергнутым наказанию даже после исполнения самого наказания. Этот период имеет сдерживающий, воспитательный характер: в случае совершения однотипных правонарушений в этот период лицо (в силу отягчающих обстоятельств) подвергается более строгому наказанию.

Итак, *юридическая ответственность представляет собой прежде всего правовой институт, т. е. комплекс правовых норм, обеспечивающих охрану права, устанавливающих возможность применения негативных последствий для деликтоспособного правонарушителя.*

На основании норм о юридической ответственности и в связи с событием правонарушения возникает правоотношение ответственности между деликтоспособным субъектом (гражданином, юридическим лицом, государством), совершившим правонарушение, и уполномоченным властным лицом (органом), состоящее в применении указанным уполномоченным властным лицом (органом) предусмотренного санкцией правовой нормы (специальными правоохранительными нормами) наказания к правонарушителю.

Виды юридической ответственности

В современной правовой литературе юридическая ответственность дифференцирована в зависимости от сферы правового регулирования на внутригосударственную и международно-правовую. В международно-правовой ответственности, в свою очередь, выделяется частно- и публично-правовая (например, ответственность государств). Внутригосударственная юридическая ответственность делится по отраслям. Так, можно выделить такие виды юридической ответственности, как: конституционную, уголовную, административную, финансовую, дисциплинарную и гражданско-правовую. Отметим, что не все отрасли права, выделяемые современной юридической наукой, имеют «свои», отраслевые «ответственности»: потребности некоторых отраслей «обслуживают» меры ответственности, определенные в иной отрасли права (например, потребности экологического права в сфере привлечение лиц к ответственности «обслуживает» административное и уголовное право).

Юридическая ответственность также дифференцируется по функциям, т. е. по направлениям воздействия на общественные отношения. В науке выделяется *компенсационно-восстановительная* и *карательно-штрафная* (в качестве основных), а также охранительная, регулятивная и предупредительная (воспитательная) функции юридической ответственности.

Компенсационно-восстановительная ответственность состоит в осуществлении правонарушителем действий, направленных на восстановление прав и интересов субъекта, права которого оказались нарушенными. Такого рода ответственность характерна для частноправовых отноше-

¹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. С. 319.

ний, которые связаны с товарно-денежными отношениями, носящими эквивалентно-возмездный характер¹. Компенсационный характер свойственен также международно-правовой ответственности². Вместе с тем в последнее время *правовосстановительные меры* рассматриваются как самостоятельные меры правового принуждения.

Штрафная ответственность выражается в виде применения к правонарушителю наказания (кары), внешне не связанного с деянием, абстрактного по отношению к правонарушению. Правовое наказание состоит в ограничении прав нарушителя, его возможности реализовывать свои интересы, причинение материальных тягот, психологических и физических обременений. Штрафная ответственность характерна прежде всего для уголовного и административного права.

Впрочем, как уже отмечалось, исторически именно компенсация была основной целью ответственности. Даже уголовное наказание было не столько карой, сколько компенсацией божеству (миропорядку) за нарушение. В современности также признается, что основная функция наказания — восстановление попорченной правонарушением социальной справедливости³.

Юридическая ответственность также может быть дифференцирована по целевой направленности воздействия: воздействующая на личность (организацию) и воздействующая на имущество (имущественная ответственность). Традиционный пример личной ответственности — дисциплинарные наказания в трудовом праве; пример имущественной ответственности — взыскание неустойки при неисполнении гражданско-правового обязательства. При воздействии на личность ответственность может носить индивидуальный или коллективный характер. Коллективная ответственность наступает даже и в том случае, если отдельный индивид не совершил какого-либо правонарушения, но при

¹ «Регулируемые гражданским правом товарно-денежные отношения носят эквивалентно-возмездный характер. В связи с этим и гражданско-правовая ответственность направлена на эквивалентное возмещение потерпевшему причиненного вреда или убытков, а ее применение имеет целью восстановление имущественной сферы потерпевшего от правонарушения, но не его неосновательное обогащение. Отсюда компенсационная природа гражданско-правовой ответственности, размер которой должен в принципе соответствовать размеру понесенных потерпевшим убытков, но не превышать его» (Суханов Е. А. Гражданско-правовая ответственность // Гражданское право: в 2 т. Т. 1. С. 430—431).

² В международном публичном праве восстановительные и компенсационные меры (например, репарации и реституция соответственно) сочетаются с мерами карательными, связанными с допустимыми со стороны одного государства контрмерами по отношению к другому см.: Толстых В. Л. Курс международного права: учебник. М.: Волтерс Клувер. С. 518 и след. Напротив, в международном частном праве указывается на сугубо восстановительно-компенсационный характер мер ответственности — см.: Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: учебник. М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2011. С. 740 и след.

³ В литературе можно встретить и иное суждение. Так, представители науки уголовного права считают, что «восстановление социальной справедливости следует исключить из целей уголовного наказания» (Рагимов И. М. Преступность и наказание. М.: ОЛМА Меда групп, 2012. С. 77).

этом является субъектом какого-то союза. Так, в качестве коллективной ответственности знаменитый юрист прошлого века Г. Кельзен рассматривал ответственность государства¹. В современной теории права созвучно правовой позиции Г. Кельзена ставится вопрос об ответственности государственно-организованного народа². Вместе с тем коллективная ответственность может приобрести черты репрессии: так, как репрессию оценивают высылку ряда кавказских народов с традиционных мест проживания в 1944 г. за сотрудничество отдельных (хотя и достаточно многочисленных) представителей народов с оккупационными войсками.

Юридическая ответственность как социологическая проблема

Юридическая ответственность в социологическом плане является одной из форм социального контроля, представляющего собой «совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные формы девиантного поведения с целью их элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации»³. Под девиантным поведением понимают поведение, отклоняющееся от общепризнанной нормы. Признание того или иного поведения девиантным обусловлено конкретно-историческими условиями: культурой и периодом ее развития. Поведение, признаваемое девиантным в одной культуре, считается нормальным в другой. Например, противоположным образом в разных культурах оценивался гомосексуализм: он объявлялся преступлением (в исламских странах или в СССР после 1934 г.); в некоторых странах было выработано к этому явлению сдержанно-негативное отношение; в античных или в ряде современных европейских стран это явление стало восприниматься как норма. Употребление алкоголя в европейских странах допустимо до известных пределов и, напротив, более или менее строго запрещено в мусульманских странах.

Современная социология *не* рассматривает девиантное поведение как исключительно негативное явление. Более того, социология исходит из неприемлемости рассмотрения преступления в качестве негативного явления. Как пишет известный английский социолог Э. Гидденс: «Было бы ошибкой рассматривать преступления и девиантное поведение исключительно в негативном свете. В любом обществе, признающем, что у человеческих существ могут быть различные ценности и интересы, должно найтись место для отдельных людей или групп людей, чьи действия не соответствуют нормам, которых придерживаются большинство»⁴.

¹ Kelsen H. Principles of International Law. 2-nd. Ed. N. Y., 1967. P. 10.

² Мамут Л. С. Проблема ответственности народа // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 19–28.

³ Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 428.

⁴ Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 214.

Для правоведения, пожалуй, идея о позитивном характере *преступления*, высказанная социологом, звучит резковато. Вместе с тем в рамках политико-правовой науки исследуется вопрос о *праве народа на восстание*, которое (право) неизбежно связано с нарушением существующего правопорядка. Это право относится к *естественным правам*, но позднее оно было закреплено в крупнейших манифестах буржуазных революций. Так, в преамбуле Декларации независимости США 1776 г. говорилось, что «если какой-либо государственный строй нарушает эти права (права народа. — *А. Г.*), то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа»¹. Статья 2 французской Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 года также указывает право на «противление угнетению» в качестве одного из естественных и неотъемлемых прав человека, наряду со свободой, собственностью и безопасностью².

Тем не менее общество независимо от культуры и этапа развития пыталось устранять негативно оцениваемые проявления человеческой жизнедеятельности, отклоняющиеся от принятых в обществе социальных норм, путем воздействия на нарушителей, в целом пыталось контролировать девиантное поведение. Социальный контроль осуществляется с целью поддержания социального порядка безотносительно к тому, каково *качество* этого социального порядка. Парадокс социального контроля в том, что порядок может быть связан с такими массовыми репрессиями, что хаос будет выглядеть чуть ли не гуманнее. История XX в. тому говорящее свидетельство.

В рамках социального контроля задействуется весь спектр инструментов, доступных соответствующей культуре. Ключевым средством социального контроля длительное время считалось наказание в его значении кары, репрессии. Как афористично заметил знаменитый криминолог начала XX в. С. К. Гогель, «репрессии — веками испытанное средство»³. При этом основной функцией репрессии считалось *устрашение*: отсюда публичные казни с обязательным присутствием населения, истязания и (что немаловажно!) распространение информации об истязаниях и казнях, влияющих на общественное мнение⁴.

¹ Цит. по: Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. V. Политические документы. М.: Мысль, 1997. С. 41.

² Там же. С. 69.

³ Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / сост. и вст. ст. В. С. Овчинского, А. Ф. Федорова. М.: Инфра-М, 2012. С. 127.

⁴ Знаменитый французский философ М. Фуко привел описание казни, какой она была еще XVIII веке: «Второго марта 1757 г. Дамьена (пытался совершить неудачное покушение на короля Людовика XV 5 января 1757 г. — *Авт.*) приговорили к «публичному покаянию перед центральными воротами Парижского Собора»; его «надлежало привезти туда в телеге, в одной рубашке, с горящей свечой весом в два фунта в руках», затем «в той же телеге доставить на Гревскую площадь и после раздирания раскаленными шипами сосцов, рук, бедер и икр возвести на сооруженную там плаху, причем в правой руке

Этот «стиль наказания» (М. Фуко) был сродни театру, и на казнь приходили как на развлечение, как на представление. В этом действии было что-то свыше преступления: преступление, как правило, совершается тайно — в процедуре казни же мы встречаем ритуализированное убийство, не просто открытое, но совершаемое как ритуал, как искусство. В таком «искусстве» можно было бы заподозрить «жестокий век», который, по слову Пушкина, рождает «жестокое сердца». Однако такому отношению к репрессии способствовала не только общая что называется «грубость нравов»: устрашение наказанием было и остается одним из немногих показательных средств воздействия в условиях, когда государственная машина не способна обеспечить реализацию принципа *неотвратимости наказания*, предполагающего соответствующую государственную реакцию на каждый случай правонарушения. Театрализация наказания — способ показать подданным, насколько велико могущество суверена, государства, в условиях, когда это могущество как постоянная работа власти, ее систематические действия не так велико. И конечно, в XVII—XVIII вв. в европейских государствах (а в XX в., скажем, в СССР) с помощью такого театра наказания решались и частные задачи, связанные с промышленной революцией и политикой модернизации, для которых требовалась дешевая рабочая сила, позволяющая, как известно, снижать себестоимость товара.

Да и современность — несмотря на то, что еще в XVIII в. была сформулирована идея отказа от наказания как устрашения, — отнюдь не распрощалась с таким восприятием наказания. В некоторых странах сохранена публичная смертная казнь (например, в Китае, Иране, некоторых странах Африки), а система исламского права допускает такое наказание как публичную порку, избивание камнями, ампутацию конечностей¹. Даже не связанные с наказанием меры принуждения, например меры пресечения, могут приобрести характер устрашения, если становятся более похожими на пытки, издевательствами над задержанными (чему свидетельством выявленные в 2012 г. случаи пыток задержанных в ряде городов России).

Однако в целом в европейской правовой культуре *устрашение* стало признаваться архаичной функцией наказания; основной функцией стало *исправление и восстановление социальной справедливости, а также предупреждение новых преступлений*. Распространению этих воззрений способствуют идеи гуманизма, сформулированные просветителями, а начиная с XIX в. — распространение воззрений (связанных с такими именами как Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Ф. фон Лист, Б. Гетц), согласно

он должен держать нож, коим намеревался совершить царевубийство; руку сию следует обжечь горящей серой, а в места, разодранные шипцами, плеснуть варево из жидкого свинца, кипящего масла, смолы, расплавленного воска и расплавленной же серы, затем раздрать и расчленив его тело четырьмя лошадьми, туловище и оторванные конечности предать огню, сжечь дотла, а пепел развеять по ветру» (Фуко М. Надзирать и наказывать: история тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1999. С. 7). Такая казнь была несомненным театром.

¹ Материал на эту тему представлен в: *Квашин В. Е.* Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2008. С. 36—181.

которым поведение преступника во многом определяется его психологическими особенностями.

Эти функции ответственности позволяют оценивать *эффективность* существующей системы юридической ответственности, т. е. уровень издержек, включая издержки, связанные с содержанием системы судебных, правоохранительных и исправительных органов, которые общество тратит на достижение целей, стоящих перед юридической ответственностью, а именно обеспечение безопасности общества, недопущение правонарушений. Вопрос об эффективности — это всегда вопрос цены, а не просто вопрос того, достигается поставленная цель или нет: как известно, некоторые победы (достижение цели) могут быть пирровы (т. е. не оправдывать средства, задействованные для достижения цели). Другое дело, что измерение эффективности юридической ответственности (как и действенности права в целом) — процесс сложный, предполагающий выбор соответствующих критериев оценки и суммирование затрат, которые включают в себя не только прямые и косвенные расходы бюджета, но и количество трудоспособного населения, которое задействовано для осуществления юридической ответственности. И если в уголовном праве такого рода критерии оценки более или менее выработаны (общее количество преступлений на душу населения и уровень рецидива), то, скажем, для гражданского права эти критерии еще предстоит выработать. О важности этой работы говорит тот факт, что эффективность норм гражданско-правовой ответственности прямо сказывается на инвестиционном и деловом климате страны и влияет на оценку эффективности правосудия в целом.

Таким образом, с точки зрения социологии права *юридическая ответственность представляет собой один из способов осуществления социального контроля и обеспечения социального порядка. Функции юридической ответственности исторически изменчивы, и в их число входят: восстановление социальной справедливости; предупреждение правонарушений как со стороны привлеченного к ответственности лица, так и других лиц; исправление привлеченного к ответственности лица; устрашение. Исходя из этих функций возможно оценить эффективность юридической ответственности. Степень эффективности юридической ответственности представляет собой уровень достижения социально значимых целей с учетом социальных издержек.*

Раздел VII

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: СОЦИОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ И РАЗВИТИЯ

ЛЕКЦИЯ 34. ИЗМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАК КАТЕГОРИИ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

- Пространство и время как свойства социальной материи.
- Социальные изменения.
- Социальное развитие.

Пространство и время как свойства социальной материи

Социология предполагает рассмотрение социальных явлений как системных объектов, как структуру элементов, функционально между собой связанных. Еще со времен О. Конта традицией социологического анализа стало изучение явлений в статике и динамике. Статические свойства социальных систем неразрывно связаны с категорией пространства, динамические — с категорией времени.

Проблема пространства и времени — философская проблема. В истории философии эта тема всегда была предметом пристального внимания и широкого обсуждения. Разброс мнений здесь (как всегда в философии) предельно широкий (вплоть до полярных), общего знаменателя нет. Вместе с тем даже полярные взгляды на феномены пространства и времени позволяют точнее определить их свойства, лучше понять методологические возможности данных категорий при использовании другими науками, в частности социологией права.

Все многообразие подходов может быть сведено к двум основным концепциям: субстанциальной и реляционной. Согласно первой пространство и время рассматриваются как самодовлеющие сущности, как субстанции, существующие сами по себе. Так, философы-идеалисты отрицают зависимость пространства и времени от материи, рассматривают их либо как формы индивидуального сознания (Беркли, Юм, Мах), либо как априорные формы чувственного созерцания (Кант), либо как категории абсолютного духа (Гегель). С позиции реляционной концепции, напротив, пространство и время — особый род отношений между объектами и процессами, это единство пространства, времени и материи. Данная концепция была подкреплена теорией относительности, которая обнаружила неразрывную связь пространства и времени между собой.

Поскольку обе концепции упираются в неразрешимость главных вопросов философии (о первичности идеального или материального и о познаваемости мира), ни одна из них не может претендовать на абсолютную истину. Вместе с тем каждая из концепций имеет свой эвристический потенциал, который по-своему используют социологи.

К всеобщим свойствам пространства относятся протяженность, начинающая рядоположенность и сосуществование различных элементов, возможность прибавления к каждому данному элементу некоторого

следующего элемента либо возможность уменьшения числа элементов. Протяженной можно считать любую систему, в которой возможны изменения характера связей и взаимодействия составляющих ее элементов, их числа, взаимного расположения и качественных особенностей. В этом смысле пространство всегда связано со структурой материальных систем.

Время одномерно, асимметрично, необратимо и направлено всегда от прошлого к будущему. Его специфическими свойствами являются конкретные периоды существования тел от возникновения до перехода в качественно иные формы, одновременность событий, которая всегда относительна, ритм процессов, скорость изменения состояний, темпы развития, временные отношения между различными циклами в структуре систем¹.

Таким образом, время есть мера фиксации изменения состояний системных объектов. Время не абсолютно, оно меняется в зависимости от структуры и других свойств данных объектов. Любая материальная система существует и развивается по своему собственному времени. Можно выделить космическое время (отражает ритмы Вселенной и Солнечной системы), геолого-географическое (показывает этапы развития Земли), биологическое (ритмы жизни живых организмов) и, наконец, социальное время (фиксирует процессы, проходящие в обществе). Пространства физического, биологического и социального миров имеют свое собственное время.

Разделить пространство и время различных системных объектов можно только в сфере мысли, умозрительно, в реальности мы имеем наложение различных видов времени и пространства друг на друга. Так, социальное пространство и время, безусловно, имеют свою специфику и вполне могут рассматриваться автономно, без учета действия космоса и биосферы (например, историческая наука, как правило, так и делает). Однако человек, общество — неотъемлемые части природы и космоса, и на них в полной мере распространяются особенности пространства и времени этих глобальных систем. Задача социологического исследования как раз и состоит в том, чтобы дифференцировать пространственно-временные характеристики различных объектов и устанавливать их взаимодействие и взаимовлияние.

Пространство и время социальных систем отличаются значительными особенностями, важнейшая из которых — одновременное существование в материальной и идеальной сферах. В качестве эмпирических объектов социальные системы обусловлены двумя главными факторами — инстинктами и материальными интересами людей. Индивидуальное и массовое поведение приобретает форму стандартов и процедур прежде всего под воздействием факторов, влияющих на физическое выживание людей как биологического вида. Производство, власть, брачно-семейные отношения не терпят хаоса, здесь человек всегда стремился

¹ См.: Пространство и время // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 519—521.

к регламентации, упорядоченности поведения. Иными словами, в материальной жизни человеческих коллективов господствуют детерминизм, причинно-следственные связи, что делает их сходными с природными процессами. В этом случае пространственно-временные характеристики социальных систем вполне сопоставимы с обычными физическими величинами. Народы, страны и государства занимали или занимают вполне определенную территорию и в конкретное время.

Совсем другое дело — идеальная, духовная сторона жизни людей, включающая рациональный и иррациональный компоненты. Сознание и бессознательное в человеке — особая сфера, где детерминистские связи во многом утрачивают свою роль, а воля, эмоции и интуиция приобретают первостепенное значение. Сознание и воля творят свой собственный, человеческий мир, мир культуры, качественно отличающийся от мира природы. Здесь пространство и время отличаются такими свойствами, как бесконечная вариативность, уникальность, субъективность. Видов пространства и времени может быть столько, сколько существует человеческих коллективов. Каждая социальная система способна породить свое собственное представление о пространстве и времени.

Сложность для социологии права состоит в том, что при анализе пространственно-временных характеристик политико-правовых явлений необходимо учитывать наложение материальной и идеальной сфер жизни. Если рассматривать государство и право как материальные системы, следует использовать номотетический метод (поиск закономерностей), если подходить к ним как к идеальным системам — идеографический (описательный).

Возьмем, например, такое фундаментальное свойство времени, как необратимость. Если рассматривать государство и право как материальные системы, время их развития действительно необратимо. Время необратимо в том смысле, что факт, случившийся ранее, невозможно ни отменить, ни изменить. Например, такие явления политической жизни, как государственный переворот, революция, гражданская война, крах империи, имевшие место в истории страны, невозможно ни предотвратить, ни изменить, ни сделать бывшее не бывшим. Можно пытаться бороться с последствиями этих явлений, снова восстановить империю и посадить на престол свергнутого монарха, но это будет уже другой отрезок времени. Время распространяет свое абсолютное господство над людьми, а значит, и над институтами, ими созданными. В эмпирической жизни по-другому не бывает.

Если обратиться к области сознания и подсознания, то необратимость времени не кажется такой абсолютной. Мысленно мы вполне можем переместиться в прошлые эпохи и заново пережить тот или иной исторический факт, быть участником или наблюдателем того или иного исторического события. Отдельные индивиды, большие и малые социальные группы в своем сознании могут многократно, бесконечное количество раз возвращаться во времени в прошлое, доказывая тем самым его обратимость. Так, историческая память народов постоянно возвращает их к социальным катаклизмам, оказавшим влияние на их судьбу.

В известном смысле общественное сознание более консервативный феномен, чем эмпирические формы социального бытия. Например, современная Европа по основным своим параметрам (наука, техника, быт, семейные отношения, государственное устройство, право) значительно отличается от эпохи Средневековья, так что есть основания говорить даже о двух разных цивилизациях. Вместе с тем архаичные пласты общественного сознания западных европейцев постоянно проявляют себя. Что такое прецедентное право как не бесконечный возврат в свое прошлое? Судья, решающий дело согласно прецеденту трехсотлетней давности, как бы обращает современность вспять, в который раз воспроизводя стереотип средневекового поведения и мышления. В прецедентной системе права время (а с ним и общественная практика) двигается назад, а не вперед. Другой пример — нацистская Германия. В стране высокой культуры и духовности вдруг проснулось сознание древних германцев, обуреваемых страстью разрушения и завоевания. Третий рейх продемонстрировал движение немцев вспять, к своим истокам, обнаружил их стремление сломать необратимость времени.

История изобилует примерами, когда консервативное сознание сдерживает социальное развитие, потому что сознание все еще находится в прошлом. История, государство и право вполне могут поворачиваться вспять, если сознание людей обращается назад и хочет восстановить прошлое. В этом проявляется специфика социального времени.

Важная особенность социального времени — его неравномерность. Исторические эпохи, культуры и народы отличаются друг от друга во многом потому, что у них разная скорость протекания времени, разные его темп и ритм. Социальное время способно ускоряться, как бы уплотняясь при этом, или замедляться вплоть до впечатления его полной остановки. Так, этнология знает много первобытных народов, появившихся тысячелетия назад и остановивших свое развитие на стадии каменного века. Народы Запада и Востока отличаются друг от друга, в частности, скоростью протекания времени. На мусульманском Востоке время не просто движется медленно, оно там специально тормозится и даже обращается вспять, чтобы уйти в VII век — время возникновения ислама. Народы Запада, напротив, руководствуясь идеей прогресса и стремясь к новшествам и усовершенствованиям в области науки, техники и общественных отношений, постоянно ускоряют ритм жизни. Процессы глобализации несколько выравнивают скорость протекания времени, но в основном между многими странами и регионами различие в восприятии времени продолжает оставаться существенным.

Признание неравномерности времени — важная методологическая посылка для, например, сравнительного правоведения и государствоведения. Наличие собственных часов, собственного критерия времени в той или иной правовой культуре говорит нам о ее самодостаточности и самоценности. Всякая самобытная культура вырабатывает собственные критерии своей оценки. Так, социолог права, сопоставляя, например, мусульманское право и англосаксонское, неизбежно оказывается в затруднительном положении: сравнить нормы, институты и процедуры

двух правовых систем, базирующихся на противоположном (во многом) мировоззренческом и культурном опыте. Здесь всегда возникает соблазн вольно или невольно возвысить одну правовую систему над другой, что будет, конечно, отступлением от принципов подлинной социологической науки.

Для социолога права имеет значение проблема прерывности и непрерывности социального пространства и времени. Пространство и время одновременно прерывны и непрерывны. Они прерывны, поскольку каждая социальная система уникальна, пространство и время заканчивают свое существование со смертью конкретного социального объекта. Однако пространство и время также непрерывны в той мере, в какой непрерывна человеческая жизнь на земле. Отдельные народы, пройдя полный цикл своего развития, исчезали из истории, унося за собой свое социальное время, тем самым прерывая его. Вместе с тем человечество в целом до настоящего времени демонстрирует свою неуничтожимость, а значит, и непрерывность во времени.

Прерывность и непрерывность во времени зачастую причудливым образом взаимодействуют, что наглядно представлено, например, в русской истории. Российская государственность как протяженный во времени и в пространстве феномен имела различные формы: Киевская Русь, Московское царство, императорская Россия, думская монархия, буржуазная республика, Советская власть и, наконец, современная Россия. Формы разные, а политическое тело одно, формы демонстрируют прерывность, а политический организм в целом — непрерывность.

На первый взгляд мало общего между эпохой Московского царства и современным Российским государством, между советской эпохой, прервавшей время русского феодализма, и императорской Россией. Вместе с тем все формы российской государственности базировались на неизменных ценностях русского народа: преклонение перед властью, патернализм, идея великодержавия. Вектор русской истории всегда указывал и продолжает указывать на авторитаризм как неизменную модель нашей власти. История русского государства и права не прерывалась в том смысле, что и в условиях современной Российской конституции, провозгласившей демократические (западные по своей природе) ценности, народ России продолжает жить по нормам феодальной Руси. Нормы права и императивы власти, не записанные на бумаге, а действующие в реальной жизни, во многом продолжают оставаться средневековыми. За современным, цивилизованным (казалось бы) гражданским и уголовным законодательством, стоит архаика русского средневекового правосознания представителей власти и подвластных (ведь это один народ). Правоприменительная практика — яркое тому подтверждение. Здесь русская история, политико-юридическая деятельность русского народа обнаруживают свою несомненную непрерывность.

Глядя на механизм правового регулирования в современной России, не раз вспомнишь классиков социологии права (Е. Эрлих, Л. И. Петражицкий, М. Ориу), которые констатировали неустранимый разрыв между официальным законодательством, исходящим от государства,

и нормами, спонтанно рождающимися в обществе и его институтах. Если в законодательстве отражаются цели, провозглашенные государством, то в нормах, созданных самими социальными группами, — глубинные традиции народа. Между этими нормативными системами всегда существует конфликт (в большей или меньшей степени), где победителем, как правило, выходит архаичная нормативность широких народных масс.

Тема времени связана также с проблемой настоящего, рамки которого весьма подвижны. Всякое настоящее относительно, утверждает польский социолог П. Штомпка, так как реальность постоянно меняется. Строго говоря, настоящего не существует, поскольку социальные процессы имеют длительность и в каждый рассматриваемый момент непрерывно переходят из будущего в прошлое, они уже в прошлом или больше уже не в будущем. Как бы ни была мала взятая нами шкала времени, всегда есть движение, поток, а не замороженное состояние¹.

Политико-юридическая деятельность, происходящая в настоящем, творит историю, связывая будущее с прошлым. Так, закон, принятый сегодня, сразу же становится достоянием истории и намечает вектор развития в будущем. Осознание этого факта повышает ответственность власти за свою деятельность. Здесь уместно вспомнить гегельяно-марксистский тезис о перерастании количества в качество. Постоянно меняющееся время, фиксирующее смену и накопление событий (пусть даже микроскопического значения), рано или поздно способно привести к качественному изменению социальной ситуации. Политико-юридическое событие оказывается внезапным лишь для невнимательного наблюдателя, неожиданность его появления часто бывает подготовлена всем ходом предшествующих событий.

Время плотно вплетено в ткань политико-юридической деятельности. Так, есть тесная связь между временем, институтами и порядком их функционирования. Длительность существования института влияет на его восприятие со стороны населения: чем древнее институт (парламент, суд, церковь), тем больше вызывает доверия. Пребывание президента, правительства или парламента сверх установленных сроков способно породить в обществе мысль об узурпации власти. Имеют значение сроки совершения государственного переворота: затянувшийся государственный переворот может быть истолкован противниками, обществом и международным сообществом как начало поражения и сыграть против заговорщиков. Благодаря времени формируются юридически значимые сроки: сроки содержания под стражей, расследования уголовных дел, рассмотрения дела в суде; время и организация производства, труда, отдыха, быта; брачный возраст, возраст совершеннолетия, возраст, с которого наступает юридическая ответственность, и т. д.

Социолог права редко оперирует категорией «вечность», поскольку его внимание, как правило, сосредоточено на обозримых, поддающихся анализу, отрезках времени. Социолог использует конечные величины.

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 70.

Вечность — философская категория, введенная для обозначения бесконечности времени, пространства и материи, и на первый взгляд социологу не нужная. Вместе с тем вечность подчеркивает временный характер любой социальной системы, всегда ограниченной по протяженности и длительности своего существования. Социальный объект, помещенный в контекст вечности, воспринимается более реалистично, без ненужных фантазий и домыслов. Когда социолог, рассматривая государство и право, помнит об их конечности и в относительном, и в абсолютном отношении, его мысль наполняется здоровым скепсисом и холодной строгостью. Открытые им функциональные зависимости представляются ему не универсальными, а ограниченными временем и пространством. Кроме того, категория вечности заставляет социолога права искать смысл функционирующей системы, без чего в социологическом исследовании все-таки обойтись нельзя.

Социальные изменения

Социальное изменение — одно из базовых понятий современной социологии, означающее факт перемены системного объекта безотносительно к его направленности. Под социальными изменениями, утверждает П. Штомпка, понимается различие между состояниями одной и той же системы на протяжении некоторого отрезка времени. Он приводит еще три определения социального изменения:

«социальное изменение — это происходящее с течением времени преобразование в организации общества, образах мышления и образцах поведения»;

«социальное изменение означает “наблюдаемые с течением времени различия в отношениях между индивидами, группами, организациями, культурами и обществами”»;

«социальные изменения являются чередованием во времени поведенческих образцов, социальных взаимосвязей, институтов и социальных структур»¹.

Изменение — универсальное свойство всех материальных и идеальных систем. С точки зрения материализма невозможно представить себе природный или социальный объект, не способный к изменению. Религиозно-идеалистическое мировосприятие допускает существование неизменных субстанций — например, Бога. Данные современной науки дают основания полагать, что любой социальный институт или общество в целом подвержены изменениям, которые, правда, проходят с разной скоростью, темпом и ритмом.

В контексте теории систем всякий социальный институт может быть рассмотрен в статике и динамике, как структура и как совокупность функций. Структура обеспечивает стабильность института, функции влияют на его возможные изменения. Поскольку институт занимает какое-то пространство на протяжении некоторого отрезка времени, он

¹ Штомпка П. Указ. соч. С. 23.

обладает относительно устойчивой структурой. Именно наличие структуры взаимосвязанных элементов позволяет говорить о существовании системного объекта. В противном случае мы имели бы дело с неуловимыми потоками разного рода вещества. Функциональное взаимодействие элементов между собой и системного объекта в целом со средой предопределяет неизбежные изменения данного объекта (прежде всего его структуры). Таким образом, устойчивость и изменение представляют собой единство двух противоположных свойств социального института. Изменение системного объекта является таким же его сущностным свойством, как и структура.

В классической социологии статика и динамика — равноправные атрибуты системного объекта. Однако, как полагает П. Штомпка, многие современные социологи поставили под сомнение такую дихотомию и посчитали необходимым сделать основной упор на динамических свойствах объекта.

Общество, согласно их точке зрения, должно рассматриваться как постоянно длящийся поток событий различной скорости, интенсивности, ритма и темпа. Общество может быть определено как существующее лишь постольку и до тех пор, пока внутри него что-то происходит, идут какие-то процессы; оно не может существовать в неизменном состоянии. Общество должно рассматриваться не как жесткая, твердая система, а как мягкое поле межличностных взаимоотношений. Такое межличностное поле находится в постоянном движении, оно расширяется и сжимается (например, когда индивиды проникают в него, или покидают его), усиливается и ослабляется (когда меняется качество взаимосвязей), сгущается и распыляется (например, когда в нем возникает лидер или когда лидер уступает свои позиции), смешивается с другими сегментами поля или дистанцируется от них (например, когда образуются коалиции и федерации).

То, что социальные институты существуют в качестве реального объекта, — иллюзия, реальны только процессы, а не формы, не жесткие модели. При таком подходе «событие» становится мельчайшей фундаментальной единицей социологического анализа, причем под событием имеется в виду любое моментальное состояние социального поля (либо его сегмента). Между двумя точками во времени, как бы близки они ни были, движение не останавливается. Как бы мы ни сужали шкалу, ограничивая временное расстояние между двумя «срезами», или «моментальными фотографиями», общества, это расстояние всегда будет заполнено изменениями. Они происходят непрерывно, и любые два состояния социокультурного поля — и практически совпадающие по времени, и отдаленные — будут качественно различны. Следует вспомнить известную метафору Гераклита о реке, в которую нельзя вступить дважды, поскольку это будет уже другая река. Лишь по взаимному согласию мы можем в своем воображении «заморозить» некоторые важные для наших практических нужд состояния, рассматривать их в качестве

единичных событий и говорить об изменениях или процессе как о последовательности таких замороженных, дискретных точек¹.

Такая позиция отличается крайностью, но она позволяет понять всю значимость социальных изменений для социологического исследования.

Когда речь идет об изменениях, то имеются в виду не все они, а только те, которые меняют качество социального объекта (либо в целом, либо в отдельной его части). Например, прием и увольнение государственных служащих — повседневный, рутинный процесс, который при прочих равных условиях принципиально не меняет функционирования органов государственной власти. С обыденной точки зрения текучесть кадров — несомненное свидетельство изменений, так как в госаппарате работают другие люди. Однако для социологии — это не те изменения, которые способны повлиять на системные свойства институтов государства. Другое дело, если в массовом порядке уходят квалифицированные специалисты, а на их место принимаются люди без специального образования и опыта работы. В этом случае органы представительной, исполнительной или судебной власти существенно снизят эффективность деятельности, т. е. изменят свое качество как системные объекты.

Для социолога права сложность задачи состоит в том, что политико-правовые институты и связанные с ними процедуры отличаются многообразием, многоуровневым характером и сложным взаимодействием. Изменения, имеющие разную природу, накладываясь друг на друга, существенно затрудняют установление подлинных причин трансформации социальных институтов. Так, например, коррупция, достигшая во всех институтах современного Российского государства небывалых ранее размеров, стала следствием как минимум трех факторов: 1) изменения экономики страны; 2) изменения природы государственной власти в России; 3) изменения сознания общества. Понятно, что на коррумпированность госаппарата повлияли все три причины. Вопрос: в каком соотношении и какой последовательности? Ответы на эти вопросы дали бы возможность установить очередность задач в борьбе с коррупцией.

Социальные изменения (в том числе государства и права) могут быть классифицированы по видам, типам и формам.

Виды социальных изменений могут быть краткосрочные и долгосрочные, частичные и социетальные (касаются всего общества), изменения на макро-, мезо- и микроуровнях. Краткосрочные изменения имеют место на относительно небольшом отрезке времени (реорганизация госаппарата, реформа избирательного законодательства, перестройка политической системы), долгосрочные могут длиться годами и веками (характер взаимоотношений населения и власти, особенности внешней и внутренней политики, этика государственной службы). Частичные изменения связаны с какой-то одной сферой политико-правовой жизни (деятельность органов прокуратуры, полиции или органов государствен-

¹ См.: *Штомпка П.* Указ. соч. С. 26—31.

ной безопасности), социетальные проявляются в более широких сферах (функционирование госаппарата в целом, состояние правопорядка, законности, общественной и государственной безопасности). Изменения на микроуровне отражают взаимоотношения индивидов внутри малых социальных групп (районное отделение полиции, отдел министерства, департамент аппарата правительства). Мезоуровень характерен для госаппарата или политической системы страны в целом. Макроуровень означает рассмотрение политико-правовых институтов на фоне глобальных изменений в мире как их органическая часть.

Типы социальных изменений классифицируются в зависимости от характера изменений: 1) изменение структуры; 2) изменение функций; 3) изменение подсистем; 4) изменение мотивов индивидуальной и коллективной деятельности; 5) изменение условий существования системы.

Изменение структуры и функций системных объектов — важнейшие среди прочих. Структурные и функциональные изменения можно и нужно рассматривать автономно друг от друга, но следует понимать их неразрывное единство, что, собственно, и дает качественное изменение. Например, изменение структуры правительства в сторону сокращения или увеличения числа министерств с неизбежностью влечет за собой перераспределение функций. Можно представить себе ситуацию, когда структура министерств остается прежней, а их функции перераспределяются, что также может вести к изменению свойств всей исполнительной власти (она становится более или менее эффективной).

Изменение подсистем — также один из заметных факторов, влияющих на изменение системы в целом. Каждый из элементов хотя и связан со всей системой, имеет автономную историю возникновения и функционирования, свои собственные каналы влияния на систему. Так, правовая система общества включает в себя право (источники права, правоприменительные акты, акты толкования), государство (правотворческие, правоприменительные, правоохранительные органы), правосознание, правовую культуру, правовые идеалы, обычаи, традиции, правоотношения, правопорядок. Считается, что ядром правовой системы является право, которое, по мнению многих, объединяет вокруг себя остальные подсистемы и задает им основные параметры. На самом деле это не совсем так.

Действительно, правовая система есть совокупность элементов, в той или иной степени связанных с правом. Для феномена правовой системы показательна та роль, которую играет в ней право. Для огромного числа стран в прошлом и настоящем эта роль крайне незначительна, право там является функцией власти, не имеет самоценного, самодовлеющего характера. Только в современных странах Запада право выступает одним из системообразующих центров общества, и, соответственно, правовая система там может претендовать на относительно самостоятельную роль. Во всех остальных случаях правовая система — условность, так как основное влияние на нее оказывает отнюдь не право, а другие подсистемы: государство, традиции, обычаи, правосознание. Правовая система — яр-

кий пример того, как изменение подсистем влечет изменение всей системы помимо системообразующего ядра.

На изменение социальных систем заметное влияние оказывают мотивы индивидуальной и коллективной деятельности. Так, в Европе за последние две тысячи лет последовательно сменилось три формации (пользуясь терминами К. Маркса): античная, феодальная, капиталистическая. К. Маркс убедительно показал, что именно сила материальных интересов лежала в основе данных изменений: более высокая производительность труда, возможность получать более высокую прибыль сначала разрушили рабовладельческую систему, затем — феодальную. Капитализм победил и продолжает оставаться самой эффективной экономической системой, потому что обеспечивает наивысшую материальную выгоду и буржуазии, и наемным работникам. Отсутствие материальной мотивации в решающей степени стало причиной разрушения СССР, его политической, правовой и экономической систем. Трудящиеся страны Советов и руководящая ими партийная и советская номенклатура не были в конечном счете заинтересованы в повышении производительности труда.

Один из ключевых факторов, влияющих на изменение социальной системы, — изменение условий ее существования. Пример тому — брачно-семейные отношения и нормы, их регулирующие. Традиционализм и религиозность европейского и русского средневекового быта как нельзя лучше способствовали сохранению семьи и строгой регламентации семейных отношений. Современной женщине вряд ли понравятся нормы «Домостроя», ставящие ее в полную зависимость от мужа, но для сохранения института семьи это имело благотворное значение. Индивидуализация культуры, европейской и русской, приведшая к юридическому освобождению женщины, поставила под угрозу институт семьи. Современная семья на Западе или у нас — это договор двух равноправных партнеров, которые рвут отношения в случае умаления комфорта одной из сторон. Основа современной семьи — не религиозный страх, обычай предков и чувство долга, а стремление получить максимальный комфорт, удовольствие, материальные и нематериальные блага. Логичный результат освобождения женщины — разрешение государством гомосексуальных браков, отрицающих и здравый смысл, и законы природы. Не случайно именно лесбиянки всегда оказывались (и оказываются) на передовых рубежах борьбы за права женщин. Разрушение института семьи — красноречивый симптом начавшегося упадка всей западной цивилизации.

Социальные изменения могут проходить в форме эволюции и революции, прогресса и регресса, могут быть линейными, нелинейными, циклическими и т. д.

Совокупность социальных изменений, связанных между собой, последовательно наступающих друг за другом и ведущих к изменению системы в целом, называют социальным процессом. Существует доволь-

но много их классификаций, одну из наиболее детальных предложил П. Штомпка¹.

Различают два основных вида процессов — направленные и ненаправленные.

Направленные процессы необратимы, часто имеют тенденцию к концентрации, накоплению, каждая последующая стадия отличается от любой более ранней и включает в себя ее результат, каждая более ранняя стадия подготавливает необходимость более поздней. Ненаправленные процессы характерны либо случайностью, либо повторяемостью.

Направленные процессы подразделяются на линейные (постепенные) и нелинейные (предполагают качественные скачки). Линейные, в свою очередь, делятся на однолинейные (процесс придерживается одной траектории) и мультилинейные (процессы идут по нескольким альтернативным траекториям). Однолинейные процессы могут быть восходящими (прогрессивными) и нисходящими (регрессивными).

Понятно, что такое деление очень условно, а виды направленных процессов накладываются один на другой, пример чему — становление демократии в мире. Развитие демократических институтов — процесс одновременно и линейный, и нелинейный. Линейный в том смысле, что за последние несколько веков демократия неуклонно наращивает свои позиции и в странах Запада, и в мире в целом. Но развитие демократии идет также и нелинейным путем, так как зачастую она устанавливалась в результате борьбы, войн и революций. Народы Западной Европы переходили к демократии в основном одним способом (однолинейно) — посредством буржуазных революций. В других странах мира — очень часто вследствие военного вмешательства (Япония после Второй мировой войны), что демонстрирует мультилинейность демократического процесса.

Поскольку прогресс и регресс — оценочные категории, демократию можно рассматривать и как восходящий линейный процесс, и как нисходящий. Славянофилы, например, считали демократизацию губительной для России, а западники, напротив, — спасительной.

Среди ненаправленных процессов различают случайные (имеют хаотический характер) и циклические. Пример случайного процесса — становление романо-германской правовой системы в странах Латинской Америки или отдельных странах Африки, где политико-правовые институты создавали страны-колонизаторы. Дело случая, что индейские племена американского континента по большей части подпали под влияние Испании и Португалии. Во многом дело случая — процесс формирования политико-правовой культуры России. Сначала — хаотичный выбор христианства в его византийской форме, а с ней — и многих традиций Восточной Римской империи. Затем — нашествие монголов, государственный опыт которых был воспринят русскими князьями.

С большой долей условности циклические процессы можно разделить на процессы замкнутого цикла и открытого цикла (спиралевидные). Процессы замкнутого цикла могут быть регулярными (равные фазы),

¹ См.: Штомпка П. Указ. соч. С. 31—44.

ускоряющимися (все более укорачивающиеся фазы) и замедляющимися (все более удлиняющиеся фазы). Регулярный замкнутый цикл на исторически коротком отрезке времени демонстрирует работа парламента, его законодательный процесс. Ускоряющиеся и замедляющиеся циклы просматриваются в таком универсальном явлении, как преступность.

Процессы открытого цикла делятся на восходящие (прогрессивные) и нисходящие (регрессивные). Процесс гибели и возникновения государств напоминает циклический с тенденцией восходящего развития. Государства рушились и возникали всегда (это — своеобразный цикл), но с одной общей тенденцией: государство как институт становится все более сильным, совершенным и эффективным. Так, в XIX в. появляется тип государства, опирающийся не на сословия, а на регулярную армию, полицию и чиновничий аппарат. Такие государства также разрушаются, но это не отменяет общей тенденции. Пример цикла с нисходящей тенденцией — периодическая апелляция власти к непосредственной демократии (особенно в кризисных ситуациях) с постепенным затуханием последней (что демонстрируют современные страны Запада).

По характеру движущих сил социальные процессы разделяются на эндогенные (их причины находятся внутри самого процесса, внутри системы) и экзогенные (причины находятся вне процесса, процесс является ответной реакцией на эти внешние причины), спонтанные (возникают снизу, сами по себе) и спланированные (идущие сверху).

Результатом социального процесса может быть либо трансформация (появление социальной системы нового качества), либо репродукция (воспроизведение системой самой себя, своих элементов или качеств). Репродукция возможна в виде простой репродукции (воспроизведение системы в неизменном виде), расширяющей (воспроизведение системы с ростом количественных показателей), уменьшающей (воспроизведение системы с уменьшением количественных показателей).

Социальное развитие

Социальное развитие — разновидность социального изменения. В отличие от изменения развитие характеризуется необратимостью, направленностью и закономерностью. *Необратимость* означает невозможность, неспособность системного объекта вернуться в одну из фаз его прошлого состояния. Последующая фаза системного объекта никогда не повторит его предыдущих стадий (в отличие от циклического изменения). *Направленность* предполагает определенный вектор социального изменения. Сама природа социальных отношений двигает их вперед в своем развитии. *Закономерность* социального развития складывается из последовательных этапов, каждый из которых предопределяет свойство последующего. Последовательность исторических событий и периодов собственно и задает направленность социальному процессу и делает его необратимым.

Если изменение может и не вести к появлению нового качества объекта, то в результате развития социальная система всегда меняет свое

качество. В системном объекте меняются структура, функции или общая устойчивость (способность к выживанию и дальнейшему развитию).

Социальные системы развиваются либо в сторону своего совершенствования, либо — деградации. Сложные системы могут сочетать в себе обе тенденции.

Источник развития может находиться внутри системы или вне ее. Отдельные авторы полагают, что только в первом случае происходит подлинное развитие социальной системы. Во втором — мы имеем дело с адаптацией, реакцией на внешние изменения¹. Думается, что и эндогенные, и экзогенные источники в одинаковой мере могут быть причиной социального развития.

История человечества, отдельных обществ и его институтов демонстрирует нам развитие как свое абсолютное качество. Есть в социальных системах локальные зависимости и циклы, но в целом история общества, государства и права уникальна. История никогда и нигде дважды не повторилась. Нет, не было и не будет двух одинаковых обществ, государств или правовых систем. Государство и право одной страны на разных исторических отрезках своего развития также различны. В этом смысле история общества, государства и права необратима, отличается направленностью и закономерностью.

Развитие государства и права предполагает смену их качества, что одновременно указывает на направление развития — совершенствование или деградацию. Здесь встает вопрос о пределах и сроках развития социальных систем, что переводит социологию права в область философии. Нет сомнений, что существование любого социального организма конечно, а пределы его роста ограничены собственной природой и внешней средой. Свойства человека и человеческих коллективов имеют некие неизживаемые константы, которые и задают основные параметры политико-правовым институтам. Качество государства и права есть результат бесконечно многообразного сочетания конечного ряда человеческих свойств. И совершенствование, и деградация политико-правовых институтов определяются одними и теми же человеческими свойствами, но в разных сочетаниях. Преобладание одних свойств над другими на том или ином историческом этапе формирует магистральную тенденцию развития. Например, Римская империя распалась не только под ударами варварских племен, изменилось качество человеческого материала данного социального организма.

В истории социологии тема развития получила свое оформление в виде двух основных концепций, объясняющих динамику социальных процессов, — эволюционизма² и исторического материализма.

Эволюционизм появляется в XIX в., когда становление профессиональной социологии совпало с бурным ростом естественного знания. Социология, претендовавшая на статус подлинной и основной

¹ См.: Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2008. С. 458.

² *Эволюция* (от лат. *evolutio* — развертывание), в широком смысле — синоним развития; процессы, изменения (необратимого), протекающие в живой и неживой природе, а также в социальных системах (см.: Философский энциклопедический словарь. С. 754).

социальной науки, стремилась к строгости и формализации подобно тому, как это было в естествознании. Образцом для подражания стала биология, где (как и в социологии) использовался структурно-функциональный подход. Понимание явлений должно было идти по пути изучения их структуры и функций ее элементов. Проведение аналогии между биологическими организмами и обществом и его институтами казалось весьма плодотворным в социологических исследованиях. Кроме того, социология заимствовала из биологии одну из центральных ее идей — эволюцию растительного и животного мира.

Один из основоположников эволюционизма Г. Спенсер обосновал его следующим образом. Реальность в своей основе материальна, она представляет собой единство материи, энергии и движения. Эволюция есть основополагающий и единый принцип всей реальности — природы и общества, это переход от хаотичной гомогенности (однородности) к гетерогенности, что сопровождается процессами рассеяния движения и интеграции материи. Достигается эволюция средствами структурно-функциональной дифференциации: 1) от простоты к сложности; 2) от аморфности к четкости; 3) от гомогенности к гетерогенности; 4) от текучести к стабильности. В основе механизма социальной эволюции лежат три фактора: 1) неравенство людей (по происхождению, собственности, способностям и др.), что рождает социальную дифференциацию; 2) существование тенденции к усилению неравенства; 3) стремление людей, занимающих одинаковое положение, к объединению, что ведет к появлению социальных групп, которые начинают охранять свое особое положение. Все это делает невозможным возврат к гомогенности.

В той или иной степени социология права также восприняла идею эволюции как некую универсальную форму развития политико-правовых институтов.

Представители классического эволюционизма (Г. Спенсер, Э. Б. Тайлор, Л. Морган, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Л. Ф. Уорд) придерживались ряда общих положений, которые использовались (и еще используются) при рассмотрении государства, политики и права. Базовый тезис — единство человечества и его истории, которое представляет собой цепь закономерных, следующих друг за другом этапов. В результате развития социальной антропологии и этнологии возникло представление, согласно которому историю ранних периодов жизни человечества можно реконструировать, изучая современные примитивные общества. Делалось допущение, что эволюция современных архаических этносов по каким-то объективным причинам была заторможена и в будущем они догонят более развитые народы.

Хотя тезис о единстве человеческой истории и до настоящего времени продолжает оставаться дискуссионным, в XIX и XX вв. он привел к формированию европоцентризма — позиции, согласно которой государство, право, политический режим, институты семьи и собственности, быт и образ жизни европейцев выступают эталоном, нормой. Всякое отклонение от образца объявлялось отсталостью, с которой необходимо бороться. Государство, право, правовая культура в целом стран Азии,

Африки, Латинской Америки, утверждают эволюционисты, прогрессивно развиваются к демократии и правовому государству, но с большими или меньшими задержками. Отсюда умаление ценности национальной политико-правовой самобытности, нежелание изучать объективно и отстранение неевропейской модели власти и права.

С точки зрения классического эволюционизма государство и право феодальной Европы сменяются более совершенными буржуазными аналогами. Действительно, по многим позициям современные государство и право на Западе отличаются большей силой, эффективностью, делают жизнь человека более безопасной и комфортной. Вместе с тем политико-правовые институты феодальной и современной Европы трудно сравнивать, так как культура, быт и сословное устройство средневекового общества требовали именно того типа государства и права, который тогда установился, он был оптимальным. Классический эволюционизм с его идеей «кумулятивного роста» (последовательное наращивание чего-либо) такие «нюансы» не учитывал.

Социальный эволюционизм XIX — первой половины XX в. в значительной степени опирался на учение Ч. Дарвина. В классическом и постклассическом эволюционизме всегда была сильна биологизаторская тенденция, которая пыталась свести законы развития общества к биологическим закономерностям естественного отбора. Если предметом внимания Ч. Дарвина был естественный отбор в мире животных и растений, то социологи данную концепцию максимально расширили, придав ей форму борьбы народов и рас, а также идей, ценностей, норм, институтов и национальных культур.

За всю историю своего существования социал-дарвинизм навлек на себя потоки критики (часто справедливой), что, правда, не особенно снизило интерес к его идеям. Для социологии права, например, перспективной представляется тема естественного отбора социальных норм, конфликт права с другими социальными регуляторами. Так, представители эволюционной этики (Л. Стефен, Э. Эванс, У. Беджот, Л. Т. Хобхаус, П. А. Кропоткин) утверждали, что человеческая мораль возникает как результат жесткого отбора норм, способных обеспечить выживание человеческого коллектива. Мораль — это не просто проявление «высокого этического духа», она диктуется природной необходимостью. Нормы морали — те же законы природы, хотя и прошедшие через механизм культурной адаптации.

Яркий пример естественного отбора норм — мораль зеков, лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Примечательно, что мораль зеков стала интенсивно формироваться именно в советские времена, когда «архипелаг Гулаг» создал условия для узников, зачастую несовместимые с жизнью. Ад советских лагерей, с ужасающей простотой воспроизведенных в «Колымских рассказах» В. Шаламова, рождал точно такую же жестокую мораль. Мораль зеков — в своей основе «воровская мораль», т. е. нормы, выработанные профессиональными преступниками, «ворами в законе». Эта мораль направлена на поддержание порядка, выгодного прежде всего воровским авторитетам, она оскорбляет достоинство челове-

ческой личности, порой фактически низводит человека до раба, допускает в качестве санкций изощренные издевательства и убийство. Но вместе с тем эта воровская мораль часто оказывается единственным возможным способом организации осужденных на зоне. Чтобы навести порядок в среде закоренелых преступников, чтобы противостоять незаконному насилию администрации лагеря, чтобы выжить в бесчеловечных условиях, необходима именно такая мораль. Нормы зековской морали вытесняют на зоне все остальные, включая нормы права. В борьбе за выживание естественный отбор ведет к победе воровской морали.

Естественный отбор наблюдается и в сфере права. Социологи права давно установили несоответствие между нормами и их реализацией. Всегда, утверждают они, существуют различия между текстом закона и его применением, между нормой права и фактическим поведением людей, между целью закона и фактическими последствиями его применения (Р. Паунд). Иначе говоря, общество, государство, правоохранительные органы, сама практика отбирает те нормы, которые действительно могут работать, фактически регулировать общественные отношения.

Другая сторона проблемы несоответствия между нормами и их реализацией состоит в том, что в сфере реализации права власть фактически творит свое новое право, которым и руководствуется. Так, пресловутые «ножницы» между нормами и их применением в России вызваны по большей части тем, что демократические нормы Конституции РФ показывают свою неспособность регулировать общественную жизнь в стране. Если предположить, что все нормы нашей Конституции о правах и свободах человека, о федерализме, о местном самоуправлении, о разделении властей и независимости суда начнут работать в полной мере, в среднесрочной перспективе наше государство, возможно, прекратит свое существование. Правовая культура и правосознание нашего народа требуют каких-то других норм. Отсюда — особая роль подзаконных актов и особенно норм, фактически сложившихся в сфере управления страной. Борьба за выживание, инстинкт самосохранения, естественный отбор делают свое дело: прекраснодушные нормы Конституции и законов вытесняются нормами, действительно растающими из гуши народной жизни. Оставляем в стороне содержание этих фактических норм, здесь важно только то, что они — работающие нормы. Данные выводы — не идеология, не пропаганда, не ценностные суждения, а констатация факта с точки зрения социологической науки.

Две мировые войны, тоталитарные режимы, слабое восприятие или даже отторжение демократических ценностей неевропейскими народами — все эти явления XX в. продемонстрировали нелинейность, стагнацию или регресс социальных процессов. Практика последнего столетия поставила под сомнение многие положения классического эволюционизма вплоть до его полного отрицания. Только в 50-х годах XX в. эволюционная теория возрождается в виде «неоэволюционизма», который сделал существенные отступления от ранее выдвинутых положений. «В результате неоэволюционизм заметно дистанцируется от классического эволюционизма. Во-первых, центр научных интересов смещается от эволюции

человеческого общества в целом к процессам, протекающим в отдельных цивилизациях, культурах, сообществах (племенах, национальных государствах и т. д.). Во-вторых, основное внимание направляется на причинный механизм, а не на последовательность необходимых стадий. Другими словами, главное значение придается объяснению, а не типологическим схемам. В-третьих, при анализе эволюции используются категориальные, описательные термины, что же касается оценок и аналогий с прогрессом, то их стараются избегать. В-четвертых, сторонники этого направления формируют свои взгляды в виде гипотез, предположений, а не прямых утверждений. В-пятых, изучая социальную эволюцию, ученые принимают в расчет достижения биологических наук»¹.

Человечество едино и развивается в целом поступательно, продолжали утверждать неозолуционисты, но оно разбито на различные народы и государства, имеющие свои собственные векторы развития. Далеко не все страны и народы проходят одни и те же стадии развития, история движется не только путем постепенного накопления духовных и материальных ценностей, но часто скачкообразно в сторону как прогресса, так и регресса. Эволюция социальных институтов имеет не столько спонтанный, независимый от человека характер, сколько осуществляется благодаря активному его вмешательству. Органическое восприятие общества и государства было дополнено пониманием их конфликтности, полярности интересов различных социальных сил.

Учет всех этих и других теоретико-методологических поправок благотворно сказался на научных исследованиях в области общей социологии и социологии права. Так, в теоретико-правовой науке (в известном смысле социологию права можно считать ее частью) прочное место заняла тема о цивилизационной типологии государства и права. Цивилизационный подход, придя из философии, стал полноценным средством в арсенале методологии социолого-правовой науки. Выявление закономерностей эволюции внутри относительно замкнутых правовых и политических систем позволит полнее осмыслить многомерность и разнотлановость феномена политико-правового развития.

Другая основная концепция социального развития — исторический материализм — имеет с эволюционизмом некоторые общие корни. Просветительская философия дала и эволюционизму, и марксизму идею единства человечества и его прогрессивного развития, а европейская историческая наука — представление о поступательных стадиях и углублении социальной дифференциации. Принципиальное отличие от эволюционизма состояло в том, что марксизм (под влиянием диалектики Гегеля) ввел идею скачкообразного, революционного развития мира. По сравнению с эволюционизмом, трактовавшим историю как результат слепой объективной закономерности, марксизм отводил значительно большую роль субъективному фактору — революционному классу (прежде всего пролетариату). Капитализм, утверждали основоположники марксизма, не рождает внутри себя социализма, он лишь

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 152—153.

создает условия для его возникновения. Поэтому необходима воля революционного класса, которая силой свергнет власть буржуазии и, используя диктатуру, начнет строить новое общество.

Методологические возможности исторического материализма в социолого-правовых исследованиях убедительно показали К. Маркс и Ф. Энгельс. Они доказали связь политико-правовой надстройки с другими социальными факторами, в первую очередь — с экономикой. Государство и право, полагали они, есть институты классового господства, средство защиты материальных интересов господствующих классов. В своих работах К. Маркс детально проследил механизм связи рыночной экономики и буржуазной демократии, а Ф. Энгельс в своем известном труде — стадии происхождения государства в связи с дифференциацией общества и борьбой классов.

Одна из выдающихся идей К. Маркса — роль активной творческой личности в деле формирования направления истории и построения нового общества, а значит, и нормативно-властных институтов. Человек и общество, стремясь преодолеть отчуждение друг от друга, должны подняться на новый уровень своего развития и стать подлинно свободными в своем социальном бытии. Следствием такого процесса будут отмирание государства и изменение природы права.

Сегодня, после краха режимов «реального социализма», марксизм на Западе и у нас зачастую низведен либо до плоской радикальной идеологии завистливых маргиналов, либо до наивной, но вредной утопии. Насаждается либеральная идея о ценности государства и права, их высоком нравственном значении и важной социальной роли. Ценность марксизма в том, что он показал неизбежный конфликт между личностью, с одной стороны, и государством и правом — с другой. Для социолога права важно понимать, что человек, нуждаясь в праве и государстве, одновременно испытывает (осознанно и инстинктивно) к этим институтам страх и ненависть. Несомненен факт, что типичный обыватель стран Запада видит в современном цивилизованном правовом государстве врага, сковывающего его свободное развитие. Экзистенциализм и фрейдизм многократно подтвердили тезис марксизма, что буржуазное государство и право воспринимаются населением как репрессивные орудия. Законопослушность народов Запада можно оценить не только как следствие высокой правовой культуры и организованности, но также как потерю ими воли к свободе, творчеству и самобытности. Средний обыватель низведен до уровня банального автомата, механически выполняющего команды власти.

В заключение следует подчеркнуть, что категории изменения и развития, сыгравшие заметную роль в формировании теоретической социологии, обладают большим потенциалом и в социологии права. В настоящее время категории, характеризующие мобильность политико-правовых институтов, далеко не в полной мере используются учеными. Социологи-юристы, ограничившись изучением правотворчества и правоприменения, оставляют функционирование государства и права в широком социологическом контексте на периферии своего внимания. Необходимо расширять диапазон социологии права, осваивать ее новые направления.

ЛЕКЦИЯ 35. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭВОЛЮЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

- Понятие и социальная природа глобализации.
- Глобализм и антиглобализм.
- Влияние процесса глобализации на государство и право: основные факторы и уровни влияния.
- Глобализация и права человека: основные тенденции их развития.

Понятие и социальная природа глобализации

1. Несмотря на довольно длительный период изучения отечественными и зарубежными авторами феномена глобализации и наличия огромной литературы по данной тематике как на русском¹, так и на иностранных языках², в исследовании этой материи все еще остается много спорных и нерешенных вопросов, в том числе касающихся самого понятия *глобализации, ее социальной природы и содержания*.

Констатируя данное обстоятельство, некоторые авторы вполне оправданно акцентируют внимание прежде всего на том, что «глобализм есть *юридически нейтральное понятие*», которое «может быть использовано для разных целей, в том числе и антигуманных»³. Верно утверждается, что юридическое содержание термина «глобализация» ни в какой отрасли права, а также в международном праве не определено, хотя это слово стало модным в конце XX века, когда перед международным сообществом во весь рост встали сложные многоплановые проблемы общепланетарного характера, затрагивающие жизненно важные интересы всего человечества⁴.

Наряду с констатацией факта отсутствия в юридическом лексиконе термина «глобализм» и соответственно отражаемого им понятия в отечественных и зарубежных научных источниках указывается также

¹ См., например: *Кочетов Э. Г.* Глобалистика: Теория, методология, практика. М., 2002; *Глобализация и развитие законодательства: очерки* / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин, 2004; *Биндюков Н. Г.* Глобализация и Россия. М., 2004; *Айбазов Р. У.* Глобализация и эволюция глобализма. Методология. Теория. Практика. М., 2005; *Дергачев В. А.* Глобалистика. М., 2005; *Марченко М. Н.* Государство и право в условиях глобализации. М., 2008; *Сорокин В. В.* Юридическая глобалистика. М., 2009; и др.

² См.: *Politik der Hobalisierung.* Beck U. (Hrg). Frankfurt am Main, 1998; *Greider W.* One World. Ready or Not. N. Y., 1997; *Huntington S.* The Clash of Civilisations and Remaking the World Order. N. Y., 1996; *Palan R., Abbott J.* State Strategies in the Global Political Economy. L., 1999; *Friedman Th.* Understanding Globalization. N. Y., 2000; *Coleman W., Porter T.* International institutions, globalization and Democracy: assessing the Challenges // Global Society. 2000. Vol. 14, № 3; *Drezner D.* Globalization: A Critical introduction // Political Science Quarterly. 2001. Fall; etc.

³ *Витушко В. А.* Некоторые вопросы истории развития глобализма и дифференциализма в праве // Материалы научно-практической конференции «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ». 19 апреля 2001 г. М., 2001. С. 13.

⁴ *Мелков Г. М.* Юридическое содержание термина «глобализация» // Материалы научно-практической конференции «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ». 19 апреля 2001 г. М., 2001. С. 13.

на то, что «глобализм», «глобализация» и другие аналогичные им термины и понятия страдают неопределенностью не только в юридическом, но также и *в социологическом и политологическом планах*. Между тем не только и даже не столько теоретически и методологически, сколько практически важно иметь четкое представление о глобализации как о современном феномене, *оказывающем все более явное и активное воздействие на общественную и государственно-правовую жизнь* всех без исключения стран и народов. Накопившийся опыт показывает, что в отношении одних, наиболее развитых в экономическом, информационном и технологическом плане государств и соответствующих правовых систем глобализм проявляется преимущественно *в позитивном плане*. Что же касается всех остальных государственных и правовых систем, то по отношению к ним он оборачивается зачастую своей противоположной стороной и проявляется *в негативном плане*.

Многочисленные исследования глобализации, проводившиеся отечественными и зарубежными авторами, породили множество различных представлений о ней и определений ее понятий. Причины такой множественности, а вместе с тем и разноречивости, заключаются не только в сложности и разносторонности глобализации, которые практически невозможно охватить и адекватно отразить в одном понятии, но и в различных оценках данного явления. В научной литературе верно подмечается в связи с этим, что «спектр мнений» о глобализации для современного человечества распределяется в интервале от оптимистического плюса до пессимистического минуса через массу компромиссных оттенков¹.

Оптимистическое восприятие явления, именуемого глобализацией, порождает одни его оценки и соответственно определения его понятия, а пессимистическое отношение к данному явлению трансформируется в совсем иные, весьма критические его оценки² и в соответствующие определения его понятия.

В качестве позитивного или весьма близкого к подобному восприятию глобализации может служить, например, такое ее определение, как «развитие экономической и политической взаимозависимости стран и регионов до такого уровня, на котором оказывается возможной и необходимой постановка вопроса о создании единого правового поля и экономического, и политического управления»³.

Негативное, весьма критическое отношение к глобализации просматривается, в частности, в утверждении, согласно которому она «пред-

¹ См.: Коломацкий В. Г. Глобализация и проблемы совершенствования предпринимательской деятельности // Материалы научно-практической конференции «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ». 19 апреля 2001 г. М., 2001. С. 24.

² См.: Barnett R., Cavanagh J. Global Dreams, Imperial Corporations and the new World Order. N.Y., 1998; Shutt H. The Trouble with Capitalism. An inquiry in to the Causes of Global Economic Failure. L., 1999; Экономическая теория на пороге XXI века. Глобальная экономика. М., 2003; и др.

³ Михеев В. А. Глобальная экономика. М., 2000. С. 10.

ставляет собой замысел всех человеконенавистнических сил, выдающих свою деструктивную волю за общечеловеческие ценности»¹. Глобализация рассматривается как «субъективный фактор, выражающий нетерпение антигуманистических сил в их стремлении к мировому господству», а само понятие глобализации «фиксирует кульминацию процессов разгосударствления, обезбожения и расчеловечивания мира, который становится все более бесправным и все более субординационным»².

Наличие различных представлений и оценок такого весьма сложного, далеко не однозначного, внутренне противоречивого феномена, каковым представляется глобализация — явление вполне естественное и понятное. Главное при этом заключается не только и даже не столько в многообразии и разнообразии высказываемых точек зрения и суждений, сколько в их глубокой и разносторонней аргументации.

Не вдаваясь в рассмотрение различных мнений и суждений по поводу определения понятия глобализма, а тем более — его оценок, обратим внимание лишь на такие методологически важные в его определении моменты, как ситемность (относительно «упорядоченный» охват глобализацией различных сфер жизни общества и социальных слоев), динамизм (глобализация — это не статика, а динамика, процесс)³ и собирательность (глобализм — это не единственный, одноразовый процесс, протекающий в какой-либо отдельной сфере, а *совокупность множества процессов*, происходящих в самых различных сферах жизни общества и государства).

Исходя из данных методологически значимых положений, глобализацию можно определить с точки зрения системного подхода как системную, многоаспектную и разноуровневую интеграцию различных существующих в мире государственно-правовых, экономико-финансовых и общественно-политических институтов, идей, принципов, связей, морально-политических, материальных и иных ценностей, разнообразных отношений.

По своему «генетическому происхождению», как справедливо отмечается в юридической литературе, понятие глобализации родственно понятиям универсализма, континуальности, типичности, абстрактности, всеобщности и т. д.⁴ На основе данного понятия, по мнению некоторых авторов, «развивались идеи космополитизма и большевизма». Антиномиями понятия глобализации (глобализма) являются понятия дифференциализма, дискретности, индивидуальности, конкретности и т. д.

2. Рассматривая понятие и природу глобализации, следует заметить, что она как возникший *в рамках мирового социума* процесс является

¹ Сорокин В. В. Юридическая глобалистика. Барнаул. 2009. С. 149.

² Там же.

³ Материалы круглого стола. Актуальные вопросы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 37—52.

⁴ См.: Витушко В. А. Некоторые вопросы истории развития глобализма и дифференциализма в праве // Материалы научно-практической конференции «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ». С. 13.

вполне объективным, никем не инспирированным «извне», естественным процессом, который, однако, как показывает общественно-политическая практика последних десятилетий, особенно после разрушения СССР, пытаются взять под контроль и использовать в своих интересах высокоразвитые в экономическом и технологическом отношении капиталистические государства во главе с США.

Факт социальной природы и объективного происхождения глобализации признается, за редким исключением, практически всеми исследователями рассматриваемого процесса с той, однако, разницей, что одни из них считают, что глобализация всегда была свойственна человеческому роду, с момента возникновения цивилизации. Характерно в этом отношении утверждение одного из авторов о том, что «глобализация — процесс, идущий с ранних стадий развития цивилизаций. Обмен людьми и продуктами культуры (навыками и техническими средствами, растениями и животными) создал человечество». Следовательно, делается вывод: «Сегодня речь идет не вообще о глобальных процессах в развитии человечества, а о специфическом нынешнем этапе — попытке создания Нового мирового порядка. По той мифологии, которая эту попытку идеологически прикрывает»¹.

Другие авторы в вопросе о времени возникновения процесса глобализации исходят из того, что это совершенно новый, до 70—90-х годов XX века неизвестный феномен и что он порожден, с одной стороны, весьма интенсивными экономическими, политическими и иными отношениями, развивающимися между различными государствами, государственными и межгосударственными организациями, а с другой — появившимися в мире и обострившимися к этому времени глобальными, экономическими, экологическими и многими другими проблемами, требующими для своего решения современных усилий государств и негосударственных организаций, таких, как транснациональные корпорации и др.²

Наконец, третья группа авторов, касаясь вопроса о времени возникновения глобализации как явления, придерживается «промежуточного» мнения, согласно которому глобализация — это одновременно и история, и современность. Глобализация, пишет в связи с этим В. Кувалдин, уходит корнями глубоко в историю, и все же это феномен XX века. С данной точки зрения, считает автор, XX век «можно определить и как

¹ Кара-Мурза С. Г. Россия в «глобализирующемся» мире // *Философия хозяйства*. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. № 1 (13). 2001. С. 148—149.

² См.: Шестопал А. В. Философские основы глобалистики: деконструкция и реконструкция всеобщей истории // *Глобальные социальные и политические перемены в мире*. М., 1997. С. 7—17; Грохальски С. Государства в решении современных глобальных проблем (Международно-правовые аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 1—3; Дворянов В. А. Глобализация международной политики: к уточнению понятия // Актуальные проблемы политики и права. Труды Пензенского государственного университета. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 2. Пенза, 2001. С. 23—66.

век глобализации. Поэтому уроки XX века особенно значимы и важны для понимания ее перспектив»¹.

Аналогичного мнения придерживаются и некоторые другие авторы, исходящие из того, в частности применительно к политической сфере жизни общества, что «глобализация является закономерным и естественным моментом, формой проявления эволюционного усложнения политики»².

Однако какого бы мнения ни придерживались те или иные авторы в теоретическом и методологическом отношении, важно, что все они, занимаясь проблемами глобализации, признают ее объектный и естественный характер. Это тем более значимо, что данные черты и особенности процесса глобализации признаются не только теоретиками, но и практиками, государственными и общественными деятелями. Подтверждением этому может служить суждение Президента Казахстана Н. Назарбаева о том, что «глобализация — веление времени, которое невозможно затормозить или отменить» и что она «базируется на тенденциях развития мировой экономики, совершенствования компьютерных технологий, создания единого информационного пространства». Мир, замечает автор, «становится теснее», замыкаться от него бессмысленно. «Другое дело, что процессы глобализации для многих государств могут иметь негативные последствия». Ибо если «для богатых государств глобализация заключается, помимо прочего, в открытии для них рынков других стран», куда они продвигают свою продукцию, то «остальные государства мира, по сути, кормят их рабочих и инженеров, подавляя тем самым свои собственные производства»³.

Что же касается *времени возникновения* глобализации как объективно существующего, естественного явления, то при решении данного вопроса в теоретическом и методологическом плане принципиально важным представляется иметь в виду следующие два момента. Первое — то, что наряду с глобализмом существуют еще такие соотносимые с ним, но все же самостоятельные явления, как регионализм⁴, провинциализм, локализм и др. Их этого следует, что далеко не всякий «обмен людьми и продуктами культуры» носит глобальный, а не локальный (местный) или, скажем, региональный характер. Глобальный характер он приобретает лишь на определенном этапе развития общества, на уровне охвата всех или большинства существующих в мире государств и правовых систем, а также наций, этносов и народов.

Суть второго момента заключается в том, что при определении времени возникновения глобализма следует различать, с одной стороны,

¹ Кувалдин В. Глобализация — светлое будущее человечества? // Независимая газета. 2000. 11 окт.

² Ильин М. В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Глобальные социальные и политические перемены в мире. С. 47.

³ Независимая газета. 2001. 29 апр.

⁴ См.: Нефтьева В., Чернявская В. Развивающийся мир: глобализация или регионализация // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 2. С. 15—19; № 3. С. 123—128; № 7. С. 39—47.

разнообразные условия и предпосылки его становления, которые складываются на разных этапах развития человеческого общества, а с другой — его *различные формы и проявления*. В частности, как справедливо отмечается в научной литературе, необходимо проводить четкую грань между глобализацией как тенденцией, «определяемой мощью цивилизации, ее способностью эффективно проецировать себя в планетарном масштабе, и *глобализмом как определенным цивилизованным стандартом, мировоззрением*, имеющим свои теневые стороны и порождающим собственную антитезу — *идеологию и движение антиглобализма*».

Со значительной долей вероятности можно предположить, что глобализм как тенденция, как естественный процесс, наконец, как предтеча глобализма — «определенного цивилизованного стандарта» и определенного мировоззрения существовал в человеческом обществе и оказывал активное воздействие на государство и право практически всегда, на всех этапах развития человеческой цивилизации¹. Что же касается глобализма — определенного, сформировавшегося явления в виде «цивилизованного стандарта» и «*планетарного*» мировоззрения, то он появляется и соответствующим образом воздействует на национальные государственные и правовые институты лишь на самых поздних стадиях развития мировой цивилизации.

3. В плане раскрытия понятия и социальной природы глобализма следует обратить внимание на то, что это хотя и широко охватывающий, но *неравномерно развивающийся процесс*.

Исследователи проблем глобализации в подавляющем большинстве отмечают, что данный процесс в решающей степени охватывает в настоящее время финансы и экономику, в меньшей степени, хотя и весьма активно, — политику, еще в меньшей степени — духовную жизнь общества, традиции и национальную культуру².

Высказываются отдельные упреждающие суждения по поводу того, что глобализация должна иметь и в будущем широко охватывающий, но отнюдь не всеохватывающий характер. В частности, по мнению некоторых немецких экспертов, она не должна распространяться на культуру, «на сферу художественную», ибо «культура — это форма самовыражения человека, региона, страны», и если ее оторвать от «исторических, национальных, этнических корней, то мы лишимся, пожалуй, главной основы сосуществования народов — диалога культур»³.

Замечания экспертов по поводу исключительно национального характера культуры — вернее, стремление уберечь ее от все более нарастающего глобализма и все более подминающего под себя и нивелирующего национальные традиции и культуру космополитизма — вполне понятные и объяснимые. В связи с этим нельзя не разделить обеспо-

¹ См.: Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of the Contemporary World, Cambridge, 1995. P. 3—18.

² См.: Erdman P. Tug of War. Today's Global Currency Crisis. N.y., 1996; Müller H. Das Zusammenleben der Kulturen. Ein Gegenentwurf zu Huntington. Frankfurt am Main, 1998; Bryan L. The Race for the World. Strategies to build a Great Global Firm. Boston, 2000; etc.

³ Сегодня. 2002. 16 янв.

коенность известного отечественного писателя А. И. Солженицына по поводу того, что в настоящее время «каток нивелировки все жестче прокатывается по особенностям, характеристикам, своеобразию национальных культур и национальных сознаний и, сколь удастся, выглаживает все эти индивидуальные особенности под всемирный (американский, англосаксонский стандарт). Действие этого катка грозит погасить все краски многообразия человечества, всю духовную сложность и яркость его. Этот процесс всеобщей стандартизации по смыслу своему — энтропийный. Выравнивая потенциальные различия, он ослабляет способности человечества к развитию духовному, а вслед и к иным видам развития»¹.

Однако, соглашаясь с экспертами и разделяя обеспокоенность А. И. Солженицына, нельзя упускать из поля зрения тот факт, что процесс глобализации — это объективный, естественный процесс и что для направления его в нужное русло потребуются огромные, а главное — теоретически осмысленные и практически оправданные совместные усилия государств. Между тем объединить эти усилия государств для решения данного вопроса, равно как и для многих других, далеко не просто по ряду причин. Одна из них — разные взгляды на проблему и зачастую противоположные оценки сложившейся ситуации, а также несовместимые друг с другом интересы.

Если, например, представители США самонадеянно заявляют, что сейчас в мире «в разгар» глобализации «у США попросту нет соперников по всем параметрам власти — военному, экономическому, финансовому, культурному (разрядка наша. — М. М.) — и таковых не видно даже на горизонте»², из этого посыла делают далеко идущие выводы о том, что в процессе глобализации, ведущей к созданию нового миропорядка, в качестве неких образцов должны выступать именно американская модель и американские культурные и иные ценности, то эксперты из других стран в отношении уровня развития духовной жизни и культуры в этой стране, а вместе с тем и «американских образцов» придерживаются совсем иного мнения³.

Разумеется, речь при этом не идет о тех российских «экспертах», которые воспринимают США только в восклицательных знаках («Америка — чудо света», «Америка — свободная страна», «Америка — чистая страна» и пр.) и которые широко повествуют об «удивительном американском гуманизме», распространяющемся не только на людей, но и на мышей». Последних, рассказывают эти «исследователи», в Америке «ловят в специальные мышеловки, которые мышь не убивают»; «отвозят в общество охраны животных», где их, «видимо, кормят, поят

¹ Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998. С. 115.

² Независимая газета. 2001. 21 марта.

³ См.: Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / под ред. В. П. Колесова. М., 2002. С. 325—335.

и отпускают на свободу»¹. Не поясняется, правда, «на свободу» — в какой другой свободолюбивый штат или в какую цивилизованную страну.

Имеются в виду серьезные, трезвомыслящие, способные объективно, на основе анализа реальных, а не виртуальных, придуманных «фактов» оценивать действительность и видеть, в частности, то, что в США наряду с несомненными успехами в военно-промышленной сфере и некоторых других областях традиционно существуют «черные дыры» в духовной сфере, в сфере культуры, в «рыночной», весьма далекой от «мировых стандартов» морали и др.². В связи с этим совершенно справедливым представляется замечание А. И. Неклесса о том, что в настоящее время «лидерство США в мире все чаще связывается с экономическим и военным превосходством и все реже с превосходством культурным и моральным»³.

Трудно спорить по поводу высказанного в научной литературе мнения о том, что «США как государство поражены коррупцией больше, чем какая-либо другая страна мира»⁴, но неопровержимым фактом является то, что это далеко не идеальная держава, способная выступить в процессе глобализации в виде некоего образца и увлечь за собой как некая показательная государственно-правовая и социальная модель весь остальной мир.

На фоне множества довольно искренних или явно инспирированных, «верноподданнических» статей и книг об этой благословенной стране нельзя не выделить и не прислушаться к таким риторическим на первый взгляд, но, по существу, весьма симптоматичным и значимым вопросам, исходящим от некоторых западных экспертов, как вопрос о том, «означает ли окончание «холодной войны», триумф одной из супердержав над другой» или же — это все-таки коллапс их обеих». Или такой далеко не бесосновательный и не тривиальный вопрос, как вопрос о наличии «серьезных причин рассматривать США как все более охватываемое *внутренним кризисом* континентальное национальное государство»⁵.

Наряду с широко охватывающим характером глобализации, по всему фронту оказывающей воздействие на общество, государство и право, особо следует выделить также ее *неравномерный характер развития*.

В методологическом плане при этом весьма важным представляется констатировать опережающий характер развития глобализационных

¹ Новая газета. 2002. 6—9 июня.

² См.: Мелков Г. М. Указ. соч. С. 37—43; Щербина В. В. События 11 сентября и контуры формирования нового мирового социального и политического порядка в XXI веке // Философия хозяйства. 2002. № 1 (19). С. 46—65; Gray J. False Dawn / The Delusions of Global Capitalism. L., 1998. P. 3—28.

³ Неклесса А. И. Указ. соч. С. 110.

⁴ Глазунов М. Н. Размышление об экономике бывшего СССР // Философия хозяйства. 2000. № 5 (11). С. 131.

⁵ Calleo D. American's Federal Nation State: a Crisis of Post-imperial Viability? // Political Studies. 1994. № XLII. P. 16.

процессов в сфере экономики по сравнению с другими областями жизни общества, государства и права.

Несмотря на то что экономисты все еще продолжают затянувшийся спор о предельных масштабах, основных тенденциях и границах возможного развития процессов глобализации в экономической сфере¹, с полной уверенностью можно сказать, опираясь на многочисленные факты и мнения экспертов, что в современном «глобальном мире уже сформировался центральный вектор мирового развития — геэкономический»². Последний, как это не может не показаться несколько странным в современном политизированном мире, где издавна сложился некий фетиш политики, оттеснил на вторые роли и геостратегию (военная компонента), которая открыто проявляет себя лишь в «исключительных» случаях (например, в Югославии — «гуманитарные» бомбежки НАТО или в Афганистане — «антитеррористическая» операция США), и геополитику³.

Это означает, что при анализе системы глобализационных факторов, оказывающих повседневное воздействие на современное государство и правовые системы различных стран, следует исходить из того, что наиболее важными из них все более отчетливо выступают *экономические и финансовые факторы*. Именно они прежде всего и во все большей степени сказываются не только на процессе функционирования современных государств и правовых систем, но и на их внутреннем и внешнем облике, а также на тенденциях их развития.

В связи с этим трудно не согласиться с мнением, что «не учитывать факта глобальной экономики сегодня — непростительная ошибка. Еще хуже не видеть качественных от нее изменений»⁴.

В плане нового, глобального уровня соотношения экономики и политики, включая государственный механизм и правовую систему, по сравнению с традиционным национальным уровнем методологически и практически важным представляется иметь в виду не только и даже не столько радикальные изменения, происходящие в силу процесса глобализации в самой экономике, сколько в характере ее воздействия на окружающую социальную, политическую, духовную и иную среду.

Можно спорить по поводу высказанного в научной литературе тезиса, фактически фетишизирующего роль экономики вообще и глобальной, в частности, о том, что глобальная экономика — это «свершившаяся мировая революция нашего века» и что она «становится повсеместно

¹ См.: Коллонтай В. М. Пределы новой экономики // *Философия хозяйства*. 2001. № 1 (13). С. 138—148.

² Кочетов Э. Г. Глобалистика: мировая трансформация и стратегия России (мир как пролог нового ренессанса и преддверие нового человека) // *Философия хозяйства*. 2002. № 1 (19). С. 128.

³ См.: Там же. С. 129.

⁴ Осипов Ю. М. Глобальная экономика: не миф, а реальность, хотя и трансцендентная // *Философия хозяйства*. 2002. № 2 (20). С. 13.

правляющей системой»¹. Однако свершившимся и неоспоримым фактом является то, что глобальная экономика вкупе со сложившейся мировой финансовой системой «начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как доминирующая система управления обществом, как политика и даже идеология наступающей эпохи, становясь, по сути, новой властной системой координат»².

Разумеется, в настоящее время речь не идет о полной замене политической (государственной) власти — власти государственной бюрократии и международного политического «эстаблишмента» — финансово-экономической властью, олицетворяемой национальными и транснациональными финансово-экономическими кругами, ибо трудно себе представить хорошо организованный национальный и транснациональный рынок без правовых императивов (правил игры), а также без силовых и ряда других государственных структур. Имеется в виду лишь давно наметившаяся на национальном и мировом уровне, а в конце XX — начале XXI века резко усилившаяся в связи с глобализацией экономики и других сфер *тенденция к укреплению фактической власти финансово-экономической «элиты»* и к переливу власти из политических (государственно-правовых) мехов в финансово-экономические. Это легко можно увидеть на примере современной России, правящие круги которой в значительной степени зависят от конъюнктуры международного рынка и национальных, именующих себя «олигархами», финансово-экономических групп, а также на примере многих других цивилизованных и нецивилизованных стран³, охваченных национальным и транснациональным рынком.

Глобализм и антиглобализм

Современный мир развивается не только под воздействием глобализма, но и под влиянием его социального антипода — антиглобализма⁴.

Соотнося последний с глобализмом, его не следует воспринимать так одномерно и упрощенно, в виде некоего искусственно порожденного и к тому же «реакционного» явления, как это преподносится иногда в литературе. Довольно непривычно и в некоторой степени экзотично на общем фоне спокойного восприятия антиглобализма как естественной, обратной стороны глобализма звучат набатные слова бывшего советского, а ныне израильского автора Л. Явича о том, что процессам глобализации, «интеграции, особенно в государственно-политической

¹ Неклесса А. И. Указ. соч. С. 112.

² Там же.

³ Martin H., Shumann H. The Global Trap: Globalization and Assault on Prosperity and Democracy. L., 1997. P. 38—65.

⁴ См., напр.: Хозин Г. С. Устойчивое развитие — новая задача глобальных перемен // Глобальные социальные и политические перемены в мире. С. 17—30; Цыганков П. А. Глобальные политические перемены и язык теории // Глобальные социальные и политические перемены в мире. С. 32—44; и др.

сфере, имеющей прогрессивный характер, противостоят интересы реакции и регресса, этнократии и теократии, опирающиеся на тоталитарные и авторитарные режимы, на сепаратистско-шовинистические настроения остальных слоев населения». И далее в этом же духе: «Эти ретроградные и агрессивные силы во имя упрочения и сохранения своего господства провоцируют межгосударственные войны, межнациональные и межрелигиозные вооруженные столкновения, осуществляют геноцид и этнические чистки, грубо нарушают международное право и не признают или фактически попирают права человека, что чревато гуманитарной катастрофой, поддерживают международный терроризм, любой политический и национально-религиозный экстремизм»¹.

Излишне возбудившись «прогрессивным характером» глобализма и «ретроградными и агрессивными силами» антиглобализма, исследователь допустил три серьезных промаха: а) не принял во внимание тот общеизвестный факт, что антиглобализм представляет собой *такое же объективное, порожденное самой жизнью*, а потому имеющее полное право на существование, как и глобализм, *явление*. Иное дело — некоторые формы выражения антиглобалистических настроений, которые зачастую не согласуются с общественным порядком. Они, несомненно, заслуживают осуждения; б) чрезмерно упростил ситуацию и увлекся весьма прямолинейными, «революционными» оценками типа «глобализм и его последователи — это хорошо, прогрессивно, а антиглобализм и миллионы его сторонников во всех странах, включая США², — это очень плохо, реакционно». В реальной жизни такого не бывает, чтобы социально-политическое или иное явление было одномерным — только «хорошим» или только «плохим». Каждое явление, как известно, имеет и свою светлую, и теневую стороны; в) допустил смешение и подмену друг другом таких неразрывно связанных между собой, но тем не менее не идентичных понятий и соответствующих явлений, как глобализм, с одной стороны, и его последствия, которыми пытаются воспользоваться в своих интересах в новом мироустройстве США и их союзники, — с другой.

Антиглобализм как мировое общественно-политическое движение *направлен не против глобализма как процесса, тенденции*³, *а против эгоистичной и авторитарной модели нового мироустройства*, реализации которой добиваются, используя глобализм, высокоразвитые в промышленном отношении страны в ущерб менее развитым.

Весьма показательны в этом отношении претензии некоторых американских экспертов на то, чтобы США как «главный получатель выгоды» от «драматических перемен», произошедших в мире в результате окончания «холодной войны» и процессов, связанных с глобализацией, продолжали и впредь использовать исключительно в своих интересах

¹ Явич Л. С. О философии права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4. С. 11.

² См.: The Japan Times. 1997. December 2.

³ См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. К определению глобализации и ее противоречий: теоретические основания позиции «антиглобалистов» // От Сциллы к Харибде. Актуальный поиск России / под ред. Ю. М. Осипова, О. В. Иншакова, Н. П. Вашечкина, Е. С. Зотовой: в 2 т. Т. 1. М.; Волгоград, 2002.

сложившуюся в мире ситуацию. Вызов для США в настоящее время, постулируется ими, состоит в том, чтобы использовать нынешний период «максимального взлета своей мощи так, чтобы канализировать перемены в русло **формирования такого международного порядка, который сохранил бы в неприкосновенности ведущее место и процветание США**». И далее: «Это потребует пересмотра системы ООН — особенно Совета Безопасности; новых или реформированных институтов для управления экономикой; новых методов решения транснациональных проблем — преступности, экологических бедствий, эпидемий; и новой системы поддержания стратегической стабильности»¹.

В противоположность этому антиглобалистское движение выступает за иную, «более демократическую, социальную и экологически ориентированную модель интеграции». И это, подчеркивается в научной литературе, путь не регресса, а настоящего прогресса. Путь развития экономики и общества, ориентированного на «интересы граждан, а не на цели роста финансовых спекуляций, милитаризма, власти «глобальной номенклатуры»².

Исходя из сказанного, следует подчеркнуть еще раз, что антиглобализм — это объективно обусловленная, естественная реакция значительной части общества на глобализм. Это *одна из глобальных тенденций развития современного мира*, с которой нельзя не считаться при рассмотрении государства и права в условиях глобализма. Это, наконец, реакция, условно говоря, сродни той, которая существовала в Средние века на волне противодействия процессу колонизации со стороны высокоразвитых в техническом отношении стран и которая, что вполне естественно, имела своих весьма изощренных апологетов.

«Пусть учит международное право, — писал один из них — известный немецкий юрист Рудольф Иеринг, — что каждый народ имеет для одного себя то, чем он владеет и производит»³, но если «какой-нибудь народ высказывает себя неспособным воспользоваться землей, вверенную ему природой, то он должен уступить ее другому». И далее, почти в современном глобалистско-авторитарном духе: «Торговля, или общее, обмен материальных и духовных богатств не есть только дело интереса и свободной воли народов, но есть право и обязанность; сопротивление исполнению этой обязанности есть возмущение против порядка природы, против заповеди истории; и народ, который запирается от других, совершает не только грех против самого себя, лишая себя средства воспитания, но в то же время несправедливость против других народов»⁴. В заключение — зловещий вывод, согласно которому народ, который «отворачивается» от общения, «потому что не выносит соприкосновения

¹ Независимая газета. 2001. 21 марта.

² *Осинов Ю. М.* Глобальная экономика: не миф, а реальность, хотя и трансцендентная // *Философия хозяйства*. 2002. № 2 (20). С. 28.

³ *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. I. СПб., 1875. С. 6.

⁴ Там же. С. 6.

с чужой культурой, т. е. воспитания путем истории, такой народ именно поэтому теряет свое право на дальнейшее существование, его гибель приносит пользу миру»¹.

Такого рода идеи и теории, направленные на оправдание порабощения одних — «нецивилизованных» народов другими — «цивилизованными» народами, а главное — попытки реализации этих теорий и идей, в свое время порождали в виде противодействия идее *антиколониализма*, а в условиях глобализации мира порождают и укрепляют *антиглобализм*.

Влияние процесса глобализации на государство и право: основные факторы и уровни влияния

1. В отечественной и зарубежной литературе нет однозначного ответа на вопросы, касающиеся как факторов, так и степени воздействия глобализации на государство и право. Суть споров сводится в конечном счете к вопросу о том, достигает ли процесс воздействия глобализации на государство и право глубинно-сущностного и содержательного уровней или же он затрагивает только их внешние, формально-юридические атрибуты.

Спектр мнений, высказываемых по данному поводу, колеблется от утверждения о полном исчезновении национального государства и права при достижении пика глобализации и постепенном формировании на их основе некой планетарной управляющей системы и мирового права² до мнения о том, что национальное государство и право сохраняются при любых условиях, хотя и претерпят определенные изменения.

Процесс глобализации, пишет в связи с этим М. Н. Осьмова, «несомненно делает вызов национальному государству, его суверенитету и «функциям», и хотя основные задачи, которые решает государство, остаются — создание законодательной базы, создание сбалансированных общих условий макроэкономической стабильности и соответствующей политики, обеспечение основополагающей инфраструктуры и социальных услуг, — вместе с тем появляются новые черты в деятельности государства»³.

Не затрагивая высказанных точек зрения и суждений относительно характера изменений национального государства и права под воздействием процесса глобализации по существу, обратим внимание лишь на *факторы глобального характера*, влияющие на национальный государственно-правовой механизм с тем, чтобы попытаться *определить степень их реального и потенциального влияния*.

Среди такого рода объективных и субъективных факторов следует назвать: а) экономические и технологические факторы, приведшие

¹ Иеринг Р. Указ. соч. С. 6.

² Стратегия для России. 2000. Сент. — окт. С. 59.

³ Осьмова М. Н. Государство в эпоху глобализации // Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства / под ред. М. В. Кулакова М., 2001. С. 5.

к возникновению международного рынка и появлению на мировой хозяйственной арене новых субъектов рыночных отношений в лице транснациональных корпораций; б) ускоренную глобализацию финансовых рынков, породивших в планетарном масштабе мощные институты, интересы которых наряду с транснациональными корпорациями зачастую не совпадают с интересами национальных государств; в) глобализацию средств массовой информации и коммуникаций, оказывающих мощное влияние, помимо государственных институтов, на общественное сознание; г) усилившееся на межгосударственном уровне разделение труда; д) нарастание многочисленных глобальных проблем; е) усилившееся после разрушения СССР и образования однополярного мира давление на слаборазвитые страны со стороны США и других высокоразвитых государств с целью вовлечения их в орбиту своего непосредственного влияния; ж) обострившуюся для многих стран в связи с бурным развитием передовых технологий в мире опасность изоляции или самоизоляции, неизбежным следствием которых в настоящее время станет технологическое, техническое и иное отставание; и др.

2. Наряду с данными и другими им подобными факторами, значительную роль играет также *идеологический фактор*, олицетворяемый идеями либерализма и неолиберализма.

Следует заметить, что в то время, как сторонниками данной рыночной идеологии прилагаются значительные усилия для изменения положительного имиджа национальных государственно-правовых институтов в пользу транснациональных, рыночных и, особенно, финансовых институтов, а «современный политический журнализм» не перестает говорить о кризисе национального государства ввиду его «неспособности» своими собственными силами поддерживать в обществе «экономический, экологический, гражданский и даже духовный порядок»¹ в условиях глобализма, серьезные исследователи-эксперты в данной области подвергают сомнению подобные утверждения и со всей убедительностью доказывают обратное².

Они свидетельствуют о том, что слухи о смерти современного национального государства и права, основанные на постулатах доминирующей в настоящее время либеральной, точнее — *неолиберальной модели глобализации*, оказались преждевременными и что желаемое при этом выдается за действительное.

Больше того, они со всей очевидностью подтверждают жизнеспособность тезиса о том, что сами постулаты либеральной (неолиберальной)

¹ Dunn J. Introduction: Crisis of the Nation State? // Political Studies. 1994. Vol. XLII. P. 4.

² См.: Осьмова М. Н. Государство в эпоху глобализации // Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства / под ред. М. В. Кулакова, М. Н. Осьмова. М., 2001. С. 5—9; Дубянская Г. Ю. Глобализация и развитие как императивы XXI в. и шансы России // Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства. С. 125—143; Андреев А. Л. Современная Россия в неустойчивом мире: объективные реалии в зеркале массового сознания // Философия хозяйства. 2002. № 2 (20). С. 41—52; и др.

концепции, на базе которых строятся предположения о кризисе национальных государственно-правовых институтов в условиях глобализма, далеко не всегда согласуются с реальной действительностью и выдерживают критику¹. Это касается как «чисто» экономических, так и социально-политических постулатов данной концепции.

В частности, весьма далекими от действительности, как показывает практика, являются теории неоллиберализма о том, что «основным, если не единственным» регулятором глобального экономического, а вместе с тем и социального развития является «стихийный рыночный механизм»².

Печальный опыт постсоветской России, где, по справедливому замечанию известного отечественного ученого И. Фроянова, новоявленные «борцы» за «народное дело» и очередное «светлое будущее», связанное теперь не с коммунизмом, а с капитализмом, отнесли «рыночную экономику, буржуазную демократию в правовое государство, приоритет отдельной личности перед коллективом к разряду высших человеческих ценностей»³, равно как и «рыночный» опыт ряда других государств, приведших к практическому разрушению национальной экономики и резкому падению жизненного уровня населения, со всей очевидностью показал не только несостоятельность, но и *пагубность для общественного и государственно-правового развития данных, «чисто» рыночных положений*⁴.

Как свидетельствуют специалисты в сфере рыночных отношений, «рынок сам по себе бессилен в решении многих экономических и социальных проблем»⁵. Рынок, в частности, никогда не решал и не может решить проблему бедности и нищеты — «этот бич конца XX века»; или обеспечить профилактику, а тем более ликвидировать хотя бы одну из социальных болезней. Рыночные механизмы «абсолютно безразличны к проблемам экологии, которые уже приобрели характер транснациональных»⁶. Рынок совершенно не адаптирован к кардинальным изменениям «в сфере научно-технического прогресса». И главное — рынку, даже если он приобретает глобальный характер, будет не под силу решение долгосрочных стратегических задач как на национальном, так и на транснациональном уровне. *Ему чужды по самой его природе моральные и иные ценности, так же, как и общесоциальные и национальные интересы.*

¹ См.: Коллонтай В. О. О неоллиберальной модели глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 10. С. 3—5.

² Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / под ред. В. П. Колесова. М., 2002. С. 97.

³ Фроянов И. Погружение в бездну. М., 2001. С. 8.

⁴ См.: Рязанов В. Т. Постиндустриальная трансформация, ее социально-экономические модели и судьба экономики России в XXI веке // Философия хозяйства. 2001. № 2 (14). С. 44—72.

⁵ Дубянская Г. Ю. Указ. соч. С. 132.

⁶ Там же.

Фактическая *абсолютизация роли рынка является следствием*, как представляется, *весьма важной методологической ошибки*, логически *вытекающей из крайностей экономического детерменизма*. Суть ее, по справедливому заключению экспертов, состоит в *безапелляционном утверждении*, что «рынок может решить весь комплекс социально-экономических проблем, заменяя в определенном смысле государство и его прежнюю роль в обществе»¹.

Реальная жизнь, практика многовекового развития рыночных отношений в различных странах показывают со всей очевидностью, что это далеко не так.

В силу этого, как справедливо подчеркивается исследователями, рыночные механизмы неизбежно должны дополняться «механизмами власти, регулирования, сотрудничества»². Иными словами, рыночные механизмы как «регуляторы» преимущественно экономического развития не могут успешно действовать сами по себе, а должны органически «сочетаться» с дееспособной государственной властью, *с сильными национальными государственно-правовыми институтами*.

Наряду с несостоятельностью положений неолберальной концепции глобализации, касающихся рыночного механизма как стихийного регулятора социально-экономического развития, аналогичным образом обстоит дело и с рядом других ее базовых постулатов, таких, например, как положение о «пользе социального неравенства для повышения хозяйственной активности при переходе к рыночной экономике»³; тезис об исключительно позитивной роли дерегулирования, которое, по итоговому заключению экспертов, стало «моральным основанием потери лица государствами перед глобальными рыночными игроками»⁴; положение о сохранении свободной конкурентной среды в условиях глобализации; и др.

Обстоятельное рассмотрение данных и иных, им подобных положений неолберальной концепции — модели глобализации современной мировой экономики и других сфер жизни общества является непосредственным предметом исследования ученых-экономистов. Нас же это интересует лишь в той степени, в какой это касается национального государства и права; адекватности их оценок и обоснованности представлений о перспективах их развития с позиции либерализма.

Если представители данной «победоносно шествующей» по всему глобализируемому миру теории утверждают, что только либеральная модель будущего мироустройства, при котором «национальный хозяйственный комплекс, суверенитет, отчасти даже государство рассматри-

¹ Мальковская И. А. Проблемы размывания государственности в условиях глобализации // *Философия хозяйства*. 2000. № 5 (11). С. 232.

² Дубянская Г. Ю. Указ. соч. С. 133.

³ Савченко Г. И. Государственное вмешательство в экономику в странах Центральной и Восточной Европы // *Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства*. С. 60.

⁴ Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России. С. 27.

ваются как отмирающие категории», а «быстрее их преодоление преподносится как залог успеха»¹, может обеспечить поступательное и гармоничное развитие «глобализованной» экономики на основе единых для всех субъектов международных отношений принципов и «правил игры», то невольно встает вопрос, *насколько это согласуется с реальной действительностью и соответствует интересам всех охваченных глобализацией стран.*

Ведь ни для кого не представляет секрета то, что «ядром глобализации», определяющим характер ее развития и модель построения нового миропорядка, являются только высокоразвитые в экономическом плане страны во главе с США, их транснациональные корпорации и транснациональные банки² и что огромный, все более нарастающий разрыв между богатыми и бедными странами, который в 1920 г. составлял 3 к 1, а в 1992 г. — уже 72 к 1³, не позволит последним, имеющим несравнимо меньшие материальные и иные возможности по отношению к первым, быть равноправными участниками формирующихся глобальных отношений.

Не нужно быть провидцем или профессиональным аналитиком, чтобы не заметить, в частности, наметившуюся тенденцию дифференцированного подхода, а проще — использование двойных стандартов США при реализации основных постулатов либеральной концепции в отношении своих собственных государственно-правовых институтов (под предлогом борьбы с международным терроризмом ратуют за их всестороннее укрепление) и по отношению к государственно-правовым институтам других стран (выступают под лозунгом либерализации, демократизации, борьбы за права человека и пр., за их фактическое ослабление); в отношении «общечеловеческих» ценностей и интересов (формально-пропагандистский, «шоу»-подход) и в отношении своих собственных, национальных, в особенности — корпоративных ценностей и интересов (реальный, фактически не имеющий никаких материальных или моральных ограничений, подход).

Конкретными примерами использования США либеральной концепции-модели глобализации исключительно в своих собственных национальных интересах может служить односторонний отказ этого государства от принятых в 1997 г. в г. Киото (Япония) межгосударственных соглашений (Киотский протокол), предусматривающих сокращение к 2008—2012 гг. выбросов (для США — на 7%, ЕС — на 8%, Японии — на 6%) в атмосферу углекислого и других парниковых газов с целью остановить прогрессирующее глобальное потепление. Причиной отказа послужило то, что выполнение требований Киотского протокола затормозило бы развитие ряда отраслей национальной промышленности этой

¹ Коллонтай В. О. О неолиберальной модели глобализации. С. 4.

² Барателли Б. В. Влияние глобализации на развивающиеся страны // Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства. С. 70.

³ Там же. С. 71.

страны¹. Нетрудно видеть, что национальные, эгоистические по отношению к другим странам и всему глобализованному миру интересы на поверку оказываются намного ближе и важнее всякого рода «общечеловеческих» интересов.

Аналогичным образом обстоит дело в либеральной модели глобализации с соотношением интересов разных государств и в других случаях, где под флагом глобализации, борьбы за права и свободы граждан, свободной конкуренции, ассоциируемой с «подлинной» демократией, о которой, по мнению некоторых западных авторов, можно говорить «лишь на глобальном уровне с учетом усиливающейся за последние годы унификации всего мира»², решаются в приоритетном порядке национальные или групповые (корпоративные) проблемы вместо общих транснациональных, глобальных проблем.

Что же касается положений неолиберальной концепции о свободной конкуренции и «подлинной» демократии в современном глобализирующемся мире, то они существуют лишь в воображении приверженцев либеральной модели глобализации. В реальной действительности они повсеместно блокируются монопольной деятельностью транснациональных банков и корпораций³.

Глобализация по неолиберальной модели, справедливо отмечается в связи с этим в научной литературе, ведет «к концентрации богатства не столько в руках отдельных высокоразвитых стран, сколько у транснациональных корпораций»⁴. Так, в 1998 г. десять ведущих мировых компаний по производству пестицидов контролировали 85% глобального рынка, 10 ведущих телекоммуникационных компаний — 86% рынка, в сфере производства компьютеров — 70%. Такая степень монополизации проявляется также в доступе к передовым технологиям и знаниям: на 10 стран мира приходится 84% научных разработок и владение 95% патентов⁵. За прошедшие годы ситуация усугубилась.

Из всего сказанного логически следует по меньшей мере два вполне определенных и, как представляется, обоснованных выводы. Один из них касается несостоятельности основных постулатов неолиберальной модели будущего «демократического, базирующегося на принципах свободной конкуренции» и стихийного рыночного регулирования мироустройства, а второй — объективной необходимости *не только сохранения национальных государств и правовых систем* в условиях глобализации

¹ См.: *Ляменков А. К.* Устойчивое развитие планетарного сообщества: теоретические положения и практическая реализация в условиях глобализации мирового хозяйства // Глобализация мирового хозяйства и эволюция экономической роли государства. С. 37.

² *Denitch B.* Democracy and the New World Order: Dilemmas and Conflicts // *Social Justice*. 1996. Vol. 23. No 1—2. P. 21.

³ См.: *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Перспективы снятия противоречий глобализации и развития «мирового социального хозяйства» // *Философия хозяйства*. 2002. № 2 (20). С. 15.

⁴ Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России. С. 360.

⁵ Там же.

для обеспечения в каждой стране своих собственных, национальных ценностей и интересов, *но и их дальнейшего всестороннего укрепления.*

Не в последнюю очередь это касается современной России, «реформируемой (читай — методически разоряемой) на основе далеко не всегда согласующихся с ее стратегическими национальными целями и интересами, заимствованными вовне, западных рецептов.

3. Идеологический фактор в образе либерализма и неолиберализма, так же как и другие факторы глобального характера, несомненно, оказывают, а в будущем, по мере их усиления, еще больше будут оказывать влияние на национальное государство и право. Это очевидно и не подлежит сомнению, как и то, что национальные государства, не учитывающие в своей деятельности их нарастающее воздействие на окружающий мир, рискуют оказаться со временем на обочине цивилизации.

Однако при этом остается целый ряд весьма важных вопросов, требующих ответа, которые касаются, в частности, *уровня влияния глобальных факторов на национальное государство и право, и пределов их воздействия.*

Отвечая кратко на эти вопросы, можно путем анализа накопившегося за последние десятилетия эмпирического материала со всей определенностью сказать, что *предельные воздействия глобальных факторов* на развитие, самодостаточные государства *определяются в основном их интересами*, а для остальных государств — помимо их собственных интересов — также *степенью вовлеченности их в орбиту интересов высокоразвитых стран* и, соответственно, *степенью и характером их зависимости от этих стран*¹.

Что же касается *уровня воздействия глобальных факторов* на национальное государство и право, то здесь также, исходя из анализа конкретного эмпирического материала, можно сделать вывод о том, что сфера их воздействия не ограничивается лишь внешней, формальной стороной государственно-правовых институтов, *а в значительной мере затрагивает их сущность и содержательную сторону.*

При этом речь идет не только и даже не столько о постсоветской России, которая нередко приводится в качестве примера радикальных изменений, произошедших в государственно-правовой структуре под воздействием процесса глобализации за последние годы, или же о «традиционно» слабо развитых странах, наиболее чувствительных к глобальным вызовам.

Дело в том, что радикальные изменения, произошедшие в России, ничего общего не имеют с объективным процессом глобализации. Огромная страна, супердержава оказалась радикально измененной (читай — разоренной) буквально за одно десятилетие в «горбачевско-ельцинскую эпоху», как справедливо отмечают исследователи, не в силу глобализации, а «по причине преступно безответственного отношения государственной власти» к своей стране, ее собственности, «которая была разворована, распродана за бесценок, а то и просто уничтожена, если не физически, то экономически»².

¹ См.: Барателиа Б. В. Влияние глобализации на развивающиеся страны. С. 70—78.

² Дубянская Г. Ю. Указ. соч. С. 136.

Радикальные «реформы», проведенные в постсоветской России не без «помощи» извне¹, полностью изменив ее политический и экономический строй, социальную сущность и содержание государства и права, поставили ее в один однотипный («капиталистический» — если пользоваться формационной терминологией) ряд с другими развивающимися государствами и тем самым создали все необходимые предпосылки и условия для вхождения и длительного стабильного пребывания ее в орбите прямой финансово-экономической, а вместе с тем и социально-политической зависимости от высокоразвитых в промышленно-техническом отношении стран.

Таким образом, когда речь идет о влиянии процесса глобализации на изменение сущности и содержания различных государств, то Россия, как представляется, не может служить в качестве некоего показательного примера, поскольку социальная сущность и содержательная компонента Российского государства были изменены под преимущественным воздействием внутренних, а не внешних субъективных и объективных факторов.

Исходя из реальной действительности, нельзя не согласиться с мнением известного ученого-экономиста С. Глазьева, высказанным еще в 1997 г. о том, что «уже шесть лет, как Россия не имеет национального правительства, проводит радикальные преобразования под руководством международных финансовых организаций и под опекой руководителей стран «семерки» и что «роль официального правительства страны сведена к функциям исполнения составляемых МВФ планов по либерализации экономики и поддержания западных параметров предложения денежной массы»². Более того, нельзя не видеть, что многое из ранее сказанного автором сохраняет свою силу и в настоящее время, спустя годы.

Вместе с тем нельзя не учитывать при определении факторов, оказавших разрушительное воздействие на прежнее «централизованное» государство и право и благотворное влияние на становление нового децентрализованного государственно-правового феномена, состоявшего из 89 субъектов, в том числе — на его сущность и содержание, что, по крайней мере, формально первоначальная инициатива всех проводившихся радикальных преобразований в стране в виде «перестройки», «ускорения», «демократических реформ» и «нового мышления» исходила изнутри, от внутренних прорыночных сил, а не извне, и проводилась она, хотя бы номинально, чисто физически, внутренними субъектами формируемых отношений, а не внешними³.

¹ См.: Буш Дж., *Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М., 2004; *Clinton B.* My Life. N. Y., 2004.

² Глазьев С. Мы и новый мировой порядок // Независимая газета. 1997. 9 окт.

³ См.: Коловагин П. М., Рыбаков Ф. Ф. Экономическое реформирование России в XX веке (политико-экономическое исследование). СПб., 1996; Краус Т. О ельцинизме // Ельцинщина. Будапешт, 1993; Гайдар Е. Государство и эволюция, как отделить ответственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб., 1997; и др.

Разумеется, по мере развития российского, равно как и любого иного, государства и права, находящихся в сфере постоянного воздействия глобальных факторов, *их сущность и содержание не остаются неизменными*, а постоянно развиваются и видоизменяются.

Основным направлением, а точнее, тенденцией их эволюции в случае продолжения процесса формирования нового микропорядка по доминирующей в настоящее время неолиберальной, «чисто рыночной» модели будет движение сущностных и содержательных элементов государства и права, базирующихся на национальной основе, от национальных ценностей и интересов к ценностям и интересам транснациональных, космополитических и узко-олигархических институтов.

В основе сущности и содержания национальных государств и правовых систем при подобном развитии процесса глобализации с неизбежностью и во все более возрастающей мере *будут доминировать интересы транснациональных корпораций*, представляющих собой, по заключению исследователей, «самодетельные образования со своим правительством, включающие отдельных акционеров»¹, а шире — *интересы мировой олигархии*. Последняя понимается как «разнородная совокупность крупных — транснациональных и контролируемых ими компрадорских национальных — банков и корпораций, обслуживающих их юридических и консультативных организаций, международных финансовых организаций, идеологов и теоретиков нового мирового порядка, разнообразных формальных и неформальных институтов политического влияния и формирования общественного мнения»².

Наряду с сущностными и содержательными элементами национального государства и права под воздействием глобальных факторов эволюционному изменению с неизбежностью будут подвергаться и все другие стороны и компоненты государственно-правовых институтов — формы государства и права, методы государственной деятельности, принципы реализации права, сфера распространения публичной власти, суверенитет государства и права, а также функции государства.

Глобализация и права человека: основные тенденции их развития

1. Наряду с различными сферами жизнедеятельности общества и государства, глобализация оказывает также значительное влияние на права человека: на состояние их в настоящем и на перспективы и тенденции их развития в будущем.

Весьма трудно, если вообще возможно, во всех деталях предвидеть эволюцию прав человека хотя бы на ближайшую перспективу, имея в виду сложность, многогранность и противоречивость как самой рассматриваемой материи, выступающей в виде прав человека, так и формирующей ее окружающей среды.

¹ Осьмова М. Н. Указ. соч. С. 5.

² Глазьев С. Мы и новый мировой порядок // Независимая газета. 1997. 9 окт.

«Можно легко сбиться с правильного пути», — резонно замечает по этому поводу мексиканский автор Дж. Капризо. И добавляет, что тем не менее *в развитии прав человека можно выделить определенные тенденции, особенно если проследить эволюцию прав человека и сопутствующие ей события мирового масштаба*, произошедшие после Второй мировой войны, когда большинство стран мира стали признавать важность проблемы прав человека¹.

Наряду с этим весьма важным представляется учесть неизбежную в ряде случаев *трансформацию прав человека*, которая подчас развивается «в непрогнозируемом направлении» и далеко не всегда вписывается «в предполагаемые тенденции»².

И наконец, не менее важно хорошо знать и адекватно воспринимать *обуславливающую состояние и процесс развития прав человека окружающую их экономическую, социально-политическую и иную среду*. Ведь права человека как явление наряду с другими ему подобными явлениями не возникают на пустом месте и не развиваются вне связи и вне взаимодействия с другими явлениями, процессами, институтами и учреждениями. Иными словами — с окружающей их национальной (внутригосударственной) и наднациональной (глобальной) средой.

Именно среда в первую очередь определяет природу, характер, а вместе с тем и тенденции развития прав человека, что не исключает, разумеется, известного «энергичного» развития прав человека за счет внутренних юридических, моральных и иных ресурсов как относительно самостоятельного явления, которое не только сложилось под воздействием других явлений, но и само оказывает обратное влияние на эти явления.

Последнее проявляется, в частности, в том, что права человека, создавая наиболее благоприятные условия для всестороннего развития личности и будучи в значительной мере предопределенными характером породившего их общества и государства, сами, в свою очередь, оказывают обратное воздействие как на общество, так и на государство.

В связи с этим в научной литературе вполне обоснованно указывается на то, что права человека — это своего рода «двигатель» социального и экономического прогресса, что это один из важнейших факторов успешного развития общества и государства и что это «своеобразный ограничитель государственной власти», а также «показатель зрелости, цивилизованности» и «мерило достижений данного общества»³.

Аналогично, как представляется, обстоит дело не только с правами человека в целом, но и с тенденциями их развития, которые, с одной стороны, возникают и проявляются под воздействием определенной

¹ См.: *Caprizo J. The Current Tendencies of Human Rights* // California Western International Law Journal. 1993. № 2. P. 374.

² Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы. С. 2.

³ Общая теория прав человека / рук. авт. колл. и отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1996. С. 3—4; *Матузов Н. И.* Актуальные проблемы теории права. С. 256; *Pasqualucci J.* Interim Measures in international Human Rights: Evolution and Harmonization / Vanderbilt Journal of Transnational Law 2005, № 1. P. 3—7.

среды, а с другой — самим фактом своего существования оказывают обратное воздействие на окружающую среду.

2. *О каких тенденциях развития прав человека и о какой обуславливающей их в настоящее время среде идет речь?* Чем они характеризуются и как проявляются в условиях глобализации?

Говоря о формирующей в процессе глобализации мира *среде*, следует заметить, что *в ней в виртуальном плане* заложен огромный положительный и изначально созидательный *потенциал* как в отношении прав человека, так и в отношении тенденций их развития.

Ведь речь идет в конечном счете о мировой интеграции в различных сферах жизни общества и экономики, о создании единого мирового социума и об объединении усилий всех национальных государств для решения общих проблем, в том числе тех, которые касаются развития и совершенствования прав человека.

Однако реальная, а не виртуальная среда, которая обуславливает в эпоху глобализации процесс эволюции прав человека и оказывает непосредственное влияние на формирование тенденций их развития, выглядит несколько иначе. «В новом веке, — констатируется в научной литературе, — права человека развиваются в условиях обостряющихся противоречий. Процесс глобализации развивается на фоне негативных мировых проблем, охватывающих все страны мира»¹.

Среди них — проблемы, связанные с «обострением кризиса индустриальной цивилизации», «деформированием духовных идеалов» у значительной части населения; неконтролируемым ростом населения; ростом нищеты, бездомности и безработицы во многих странах; усилением разрыва между бедными и богатыми странами; усилением «корпоративного меркантилизма»; утратой «идентификации граждан со своим государством»; концентрацией «мировой власти в руках богатых»; сохранением угрозы войны и межнациональных конфликтов, и др.².

Что же касается формирующихся или уже сформированных в условиях глобализации тенденций развития прав человека, то среди них выделяются следующие.

Во-первых, тенденция интернационализации прав человека, которая внешне выразилась прежде всего в том, что государства — члены ООН официально признали и документально зафиксировали в послевоенный период важность и ценностный характер прав человека не только на национальном, но и на наднациональном (международном) уровнях.

Свидетельством признания значимости права человека *на международном уровне* могут служить такие международно-правовые документы, как *Всеобщая декларация прав человека 1948 г.*, провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства, с тем чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду на-

¹ Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы. С. VII.

² См.: Лукашук И. И. Указ. соч. С. 2—4; Права человека: учебник для вузов. С. 138—142; Глухарева Л. И. Указ. соч. С. 51; и др.

стоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению» прав и свобод, содержащихся в Декларации, и их всестороннему обеспечению и осуществлению «как среди народов государств — членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией»; *Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года*, провозгласившая, что «подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация являются отрицанием основных прав человека, противоречат Уставу Организации Объединенных Наций и препятствуют развитию сотрудничества и установлению мира во всем мире»; *Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.*, осудившая «всякие теории превосходства, основанные на расовом различии», и возложившая на государства — участники Конвенции обязательства «запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах и обеспечить равноправие каждого человека перед законом, без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения»; *Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него 1973 г.*, обязавшая государства — участники Конвенции принять любые меры законодательного или иного характера, необходимые для пресечения, а также предотвращения любого поощрения преступления апартеида и сходной с ним сегрегационной политики или ее проявлений и наказания лиц, виновных в этом преступлении»¹.

Кроме данных международно-правовых документов, свидетельствующих об интернационализации прав человека, следует указать также на такие, как: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.; Декларация прав ребенка 1959 г.; и др.².

Общеизвестно, что зафиксированные в международно-правовых документах права и свободы зачастую носят лишь *формально-юридический, а не реальный характер*. К тому же не все из них (в особенности это касается социально-экономических прав) признаются в качестве таковых, а содержащие их акты подвергаются до сих пор довольно резкой, хотя и не всегда обоснованной критике.

Одним из примеров подобного критического восприятия международных актов, содержащих права и свободы человека, может служить критика бывшим премьером Великобритании М. Тэтчер Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и «конвенции ООН по правам человека, которые появились после Декларации»³.

Подвергая сомнению допустимость рассмотрения таких провозглашаемых в Декларации прав, как «право на работу», право на «защиту

¹ Цит. по: Права человека. Сб. международных документов / сост. и автор вступ. ст. Л. Н. Шестаков. М., 1986. С. 22, 80, 94, 111.

² См.: Там же.

³ Тэтчер М. Указ. соч. С. 286.

от безработицы», «право на отдых и свободное время», «право на уровень жизни, адекватный здоровью, благосостоянию человека и его семьи», «право на образование», «право на социальную защищенность» и другие права, — подвергая сомнению допустимость их рассмотрения именно в качестве таковых, М. Тэтчер заявляет, правда, не приводя при этом никаких аргументов в подтверждение своей позиции, что в Декларации понятие «свобода» смешивается «с другими вещами — добром, злом и безразличием», а «права» — с «целями»¹.

Декларация, пишет автор, «объявляет массу достойных (как правило) целей правами без учета того, что их осуществление зависит от множества обстоятельств, и прежде всего от готовности одной группы людей принять на себя проблемы другой». К тому же этот документ имеет весьма «расплывчатый» характер и представляет собой не что иное, как попытку объять необъятное»².

Конечно, резюмирует Тэтчер, разделяя мнение некоторых других авторов по данному вопросу, «Всеобщая декларация сыграла скромную, но не совсем уж незначительную роль в поддержании жизнеспособности духа свободы. За это ей вполне можно немного поаплодировать»³.

Аналогичное практически снисходительное отношение проявляет бывший премьер и ко всем другим международно-правовым документам, содержащим права и свободы человека, принятым в последующие годы после принятия Всеобщей декларации прав человека. Разработка этих документов и «смешанный» характер мотивов их принятия, по мнению автора, «вовсе не означает, что международная озабоченность проблемой прав человека в XX в. была пустой тратой времени, — просто эти документы были ориентированы на международный порядок, предусматривавший существование суверенных государств, правительства которых в конечном итоге решали, применять их или нет»⁴.

Несмотря на критический настрой М. Тэтчер и других авторов по отношению к международным актам, содержащим права и свободы, а также несмотря на формально-юридический характер последних, подобного рода международно-правовые документы, *свидетельствующие об интернационализации прав и свобод человека*, в реальной действительности тем не менее играют значительную роль.

Во-вторых, тенденция регионализации прав человека, развивающаяся наряду с тенденцией интернационализации и дополняющая ее. Свое внешнее проявление данная тенденция находит прежде всего, так же как и тенденция интернационализации прав человека, в системе соответствующих юридически и нравственно значимых актов, принятых и действующих на уровне отдельных регионов.

В настоящее время западные исследователи выделяют три «самых больших региональных системы» относительно самостоятельного суще-

¹ Тэтчер М. Указ. соч. С. 286.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 287.

ствования и обеспечения прав человека. Это — европейская, северо-американская и африканская системы, имеющие наряду с «многочисленными точками соприкосновения» между собой также и определенные различия¹.

Разумеется, вся глобальная мировая система прав и свобод человека далеко не исчерпывается только этими тремя регионами. Помимо них и наряду с ними существует также и ряд других региональных систем, прав и свобод, имеющих свои специфические особенности. В их числе — латиноамериканский, ближневосточный (в основе своей — арабский) регионы, регион стран Юго-Восточной Азии и др.

В каждом регионе действуют свои региональные в географическом и культурологическом смысле международно-правовые акты. В каждом из них функционируют свои правозащитные организации и свои правообеспечительные юридические и квазигиридрические органы².

Исходя из того, что региональные международно-правовые акты, такие как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в 1950 г., Американская конвенция по правам человека, принятая в 1969 г., или Американская хартия прав человека и прав народов 1981 г., были разработаны и приняты на основе и с учетом основных положений Всеобщей декларации прав человека 1948 г., свидетельствующей об интернационализации прав человека в глобальном масштабе, можно с полной уверенностью говорить о том, что регионализация прав человека является одновременно не только предтечей, но и неотъемлемой составной частью всего процесса их глобальной интеграции и «универсализации».

Данная тенденция особенно ярко проявилась после Второй мировой войны, когда на глобальном и региональном уровнях появились под эгидой ООН и различных региональных институтов такие наделенные контрольными функциями учреждения, как Комитет ООН по правам человека, Международный уголовный суд, Европейский суд справедливости, Суд первой инстанции Европейского Союза, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека и другие им подобные институты.

В институциональном отношении эти учреждения в большинстве своем не связаны между собой и действуют автономно, независимо друг от друга. Однако в функциональном плане — в плане решения однородных задач и выполнения сходных (контрольных) функций — их можно рассматривать как *составные части единой системы международного контроля за соблюдением прав человека* как на региональном, так и на глобальном уровнях.

¹ См.: *Caprizo J.* Op. cit. P.376.

² См.: *International Aspects of the Arab Human Rights Movement.* Harvard, 2000. P. 17—29; *Kennedy D.* The Interbational Human Rights Movement: Part of the Problem? // *Harvard Human Rights Journal.* 2002. Vol. 15. P. 102—115; *Pasqualucci J.* Interim Measures in International Human Rights; Evolution and Harmonization // *Vanderbilt Journal of Transnational Law* 2005. № 1. P. 20—25.

Одна из особенностей и вместе с тем одна из целей такого рода контрольного механизма, как подчеркивают ученые, «состоит не в принуждении или применении санкций к государствам за невыполнение взятых ими на себя обязательств, а лишь в контроле за претворением в жизнь положений международных соглашений»¹.

Следует особо подчеркнуть, что *обеспечение прав человека и их реализация*, а точнее, создание оптимальных условий, необходимых для их реализации, — это *было и остается прямой обязанностью государства*. По мере нарастания процесса глобализации, следствием которого неизбежно станет «вовлечение» бизнеса во все сферы жизни общества, создание необходимых условий для реализации прав человека *должно с неизбежностью стать его обязанностью*.

Что же касается международно-правовых институтов, деятельность которых непосредственно связана с правами человека, то их полномочия ограничиваются в основном контрольными функциями, осуществляемыми ими от имени мирового или регионального общества.

Решая непосредственно стоящие перед ними задачи, эти институты призваны сыграть в деле реализации прав человека весьма важную, трудно переоценимую роль.

Последнее, однако, возможно лишь при соблюдении как минимум двух условий. А именно: а) отказа от излишней политизации своей деятельности и от использования «двойных стандартов», как это все чаще имеет место за последние годы в деятельности Европейского суда по правам человека; б) адекватного отношения каждого государства к создаваемым в целях реализации прав человека, в особенности под эгидой ООН, судебным и иным институтам.

В качестве примера неадекватного восприятия такого рода институтов может служить позиция США по отношению к Международному уголовному суду, учрежденному под эгидой ООН в 1998 г.

В то время как к концу 2004 г. 139 государств подписали и 97 государств ратифицировали Римский Статут Международного уголовного суда, на основе которого функционирует данный судебный орган, США, позиционирующие себя в качестве едва ли не единственного защитника прав человека и демократии во всем мире, демонстративно отказались подписать документ, усмотрев в нем «угрозу национальным интересам и государственному суверенитету»².

Тогдашний президент США Б. Клинтон в декабре 2000 г. подписал Статут Суда, а президент Дж. Буш спустя некоторое время, в мае 2002 г. отозвал подпись США под данным документом.

Более того, в августе 2002 г. президент США подписал Акт о защите военнослужащих, который: а) устанавливал строгий запрет на сотрудничество американских властей с Судом; б) ограничивал участие США в миротворческих операциях, проводимых под эгидой ООН; в) запре-

¹ Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы. С. 192.

² Трикоз Е. Н. Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы // Журнал Российского права. 2005. № 3. С. 134.

шал какую бы то ни было «военную помощь» и содействие государствам, подписавшим Статут и участвующим в работе Суда; г) запрещал в «прямой или косвенной форме» передачу в распоряжение Суда информации, которая могла бы касаться национальной безопасности США; д) наделял заведомо органы исполнительной власти страны полномочиями на освобождение военнослужащих США и «других соответствующих лиц», задержанных или подвергнутых тюремному заключению Судом или от имени Суда (так называемая *Hague invasion clause*)¹.

Кроме того, еще в ноябре 2001 года президент США в пику Международному уголовному суду издал «военный приказ», предписывающий создание военной комиссии «в целях защиты США и их граждан», «проведения эффективных военных операций и предотвращения террористических атак»². Основной смысл этой «военной директивы», подписанной после «гуманитарных бомбардировок» бывшей Югославии и накануне «военно-освободительного» похода США в Афганистан, а позднее — в Ирак, состоит, по мнению исследователей, профессионально занимающихся данной проблемой, в том, чтобы не подвергать риску своих военнослужащих, занятых в «освободительной миссии», в ходе которой разрушаются страны и гибнет мирное население, попасть в категорию военных преступников и соответственно под юрисдикцию Международного уголовного суда³.

Другой причиной активной обструкции Суда со стороны США, как отмечают эксперты, является их «национальный эгоизм» и культивируемая в стране ложно понимаемая в последние годы идея «американской исключительности», в свете которой «США рассматривают себя в виде города, находящегося на вершине холма»⁴.

Исходя из такого рода концепции, базирующейся на тезисе о том, что «настоящие права человека вытекают лишь из американского опыта, а затем переносятся на весь остальной мир»⁵, США, во-первых, вообще не воспринимают те «общепризнанные» нормы и принципы, касающиеся прав человека, признание которых в США «может привести к необходимости изменения национального законодательства и политики в области прав человека»⁶. А во-вторых, США, будучи временно «непревзойденными в ряде отраслей жизни общества», в частности в некоторых отраслях экономики, придерживаются курса на то, чтобы стать такими же непревзойденными и в сфере правоприменения. Относительно деятельности Международного уголовного суда это означает, что лю-

¹ См.: *Goldstone R., Simpson J. Evaluating the Role of the international Criminal Court as a Legal Response to Terrorism // Harvard Human Rights Journal. 2003. Vol. 16. P. 24.*

² *Detention, Treatment and Trial of Certain Non-Citizens in the War against Terrorism. 66 Fed. Reg. 57, 843 (2001). At. § 1 (e).*

³ См.: *Forsythe D. The US and International Criminal Justice // Human Rights Quarterly. 2002. Vol. 24. № 4. P. 974—990; Goldstone R., Simpson J. Op. cit. P. 17—25.*

⁴ *Forsythe D. Op. cit. P. 975.*

⁵ *Ibid. P. 976.*

⁶ *Ibid.*

бые преступления, которые совершаются за границей военнослужащими США, могут находиться только под юрисдикцией национальных судов этой страны, а не Международного суда¹.

Несомненно, что такого рода «интернационалистская» позиция «оплота настоящих прав и демократии» не может способствовать консолидации усилий международного сообщества в борьбе с международными преступлениями, и прежде всего с терроризмом². Заявление о борьбе с последними, как показало время, все чаще используется США для усиления своих позиций с целью доминирования в мире³.

Подобная позиция США не только не укрепляет международный механизм контроля за соблюдением прав человека, а, наоборот, ослабляет и разрушает его.

В-третьих, тенденция постепенного «вытеснения» национального государства из сферы прав человека и замены его национальными институтами.

В отличие от других, довольно ярко проявляющихся тенденций развития прав человека на современном этапе данная тенденция находится скорее в зачаточном, нежели в сформировавшемся виде.

В настоящее время она осознается и прогнозируется большей частью на уровне глобалистической теории, чем реализуется в повседневной жизни мирового сообщества, на практике. Однако по мере развития процессов глобализации и формирования миропорядка по сценарию США и других западных стран ситуация со временем, как показывает «опыт» разрушения «гуманитарными бомбардировками» Югославии или «восстановления прав и свобод» в оккупированном американцами Ираке, может в корне измениться.

«Бремя» обеспечения прав и свобод человека на территории одних, прежде всего слаборазвитых в промышленном и технологическом отношении стран по логике вещей будет постепенно переходить к более развитым, а поэтому доминирующим в мире странам, а также — к создаваемым ими национальным бизнес-институтам в виде международных банков, транснациональных корпораций и пр.

Разумеется, речь идет не о формальной стороне дела, а о реальном, прежде всего материально-финансовом воздействии этих институтов на состояние прав и свобод в этих странах.

Исходя из широко распространенной на Западе характеристики транснациональных и иных корпораций как сугубо «авторитарных институтов» со структурой и «внутренним распорядком» сродни «феодаль-

¹ Forsythe D. Op. cit. P. 990.

² См. об этом: Scheffer D. The United States and the International Court // American Journal of International Law. 1999. Vol. 93. P. 12—22; Sewall S. and Kaysen C (eds.). The United States and the International Criminal Court: National Security and International Law. N. Y., 2000. P. 3—18.

³ См.: Mayerfeld J. Who shall be Judge. The United States, the International Criminal Court and the Global Enforcement of Human Rights Quarterly. 2003. Vol. 25. № 1. P. 93—129.

ным» аналогам¹, можно с достаточно высокой степенью точности предположить, в каком направлении будут воздействовать на права человека данные институты, если они будут вообще заниматься их обеспечением. Весьма сомнительно, отмечают западные исследователи, что «иерархически устроенные корпорации» с авторитарными традициями и институтами многое смогут и захотят сделать для развития права и свобод, а вместе с ними — «для реализации демократических принципов»².

Однако, говоря о тенденции постепенного «вытеснения» национальных государств, следует заметить, что ее проявление отнюдь не ограничивается только слабо развитыми странами и странами с авторитарными традициями. *Она носит общий характер и распространяется на все без исключения государства и государственные образования*, в том числе на те, которые а priori «запатентовали» себя как демократические институты.

В условиях глобализации, верно констатируется в научной литературе, национальное государство как таковое «стало терять положение монопольного защитника прав человека. Решение правозащитных задач одного государства»³.

При этом разница между слабыми и сильными державами заключается в том, что если первые утрачивают свое «положение монопольного защитника прав человека» не только в силу объективных причин, порождаемых глобализацией, но и по причинам субъективного порядка — вмешательства в их внутренние дела с целью «защиты» прав местного населения со стороны более сильных государств, то последние, более развитые государства, согласно логике и теории глобального эволюционного развития человечества, утрачивают такого рода монополию лишь исключительно в силу и под давлением объективных обстоятельств, порождаемых процессами глобализации.

Причем если первые — слабые или относительно слабые — государства в силу финансовой и иной зависимости от последних утрачивают свое положение «монопольного защитника прав человека» вместе с фактической утратой своей самостоятельности уже в настоящее время — в начальный период глобализации *реально*, то для *более сильных государств утрата такого положения*, ассоциирующегося с более поздними этапами развития глобализации, *выглядит весьма призрачно*, а точнее — *виртуально*.

В свете сказанного довольно спорными, опережающими время, представляются утверждения о том, что ныне «нарушение прав человека в любой стране получает оценку в качестве деликта надгосударственного порядка» и что «права человека становятся действующим правом

¹ См.: Fort T., Shipant C. An Overview of the Symposium // Vanderbilt Journal of Transnational Law 2002. № 2. P. 381.

² Weart Sp. Never at War. Why Democracies will not fight one another. L., 1988. P. 15—28.

³ Рахманова Е. Н. Глобализация, права человека и преступность // Право и права человека. Сб. научных трудов юридического факультета МГПУ. Кн. 6. М., 2003. С. 40.

в глобальном отношении — на наднациональном, надгосударственном уровне»¹.

Спорность этих утверждений заключается в том, что они, как показывает повседневная жизнь, пока весьма часто расходятся с практикой, а поэтому желаемое, как представляется, выдается за действительное.

В-четвертых, тенденция увеличения разрыва между теорией и практикой реализации прав человека, между формальным провозглашением прав человека в условиях глобализации и их реальным осуществлением.

В научной литературе суть этой тенденции довольно четко и последовательно сводится к известным постулатам о том, что «мало провозгласить определенные права и свободы, главное — материализовать их, претворить в жизнь», что «права и свободы человека легко постулируются на бумаге, но очень трудно реализуются в жизни»².

Общепризнанным в виду своей очевидности является тот факт, что круг прав и свобод человека с момента их появления и вплоть до наших дней постоянно расширяется и пополняется все новыми их видами и разновидностями, большинство из которых «официально признается и законодательно закрепляется»³.

Однако это только одна — *количественная, по сути формальная* сторона явления, именуемого правами человека. Она весьма важна и нужна, в том числе для более четкой фиксации и констатации прогресса в развитии прав человека. Но не менее, а скорее более важной представляется *его глубинная, качественная, не формальная, а реальная сторона*, суть которой заключается не в формально-юридическом провозглашении прав человека, а в их жизненном, фактическом воплощении.

Определенный разрыв между теорией и практикой прав человека, как свидетельствует национальный опыт многих, в том числе самых «супердемократических», западных стран, равно как и международный опыт громких деклараций и слабой реализации провозглашаемых прав, существовал практически всегда⁴. Однако он никогда не приобретал характера нарастающей тенденции, как это имеет место в настоящее время, в условиях глобализации.

Причины такого явления самые разнообразные, объективные и субъективные.

В общетеоретическом плане они заключается и обуславливаются уже самим процессом глобализации, который направлен не только на ослабление, а со временем, судя по целевым установкам этого процесса, и на полный уход в небытие национальных государств, но и на «нивелирование» соотносящихся с ним прав.

Ведь не следует забывать, что в настоящее время все права человека, независимо от того, декларируются ли они на международном (глобаль-

¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиск и решения. М., 2001. С. 673.

² Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. С. 268, 269.

³ Caprizo J. Op. cit. P. 375.

⁴ См.: Marx St. The Human Right to Development: Between Rhetoric and Reality // Harvard Human Rights Journal. 2004. Vol. 17. P. 137—167.

ном), региональном или национальном уровнях, обеспечиваются они и реализуются не иначе, как через национальный государственный механизм⁵, ослабление или тем более «упразднение» этого института самой логики событий неизбежно приведет к ослаблению или «упразднению» соотносящихся с ним прав.

Даже если вообразить трудно вообразимое, что в «обозримом будущем», наряду с созданием мирового государства в виде Всемирной конференции государств или в ином виде, как это представляется некоторым авторам, отнюдь не фантастам⁶, будет создан на глобальном уровне соответствующий механизм, направленный на обеспечение прав и свобод «граждан мира», то нетрудно, следуя логике, понять, что в силу «обезличения», а также в силу чрезмерной удаленности по сравнению с национальным государством этого механизма от обычного человека результат неизбежно будет один и тот же — увеличение разрыва между формальными и реальными правами и постепенное сведение последних к технико-юридическому состоянию и содержанию.

3. По мере нарастания процессов глобализации и «вытеснения» национальных государств из сферы прав человека *социальный смысл и реальное содержание их, как подсказывает логика вещей и сама жизнь, неизбежно будут выхолащиваться*. Права человека все больше будут приобретать характер неких технико-юридических наднациональных фантомов.

В более конкретном объективном и субъективном плане причины проявления тенденций нарастания разрыва между теорией и практикой прав человека, между формальными и реальными правами коренятся в следующем: а) во все большем падении жизненного уровня населения многих стран и во все возрастающем разрыве между богатым меньшинством (стран, народов, государств, отдельных индивидов) и бедным, подавляющим большинством; б) в политизации прав человека и в характере проводимой США и рядом других западных государств политики в области прав человека, которая, по заключению экспертов, не только не улучшает положение с правами человека, как это официально заявляется, а, наоборот, еще больше ухудшает. «Основная масса населения, — констатируют исследователи, — оказывает все меньшее влияние на политику государства, которая находится под контролем крупного капитала. Право избирать и быть избранным, свобода слова в значительной мере носят символический характер. И в этом видится основная проблема с утверждением прав человека в развитых странах⁷; в) в использовании двойных стандартов многими западными странами при оценке положения с правами человека на своей территории и за ее пределами⁸. Двойственное отношение к правам человека, обусловленное политическими

⁵ См.: Ibid.

⁶ См.: Явич Л. С. О философии права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4. С. 11.

⁷ Лукашук И. И. Указ. соч.

⁸ См.: Chan St. Human Rights in China and the United States: Competing Versions and Discrepant Performances // Human Rights Quarterly. 2002. № 4. P. 1036—1045.

и иными соображениями, наносит им непоправимый ущерб, дискредитирует их в глазах миллионов людей и не только способствует, а, наоборот, препятствует их реальному укреплению и развитию.

Наряду с названными существуют и иные причины, обуславливающие появление и развитие не только рассматриваемой тенденции нарастания разрыва между формальными и реальными правами человека, между их формальным и реальным содержанием, но и других тенденций в области теории и практики прав человека.

Это, в частности: тенденция *опережающего развития в условиях глобализации коллективных прав* по отношению к индивидуальным правам; тенденции, обусловленные традиционными *противоречиями*, существующими *между социализацией общества*, охватывающей ныне все мировое сообщество, и *индивидуализацией жизни и прав человека*; тенденция *к расширению понятия и предоставления о правах человека*; тенденция не только к интернационализации и регионализации, но и к *универсализации* прав человека; и др.

ЛЕКЦИЯ 36. СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Международное право и международные отношения как явления природы и культуры.
- Системный характер международного права и международных отношений.
- Взаимосвязь и взаимодействие международного и национального права. Основные доктрины.

Международное право и международные отношения как явления природы и культуры

1. В рамках социологии права определенное место занимает *социология международного права* как системы правовых норм, регулирующих разнообразные отношения, возникающие между государствами и другими его субъектами, а также *социология международных отношений* — отношений, урегулированных данными нормами.

Рассмотрение этих явлений с социологических позиций позволяет, с одной стороны, расширять сферу «приложения» социологии права, выйти за пределы национального права, а с другой — в плане более глубокого и разностороннего понимания международного права и международных отношений, исследовать их не только с традиционной для юридической науки, формально-юридической, но и с фактической — социально-политической, идеологической и другой стороны.

С теоретической и практической точек зрения обстоятельное познание международного права и международных отношений не может по логике вещей ограничиться рассмотрением лишь их внутренней структуры, содержания, форм проявления и т. д., т. е. познанием их «самих по себе» и «из себя». Весьма важным при этом является исследование исковых явлений в контексте их разнообразных связей с обществом в целом и с другими социальными явлениями и процессами, в том числе с процессом их возникновения и развития, с социальными функциями международного права и социально-политическими последствиями его действия.

Иными словами, с теоретической и практической точек зрения, а также с методологических и социологических позиций весьма важным представляется, помимо всего прочего, исследование международного права и международных отношений, как и любого иного права, в их «социальном выражении, проявлении и измерении»¹.

Последнее вполне допустимо и оправданно предпринять по аналогии с процессом социального познания национального права, с учетом, разумеется, тех особенностей, которые свойственны искомому явлению и прежде всего международному праву.

Допустимость и оправданность такого рода аналогии обуславливается прежде всего тем, что, несмотря на своеобразие каждого из рассматриваемых правовых массивов — национального и международного права, по своим сущностям и многим содержательным параметрам они выступают и проявляются тем не менее не иначе, как *общеродовые* —

¹ Юридическая энциклопедия / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 2001. С. 1029.

правовые, а не, скажем, как экономические или иные *явления*, и, соответственно, отражающие их понятия. Это — во-первых. Во-вторых, и национальное, и международное право не возникают и не развиваются «сами собой», стихийно, а являются порождением целенаправленной человеческой воли и человеческого разума. И в-третьих, национальное и международное право в плане их общности проявляются не только на сущностном и содержательном уровнях, но и на формально-юридическом уровне. Речь идет, в частности, об общности их субъектов права, в качестве каковых в каждой из рассматриваемых систем выступают юридические и физические лица; имеется в виду факт наличия в национальном и международном праве императивных правовых норм; и др.

Что же касается *особенностей международного права*, по сравнению с национальным правом, то они, как и общность рассматриваемых правовых систем, касаются самых различных их сторон и аспектов. Нередко, как известно, одна и та же их сторона или аспект содержится в себе, наряду с общими для них чертами, также и свои особенности.

В качестве примера можно сослаться на содержательную сторону международного и национального права или же на их формально-юридический аспект.

При наличии, в частности, общих субъектов права, международное право в то же время отличается от национального права тем, что основным его субъектом является государство, а не иные субъекты, как это имеет место в национальном праве.

Обладая общностью в плане наличия в своей структуре общеобязательных, императивных норм, международное право отличается в то же время от национального тем, что в нем они занимают гораздо меньшее место, чем в национальном праве, где по общему правилу доминируют не диспозитивные, а императивные нормы.

Разумеется, место и роль императивных положений, выступающих в международном праве в виде *императивных принципов*, к которым, по мнению известного ученого-международника Г. И. Тункина, следует отнести «по существу, все основные общепризнанные принципы современного международного права», а также «*общепризнанные нормы международного права*», наличие которых, «отнюдь, не мешает прогрессивному развитию международного права», поскольку «они не препятствуют созданию новых норм, идущих дальше старых в направлении обеспечения мира и дружественных отношений между государствами»¹, — место и роль императивных положений в международном праве не следует преувеличивать, но в то же время их нельзя преуменьшать. Необходимо лишь еще раз констатировать, что императивные положения занимают в международном праве гораздо меньшее место, чем в национальном праве, подчеркивая тем самым, что, наряду с общностью искомых правовых систем, в формально-юридическом и содержательном аспекте у каждой из них имеются и свои особенности.

¹ Тункин Г. И. Теория международного права / под ред. Л. Н. Шестакова. М., 2000. С. 140, 142.

Выделяя общность международного и национального права, позволяющую рассматривать в социологическом и ином плане первое по аналогии со вторым, и в то же время, акцентируя внимание на особенностях международного права, Г. Еллинек, не без оснований утверждал, что многие признаки национального права «в значительной мере присущи и международному праву». Существенное же отличие, однако, международного права от национального («государственного»), подчеркивал автор, заключается в том, что «первым не регулируются отношения властвования и подчинения, ибо оно есть право между координированными элементами». В этом праве, заключал ученый, «авторитетами, устанавливающими международное право и в то же время связанными им субъектами являются именно сами государства»¹.

Рассматривая другие особенности международного права по сравнению с национальным правом, исследователи обращают внимание также на такие его стороны и аспекты, как: а) *его преимущественно политический характер*. Согласно взглядам Ш. Монтескье, например, международное право — это «политическое право»². Поскольку в это время не было деления данного права на публичное и частное, то речь шла о международном праве как таковом, фактически представлявшим собой публичное право; б) *«внешняя» цель и соответствующая направленность* международного права по сравнению с национальным правом. Если непосредственной целью национального права является установление и поддержание твердого правопорядка внутри страны, то международное право, по мнению И. Канта и его последователей, создается государствами «для защиты извне»³; в) *преимущественно политические и социальные гарантии* международного права по сравнению с национальным правом, реализация норм которого обеспечивается также и правовыми гарантиями.

«Публичное право, как и всякое право, — писал по этому поводу Г. Еллинек, — обеспечивается тройкого рода гарантиями: гарантиями социальными, политическими и правовыми». Но право существует «не исключительно там, где имеются правовые гарантии», — рассуждал автор и добавлял: «в частности, это относится к международному праву, гарантии которого имеют преимущественно социальный и политический характер».

Социальные гарантии международного, равно как и национального права, обеспечиваются такими «великими социальными силами», как религия, мораль, общественные нравы и другие «культурные факторы». В своей совокупности, отмечал Г. Еллинек, они представляют собой «могущественнейшее фактическое ограничение всякого произвола,

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 274.

² Монтескье Ш. О духе законов // История политических и правовых учений: хрестоматия / составители Г. Г. Демиденко, Г. А. Борисов. Белгород, 1999. С. 264.

³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 584.

даже поскольку он возможен с абстрактно юридической точки зрения, и с силой, превосходящею влияние сознательной воли»¹.

Что же касается политических гарантий международного права, то они, справедливо утверждает автор, «заключаются в реальном соотношении сил организованных государственных факторов: самих государств в международно-правовых отношениях и органов государства в отношениях государственно-правовых»².

2. Наряду с названными особенностями, международное право, так же как и неразрывно связанные с ним международно-правовые отношения, имеют и другие особенности. Однако они по своей природе и характеру не могу служить препятствием на пути познания международного права с социологических и иных позиций по аналогии с национальным правом.

Помимо всего прочего это означает, в частности, что при рассмотрении вопроса о том, являются ли международное право и международные отношения явлениями природы или культуры, вполне допустимо и оправданно исходить *из аналогии и накопленного опыта* решения данного вопроса применительно к национальному праву.

Как и при решении искомого вопроса относительно национального права, так и международного, при рассмотрении его сущности и содержания неизменно встает другой, неразрывно связанный с ним вопрос. А именно: в какой мере международное право и международные отношения изначально являются природными феноменами, если они вообще таковыми являются, и в какой мере они выступают как порождение человеческой культуры, как исключительный продукт человеческого разума и всего общества?

Отвечая на данные и другие, им подобные вопросы применительно к национальному праву («закону»), а вместе с ним и к международному, исследователи разных эпох, вплоть до современной, придерживаются далеко не одинаковых взглядов и подходов к их разрешению.

Если одни из них — преимущественно мыслители ранних и последовавших за ними — средних эпох исходят из того, что закон «*есть заложенный в природе высший разум*, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное»³; т. е. при этом приоритет в соотношении природного и культурного (социального) в праве фактически отдается первому по отношению ко второму, то другие, в основном современные исследователи, считают, что право вообще и международное право в частности «как условие современного международного общения принадлежит к числу *культурных ценностей* современной цивилизации» и это не подлежит оспариванию»⁴.

¹ Еллинек Г. Указ. соч. С. 584.

² Там же.

³ Цицерон. О государстве // История политических и правовых учений: хрестоматия. Воронеж. 2000. С. 194.

⁴ Кожевников Ф. И. Русское государство и международное право/ под ред. Л. Н. Шестакова М., 2006. С. 8.

Связывая процесс зарождения международного права «непосредственно с возникновением государства» т. е. — с *культурой общества*, а не с природой, авторы вполне естественно исходят из того, что «каждому историческому типу классового общества — рабовладельческому, феодальному, капиталистическому — соответствует свое международное право» как «совокупность исторически изменяющихся правил поведения (норм конвенционных и обычных), регулирующих политические, экономические и другие отношения борьбы и сотрудничества государств во время мира и войны»¹.

Наряду с зарождением международного права, ассоциирующимся с возникновением государства, «естественным и неизбежным следствием» его возникновения, по мнению исследователей, явились также и *международные отношения*», возникшие между государствами в экономической, политической и других сферах жизни международного сообщества².

По аналогии с национальным правом, каждый тип которого соотносится и регулирует определенный, соответствующий ему тип общественных отношений, международное право также на каждом этапе своего развития соотносится и регулирует только исторически соответствующие ему межгосударственные и иные отношения.

Подходя к рассмотрению международного права и международных отношений с социологических позиций как к преимущественно культурным, а не природным феноменам, Г. Еллинек отмечал, что если международное право «формально основано на воле отдельных государств и от нее получает свою правовую санкцию, то материально она соответствует, однако, чему-то высшему, выходящему за пределы отдельного государства»³. В этом пункте, пояснял ученый, «проявляется связь международного права с учением об обществе». А поскольку общественные интересы «нередко далеко выходят за пределы отдельного государства и сами государства как социальные образования, составляют общественные группы, — заключал исследователь, — то содержание международного права существенно определяется всей совокупностью этих международных социальных отношений»⁴.

3. По вопросу, касающемуся содержания природного и культурного (социального) в международном праве, высказываются и многие другие авторы. Причем речь не идет о попытках выяснения того, в каком объеме или соотношении изначально и в последующем находятся элементы природного и социального в содержании международного права.

Вопрос ставится по-иному. А именно является ли международное право по своему характеру, своей сущности и содержанию *изначально* природным или социальным (культурным) феноменом?

¹ Кожевников Ф. И. Указ. соч. С. 3.

² Там же.

³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 276.

⁴ Там же.

Для современного исследователя международно-правовой материи такая постановка вопроса, как и сам вопрос, может показаться тривиальным, а более того — надуманным. Но это кажется только на первый взгляд. А в плане более обстоятельного научного познания исследуемой материи вопрос выглядит иначе, ибо касается не столько традиционно-го, несколько поверхностного умозаключения, где международное право представляется *лишь в формально-юридическом плане*, сколько его глубинного познания, выявления и анализа его как социальных, так и природных истоков, основных причин его появления и последующего развития.

Используя различные подходы к познанию истоков и глубинной сути международного права, а вместе с ним и международных отношений, исследователи данной материи, в частности Ш. Монтескье, не случайно зачастую делали акцент на том, что «бесконечное разнообразие» законов и нравов «не вызвано единственно произволом» фантазии людей и что всем положительным законам «предшествуют законы природы».

Законы, писал Ш. Монтескье в своем широко известном труде «О духе законов», «в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей». Тот закон, рассуждал автор, который, «запечатлев в нас идею творца, влечет нас к нему, в ряду *естественных законов* занимает первое место по своей важности». «Мир, — доказывал просветитель, — является первым естественным законом человека»; «стремление добывать пищу будет вторым естественным законом человека»; «влечение к сближению» различных людей и сообществ составляет «третий естественный закон человека», и, наконец, «желание жить в обществе есть четвертый естественный закон человека»¹.

На основе этих и других им подобных естественных законов, пояснял исследователь, возникают соответствующие им положительные законы, в том числе и те, которые «определяют отношения между различными народами» и наполняют собой международное право².

Подобного рода законы, заключал Ш. Монтескье, как «разум человеческий, насколько он управляет народами земли», должны находиться «в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены», и «должны соответствовать *физическим* свойствам страны, ее климату, качествам ее почвы, ее положению, ее величию, образу жизни ее народов», «религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям», а также «состоять в известном отношении друг к другу, к условиям своего происхождения, к целям законодателя и к порядку вещей, на котором они утверждаются»³.

Рассуждения Ш. Монтескье, а также других авторов по поводу того, что всем положительным законам «предшествуют законы природы» ка-

¹ Монтескье Ш. О духе законов. С. 263.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 265.

саются не только национального, но и международного права — права, посредством которого регулируются отношения между народами».

Из этого следует, что естественные, «природные» элементы имеют место не только в национальном, но и в международном праве. Их не следует, однако, воспринимать прямолинейно в виде некоего механического или иного перехода законов природы в положительные законы.

Несомненно, Г. Гроций был прав, когда писал, что природное право, «право естественное распространяется не только на то, что находится непосредственно в зависимости от человеческой воли, но также и на многие последствия, вытекающие из актов человеческой воли»¹.

Но это не значит, что «право естественное» может тем или иным путем перетекать в право положительное стихийно, само собой, не целенаправленно.

«Цель права — мир, путь к нему — борьба», — писал по этому поводу Р. Иеринг. Право, подчеркивал автор, «это неустанная работа, и работа не только государственной власти, но всего народа. Вся жизнь права, в общем и целом, являет то же зрелище безостановочной борьбы и труда целого народа, какое представляет деятельность последнего в области экономического и умственного производства»².

«Перетекание» «природного» естественного права в положительное, в том числе в международное, право происходит не в прямом смысле, как некий переход правовой материи из одного состояния в другое, а в смысле непосредственного и весьма активного *влияния природных факторов и явлений на правовую среду* и прежде всего — на процесс формирования и развития национального и международного права.

Такое влияние наиболее глубоко и ощутимо сказывается на *сущностном и содержательном уровнях* развития национально-правовой и международно-правовой материи, где, в частности, при формировании и развитии международного, впрочем, как и национального права, нельзя не учитывать такие, по сути, природные в широком смысле явления, как сложившиеся в той или иной стране и в отношениях между государствами исторические и иные *традиции и обычаи*, созданные «не общим согласием членов международного сообщества, а в силу «продолжительной практики взаимосвязи и взаимодействия различных государств»³. Нельзя не учитывать также таких природных и психологических феноменов, как «*национальный дух*», «народное сознание», из недр которого произрастает, согласно естественно-правовой доктрине Г. Пухты, обычное право, а из обычного — позитивное право. Важно учитывать кроме того такие природные и психологические явления и соответствующие категории, именуемые «*здравым смыслом*». Или «*здравым разумом*», которые рассматриваются Гуго Гроцием в виде «предписания» для естественного права, «коим то или иное действие, в зависимости от его

¹ Гроций Г. О праве войны и мира // История политических и правовых учений: хрестоматия. С. 179.

² Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1908. С. 3—4.

³ Kelsen H. Principles of International Law. N. Y., 1967. P. 444.

соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым; а следовательно, такое действие или воспрещено, или же предписано самим богом, создателем природы»¹.

Под воздействием названных и иных им подобных факторов складываются *фактические* («материальные» в широком смысле) отношения, на которые «накладываются» соответствующие правовые нормы и которые, в силу этого приобретают *формально-юридический характер* и становятся собственно международно-правовыми и внутригосударственными отношениями.

Вполне понятно и естественно, что на *формально-юридическом уровне*, в силу того, что в процессе формирования и развития международного права и международно-правовых отношений, возникающих между различными человеческими сообществами и порождаемыми или государственными институтами, последние играют доминирующую роль, то на первый план выступают не природные, естественные, а социальные (культурные) факторы.

В процессе последующего стабильного развития и совершенствования международно-правовых отношений и самого международного права между их фактическим и формально-юридическим уровнем должен непременно поддерживаться вполне определенный естественно-правовой («природный») и социальный («культурный») баланс.

В переводе на язык практики это означает помимо прочего, что формируемое и развиваемое международное право как явление, содержащее в себе элементы природы и культуры, должно адекватно отражать и закреплять опосредуемые им политические, экономические, культурные, научные и иные, складывающиеся между различными государствами отношения. Нарушение адекватности чревато *выхолащиванием фактического содержания* принципов и норм международного права² и превращением их в малозначачие в практическом отношении акты, «наполненные» лишь *формально-юридическим содержанием*.

Системный характер международного права и международных отношений

1. Подобно национальному праву международное право представляет собой социальное образование, состоящее не из случайного набора случайных правовых норм, а из их объективно обусловленной системы, адекватно отражающей и регулирующей систему складывающихся между государствами и другими субъектами международного права отношений. Системный характер международных отношений выступает *в качестве основы*, на которую опирается, на которой формируется и которой обуславливается системный характер международного права.

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 178.

² Domingo R. The Crisis of International Law // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42, № 5. P. 1543—1593.

Система международного права, как и любая иная подобного рода система, является весьма сложным и многогранным образованием, состоящим из определенных *элементов*, обладающим *системообразующими связями* и, как следствие — определенной *целостностью*, находящимся в постоянной взаимосвязи и взаимодействии с *окружающей ее средой*.

В качестве структурных элементов системы международного права как *общей* по своей природе и характеру *системы* можно условно выделить *международное публичное право*, в основе которого находятся нормы, регулирующие преимущественно отношения, возникающие между государствами, и *международное частное право*, предметом которого является, по заключению специалистов в сфере международного права, «регулирование гражданско-правовых отношений с иностранными элементами»¹.

Международное публичное право и международное частное право с определенными оговорками можно рассматривать в виде частных систем (подсистем) и одновременно в качестве *первичных элементов* общей системы международного права.

Оговорки при этом касаются в основном системы (подсистемы) международного частного права, которая хотя и не отделена от международного публичного права «резкой разграничительной линией», поскольку между нормами и институтами международного публичного и частного права существует тесная связь, но тем не менее согласно господствующей концепции она зачастую рассматривается как составная часть не международного, а национального права².

Не касаясь данного вопроса по существу, следует, однако, заметить, несмотря на значительные отличия международного частного права от международного публичного права³, которое традиционно рассматривалось и рассматривается вне всяких оговорок, как «настоящее» международное право, международное частное право, имеющее в своем содержании международно-правовой аспект, необходимо также, как представляется, рассматривать в качестве неотъемлемой составной части общей системы международного права.

Будучи первичными элементами общей системы международного права, международное публичное и международное частное право как частные системы (подсистемы) состоят, в свою очередь, из формирующих их, первичных по отношению к ним и вторичных по отношению к общей системе международного права элементов.

В качестве последних *в зависимости от конкретных целей системного познания* международного публичного и международного частного права могут рассматриваться, например, отдельно взятые, сформированные или формирующиеся *отрасли права, институты права* и даже отдельные

¹ Богуславский М. М. Международное частное право. 3-е изд. М., С. 31.

² Там же. С. 13, 15.

³ См.: Петерский И. С., Крылов С. Б. Международное частное право. М., 1959; Чешир Дж., Норт П. Международное частное право. М., 1982; Луц Л. А., Марышева Н. И., Садиков О. Н. Международное частное право. М., 1984; др.

правовые нормы, в качестве структурных элементов которых выступают содержащиеся в них гипотезы, диспозиции и санкции.

Кроме того, в процессе системного познания международного публичного и частного права в качестве их структурных элементов на разных уровнях могут рассматриваться и другие компоненты, такие, в частности, как *источники права*.

Применительно к **международному публичному праву** в качестве основных источников — элементов данной системы права выступают: *международный договор*, под которым понимается письменное соглашение, заключенное в соответствии с правовыми предписаниями, между субъектами международного права; *международно-правовой обычай*, рассматриваемый в соответствии со Статутом Международного Суда ООН (ст. 38) как «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы», *основные принципы международного права*, изложенные в Уставе ООН и других, международно-правовых документах, содержащих в себе императивные нормы¹; *акты-предписания государствам — членам международных организаций или органов*, «имеющих для таких государств юридически обязательный характер или приобретшие такой характер в силу четко установившейся практики данной организации или органа»²; *решения международных арбитражных и иных судов*, касающиеся тех или иных конкретных дел; *односторонние юридические акты-обязательства государств*, выступающие в форме официального заявления государства, обращенного ко всем другим государствам или к некоторым из них и содержащие «обязательство определенного, юридически значимого поведения государства во взаимоотношениях с указанными им другими государствами»³.

Основными источниками — структурными элементами **международного частного права**, рассматриваемого в системном плане, являются: *международные договоры*; соответствующие *национальные законодательные акты*; *судебная практика* — практика рассмотрения дел «с иностранным элементом» национальными и международными арбитражными и иными судами; и *обычаи*.

В научной и учебной литературе верно отмечается, что «удельный вес видов источников международного частного права в разных государствах неодинаков». Больше того, нередко в одной и той же стране в зависимости от особенностей тех или иных отношений «применяются нормы, содержащиеся в различных источниках»⁴.

Однако, это не только не отрицает, а, наоборот, всячески предполагает их упорядоченный, системный характер. Как в международном публичном, так и в международном частном праве — частных системах, или подсистемах общей системы международного права в качестве

¹ Cassese A. International Law. Oxford. 2005. P. 46—68.

² Ушаков Н. А. Международное право // Юридическая энциклопедия / под общ. ред. Топорнина Б. Н. М., 2001. С. 215.

³ Там же.

⁴ Богуславский М. М. Международное частное право. С. 46.

структурных элементов на различных уровнях этих систем выступают не только различные образующие систему отрасли права, институты и нормы права, но и *источники права*.

Системный характер последних, равно как и других структурных элементов общей системы международного права, является не стихийно сложившимся и не случайным, а объективно обусловленным возникающими и развивающимися в международном сообществе отношениями между государствами и другими субъектами международного права, феноменом.

Не в последнюю, а с социологической точки зрения — в первую очередь это касается отношений, возникающих между «особыми субъектами международного права» — народами¹. «Особыми», или «специальными», субъектами их называют в силу обладания ими, в соответствии с принципом равноправия и самоопределения народов, правом на самоопределение, т. е. правом, согласно которому все народы «свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие»².

2. Не вдаваясь в подробности, следует заметить, что от характера отношений между различными народами и государствами как официальными представителями «своего» общества в решающей степени зависит характер опосредующих эти отношения международно-правовых норм и других элементов системы международного права, в том числе и источников права.

От этого же в полной мере зависит также уровень развития *системообразующих связей* между различными элементами международного права как общей системы, а вместе с тем и *уровень ее целостности*.

Как известно, целостность, будучи одной из важнейших системно-структурных категорий, вместе с формирующими ее системообразующими связями играет весьма важную роль не только в установлении характера и уровня развития исследуемой системы³, но и в определении основных тенденций и перспектив ее развития в будущем.

Применительно к международному праву как к общей системе, так же как и в отношении других социальных систем, теоретически и практически значимым представляется иметь в виду и учитывать в процессе системного познания международного права не только сам факт существования определенного уровня его целостности, но и то, на какой социально-нормативной основе формируется и развивается эта целостность.

Для ранних и более поздних этапов формирования и развития международного права, когда даже о названии данной дисциплины шел спор, в ходе которого Г. Еллинек утверждал, что «изобретенный» Бента-

¹ Подробнее об этом см.: Курс международного права. Т. I—VII. М., 1967—1970.

² Декларация «О предоставлении независимости колониальным странам и народам» от 14 декабря 1960 г. // Права народов. Международные документы и российские законодательные акты. М., 2006. С. 19.

³ Синельников Б. М., Горшков В. А., Свечников В. П. Системный подход в научном познании. М., 1999. С. 62—78.

мом термин «интернациональное (международное) право», означающий «нормирующее отношение между государствами», является не точным и может вводить в заблуждение», и что «вернее было бы вместо *Jus inter* или *nations* говорить о межгосударственном праве»¹, — для этих этапов характерным было говорить об общем международном праве как об *обычном праве*. Развивалась концепция, согласно которой общее международное право как целостное образование «создается только путем обычая» и в силу этого «оно есть обычное право, действительное для всех государств, принадлежащих к международному сообществу»².

Выражая свое мнение по данному вопросу, Г. И. Тункин справедливо отмечал, что «концепция, согласно которой общее международное право является исключительно обычным правом, была правильной во времена Ваттеля и даже в XIX в.». Однако в настоящее время, — заключал ученый, — эта концепция устарела и не отражает современной международно-правовой действительности»³.

В отличие от прежних этапов развития общего международного права в настоящее время его целостность зачастую рассматривается не с позиций обычного или же договорного права, как это было в конце XIX в. и в последующий период, а *в контексте глобализации* — с позиций так называемого глобального права.

Исходя из тезиса о том, что современное международное право находится в глубоком кризисе и не может отвечать на вызовы времени, ряд западных авторов считают, что «юристы XXI века должны искать новый курс его развития, также как в свое время это делали отцы-основатели так называемого классического международного права». Ибо только тогда, утверждают исследователи, когда вместо существующего «классического» международного права будет создана «глобальная правовая система», можно будет говорить о возможности адекватного ответа на вызовы времени и о «преодолении» существующих дефектов и «разрывов» в действующем праве⁴.

Современная же система международного права, заключают авторы, функционирующая в условиях нарастающей глобализации, когда «государства интернационализируются, а общество глобализируется», не способна со своими устаревшими принципами и доктринами, «неприемлемыми для общества подлинного солидаризма и универсализма» решить возникающих на международной арене проблем⁵.

3. Наряду с данной позицией в отношении темы современного международного права и соответственно уровня ее целостности, высказываются и другие, прямо противоположные мнения, суть которых заключается в том, что «классическое» международное право и его общепризнанные, фундаментальные принципы отнюдь не утратили своего

¹ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 85.

² *Kelsen H.* Principles of International Law. P. 17.

³ *Тункин Г. И.* Теория международного права. С. 122.

⁴ *Domingo R.* The Crisis of International Law. P. 1545.

⁵ *Ibid.* P. 1546.

прежнего значения и по-прежнему воспринимаются мировым сообществом как «руководящие начала» международных отношений» и как «всеобщие правовые стандарты»¹.

Вопрос о состоянии, а также о месте и роли общей системы международного права в современном мире активно обсуждается и решается специалистами в области международного права и международных отношений в основном с юридических и политических позиций. С социологической же точки зрения в плане системного рассмотрения международного права как целостного образования, теоретически и практически важным представляется обратить внимание на то, что независимо от рассмотрения международного права в аспекте его целостности с позиций «обычного» или «глобального» права в качестве исходного положения при этом всегда предполагается наличие *определенной социальной основы* в виде глобального или регионального гражданского общества.

Аксиоматичным в данном и других подобных случаях представляется тот факт, что целостность международного права как один из признаков его системности, как и сама системность, могут возникать и развиваться не иначе, как только на основе целостности и системности всего международного сообщества, *на базе* возникающих в нем *системных отношений* — отношений между государствами и другими субъектами международного права.

Констатируя данный факт, трудно не согласиться с И. Кантом в том, что «проблема создания совершенного гражданского устройства», в том числе и правового, «зависит от проблемы установления законосообразных *внешних отношений между государствами* и без решения этой последней не может быть решена»². Природа, отмечал мыслитель, используя печальный «опыт» разрушительных войн и «чрезвычайной напряженности», связанной с «никогда не ослабевающей подготовкой к ним», заставила людей «выйти из незнающего законов состояния диких и *вступить в союз народов*, где каждое, даже самое маленькое государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил или собственного справедливого суждения, а исключительно от такого великого союза народов (*foedus Amphictyonum*), от объединенной мощи и от решения в соответствии с законами объединенной воли»³.

Несомненно, великий ученый был прав, когда рассуждал о зависимости процесса создания «совершенного гражданского устройства», включающего в себя и международно-правовой феномен, от процесса установления «законосообразных внешних отношений между государствами».

¹ Матвеева М. Д. Актуальные проблемы прогрессивного развития международного права в условиях глобализации // Евразийский юридический журнал. 2012. № 5. С. 29.

² Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. К вечному миру / вст. ст. и примечания С. Ф. Ударцева. Алматы. 1999. С. 54.

³ Кант И. Указ. соч. С. 55.

Однако, как показывает мировой общественно-политический опыт, весьма важно при этом только установить «законосообразные» отношения между государствами и народами как социальную основу общей системы международного права, но не менее важно их сохранить, расширить и углубить. К тому же проблема установления такого рода отношений между государствами — это прежде всего проблема межгосударственных союзов и образований, нежели глобального общества¹.

Несомненно, она имеет определенное отношение к проблемам формирования и развития международного сообщества как социальной основы общей системы международного права, поскольку этот процесс во многом предопределяется межгосударственными отношениями, но далеко не исчерпывает их.

На процесс формирования и развития современного международного сообщества, системный характер которого обуславливает в конечном счете системность международного права и его составных частей, наряду с государствами оказывают значительное влияние и другие международно-правовые и неправовые социальные институты.

Взаимосвязь и взаимодействие международного и национального права. Основные доктрины

1. Вопрос о характере взаимосвязи и взаимодействия международного права, социальную основу которого составляет международное сообщество, с национальным правом, возникающим и развивающимся на базе национального общества, является далеко не новым, а тем более не оригинальным. Как свидетельствуют многочисленные исследования, касающиеся данной проблемы², возник он фактически одновременно с зарождением международного права и остается до конца нерешенным, наряду с отсутствием «общепризнанного определения самого понятия международного права»³, по сей день.

В процессе изучения и установления характера отношений международного и национального права исследователями были разработаны и широко используются основные доктрины, касающиеся взаимосвязи и взаимодействия рассматриваемых правовых феноменов. Это монистическая доктрина в двух ее вариантах и дуалистическая.

¹ *Miranda L.* The Role of International Law in Intrastate Natural Resource Allocation: Sovereignty, Human Right and Peoples-Based Development // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. 2012. Vol. 45. № 3. P. 785—840.

² *Игнатенко Г. В.* Взаимодействие внутригосударственного и международного права. Свердловск, 1981; *Буткевич В. Г.* Соотношение внутригосударственного и международного права. Киев, 1981; *Толстик В. А.* Иерархия российского и международного права. М., 2001; *Гаврилов В. В.* Понятие и взаимодействие международных и национальных правовых систем. Владивосток, 2005; *Умнова (Конюхова) И. А.* Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М., 2006; *Ершов В. В.* Международное и внутригосударственное право с позиций легизма и интегративного понимания права // *Российское правосудие*. 2011. № 8; и др.

³ *Кожевников Ф. И.* Указ. соч. С. 4.

Монистическая доктрина по своей сути и содержанию сводится, кратко говоря, к тезису, выдвинутому в свое время Г. Кельзенем и развитому его сторонниками, о том, что в современном мире нет разных правовых систем в виде международного национального или наднационального права, а есть единая, «универсальная правовая система», составными частями которой они являются.

При этом предполагается, вопреки реальной действительности и сложившейся практики взаимоотношений между различными правовыми системами, что не только национальные, но и само международное право не имеет ни своей собственной идентичности, ни самодостаточности, ни относительной самостоятельности¹.

С социологической точки зрения это означает также, что у каждой из этих систем нет не только своих, идентифицирующих их признаков и черт, но и «своей», окружающей каждую из них социальной и иной среды.

Подвергая критическому анализу подобные монистические воззрения на международное и национальное право, известный английский ученый-юрист, специалист в области международного права Л. Оппенгейм не без основания писал, что монистическая доктрина неправомерно отрицает многие вполне очевидные доводы и положения. А именно то, что: а) субъекты обеих систем права существенно различны и что в обеих системах в конечном счете «регулируется поведение индивидуумов», с той лишь разницей, что в сфере международной жизни «последствия такого поведения приписываются государству» и б) в обеих сферах права существенным является предписание, «обязательное для субъектов права, независимо от их воли».

Кроме того, справедливо замечает автор, данная доктрина неправомерно утверждает, что международное право и внутригосударственное право, «не имеющие между собой существенных различий, должны рассматриваться как проявления единой концепции права»².

И это не только «по мотивам терминологии», поясняет Оппенгейм, согласно которым было бы неправильно давать одно и то же наименование «двум существенно различным системам норм, регулирующих одно и то же поведение». Главный довод в пользу идентичности «в основном обеих сфер права» состоит в том, как утверждает эта доктрина, что ряд коренных понятий международного права «не может быть понят без предположения о некоем высшем правовом порядке, из которого вытекают различные системы внутригосударственного права, в известном смысле путем делегирования. Пределы персональной и территориальной компетенции государств определяются международным правом»³.

Для определения реального статуса международного права, а вместе с тем возможности его исследования как относительно самостоятельной системы права в сравнительном плане с национальными системами

¹ Ratnapala S. Jurisprudence. Cambridge. 2009. P. 86—89.

² Оппенгейм Л. Международное право. Т. I. Мир. М., 1948. С. 56.

³ Там же. С. 55—56.

права следует, как представляется весьма критически относиться к основным постулатам монистической доктрины, а вместе с тем — и к разрабатываемым западными исследователями ее различным вариантам.

2. В рамках общей монистической доктрины, опирающейся на тезис о существовании в современном мире единой, «универсальной правовой системы» и единого, «глобального правового порядка», по истечении определенного времени с момента появления ее в завершенном виде, сложилось *два различных ее варианта* (разновидности), *или концепции*¹.

Несмотря на общность позиций по основным, принципиальным вопросам, взгляды сторонников этих концепций значительно отличаются друг от друга: среди них выделяются сторонники *примата национального права над международным* и сторонники *верховенства международного права над национальным*.

Первая концепция, фактически определяющая международное право как отрасль права внутригосударственного, основана на взглядах Гегеля о государстве и праве.

Рассматривая государство как «дух в его субстанциональной разумности и непосредственной действительности», Гегель считал, что государство наделено «абсолютной властью на земле», а потому вправе по собственной воле изменять нормы как внутригосударственного, так и международного права².

По мнению советского ученого-юриста Р. А. Мюллерсона, подобная концепция ведет к международно-правовому нигилизму³. Кроме того, история демонстрирует трагический опыт осуществления этих взглядов на практике. Хорошо известно, что эта идея получила широкое распространение в Германии в XIX — начале XX в., оправдывая фашизм и отказ от общепринятых норм международного права. Большинство современных исследователей склонны считать, что в настоящее время эта концепция представляет чисто исторический интерес. Однако трудно не согласиться с точкой зрения некоторых российских исследователей, что почва для нее существует и сейчас, если рассматривать объявление конкретным государством зоной действия его интересов весь мир (или любую его часть, выходящую за пределы его государственной территории).

Значительно большее распространение получила **вторая монистическая концепция**, *отдающая предпочтение международному праву перед национальным*. Она появилась после Первой мировой войны и в тот период выражала стремление государств Антанты навязать миру свой правопорядок. Таким образом, «примат международного права в переводе на ясный политический язык означал бы примат воли крупных держав, навязываемой ими другим государствам в форме решения международных

¹ Jacobs Fr., Roberts Sh. (eds.) The Effect of Treaties in Domestic Law. Vol. 7. L., 1997. P. XXIV—XXVI; Warning M / Transnational Public Governance. Networks, Law and Legitimacy. N. Y., 2009. P. 17—21; etc.

² Гегель. Философия права. М.; Л., 1934.

³ Мюллерсон Р. А. Конституция СССР и вопросы соотношения международного и национального права. М., 1980.

органов или в форме международных соглашений»¹. Наиболее полно концепция примата международного права над национальным разработана Г. Кельзеном в его трудах «Чистая теория права» (1934) и «Принципы международного права» (1952).

Г. Кельзен фактически не видел различий между национальным и международным правом, за исключением способа их образования. На этом основании он считал, что они образуют *единый правопорядок*, однако международное право играет значительно более важную роль, так как, по мнению автора, создает возможность сосуществования множества государств, определяя территориальную сферу их деятельности и способ регулирования внутренних вопросов. Согласно концепции Г. Кельзена, и то и другое право не различаются по объекту регулирования на том основании, что международное право регулирует вопросы не только внешней политики, но и все внутренние проблемы, которые являются объектами международных договоров или станут ими рано или поздно. Предполагается, что нормы международного права могут регулировать самый широкий спектр вопросов: от внутрисоциальных до определения форм государства (в частности, устанавливать форму правления). И наконец, Г. Кельзен, считая, что у национального и международного права единая цель — предотвращать вредное для общества поведение людей и поощрять полезное, находит, что у них общий субъект, включая индивида. Таким образом, Г. Кельзен приходит к выводу о повсеместном распространении норм международного права и, следовательно, его приоритете по отношению к национальному праву.

Отечественные исследователи вполне обоснованно усматривали истоки монистической концепции Г. Кельзена в его «чистой теории права», с помощью которой предпринималась попытка деидеологизировать понятия права, государства и отрицалась их политическая природа². В русле теории *государство отождествлялось с корпорацией*. Главное отличие государства от любой другой организации Г. Кельзен видел в наличии у него суверенитета, считая, однако, что государство может быть суверенным только если существует примат национального права. Р. А. Мюллерсон видел ошибку Г. Кельзена в «неправильном подходе» к понятию государственного суверенитета. «Признание государства суверенным, не означает, что оно не подчиняется нормам международного права. Это означает, что оно не подчиняется другим государствам. Однако подчинение государства нормам международного права не предполагает признания примата международного права над национальным»³.

Известный советский ученый Г. И. Тункин характеризовал подход Г. Кельзена к вопросу о соотношении международного и национального

¹ Тункин Г. А. Право и сила в международной системе. М., 1983. С. 83.

² Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 11—16.

³ Мюллерсон Р. А. Указ. соч. М., 1982. С. 12.

права как недиалектический, что обозначилось точкой зрения о «недопущении существования различных, но взаимосвязанных систем права»¹.

Наряду с выделением различных вариантов монистической теории *на основе приоритета международного и национального права* по отношению друг к другу, в зарубежной литературе рассматриваются и другие ее разновидности. В частности, выделяются различные варианты — «категории» данной доктрины в зависимости от того, уделяется ли перво-степенное внимание сторонниками и исследователями «универсальной правовой системы» и единого, «глобального правопорядка» правам человека и его благосостоянию² или же их «монистические взгляды и позиции строятся на сугубо формальной логической основе»³.

Данная градация монистической теории, по справедливому замечанию аналитиков, так же как и позиция авторов-монистов по поводу безусловного приоритета международного права по отношению к национальному праву, порождая довольно много сомнений и споров, имеет скорее не юридический, а моральный⁴ и социально-политический характер. С практической точки зрения она не согласуется ни с политической, ни с социальной реальностью.

3. Наряду с монистической доктриной в процессе исследования характера отношений международного и национального права с социально-политических и иных позиций широко используется *дуалистическая доктрина*.

Суть ее заключается в полном признании самостоятельного характера как системы международного права, так и системы внутригосударственного, или национального, права.

Основные положения доктрины дуализма вытекают и покоятся на краеугольных постулатах позитивистской школы права.

Основатели и последователи дуалистической доктрины, возникшей и получившей в зачаточном виде свое распространение еще в конце XIX — начале XX в., исходили из того, что самостоятельность и независимость международного права и национальных правовых систем является объективным явлением, обусловленным многими социальными факторами.

В их числе, например, особенности предметов регулирования рассматриваемых нормативных систем: международное право регулирует отношения главным образом между государствами, а национальное право — внутренние вопросы между гражданами или между государством и гражданами. Именно поэтому ни один из этих правопорядков не может создавать или изменять нормы другого. Механизм осуществления международно-правовых норм в рамках национально-правовых систем целиком и полностью зависит от усмотрения соответствующих

¹ Тункин Г. И. Идеологическая борьба и международное право. М., 1967. С. 59.

² Lauterpacht N. International Law and Human Rights. L., 1950.

³ Shaw M. International Law. Cambridge, 2008. P. 131.

⁴ Snijders H., Vogenauer St. (eds.). Content and Meaning of National Law in the Context of Transnational Law. Oxford, 2009. P. 18.

государств¹. Если национальное законодательство допускает возможность действия норм международного права на территории какой-либо страны, то это следует расценивать «не как проявление органически присущей международному праву возможности реализовывать себя в рамках внутригосударственного правопорядка, а как верховенство государственной власти, предоставляющей ему такую возможность»². Национальное право, в свою очередь, не реализуется на международной арене, поэтому государства не могут ссылаться на свое внутреннее законодательство при решении международных вопросов.

В своем развитии апогея дуалистическая концепция достигла во второй половине XX века, после Второй мировой войны. Окончательно сложившийся к этому времени двухполюсный мир, противостояние друг другу различных социально-экономических и политических систем в значительной мере сняли с повестки дня вопрос о едином и неделимом миропорядке, об «универсальной правовой системе» и пр.

Монистический взгляд на международное и национальное право, точнее — на их реальный статус и характер их взаимоотношений все в большей степени вытеснялся дуалистическим подходом. В известной мере идеалистическое, монистическое представление о «едином мировом правопорядке», единой «универсальной правовой системе» стало все более активно заменяться гораздо более реалистическим, дуалистическим представлением. Хотя это вовсе не исключает и в настоящее время определенное влияние монистических идей.

Доминирующим, однако, как в отечественной, так и в зарубежной литературе все отчетливее становится дуалистический подход.

Согласно «дуалистическим» представлениям, международное право рассматривается как «особая, отличная от правовых систем конкретных государств», *относительно самостоятельная система права*. Она складывается из совокупности международно-правовых принципов и обязательных для всех государств норм»³.

В отечественной научной литературе особо подчеркивается, что международное право — это «обширная и быстро расширяющаяся система права», включающая в себя такие отрасли, как: право договоров (отрасль договорного права), право международных организаций, право международной безопасности, международное экономическое право, международное морское право, международное космическое право, международное воздушное право, права человека в международном праве и др.⁴

Вполне обоснованно отмечается также, что международное право как система не существует изолированно от других социально-поли-

¹ Гаврилов В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем. Владивосток, 2005. С. 132.

² Там же.

³ Международное право / отв. ред. Г. И. Тункин. М., 1994. С. 73.

⁴ Тункин Г. И. Право и сила в международной системе. М., 1983. С. 26.

тических и правовых явлений, от других, существующих наряду с ним и влияющих на его развитие правовых и неправовых систем¹.

Речь идет, с одной стороны, о *национальных правовых системах*, тесно связанных и взаимодействующих с системой принципов и норм, образующих международное право². А с другой — о *системе международных отношений*, на основе которых возникает и развивается международное право, а также «*международной межгосударственной системе*».

Последняя зачастую называется просто «межгосударственной системой», включает в себя не только государства, но и «государственно подобные образования»; «народы и нации, борющиеся за независимость, т. е. государственные образования в процессе становления»; межгосударственные международные организации; различные международные органы (например, международные суды и арбитражи, международные комиссии); «международное право и другие социальные нормы, действующие в этой системе; связи между этими компонентами»³.

С образованием Европейского союза и формированием его правовой системы речь идет также о взаимосвязи и взаимодействии относительно самостоятельной и самодостаточной системы международного права не только с аналогичными по своему статусу национальными правовыми системами, но и с национальной — общеевропейской правовой системой.

¹ См.: Шестаков Л. Н. Понятие международного права // Вестник МГУ. Серия «Право». 1997. № 6. С. 91.

² См.: Сетов Р. А. Системное взаимодействие СССР и США в биполярном мире // США и внешний мир. М., 1997. С. 3—13.

³ Тункин Г. И. Указ. соч. С. 14.

ЛЕКЦИЯ 37. ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И КОСМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Космическая деятельность и ее значение для эволюции человеческой цивилизации.
- Формирование и развитие международного космического права.
- Формирование национального космического права.
- Эволюция феномена государства во второй половине XX — XXI в.
- Национальные (внутригосударственные) органы по космической деятельности.
- Наднациональные и международные органы по координации космической деятельности.
- Космодромы стран мира.

Космическая деятельность и ее значение для эволюции человеческой цивилизации

Во время проходившего в середине сентября 2012 г. IX Форума межрегионального сотрудничества Казахстана и России Президент РК Н. А. Назарбаев подчеркнул необходимость сотрудничества в развитии отраслей будущего, в частности космической деятельности. «Байконур должен стать, — отметил он, — международным инновационным брендом и символом качественно нового этапа в развитии наших двухсторонних отношений»¹.

В последние полвека космическая деятельность государств мира становится все более активной. Человечество вступило на долгий исторический путь формирования единой и при этом сложной по своему внутреннему составу организации космической цивилизации планеты Земля.

Формирование единой сложносоставной человеческой цивилизации и осознание ею своей целостности ведет к изменению, постепенной корректировке многих представлений о мире, совершенствованию отношений между странами, народами, расами, социальными группами, отдельными индивидами. Мы находимся в начале пути, на котором предстоит трансформация и человеческого сознания, и функционирования институтов, обеспечивающих единство человечества при огромном многообразии его составляющих.

Космическая деятельность занимает все большее место в научных исследованиях, в разработке и внедрении новых технологий, в развитии техники, в военной области, в сфере телекоммуникаций, транспорта и связи, в образовании, литературе, искусстве и т. д.² Она ставит

¹ См.: Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев и Президент России Владимир Путин приняли участие в пленарной сессии IX Форума межрегионального сотрудничества Казахстана и России. 19 сентября 2012 г. // Официальный сайт Президента РК // http://www.akorda.kz/ru/page/page_prezident-kazakhstana-nursultan-nazarbaev-i-prezident-rossii-vladimir-putin-prinyali-uchastie-v-plena — 22 сентября 2012 г.

² Снимки со спутников используются и в раскрытии преступлений, например, для установления находившихся в том или ином месте объектов, автомобилей и т. д. Например, по делу об убийстве 12 человек в горах близ Алматы летом 2012 г. следственными органами Казахстана использовались спутниковые снимки, на которых,

множество новых вопросов, в том числе о критериях оценки различных явлений и процессов, стимулирует развитие науки и техники, активнoсть человеческого сознания и разнообразной деятельности людей.

Начало практической космической деятельности человечества — веха его глобальной исторической эволюции, результат действия многих факторов. В ней отражается общий уровень развития человеческой цивилизации, науки, техники и культуры. В то же время космическая деятельность сама оказывает многообразное воздействие на все сферы общественной жизни, становится одним из важных факторов дальнейшей эволюции человечества.

Человеческая цивилизация, по словам К. Э. Циолковского, начинает вырастать из своей колыбели — земного существования, перед ней открывается новый безбрежный мир¹. В этот мир человечество входит таким, как есть — со всеми достижениями и проблемами, сильным и слабое, со всеми своими талантами, гениями и бездарностями, с богатством и бедностью, с проявлениями высокой нравственности и справедливости, а также безнравственности и несправедливости, с высокой образованностью одних и невежеством других. Кроме прежних противоречий новый этап исторического развития, очевидно, породит новые, но и разрешит некоторые прежде неразрешимые.

В освоении космоса проявляется геополитическое соперничество ведущих стран мира, понимающих, что стратегические интересы и перспективы человечества связаны с освоением космоса, с доступом к его практически неограниченным ресурсам.

Космическая деятельность порождает конкуренцию космических держав в освоении космоса, проявляющуюся в стремлении к исключительному обладанию новыми технологиями, их засекречиванию и использованию в военных целях, к более раннему и исключительному получению доступа к освоению ожидаемых неисчерпаемых богатств и энергетических источников космоса и т. д. Тем не менее освоение космоса ставит перед человечеством много глобальных внутренних и внешних проблем безопасности, а также новых сверхсложных задач, требующих объединенных усилий для их решения. Это объективно предопределяет в конечном счете доминирование тенденций к постепенному объединению и взаимовыгодному сотрудничеству, к продвижению в формировании правового сообщества государств и народов на планете, к сдерживанию военного противоборства в космосе.

Люди обречены на взаимное уважение и сотрудничество как эффективные средства достижения общих долговременных целей устойчивого развития. В то же время не следует забывать о различных возможных,

по словам главы МВД РК, замечен один и тот же автомобиль, находившийся вблизи лесничего дома в день трагедии, а также большое количество другого транспорта. См.: Глава МВД назвал основные версии убийства 12 человек в Иле-Алатауском парке // <http://news.mail.ru/inworld/kazakhstan/society/10028336/> — 29.08.2012.

¹ О трактовках космического государства в истории мысли см.: *Ударцев С. Ф.* Идея космического государства в истории политической мысли // *Право и политика* (Москва). 2012. № 8. С. 1386—1398.

порой глубоких, противоречиях и кризисах, о выработке механизмов их своевременного прогнозирования, предотвращения и разрешения.

В мирной и военной сферах, в экономике, науке и технике, в литературе и искусстве, нравственности и религии разворачивающееся освоение космоса играет все возрастающую роль. Происходит постепенная космизация всех областей общественной жизни и человеческого сознания. Рождающаяся космическая человеческая цивилизация обнаруживает себя во всех областях деятельности людей, содействует ее дальнейшему развитию. Человечество постепенно становится готовым к более глубокому проникновению в неизвестный и ранее недоступный мир космоса со всеми его открытыми и неоткрытыми тайнами. Это последнее обстоятельство также объективно содействует сплочению человечества в целях обеспечения безопасности человеческой цивилизации в условиях возможных новых угроз и вызовов.

Космическая деятельность является высокотехнологичной, наукоёмкой и высокзатратной. И хотя ожидаемый от нее эффект исторически грандиозен, в современных условиях она требует, как правило, объединения усилий разных стран для осуществления космических программ, а для особенно крупных из них — объединения усилий, научно-технического потенциала наиболее развитых стран и всего человечества. Это объективно содействует более тесному международному сотрудничеству.

На пути освоения космоса человечество ждет бесконечность нового, непрерывная череда открытий на каждой новой планете, в каждой иной звездной системе, при столкновении с ранее неизвестными свойствами и сочетаниями пространства, времени, энергии, гравитации, скорости. Космические перспективы дальнейшего развития науки и техники объективно требуют объединения усилий многих стран. Крупные научные и технические задачи также содействуют осознанию необходимости развития экономического, финансового, научного и технического сотрудничества.

В этих условиях исключительное значение приобретают толерантность, взаимное уважение, взаимопомощь, справедливость, равноправие, международное космическое право, понимание естественности многообразия и не препятствование поиску и нахождению оптимальных для всех решений, путей развития, защиты нравственных начал человеческой жизни. При этом проблема поиска путей и форм укрепления единства и толерантности в условиях формирования космической цивилизации будет все более приобретать глобальное планетарное значение.

Кроме новых разработок в естественных и технических науках, не менее необходимы новые технологии организации общества, поиска и обеспечения компромиссов и согласия, воспитания толерантности, эффективного международного сотрудничества. Человечество должно быть соответствующим образом организовано, внешне и внутренне готово для успешной жизнедеятельности в быстро меняющихся условиях на новом научно-техническом и информационном уровне своего развития.

Космическая деятельность государств реализуется сегодня в тысячах фирм, конструкторских бюро, лабораторий и НИИ, занятых в косми-

ческой сфере, связанных с сотнями тысяч иных предприятий, фирм, конструкторских бюро и научных лабораторий, создающих и разрабатывающих фрагменты космических программ и космической техники, а также на более чем 20 космодромах в различных точках планеты.

Космическая деятельность меняет современное общество, оказывая влияние на материальный и духовный мир современного человека: от нарастающего вала новых знаний о мире и новой техники, особенно компьютерной и телекоммуникационной, до материалов СМИ, художественных фильмов и литературы, детских игрушек.

Космическая деятельность оказывается одним из глубинных внутренних моторов глобализации, хотя не всегда заметным и не всегда себя проявляющим внешне. В то же время происходит формирование и планетарной институциональной структуры космической деятельности в рамках ООН. Важную роль в этой деятельности играет Комитет по использованию космического пространства в мирных целях ООН и его Управление по вопросам космического пространства с многочисленными региональными центрами.

Нередко международная интеграция в космической сфере предшествует другим формам интеграции и происходит параллельно с более ранними формами интеграции определенных регионов планеты. Например, созданное в 1975 г. на базе ранее существовавших организаций в этой сфере Европейское космическое агентство предшествовало созданию Европейского Союза. Видимо, и в Африке, судя по наметившимся тенденциям, интеграция в космической сфере несколько опередит (на десятилетия, если не больше) интеграцию континента в экономической и политической сферах.

В настоящее время страны всех основных регионов планеты вовлечены в разнообразную космическую деятельность: создание и запуск искусственных спутников разного назначения, прежде всего телекоммуникационных, совместные космические полеты, участие в создании и работе международных космических станций, подписание и ратификация договоров по международному космическому праву, участие в совместных медицинских, биологических, физических и иных космических исследованиях и т. д.

Объективное расширение разнообразной космической деятельности, освоение космоса — стратегический императив, главное направление эволюции человеческой цивилизации в XXI в. и более отдаленном будущем.

При этом в последние десятилетия наблюдаются противоречивые тенденции в развитии космической деятельности человечества. После первоначального прорыва в космос в 1960—1970-х гг.: успехов советской и американской космонавтики, первых полетов беспилотных космических аппаратов, полетов человека в космическое пространство, высадки космонавтов на Луну, стыковки космических кораблей СССР и США в космосе, — наметилось поэтапное развитие космической деятельности «вширь» и «вглубь». Происходит развитие технологий, разработка новых систем, используемых на космических кораблях, новых материалов, двигателей, проводятся медицинские, биологические и психологические

эксперименты для подготовки к пилотируемым полетам на Марс. Крупные суперсенсационные победы в космосе сменились большим количеством (в последние годы — лавиной) менее сенсационных повседневных открытий, успехов, достижений (в том числе с помощью новых поколений телескопов), которые в совокупности меняют научную картину мира и готовят новые прорывные шаги человечества в освоении космоса.

На современном этапе космической деятельности все более возрастает значение и степень участия в ней государств мира, круг которых быстро расширяется. При этом можно согласиться с А. Д. Урсулом, что основной целью космической деятельности в ближайшей исторической перспективе будет ориентация на решение глобальных проблем и обеспечение выживания (устойчивого развития) человеческой цивилизации на Земле¹.

Государство и право становятся все более активными историческими факторами эволюции человечества на стадии его выхода в космос. Они обеспечивают организацию, финансирование космической деятельности, укрепляют за счет ее ресурсов свою и коллективную безопасность, расширяют международное сотрудничество. Результаты космических исследований внедряются в военную и гражданскую сферы, в производство, науку и технику. Государства создают также условия для выгодного участия в космической деятельности частного сектора, передавая в частный сектор некоторые виды деятельности, различные заказы и т. д.

Но и космическая деятельность, изменение перспектив и масштабов жизнедеятельности человечества оказывают влияние на государство и право, содействуя раскрытию их новых качеств. В условиях расширения горизонтов и научно-технических возможностей космической цивилизации, видимо, неизбежно произойдет новый скачок в развитии государства и права, которые достигнут кульминации своей исторической эволюции, раскроют новые грани своей природы в условиях бескрайних просторов космоса, новых задач и интересов человечества. Государство и право переживут грандиозную эволюцию. Они откроют новые возможности по организации человеческой жизни, управлению и регуляции человеческих отношений на национальных и международном уровнях, сохранению земной природы и космической среды. Государство и право в процессе формирования и развития космической цивилизации в полной мере раскроют себя также как средства организации глобальной познавательной, преобразовательной и стабилизирующей деятельности человека и человечества на Земле и в космосе.

На новом витке эволюции человечества его поджидают новые опасности не только природного, техногенного, военно-политического характера, но и культурного, религиозного. Чтобы выйти на новый уровень исторического развития, человечеству предстоит много сделать, в том числе по адаптации к новым условиям формирования космической цивилизации сложной государственной и правовой систем и по согласованию частных, национальных и общечеловеческих интересов на Земле, в космосе и в ходе осуществления многоплановой космической деятельности.

¹ См.: Урсул А. Д. Становление космоглобалистики // *Философия и культура*. 2010. № 10.

Важными аспектами этой стратегии глобальной адаптации будут также межкультурный, межэтнический и межконфессиональный диалог, формирование и принятие моделей устойчивого развития как отдельных государств и обществ, так и человеческой цивилизации в целом, утверждение, воспитание и развитие современных нравственных и правовых ценностей, адекватных космической эре.

Формирование и развитие международного космического права

В условиях глобализации активно развивается международное право. Во второй половине XX в. одним из его новых направлений стало международное космическое право.

Формирование международного космического права начинается параллельно с реальным освоением космоса — с запуском в СССР 4 октября 1957 г. первого искусственного спутника Земли, а затем и других космических аппаратов в СССР и США во второй половине 1950-х гг.

Развитие международного космического права резко ускорилось после полета 12 апреля 1961 г. первого космонавта и последующих космонавтов СССР и США. Начало «лунной гонки» двух супердержав, в которой победу по ряду причин одержала космонавтика США, также стимулировали формирование данной подотрасли международного права.

Параллельно начинается формирование теории космического права и его философии как научного направления, связанного с развивающейся практикой. Одним из первых теоретиков нового направления выступил А. Хейли — американский ученый и общественный деятель, работы которого во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. дали толчок к осмыслению философских проблем космического права и впервые выдвигали идею метаправа как регулятора отношений между гипотетическими космическими цивилизациями¹.

13 декабря 1963 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций единогласно приняла «Декларацию правовых принципов в деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства». Началась активная подготовка международных нормативных правовых актов, регулирующих отношения государств и иных субъектов по освоению космического пространства.

Основным актом международного космического права стал «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела»² (Договор о космосе). Этот документ был подписан Великобританией, СССР и США 27 января 1967 г. и вступил в силу 10 октября

¹ См., напр.: *Haley A. G. Space Law and Government*. N.Y. 1963.

² См., напр.: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. V. Политические документы. Рук. проекта Г. Ю. Семин. М.: Мысль, 1997. С. 500—507. Или: Официальный сайт United Nations Office for Outer Space Affairs (UNOOSA) // http://www.unoosa.org/oosa/ru/SpaceLaw/gares/html/gares_21_2222.html — 23.08.2012.

1967 г. В настоящее время государствами-участниками Договора являются более 100 стран и еще более 20 подписали договор, но еще не завершили ратификацию.

Как отмечалось в договоре о космосе, государства-участники подписали его «воодушевленные великими перспективами, открывающимися перед человечеством в результате проникновения человека в космос, признавая общую заинтересованность всего человечества в прогрессе исследования и использования космического пространства в мирных целях,

полагая, что исследование и использование космического пространства должны быть направлены на благо всех народов, независимо от степени их экономического или научного развития,

желая содействовать развитию широкого международного сотрудничества как в научных, так и в юридических аспектах исследования и использования космического пространства в мирных целях,

полагая, что такое сотрудничество будет содействовать развитию взаимопонимания и укреплению дружественных отношений между государствами и народами»¹ и т. д.

Договор о космосе установил, что исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и что небесные тела являются достоянием всего человечества. Космос открыт для исследования и использования всеми странами без какой бы то ни было дискриминации на основе равенства и в соответствии с международным правом, при свободном доступе во все районы небесных тел.

Установлено также, что космическое пространство и небесные тела не подлежат национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами. Запрещено создавать на небесных телах военные базы, сооружения и укрепления, испытывать любые типы оружия и проводить военные маневры. Государства-участники Договора обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать и не размещать такое оружие на небесных телах и в космическом пространстве.

На все зарегистрированные запущенные космические объекты, принадлежащие определенным государствам (в том числе при их нахождении на иных небесных телах, а также собранные в космосе) сохраняется их собственность, а на экипажи этих объектов — их юрисдикция.

После Договора о космосе было заключено немало других международных договоров о космической деятельности. К ним, в частности, относятся: Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1967 г.); Конвенция о международной ответственности за ущерб,

¹ Там же.

причиненный космическим объектом (1971 г.); Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1974 г.); Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979 г.) (Соглашение о Луне).

В то же время развитие международного космического права идет по траектории вхождения национальных государств в те международные соглашения, которые им выгодны и не будут сдерживать их стратегическую инициативу. В связи с этим государства, ведущие активную космическую деятельность и участвующие в мировой политике, не всегда охотно подписывают договоры, в определенной мере сдерживающие военную и геополитическую активность и ставящие под контроль потенциальную военную космическую стратегию. Например, Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах, которое было заключено в рамках ООН 18 декабря 1979 г., до настоящего времени не ратифицировано постоянными членами Совета Безопасности ООН. Это соглашение провозгласило принципы исключительно мирного использования Луны и других небесных тел, равных прав всех государств на исследования небесных тел, недопустимости претензии со стороны любого государства на распространение своего суверенитета на какое-либо небесное тело¹.

Развитие международного космического права — одно из стратегических направлений эволюции международного права в целом. По мере развития космической деятельности человечества, стран мира, будет расти количество вопросов в разных сферах деятельности, которые потребуют межгосударственного согласования. Развитие этой деятельности может привести к появлению новых правовых институтов, связанных с сотрудничеством разных стран, их государственных органов и общественных организаций, их представителей за пределами Земли, в общих научно-исследовательских, экономических и иных космических проектах, акциях.

Космическая деятельность в значительной степени связана с национальной и международной безопасностью². В связи с этим по ряду вопросов и в некоторых сферах в международном космическом праве, очевидно, будет возрастать необходимость в принятии международных договоров с более высокой степенью императивности их норм, а также может потребоваться на определенной стадии развития формирование соответствующих международных структур для обеспечения исполнения таких договоров. При этом новые международные институты должны будут не только обладать полномочиями по контролю за соблюдением,

¹ См.: Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах // Википедия. Свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org/> — 23.08.2012.

² Например, одно из основных направлений космической деятельности человечества неизбежно будет связано с созданием системы защиты планеты от крупных астероидов и комет, столкновения с которыми не раз в истории приводили к планетарным катастрофам. О некоторых вопросах, касающихся этого вида деятельности, см.: Асадулаев И. К. Новое оружие... против астероида? Философские принципы // Политика и общество. 2012. № 5. С. 67—70.

исполнением данных международных правовых актов, но и соответствующей материально-технической и иной инфраструктурой, а также достаточными средствами для обеспечения реализации указанных актов.

Одно из перспективных направлений формирования системы международного космического права — актуализация проблем его кодификации. При этом вопрос о создании крупных всеобъемлющих правовых документов в сфере космического права может выйти в практическую плоскость в обозримой перспективе¹.

В условиях глобализации активно развивается международное частное право как наиболее гибкая и динамичная часть международного права, тесно связанная с многообразными частными интересами разного уровня — от отдельных физических лиц до транснациональных корпораций (ТНК). Развитие мировой экономики, мирового рынка, научно-технической деятельности, глобализация финансовых отношений и частных финансовых институтов и т. д. естественно требуют развития международного частного права. Исследователи отмечают особенно активно развивающиеся ТНК, международный коммерческий арбитраж, разнообразные международные финансовые агентства, организации формирующегося международного гражданского общества и др. При этом ТНК «эффективно оказывают влияние на политику и практику государственной власти как промышленно развитых, так и развивающихся государств, а также на международные структуры управления»².

Современные тенденции международного экономического и научно-технического сотрудничества свидетельствуют о том, что будет расширяться и правовая основа сферы участия в космической деятельности частного сектора, особенно крупных авиакосмических фирм, корпораций. В связи с этим получит развитие и международное космическое частное право.

Быстро развивающееся международное космическое право — не только регулятор узкоспецифической деятельности, но и сфера правового регулирования, расширяющая все виды деятельности до космических масштабов. В этом смысле международное космическое право (публичное и частное) в отдаленной перспективе может стать наиболее широкой правовой системой, включающей в себя земное право как составную часть, одну из планетарных подсистем (возможно, долгое время — основную) глобального права.

Как отмечает А. Д. Урсул, «глобальное право, формируясь на базе национального и международного права, в определенной степени соеди-

¹ О перспективах, возможных вариантах, формах и проблемах кодификации международного космического права см.: *Воронина А. С.* Кодификация международного космического права: Космическая конвенция или Кодекс поведения? // *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations*. 2012. № 3. С. 6—15.

² См.: *Моисеев А. А.* Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 25—26.

няется с космическим правом, которое становится не только международным космическим правом, но уже и глобально-космическим феноменом. Но и это далеко не вершина возможных трансформаций права. Не исключено, что может появиться и... метаправо как право, регулирующее взаимодействия человечества, вышедшего в космос, и предполагаемых внеземных цивилизаций»¹.

Формирование национального космического права

Параллельно с международным космическим правом в последние полвека идет процесс формирования национального космического права в странах мира. В него вошли основные нормы международного космического права, нормы, регулирующие вопросы работы с космической техникой, безопасности и экологии, правового статуса космонавтов и т. д.

Многие страны, ведущие космическую деятельность, включились в процесс формирования национального космического права. Так, в Казахстане, кроме международных правовых актов, которые были ратифицированы и подписаны государством, приняты нормативные политические документы, определившие стратегию государственных органов в сфере освоения космоса, а также приняты законы: Закон РК «О космической деятельности» и Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам космической деятельности», в соответствии с которым внесены изменения в ряд кодексов и законов страны.

Были изданы и подзаконные акты: указы Президента РК, постановления Правительства РК и нормативные приказы уполномоченного государственного органа в сфере космической деятельности. В частности,

¹ *Урсул А. Д.* Глобализация права и глобальное право: концептуально-методологические проблемы // *Право и политика.* 201., № 8. С. 1295. См. также: *Йорыш А. И.* Проблема внеземных цивилизаций и «метаправо» // *Советское государство и право.* 1978. № 9; *Рубцов В. В., Урсул А. Д.* Контакт цивилизаций и проблемы метаправа // *Циолковский К. Э.* Философские и социально-политические проблемы освоения космического пространства. Труды двадцать первых — двадцать третьих чтений, посвящ. разработке научного наследия К. Э. Циолковского (Калуга, 1986, 1987, 1988). Секция «К. Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». М., 1991. С. 128—142; *Ударцев С. Ф.* Метаправо и правопонимание (о трансформации правопонимания на новом уровне правового развития) // *Научные труды «Эдilet»* (Алматы). № 1 (7), 2000. С. 22—41; *Он же.* Метаправо: о глобальной эволюции права // *Вестник Московского государственного открытого университета (МГОУ).* 2003, № 2 (11); *Udartejev S.* Globalization of Policy and The Right: Human Civilization on The Way to The Planetary Orgabization // *Kazakhstan and contemporary world / Казахстан и современный мир.* 2003, № 4 (7). Р. 87—100; *Ударцев С. Ф.* О некоторых тенденциях глобальной эволюции государства и права. Караганда: Болашак-Баспа, 2004.; *Он же.* О некоторых явлениях и тенденциях мирового политического и правового развития / *Матер. межд. научно-теоретической конференции «Казахстан и мировое сообщество: проблемы истории, экономики, права»* // *Ученые записки Академии экономики и права* (Алматы). № 1 (8). 2005. Ч. 1. С. 15—25.

Указы Президента РК от 18 июня 2009 г. «О Системе государственного планирования в Республике Казахстан» и от 4 марта 2010 г. «О некоторых вопросах дальнейшего функционирования Системы государственного планирования в Республике Казахстан», включившие космическую отрасль в систему государственного стратегического планирования.

Постановлением Правительства РК от 20 апреля 2012 г. № 504 «Об утверждении Правил предоставления транспондеров космических аппаратов физическим и (или) юридическим лицам» отрегулированы некоторые правовые вопросы телекоммуникаций. Другое Постановление Правительства РК от 20 апреля 2012 г. № 502 «Об утверждении Правил отбора кандидатов в космонавты и присвоения статуса кандидата в космонавты, космонавта», а также Постановление Правительства РК от 7 мая 2012 г. № 581 о выплате компенсаций космонавтам и их родственникам, об их санитарно-курортном обслуживании, регулировали некоторые вопросы формирования и правового статуса отряда космонавтов.

Постановлениями Правительства РК от 18 марта 2010 г. № 218 «Об утверждении Правил разработки и мониторинга отраслевых программ» и от 20 апреля 2012 г. № 503 «Об утверждении Правил осуществления отраслевой экспертизы проектов в области космической деятельности» урегулированы вопросы разработки, мониторинга и проведения экспертизы отраслевых проектов, в том числе по вопросам космической деятельности.

Приказы Председателя Национального космического агентства РК (Казкосмоса), издаваемые на основе указов Президента РК и постановлений Правительства РК, детализируют акты вышестоящих государственных органов в соответствии с полномочия Казкосмоса.

Подобные процессы создания системы национального космического права проходят и в других странах с учетом масштабов участия их в космической деятельности.

Космическая деятельность оказывает влияние на правовую систему в целом. И это воздействие, очевидно, будет возрастать. Постепенно все отрасли национального права будут все более «вращаться» в космическую деятельность и ее регулирование.

Это относится уже сегодня, в частности, к вопросам национальной безопасности и пограничной службы, воинской службы, государственной службы, развитию транспортного права, к регулированию вопросов труда и отдыха в разных условиях, защите интеллектуальной собственности, телекоммуникационному праву, защите культурных ценностей, экологическому праву, правовому положению и деятельности предприятий, фирм и т. д. за пределами Земли, к недропользованию на небесных телах (естественных космических объектах), к энергетическому праву, правовому регулированию здравоохранения, к режиму различных видов научных исследований и технических разработок и т. д. По мере распространения деятельности человечества за пределы планеты Земля видоизменяются и наполняются новым содержанием различные правовые институты, права, свободы и обязанности человека, права и обязан-

ности юридических лиц. Появится также немало новых нормативных правовых актов по разнообразным вопросам, которые должны будут восполнять обнаруживающиеся пробелы в действующем праве, дополнять, дотраивать горизонтально и вертикально правовую систему, перед которой откроются новые горизонты развития.

Эволюция феномена государства во второй половине XX — XXI в.

В условиях формирования информационного общества, глобализации и освоения космического пространства происходят сложные внутренние и внешние процессы, оказывающие влияние на эволюцию государственности, требующие ее нового осмысления.

В литературе обращено внимание на факторы, которые влияют на государство, вводя прежние формы и функции государства, государственные институты в состояние «мягкого кризиса»¹. При этом выделяется ряд угроз для феномена государства. К ним, например, относят:

Во-первых, приватизацию, «разгосударствление» определенных сфер, что требует в либеральном варианте максимального устранения государства из сферы рынка и равенства всех субъектов. Это ведет к сокращению экономической основы государства и уменьшению экономического подкрепления его суверенитета. В ответ государство расширяет формы участия граждан в управлении, транспарентность управления.

Во-вторых, конкуренцию и представление о государстве как производителе публичных услуг, договорных элементах в его деятельности. Конкурентоспособность государственных органов и тех организаций, которым они поручают выполнение своих функций, влияет на сохранение и эффективность деятельности государства в экономике.

В-третьих, децентрализация. Этот двойственный процесс может вести как к использованию региональных возможностей и инициатив, так и к ослаблению связей центра и регионов. Децентрализация означает также рост фрагментации госаппарата, отслоение от центральных госорганов (министерств) определенных функций и передача их отпочковывающимся структурам, в том числе саморегулируемым организациям, что также может иметь двойственное значение.

В-четвертых, глобализация, которая ведет к появлению транснациональных субъектов, разрушающих монополию государства в международных отношениях. В правовой сфере международные конвенции начинают довлеть над национальными нормативными правовыми актами, появляется определенный международно-правовой «трафарет».

В-пятых, выделяется наднациональная интеграция, для европейских государств — европеизация. Добровольно создаваемые наднациональные структуры принимают на себя определенные элементы государственного суверенитета («отщипывают» его) и дальше начинают жить всей жизнью как новый уровень управления и регулирования соответствующей

¹ См.: *Sémilliard F.* Pour une réflexion sur déclin de l'Etat // *La revue administrative.* 2001. Mars-Avril. № 320. P. 152; *Талпина Э. В.* Реформы государственного управления: сравнительно-правовой анализ // *Правоведение.* 2008. № 2 (277). С 238.

сферы¹. Все это свидетельствует о том, что государство «находится под угрозой, но не исчезновения, а качественного перерождения»².

При этом действуют и иные тенденции, которые свидетельствуют, что отмеченные факторы — не кризис явления государственности как такового, а кризис ее современных форм и методов деятельности, а также формирование новой системы глобального управления, состоящей из нескольких старых и новых уровней.

Во-первых, новые информационные технологии существенно меняют технологии государственного управления, автоматизируют некоторые виды государственной деятельности, в частности в области налогообложения, контроля за безопасностью движения, выдачи различных справок и документов и т. д. Контакт с государственными органами становится более удобным и оперативным для населения, частично снимается отчуждение от государственной власти в силу преодоления и упразднения некоторых бюрократических звеньев. Ускоряется оперативность принятия и исполнения решений, реагирования на различные ситуации. Повышается информационная емкость учитываемой информации в деятельности государственных органов и особенно интенсивность ее циркуляции по информационным каналам государственного управления.

Во-вторых, в условиях глобализации растет степень активности международных связей, возникает немало новых международных структур по сбору и анализу информации о состоянии дел в различных сферах общественных отношений с учетом заключенных и ратифицированных международных соглашений. Весь мир становится опутанным разнообразными, дублирующими друг друга для надежности «многоэтажными» информационными сетями (Интернет, телевидение и т. д.). Космические телекоммуникационные аппараты стягивают планету во все более тесное единое пространство с относительными, но не абсолютными возможностями контроля за потоками информации. При этом растет влияние электронных СМИ на политику, политические процессы и, естественно, возрастает информационная активность государств, как в сфере влияния, так и фильтрации и относительного контроля за деятельностью юридических и физических лиц в информационном пространстве.

¹ См. об этом подробнее: *Талапина Э. В.* Реформы государственного управления: сравнительно-правовой анализ // Правоведение. 2008. № 2 (277). С. 238—240. По мнению других авторов, государственный суверенитет (в юридическом смысле) сохраняется, но в условиях глобализации и возникновения наднациональных организаций перераспределяются права государства, изменяется их международная правосубъектность. В итоге меняется фактическое соотношение субъектов международного права и их полномочий, но государства остаются суверенными в юридическом смысле. См., напр.: *Моисеев А. А.* Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 9, 14—17.

² *Талапина Э. В.* Реформы государственного управления: сравнительно-правовой анализ // Правоведение. 2008. № 2 (277). С. 240.

Происходит ускоренное относительное выравнивание исторического развития разных стран, синхронизируется их экономическое, политическое, правовое и культурное развитие.

В-третьих, глобализация неизбежно ведет к формированию новых этажей государственности. Рост и развитие частных транснациональных корпораций, проникновение их в различные сферы мировой экономики требует адекватных и оптимальных ответных мер по гармонизации системы международных отношений, их правового регулирования на национальном и международном уровнях. Это, в свою очередь, ведет к закономерному появлению новых структур и органов на национальном уровне, а также созданию международных и межгосударственных структур, обеспечивающих нормальный режим функционирования мировой экономики и согласования интересов различного уровня, обеспечения национальной и международной безопасности. «История развития современного международного права демонстрирует тенденцию к увеличению международно-правовых решений, принятых с участием многосторонних институтов, главным образом, международных организаций»¹.

При этом отмечается также тенденция расширения полномочий международных организаций и их органов (как, например, Совет Безопасности ООН), имеющих право регулировать «принуждение к миру», использование миротворческих сил, вводить и отменять различные санкции в отношении определенных государств.

В литературе обращается внимание также на тенденцию признания допустимости на практике определенного расширения международной организацией своих полномочий, которые непосредственно не прописаны в ее уставе, но по смыслу могут входить в ее деятельность². Очевидно, что это может иметь важное значение для различных направлений космической деятельности и вопросов, связанных с регулированием межгосударственных отношений, проблем глобальной безопасности в связи с непредвиденными ситуациями и угрозами в космосе и на Земле, связанными с этой деятельностью. К таким полномочиям высоких международных органов можно отнести, в частности, регулирование вопросов, связанных с возможным контактом с представителями гипотетических иных космических цивилизаций.

В-четвертых, космическая деятельность, использование и внедрение в экономику, технические сооружения и устройства новых видов энергии и т. д. также оказывает значительное влияние на деятельность и структуру государственных органов, систему их взаимодействия с государственными и частными секторами экономики.

В-пятых, новые возможности по скорости, передаче в пространстве, точности и эффективности правового регулирования открывает

¹ *Моисеев А. А.* Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 35.

² См.: *Сорокина О. Ю.* Полномочия Совета Безопасности Организации Объединенных Наций: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10.

электронная форма права и компьютерные быстро развивающиеся технологии передачи, хранения и обработки правовой информации. Электронная форма права — настоящая революция в возможностях систематизации права, поддержания системы законодательства в актуальном и при этом постоянно обновляющемся и развивающемся режиме.

Нередко в литературе при анализе эволюции феномена государства в условиях глобализации не вполне обоснованно отождествляют национальные государства с государством вообще. В реальности в ходе исторического развития национальные государства оказываются зрелой, но не единственной формой существования государственности. Национальные государства могут войти в состав федеративного государства, быть многонациональными, сложноорганизованными. В ходе глобализации и региональной интеграции могут возникать более сложные государственные образования наднационального уровня — как отдельные межгосударственные органы, так и их системы, которые не являются лишь механической суммой государств-участников, а выступают определенными продолжениями феномена государственности, осуществляют определенные переданные им функции и тем самым создают определенную общность, целостность, новое качество.

Сферой создания наднациональной государственности является сфера сосредоточения международных, всеобщих общечеловеческих интересов, вопросов национальной, региональной и глобальной безопасности. Космическая деятельность содействует расширению этой сферы, создает новые предпосылки для политической глобализации, формирования надгосударственных систем.

При этом следует согласиться с авторами, различающими процесс формирования наднациональных структур власти и достижения состояния глобального управления. Очевидно, формирование системы глобального управления — более длительный исторический процесс, в котором в настоящее время наблюдаются противоречивые тенденции, что ведет к тому, что роль современного государства как кандидата на глобальное управление в настоящее время подвергается обоснованному сомнению, тем более что трансформация современного государства продолжается и не закончена. В зарубежной литературе для объяснения трансформации государственности на примере Европейского союза предложены концепции многоуровневого государства, регуляторного государства, интернационализации государства, сетевого государства, рефлексивного государства (развивающегося государства-проекта)¹.

Процесс трансформации современной государственности продолжается, причем новые гибкие ее формы вовсе не означают ослабление государства, а скорее его адаптацию к новым условиям, определенное гибкое технологическое усиление, формирование новых механизмов

¹ См., напр.: *Натсак О. Д.* Понимание власти в условиях глобализации // Глобализация и перспективы современной цивилизации / Российская академия государственной службы при Президенте РФ / отв. ред. К. Х. Делокаров. М.: КМК, 2005. С. 205—207.

страховки, дублирования некоторых функций и изменение акцентов в приоритетах деятельности государства.

Государство оснащается новой техникой, внедряет новые технологии организации и деятельности, модернизируются его институты. В итоге происходит адаптация государственности к изменившимся условиям, выстраиваются новые уровни, структуры, формы и технологии государственного управления и правового регулирования. Власть, в том числе государственная, становится менее принудительной в плане использования традиционных форм принуждения, но более информационно обеспеченной, глубже и тоньше, прямо и косвенно более эффективно регулирующей информационные процессы и воздействующей на общественное и индивидуальное сознание. Феномен государственности обретает новые черты, более гибкие и сложные формы, выстраивает новые иерархические этажи, вырабатывает новые механизмы экономического, политического и социального влияния и взаимодействия с обществом и общественным сознанием, максимально технически оснащается, обретая в итоге еще большую мощь и силу.

Национальные (внутригосударственные) органы по космической деятельности

Осуществление многими государствами мира космической деятельности и постепенное ее расширение, ее высокотехнологический характер, требующий значительных финансовых затрат, необходимость рационального и высокопрофессионального использования космической техники, тесная связь космической деятельности с проблемами национальной безопасности и военно-промышленным комплексом привели к выделению данной отрасли в самостоятельную и созданию специализированных государственных органов по ее организации.

В июле 1958 г. после запуска СССР первого искусственного спутника Земли *в США* был создан усиленный федеральный государственный орган — Национальное управление по воздухоплаванию и исследованию космического пространства (англ. National Aeronautics and Space Administration, сокр. NASA). Ранее существовавшие организации — предшественники в этой сфере передали новому органу свои проекты и функции в сфере освоения космоса.

В 2011—2015 гг. планируется увеличить бюджет NASA в общей сложности на 6 млрд долл. и за эти пять лет он составит более 100 млрд долл. На предстоящие пять лет основные направления деятельности NASA в соответствии с бюджетом организации следующие:

- развитие передовых технологий и новых подходов к исследованию космоса (7,8 млрд долл. в течение пяти лет);
- создание в космосе хранилищ топлива для дозаправки космических систем и более экономичных полетов на Луну, Марс и т. д.

Предполагается, что с Земли будут стартовать относительно легкие ракеты и после дозаправки на орбитальных хранилищах топлива — лететь к Луне, Марсу и т. д.;

- разработка и создание систем автоматического сближения и стыковки;
- создание надувных модулей как основы для организации обитаемых баз в космосе;
- создание систем жизнеобеспечения с замкнутым циклом в космосе;
- поддержка краткосрочных небольших (до 100 млн долл.) проектов, к которым на конкурсной основе могут привлекаться коммерческие, научные и международные организации;
- разработка технологий использования ресурсов небесных тел, в том числе для производства топлива для космических систем;
- развитие роботизированных космических систем для полетов в пределах Солнечной системы межпланетных автоматических станций на Луну, Марс и его спутники, в точки Лагранжа, где уравниваются силы тяготения двух основных взаимодействующих небесных тел, на астероиды с задачей разведки целей для будущих пилотируемых полетов с точки зрения риска, а также наличия полезных ресурсов, необходимых для освоения космических тел (3,0 млрд долл. в течение пяти лет);
- разработка тяжелых ракет-носителей, ракетных систем и технологий двигателей следующего поколения (3,1 млрд долл. в течение пяти лет). Возможно сотрудничество с коммерческими предприятиями, научными и международными организациями;
- коммерциализация космической деятельности в США (6,1 млрд долл. в течение пяти лет). Поддержка создания грузовых и пилотируемых космических кораблей коммерческими компаниями на конкурсной основе;
- модернизация и повышение эффективности центра Космического центра Кеннеди после прекращения полетов шаттлов и уменьшение затрат на запуски космических аппаратов NASA и других пользователей (1,9 млрд долл. в течение пяти лет);
- продление срока эксплуатации Международной космической станции до 2020 г. и расширение прикладных исследований на ней (15,3 млрд долл. в течение пяти лет);
- ускорение изучения изменения климата и создание спутников наблюдения (10,3 млрд долл. в течение пяти лет). Моделирование изменения климата с целью улучшения прогнозирования;
- исследование планет (7,9 млрд долл. в течение пяти лет);
- астрофизика (5,6 млрд долл. в течение пяти лет);
- изучение Солнца (3,4 млрд долл. в течение пяти лет);
- создание авиации следующего поколения, наносящей наименьший ущерб природе («зеленая авиация») (2,95 млрд долл. в течение пяти лет);
- развитие NASA и его центров (18,3 млрд долларов в течение пяти лет);
- образование (0,73 млрд долларов в течение пяти лет) и т. д.¹

В России действует Федеральное космическое агентство (Роскосмос), созданное Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 До этого в 1992 г. Указом Президента РФ было создано Российское космиче-

¹ См.: НАСА // Википедия. Свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org/> — 25.08.2012.

ское агентство, преобразованное в 1999 г. в Российское авиационно-космическое агентство. Положение о Роскосмосе было утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2006 г. № 767, которое действует в настоящее время (с последующими изменениями, последние из них от 25 апреля 2012 г. № 386). Одна из главных задач Роскосмоса — эффективная эксплуатация находящегося в аренде России крупнейшего космодрома «Байконур», расположенного в Казахстане.

Роскосмос — уполномоченный государственный орган исполнительной власти, выполняющий функции по реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере космической деятельности, международного сотрудничества при реализации совместных проектов и программ в области этой деятельности, проведения организациями ракетно-космической промышленности работ по ракетно-космической технике военного назначения, боевой ракетной технике стратегического назначения, а также функции по общей координации работ, проводимых на космодроме Байконур.

Руководство деятельностью Роскосмоса осуществляет Правительство Российской Федерации.

Роскосмос вносит в Правительство РФ проекты федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ и другие документы, по которым требуется решение Правительства РФ. Роскосмос разрабатывает проект Федеральной космической программы, размещает госзаказы на разработку, производство и поставку космической техники и объектов космической инфраструктуры в научных и социально-экономических целях, в том числе на выполнение работ по международным космическим проектам. Совместно с Министерством обороны РФ размещает государственный заказ на разработку, производство и поставку космической техники двойного назначения и объектов космической инфраструктуры.

Роскосмос организует: использование (эксплуатацию) космической техники в целях реализации Федеральной космической программы; системные исследования по обоснованию основных направлений развития космической техники научного и социально-экономического назначения и ее сертификацию, а также совместно с Министерством обороны — создание космической техники двойного назначения; работы по коммерческим космическим проектам и содействует их осуществлению; организует и обеспечивает летные испытания и запуски космических аппаратов социально-экономического и научного назначения и управление ими в полете, а также запуски космических аппаратов военного назначения (совместно с Министерством обороны).

Роскосмос обеспечивает:

— совместно с другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти выполнение научно-исследовательских

и опытно-конструкторских работ по созданию космической техники научного и социально-экономического назначения, закупку серийной космической техники и совместно с Министерством обороны РФ ее использование (эксплуатацию);

- совместно с Министерством обороны РФ и другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти развитие космической инфраструктуры;

- совместно с соответствующими государственными службами безопасность космической деятельности;

- проведение работ в установленном порядке по созданию, производству и эксплуатации (применению) космических комплексов;

- отбор и подготовку космонавтов, проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по тематике пилотируемых космических полетов, экспертизу проектов создания космической техники, проведение испытаний и исследований для обеспечения развития космической техники.

Роскосмос осуществляет взаимодействие с организациями других государств, а также с международными организациями по вопросам космической деятельности, заключает в установленном порядке международные договоры, участвует в проведении работ по международной стандартизации космической техники, ведет регистр космических объектов, а также иные необходимые для выполнения функций Агентства реестры, регистры и кадастры.

Этот государственный орган осуществляет функции заказчика по вопросам капитального строительства и поддержания полигонов и уникальной стендовой базы организаций, относящихся к сфере деятельности Агентства, а также работ по утилизации и ликвидации снимаемых с вооружения ракетных комплексов стратегического назначения, включая работы по реализации международных договоров в этой области; обеспечивает в пределах своей компетенции защиту сведений, составляющих государственную тайну; организует конгрессы, конференции, семинары, выставки и другие мероприятия в сфере своей деятельности; осуществляет иные функции, предусмотренные в действующем законодательстве.

Летом 2012 г. в СМИ появилась информация о возможной реформе Роскосмоса в 2012 г., в ходе которой агентство будет преобразовано в госкорпорацию. Предполагается, что центральный аппарат будет состоять из департаментов: боевой ракетной техники; средств выведения; пилотируемых космических комплексов; наземной космической инфраструктуры; научных исследований; космических и корпоративных технологий; информационных технологий; автоматических космических комплексов; финансово-экономического (и аудита); правового; интеллектуальной собственности; капитального строительства; имущественного комплекса и корпоративной работы; стратегического планирования; международного сотрудничества; качества и надежности; по работе с персоналом.

Кроме того, предполагается слияние ряда предприятий и создание более крупных холдингов из подведомственных предприятий¹.

Бюджет Роскосмоса в последние годы значительно увеличен, что создает предпосылки выхода из полосы многочисленных неудач, возможности воссоздания прежней космической мощи страны и новых прорывов в развитии космической деятельности.

Из открытых источников известно, что бюджет Роскосмоса растет и в 2011 г. был примерно \$4,5 млрд (около 120,1 млрд руб.). По словам руководителя Роскосмоса В. Поповкина (2012 г.), бюджет на 2012 г. составил около 150 млрд руб., бюджет на 2013 г. должен составить около 175 млрд руб., а на 2014 г. — порядка 200 млрд руб.² При этом в структуре бюджета Роскосмоса предусмотрены расходы на Федеральные космические программы (ФКП) России на 2006—2015 гг., а также на федеральные целевые программы:

— «Глобальная навигационная система (ГЛОНАС)» на 2002—2011 г. Бюджетное финансирование составило 107,1 млрд руб., из предусмотренных 117 млрд рублей.

— «Глобальная навигационная система (ГЛОНАС)» на 2012—2020 гг. Бюджетное финансирование предусмотрено в размере 346,595 млрд рубл.

— «Развитие российских космодромов на 2006—2015 годы» (РРК)³.

В стратегии космической деятельности России предусматривается до 2030 г. пилотируемый полет на Луну, а после 2030 г. — регулярные такие полеты⁴. Совместно с Европейским космическим агентством проводится программа «Марс-500», направленная на проведение медико-биологических и иных исследований, сбор научных данных, необходимых для будущих пилотируемых полетов на Марс.

В НПО им. Лавочкина готовится миссия «Венера-Д» к планете Венера, а также миссия «Апофис» к одноименному астероиду, который в 2036 г. будет пролетать на сравнительно небольшом расстоянии от Земли, с задачей установки на этой малой планете радиомаяка. Дан-

¹ Федеральное космическое агентство // www.federspace.ru. 25.08.2012.

² См.: Там же.

³ Там же. Как выяснилось в конце 2012 г., при реализации программы «Глобальная навигационная система (ГЛОНАС)», были похищены значительные бюджетные средства, выделенные на нее, что отчасти объясняет и некоторые неудачи проекта. По словам руководителя Администрации Президента РФ С. Иванова, хищения (ок. 6,5 млрд руб.) сопоставимы со стоимостью трети всей группировки спутников ГЛОНАС. См.: О хищениях в ГЛОНАСС знал не только Иванов, но и Медведев // http://tvrain.ru/articles/o_hischenijah_v_glonass_znal_ne_tolko_ivanov_no_i_medvedev-332820/ — 04.01.2013; Сергей Иванов два года «терпел» хищения в ГЛОНАСС // http://3mv.ru/publ/sergei_ivanov_dva_goda_terpel_khishhenija_v_glonass/1-1-0-12584 — 04.01.2013.

⁴ Роскосмос готовит полет на Луну. Interfax. 22 апреля 2012 г // <http://www.interfax.ru/politics/txt.asp?id=243192> — 08.01.2012.

ная задача актуальна в связи с тем, что в 2036 г. имеется отличная от нуля вероятность столкновения этого астероида с Землей¹.

Подобные государственные органы и организации создаются и в других странах. Так, Указом Президента Республики Казахстан от 27 марта 2007 г. № 502 «Об образовании Национального космического агентства Республики Казахстан» был упразднен ранее существовавший Аэрокосмический комитет Министерства образования и науки РК и образовано *Национальное космическое агентство РК (Казкосмос)* как самостоятельный орган в структуре Правительства Казахстана. Казкосмос имеет подведомственные организации, в том числе национальные компании.

Кроме того, во многих развитых странах мира существуют специальные военно-космические, ракетные войска, отвечающие за военную безопасность страны с использованием средств и возможностей военно-космической деятельности.

Наднациональные и международные органы по координации космической деятельности

В 1959 г. Генеральной Ассамблеей ООН был создан *Комитет по использованию космического пространства в мирных целях*. В настоящее время Комитет объединяет 65 государств-членов ООН. Комитет анализирует информацию о международном сотрудничестве в мирном использовании космического пространства, разрабатывает программы и руководит техническим сотрудничеством ООН в этой области, содействует исследованиям и распространению информации, принимает меры по развитию международного космического права.

Данный Комитет ООН имеет два подкомитета: *Научно-технический*, координирующий международное сотрудничество в космических исследованиях, технологиях, и *Юридический*, работающий над развитием правовых инструментов, содействующих освоению космоса. Комитет и его подкомитеты проводят ежегодные встречи по обсуждению вопросов, поставленных Генеральной Ассамблеей ООН, докладов, переданных на их рассмотрение, и проблем, поднятых государствами-членами.

Комитет и его Юридический подкомитет принимали активное участие в подготовке таких документов по вопросам космического права, принятых Генеральной Ассамблеей ООН, как Принципы использования государствами искусственных спутников Земли для международного непосредственного телевизионного вещания (1982); Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космического пространства (1986); Принципы, касающиеся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве (1992); Декларация о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического

¹ Российско-европейский аппарат «Лаплас-П» полетит к спутнику Юпитера Ганимеду // Казахстанская правда. 2012. 24 янв. // <http://www.kazpravda.kz/c/1327403392> — 04.01.2013.

пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран (1996)¹ и др.

Роль секретариата Комитета по использованию космического пространства в мирных целях выполняет *Управление по вопросам космического пространства*, находящееся в Вене. Управление распространяет информацию о космической деятельности, оказывает технические консультации и содействие государствам-членам ООН в реализации опытных проектов, организации стажировок и обучения персонала по вопросам дистанционного зондирования, спутниковой связи, метеорологии и навигации, фундаментальной космической науки и космического права.

Управление тесно сотрудничает с Международной Хартией «Космос и глобальные катастрофы» — механизмом, с помощью которого органы ООН вправе запрашивать снимки со спутников для проведения работ по оказанию помощи при стихийных бедствиях. Управление взаимодействует с создаваемой сетью центров по космической науке и технике. Такие центры созданы и действуют в Индии с 1996 г. (Азиатско-Тихоокеанский региональный центр); в Марокко и Нигерии с 1999 г.; в Мексике и Бразилии с 2003 года (региональные центры в Латинской Америке и Карибском бассейне). В Иордании готовится к открытию Западно-Азиатский региональный центр. Управление работает с Европейским космическим агентством (ЕКА), Международной федерацией астронавтики (МФА), Комитетом по использованию спутников наблюдения Земли и Комитетом по космическим исследованиям (КОСПАР). Другие организации ООН также участвуют в космической деятельности, в частности, в таких областях, как космическая связь, спутниковая метеорология, космическая наука и дистанционное зондирование. Для обеспечения координации в сфере космической деятельности организации ООН ежегодно проводят Межучрежденческие совещания, содействуя ускорению обмена информацией и научными достижениями, помогая внедрению соответствующих технологий².

Важным игроком в мировой космической деятельности является международная организация *Европейское космическое агентство* (сокращенно ЕКА; англ. *European Space Agency, ESA*), созданное европейскими странами в 1975 г. на базе организаций, действовавших с начала 1960-х гг. В настоящее время ЕКА включает 19 постоянных членов. В некоторых проектах ЕКА принимают участие также Канада и Венгрия.

Штаб-квартира ЕКА расположена в Париже. В Нидерландах (в Нордвейке) находится Европейский центр космических исследований и технологий. Европейский космический центр управления расположен в Дармштадте (ФРГ), а в германском городе Кельне — Европейский центр астронавтов. Центр наблюдения за Землей и информационный центр Европейского космического агентства находятся под Римом

¹ См.: Мирное использование космического пространства // Официальный сайт ООН // <http://www.un.org/ru/peace/disarmament/space.shtml> — 25.08.2012.

² Мирное использование космического пространства. Управление по вопросам космического пространства // Там же.

в Италии. Запуски космических аппаратов ЕКА осуществляются, в частности, на космодроме Куру во Французской Гвиане. ЕКА имеет офисы в Бельгии, США и России и наземные станции слежения в различных точках планеты. В агентстве в 2005 г. постоянно работало 1907 чел., а его бюджет в 2012 г. составлял более 4 млрд евро¹.

В сентябре 2012 г. на совещании глав Минсвязи стран Африканского союза в столице Судана президентом Судана было заявлено о планах создать свое Космическое агентство AfriSpace, чтобы не зависеть от признанных лидеров в освоении космоса. Предполагается, что Космическое агентство AfriSpace разработает долгосрочную космическую стратегию Черного континента, выработает задачи согласованной деятельности в этой сфере для стран-членов Африканского союза².

Отдельные страны Африки начали развивать космическую деятельность и институционализировать ее еще раньше. Так, в 2009 г. указом президента страны было создано Космическое агентство ЮАР. Космическое агентство формируется в рамках реализации десятилетней государственной программы развития образования и науки в стране. Космическое агентство будет координировать различные космические проекты, реализуемые ЮАР. Один из них — запуск на орбиту Земли спутников связи и управление работой телескопа Southern African Large Telescope. Предполагается также, что Агентство примет участие в международном проекте по созданию радиотелескопа Square Kilometre Array (SKA) общей площадью его принимающей поверхности около квадратного километра. В настоящее время телескоп находится на стадии разработки. Австралия и ЮАР конкурируют за право размещения этого сооружения на своей территории³.

Таким образом, в настоящее время страны всех основных регионов планеты вовлекаются в космическую деятельность. По мере начала человечеством особенно крупных проектов в сфере космической деятельности, требующих вложения огромных средств и сотрудничества многих стран мира, может актуализироваться задача создания и развития действенной и эффективной, с достаточно широкими полномочиями и ресурсами, *Всемирной космической организации, прообразом которой являются современные структуры ООН в сфере космической деятельности*⁴.

В настоящее время в литературе имеют хождение как пессимистические, так и оптимистические сценарии развития космической деятельности человечества и в целом выживания человечества. В оптимистических сценариях допускается, что в обозримом будущем (например,

¹ См.: Европейское космическое агентство // Википедия. Свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org/> — 25.08.2012.

² См.: Главы Минсвязи Африканского союза решили создать космическое агентство AfriSpace // <http://www.aex.ru/news/2012/9/6/98046/print/> — 07.09.2012.

³ См.: В Южно-Африканской Республике будет создано космическое агентство. 21.01.2009 // <http://spacedream.ru/allnews/34-allnews/73-cosmicheskoe-agenstvo-v-uar> — 07.09.2012.

⁴ См., напр.: *Адамов И. Н. Перспективы создания Всемирной космической организации* // Журнал международного права и международных отношений. 2011. № 2.

к концу XXI в., но, видимо, позже) человечество может начать работу над грандиозным проектом «создания мегаобщества с охватом цивилизации на Земле и новых независимых сообществ («Человечество-2» и др.) вне Земли»¹.

Космодромы стран мира

В инфраструктуре космической деятельности важное место занимают космодромы.

Первым и крупнейшим в мире является *космодром «Байконур»*, расположенный в казахской степи в Кызыл-Ординской обл. Республики Казахстан недалеко от поселка Тюратам. Строительство космодрома в СССР началось в 1955 г.² Огромную роль в его создании и развитии сыграл знаменитый главный конструктор советских космических систем *С. П. Королев*. 4 октября 1957 г. с «Байконура» был запущен первый искусственный спутник Земли. Позже с «Байконура» состоялся полет в космос первого космонавта Земли *Ю. А. Гагарина*, стартовали многочисленные ракеты разных типов, межпланетные космические корабли.

После распада СССР крупнейший космодром планеты стал собственностью Республики Казахстан, содержать и развивать который одному государству, тем более в условиях кризиса, оказалось не просто. Россия не имела других сопоставимых по оснащенности и возможностям космодромов. В связи с этим, в 1994 г. Россия арендовала у Казахстана «Байконур» до 2050 г. и параллельно развивает несколько иных космодромов меньшей мощности. Россия и Казахстан заключили серию международных договоров, регулирующих статус космодрома, находящегося рядом с ним города Байконур, различные вопросы, связанные с эксплуатацией космодрома³.

«Байконур» не только имеет несравненную с любым другим космодромом историю, но и сегодня выполняет значительную часть космических пусков, осуществляемых человечеством.

Космодром «Байконур» в настоящее время является и, по-видимому, будет оставаться в будущем одним из центров притяжения и развития международного сотрудничества не только между странами формирующегося Евразийского экономического союза и желающими присоединиться к нему, но и для многих других стран мира. В то же время по аренде космодрома в настоящее время имеются определенные нерешенные проблемы, требующие корректировки соглашения о нем и не-

¹ См.: *Кричевский С. В.* Аэрокосмическая деятельность: методологические, исторические, социоприродные аспекты: монография. М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 271.

² О строительстве космодрома, службе и жизни офицеров см., напр.: *Золотов К. А.* Первый старт Байконура. Алматы: КАПринт, 2002. 456 с.

³ См., напр.: Перечень двусторонних международных договоров ратифицированных Республикой Казахстан по странам за период с 1990 по 2008 гг. (по состоянию на 01.01.2009). Российская Федерация // Перечень международных договоров ратифицированных Республикой Казахстан за период с 1990 по 2008 г. / сост. М. З. Семгалиев, К. З. Идрисов. Астана, 2009. С. 362—374 (№ 7, 13, 14, 20, 25, 27, 29, 48, 52).

которых аспектах его правового статуса. Очевидно, эти проблемы будут оптимально разрешены странами, объединившимися в Таможенный Союз и планирующими создание Евразийского экономического союза.

В последние годы Казахстан успешно начал реализацию программы превращения в страну, имеющую не только самый крупный в мире космодром, но и развернутую научно-техническую инфраструктуру для космической деятельности. Создается современный научно-технический космический центр в Астане (включая завод по сборке спутников) и сеть соответствующих региональных подразделений. Развитие космической деятельности предусматривает и амбициозная новейшая стратегия страны «Казахстан-2050», ориентированная на вхождение Казахстана к 2050 г. в число 30 наиболее развитых стран мира.

В настоящее время «Байконур» входит в число трех космодронов планеты, наряду с космодромами «Мыс Канаверал» в США и «Цзюцюань» в КНР, предназначенных для запуска пилотируемых космонавтами космических аппаратов. Россия считает перспективным создание еще одного космического центра для осуществления пилотируемых пусков и такую роль предназначен выполнять новый российский космодром «Восточный» в Амурской области (после 2018 г.). В случае запуска на полную мощность космодрома «Восточный» доля запусков с космодрома «Байконур» может сократиться. Однако за прошедшие полвека и в настоящее время именно «Байконур» остается крупнейшим российским и мировым космодромом. Так, в 2009 г. с «Байконура» осуществлено 24 запуска ракет-носителей (больше, чем со всех космодронов США), что составляет 75% российского количества запусков за год и 32% общемирового количества. В 2010 г. был выполнен 31 запуск ракет-носителей. В целом за весь период действия космодрома «Байконур» с него произведено более половины мировых запусков космических аппаратов¹.

В 2004 г. объявлено о разработке и создании на космодроме нового казахстанско-российского ракетно-космического комплекса «Байтерек» для совершения коммерческих запусков космических аппаратов.

Другие российские космодромы — «Плесецк», «Свободный», «Капустин Яр» и «Ясный» имеют в настоящее время более частное значение.

Космодром «Плесецк» в Архангельской области недалеко от г. Мирный начали строить в 1957 г. С 1966 г. на космодроме «Плесецк» начаты запуски советских космических аппаратов, а с 1968 г. — реализация международных космических программ. За время функционирования космодрома Плесецк осуществлено более 1600 запусков ракет-носителей и выведено на орбиту свыше 1950 космических аппаратов, в том числе военного назначения. На космодроме «Плесецк» испытано и принято в эксплуатацию 10 видов ракет-носителей, 11 ракетных комплексов, более 30 типов космических аппаратов².

¹ См.: Там же.

² См.: Плесецк (космодром) // Википедия. Свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org> — 26.08.2012.

Космодром «Капустин Яр» около пос. Капустин Яр в Астраханской обл. создан в 1946 г. как советский ракетный полигон, где в 1947 г. были испытаны первая советская баллистическая ракета, а также ракеты «Фау-2», а позже — различные советские баллистические и межконтинентальные ракеты. С 1962 г. полигон стал космодромом, но он не имеет мощностей, сопоставимых с «Байконуром», и кроме того, в советское время «Капустин Яр» использовался как испытательный полигон для ракет и ядерного оружия, над его территорией в атмосфере проводилась серия ядерных взрывов¹.

Космодром (пусковая база) «Ясный» находится в Ясенском районе Оренбургской области. Первый космический старт с космодрома осуществлен в 2006 г., когда на околоземную орбиту был выведен американский спутник «Genesis I». В последующем запускались космические аппараты США, Великобритании, Украины, Франции, Италии, Турции, Таиланда².

В начале 1990-х гг. было принято решение создать на базе военного ракетного центра в Амурской обл. около пос. Углегорск новый объект военно-космических сил России — *космодром «Свободный»*. В 1990-х гг. произведено несколько космических запусков аппаратов России и ряда других стран и с 1999 г. начата реорганизация инфраструктуры космодрома, но она затянулась. В 2007 г. решено космодром не развивать, оставив функционировать его научно-техническую инфраструктуру в основном для обслуживания нужд «Байконура»³.

В начале 2012 г. на Дальнем Востоке в Амурской области около пос. Углегорск, недалеко от прежнего космодрома «Свободный», начато строительство *российского космодрома «Восточный»*. Первый пуск ракеты-носителя планируется на 2015 г. и первый запуск пилотируемого космического корабля — на 2018 г. В 2012 г. на космодроме уже должно работать ок. 10 тыс. чел., а в перспективе население города, обслуживающего космодром, вырастет до 30 тыс. чел. Предполагается, что «Восточный» будет выведен на полную мощность к 2020 г. Планируется развитие возможностей космодрома до уровня, обеспечивающего запуск модулей орбитальных станций, межпланетных и иных космических средств для исследования и освоения Луны, Марса и других небесных тел. Всего на строительство космодрома планируется потратить ок. 300 млрд руб.⁴

В то же время эксперты отмечают ряд недостатков строительства нового космодрома и определенные преимущества по сравнению с «Байконуром». Это и затраты на строительство нового аэродрома, тогда как на «Байконуре» имеется их два, в том числе внеэкранный «Юбилейный», и то, что новый космодром находится севернее «Байконура», т. е., дальше от экватора, что приведет к снижению выводимой на орбиту

¹ См.: Капустин Яр // Википедия. Свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org> — 26.08.2012.

² Ясный (пусковая база) // Там же. — 29.08.2012.

³ См.: Свободный (космодром) // Там же. — 26.08.2012.

⁴ См.: Космодром Восточный // Там же. — 26.08.2012.

массы. Возрастут транспортные расходы, учитывая отдаленность расположения космодрома от многих поставщиков и партнеров. Возникнет и дополнительная угроза пожаров в тайге, если туда будут падать отработанные элементы запускаемых ракет-носителей и т. д.¹ В то же время России для обеспечения расширения космической деятельности в перспективе, естественно, потребуются дополнительные мощности для вывода в космос всех типов ракетносителей и космических аппаратов — как автоматических, так и пилотируемых. Кроме того, строительство космодрома на Дальнем Востоке будет содействовать экономическому развитию региона и более полному использованию научно-технического кадрового потенциала региона, что также важно, учитывая недостаточную освоенность Сибири и Дальнего Востока. В этом смысле запланированные вложения могут рассматриваться как вложения в будущее экономическое и научно-техническое развитие страны.

Весьма выгоден экономически по своей близости к экватору французский космодром «Куру», расположенный на северо-востоке Южной Америки во Французской Гвиане, на побережье Атлантического океана (севернее экватора примерно на 500 км). Этот космодром Франция начала строить в 1965 г. по инициативе Французского космического агентства, и первый запуск с космодрома был произведен в 1968 г. После создания Европейского космического агентства в 1975 г. Франция предложила ему использовать экономически выгодный для запусков космодром «Куру». В настоящее время основная часть пусковых установок на космодроме принадлежат Европейскому космическому агентству. При этом высокий уровень экономичности при запусках привлекает клиентов из США, Японии, Канады, Индии, Бразилии, Азербайджана. С 2007 г. строится площадка для запуска российских ракет, в 2011—2012 гг. произведено несколько запусков российских ракет².

Ускорению и результативности космических программ США содействовала экстрадисциплина в США в 1945 г. главного конструктора ракетной техники фашистской Германии выдающегося *Вернера фон Брауна* и его коллег-ракетчиков, несмотря на их нацистское прошлое. Именно команда фон Брауна вывела в феврале 1958 г. на околоземную орбиту первый американский искусственный спутник «Explorer-1» и в последующем готовила иные проекты, в том числе лунные экспедиции американских астронавтов.

В настоящее время США располагает большим количеством космодромов. К ним относятся: «*Мыс Канаверал*», или *База ВВС США на мысе Канаверал* (округ Бревард, штат Флорида), введен в действие с 1949 г., первый старт состоялся в 1958 г.; «*Космический центр Кеннеди*» (округ Бревард, штат Флорида), введен в действие с 1962 г., первый старт был в 1967 г.; «*Уоллопс*» (округ Аккомик, штат Вирджиния), введен в действие с 1945 г., первый старт прошел в 1961 г.; «*Кваджалейн*» или «*Испытательный полигон Рейгана*» (остров Омелек, атолл Кваджалейн,

¹ Подробнее см.: Космодром Восточный // Там же. — 26.08.2012.

² См.: Куру (космодром) // Там же. — 24.10.2012.

Маршалловы острова), введен в действие с 1964 г., первый старт был в 2008 г.; «Кадьяк» (остров Кадьяк, штат Аляска), введен в действие с 1998 г., первый старт состоялся в 2001 г.¹

Еще одним космодромом США является военная авиабаза *Вандерберг*, подготовленная для стартов по программе Спейс Шаттла. Крушение Челленджера в январе 1986 г. и последующие события привели к изменению планов, несмотря на значительные затраченные средства. Космодром используется для запуска искусственных спутников².

С 2006 г. часть территории космического полигона «Уоллопс» арендуется частной аэрокосмической корпорацией и превращена в коммерческий космодром «*Среднеатлантический региональный космопорт*»³.

Обслуживают космодромы достаточно большое количество людей. Так, в 2008 г. на космодроме «Космический центр Кеннеди» работало 13 500 чел.⁴ Высадившиеся на Луну 20 июля 1969 г. американские астронавты прибыли на космическом корабле «Аполлон-11», стартовавшем 16 июля с космодрома «Космический центр Кеннеди». Это было весьма символично, так как именно Президент США *Джон Кеннеди* провозгласил программу достижения Луны до конца 1960-х гг.

Первый полет на Луну американских астронавтов и серия их последующих успешных полетов на естественный спутник Земли явились одним из свидетельств того, что экономика СССР, система управления и научно-технический потенциал оказались менее конкурентоспособными в осуществлении космической деятельности, основанной на высших технологических достижениях того периода. В последующем ураганы 2004 и 2005 гг. значительно повредили инфраструктуру данного космодрома⁵.

В ноябре 2011 г. с космодрома «Мыс Канаверал» была запущена двухступенчатая ракета-носитель «Atlas V» с марсоходом NASA «Curiosity» («Любопытство») / После восьмимесячного полета с Земли марсоход в середине 2012 г. совершил посадку в южной части Марса в кратере Гейла и начал передавать на землю цветные снимки планеты. Мобильная лаборатория стоимостью 2,5 млрд долл. предназначена для поиска следов жизни на Марсе. Планируемый срок службы «Curiosity» на Марсе составит 1 марсианский год (686 земных дней)⁶.

Активно развивает космодромы также восходящий мировой гигант — Китайская Народная Республика. К числу основных баз Китая

¹ См. подробнее: База ВВС США на мысе Канаверал // Википедия. Свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org> — 28.08.2012; Космический центр Кеннеди / Там же. — 27.08.2012; Уоллопс // Там же. — 28.08.2012; Испытательный полигон Рейгана (Кваджалейн) // Там же. — 28.08.2012; Космодром // Там же. — 28.08.2012.

² См.: База Ванденберг // Там же. — 17.07.2012.

³ См.: Среднеатлантический региональный космопорт // Там же. — 28.08.2012. См. также: Уоллопс // Там же. — 28.08.2012.

⁴ См.: Космический центр Кеннеди // Там же. — 27.08.2012.

⁵ См. подробнее: Там же.

⁶ См.: Б. Обама попросил NASA найти ему марсиан // РБК. 2012. 14 авг. — <http://top.rbc.ru/politics/14/08/2012/664414.shtml> — 29.08.2012.

для запуска космических аппаратов относятся китайские космодромы: Цзюцюань (аймак Алашань, во Внутренней Монголии, сдан в эксплуатацию в 1958 г., первый запуск состоялся в 1970 г.); Сичан (провинция Сычуань, построен в 1970 г., первый запуск состоялся в 1984 г.); Тайюань (провинция Шаньси, расположен на высоте 1500 метров над уровнем моря, сдан в эксплуатацию в 1968 г., первый запуск состоялся в 1988 г.); Вэньчан (остров Хайнань, введен в эксплуатацию в 2012 г., первый запуск планируется в 2013 г.)¹.

Самым крупным и до 1984 г. единственным используемым был космодром Цзюцюань. Он же до последнего времени был единственным космодромом КНР, пригодным для реализации китайских пилотируемых программ. С этого космодрома 24 апреля 1970 г. был запущен первый китайский спутник «Дунфан Хун-1», благодаря чему Китай стал 5-й в мире и 2-й в Азии космической державой. 15 октября 2003 г. с Цзюцюаня космический корабль «Шэньчжоу» впервые отправился в полет с тайконавтом, и Китай стал третьей в мире космической державой с пилотируемой космонавтикой².

В 1967 г. Мао Цзедун принял решение реализовать собственную программу полета человека в космос. Космодром Сичан, который для этого строился, должен был обеспечить запуск первого пилотируемого космического корабля Китая. Однако после того как несколько ведущих ученых были репрессированы, а финансирование в 1972 г. было сокращено, работу приостановили. Развитие космодрома возобновилось в 1980-х гг. Этот космодром расположен значительно ближе к экватору, чем космодром «Цзюцюань», и является более экономичным при выведении космических аппаратов на геостационарную орбиту³. История с космодромом Сичан — один из примеров того, как политика может ускорять или тормозить развитие космической деятельности.

Строящийся новый китайский космодром Вэньчан наиболее близок к экватору, а нахождение его на острове позволяет использовать самый дешевый способ доставки крупных грузов — по морю. В космическом центре планируется создать грандиозный тематический парк площадью 407 га для привлечения туристов, желающих наблюдать за запусками космических ракет⁴.

Известно, что в конце XX в. Китай взял на вооружение стратегию развития до 2050 г., согласно которой он должен выйти на первое место в мире по объему ВВП и достигнуть уровня развитых стран Европы по уровню жизни. Кроме того, в 2009 г. КНР разработала Маршрутную карту развития науки и техники до 2050 г., учитывающую основные тенденции и ориентированную на переход от копирования моделей других

¹ См.: Цзюцюань // Википедия. Свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org/> — 29.08.2012; Сичан (космодром) // Там же. — 29.08.2012; Вэньчан (космодром) // Там же. — 29.08.2012.

² См.: Цзюцюань // Там же. — 29.08.2012.

³ Сичан (космодром) // Там же. — 29.08.2012.

⁴ См.: Вэньчан (космодром) // Там же. — 29.08.2012.

стран, имитации и следования к самостоятельным инновациям и выходу в ряде сфер науки и техники на передовые рубежи в мире. В частности, предусматривается сделать шаги по освоению космоса. Среди них развертывание системы глобального позиционирования «Бэйтоу» («Компас»), создание к 2020 г. китайской орбитальной станции, высадка на Луну и возведение базы на естественном спутнике Земли к 2030 г., отправка беспилотных аппаратов за пределы Солнечной системы к 2050 г.¹

Всего в настоящее время в разных точках на Земле действуют более 20 стационарных крупных наземных космодромов как территориальных комплексов для запуска космических аппаратов в космос. Кроме вышеназванных стран, космодромы также имеют Австралия и Великобритания («Вумера», штат Южная Австралия), Бразилия («Алкантара», штат Мараньян), Израиль («Пальмахим», Центральный округ), Индия («Шрихарикота», или «Космический центр им. Сатиша Дхавана», штат Андхра-Прадеш в южной части страны), Иран («Семнан», остан Семнан), Италия («Сан-Марко», залив Формоза, Кенийские территориальные воды, этот первый космодром на воде действовал в 1964—1988 гг.), КНДР («Тонхэ», провинция Хамген-Пукто), Южная Корея («Космический центр Наро», о. Венародо на юге Корейского полуострова), Франция («Хаммагир», Алжир), Япония (два космодрома — «Танегасима», о. Танегасима в префектуре Кагосима и «Утиноура», также в префектуре Кагосима). Действуют также космодромы на *подводных лодках* (Россия) и специальных самолетах (США)².

Все данные космодромы являются государственными, их функционирование регулируется национальным законодательством и международными соглашениями в сфере освоения космического пространства, участником которых является соответствующее государство.

Единственным в мире *международным частным космодромом* является «Морской старт», первый старт с которого состоялся в марте 1999 г. Соучредителями космодрома являются крупные авиакосмические предприятия США, России, Норвегии, Украины, в частности, российская РКК «Энергия»³. В то же время многие космодромы используются для вывода на заданные орбиты космических аппаратов разных стран. В этом смысле, независимо от национальной принадлежности космодромов, они активно интегрируются в зону международного научно-технического сотрудничества, в глобальную космическую деятельность.

В космической деятельности используются самые высокие технологии, малосерийное производство, испытания полного комплекса нередко совмещаются с его использованием. В связи с этим существует высокий риск аварийности. С этим, а также с иными аспектами космической

¹ См.: Ударцев С. Ф. Смелый тренд XXI века // Казахстанская правда. 2012. 16 дек. // <http://www.kazpravda.kz/c/1355628133> — 05.01.2013.

² См.: Космодром // Википедия. Свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org/> — 29.08.2012; Сан-Марко (морской космодром) // Там же. — 17.07.2012.

³ См.: Морской старт // Там же. — 24.10.2012.

деятельности, в которой не всегда удастся использовать экологически чистые материалы и «зеленые» технологии, связаны многочисленные экологические проблемы как на земле, так и в космосе.

Космической деятельности характерен высокий уровень риска аварий, плановые и внеплановые падения космических аппаратов и отделяемых частей ракеты, выведение из хозяйственного пользования значительных площадей земли, затопление в океане частей космических аппаратов и орбитальных станций, имеющих экологически опасные блоки, компоненты, космический мусор на орбите и т. д. Все это требует пристального внимания мирового сообщества, эффективной экологической экспертизы¹, совершенствования международно-правового регулирования, в частности развития страхования в сфере космической деятельности для обеспечения возмещения экологического ущерба в реальном, а не политически целесообразном, многократно уменьшенном размере.

В целом, космическая деятельность человечества становится значимым фактором, оказывающим влияние на развитие государства и права, которые все более участвуют в организации и регулировании ее развертывания и осуществления. Освоение космического пространства на определенном этапе исторического развития становится объективной необходимостью в силу технического и научного развития человечества, открывая для него новые возможности обеспечения безопасности, использования природных ресурсов космоса, развития экономики, культуры, науки и техники.

На этапе глобализации, совпадающей с ранним этапом формирования космической цивилизации, происходит постепенная значительная трансформация государства, которое обретает новые формы, более сложную и гибкую конструкцию, осваивает новые технологии управления, связи, моделирования и прогнозирования ситуаций, новые виды оружия. В глобальной правовой системе достраивается и укрепляется ее международный уровень — межгосударственный и общечеловеческий.

В глобальной эволюции права космическая деятельность содействует созданию предпосылок для дальнейшей интеграции человечества, разумной глобализации и космизации его деятельности, формированию адекватных ей форм институциональной организации и нормативного регулирования.

Освоение космоса ставит перед человечеством множество научно-технических, медицинских, экологических, нравственных, религиозных, культурологических, правовых и политических проблем. По сути, человечество вступает в новую глобальную фазу эволюции.

¹ См., напр.: Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Казахстан. Республиканский нормативный документ. Экологические нормативы. Методические рекомендации по проведению оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) в районах паления отделяющихся частей ракет-носителей. Издание официальное. Кокшетау, 2002 // http://ecoinfo.iacoos.kz/lite/index.php?option=com_content&task=view&id=618 — 02.01.2013.

В процессе становления космической цивилизации влияние международного права на национальное, внутригосударственное право будет становиться все более значительным. Этому может содействовать, в частности: рост сферы общей деятельности для развитых стран и всего человечества; увеличение количества международных правовых актов, подписанных и ратифицированных государствами, нарастание в них императивных норм; вызревание и выявление в праве крупных региональных и общечеловеческих интересов, превращающихся в доминирующие императивы глобальной правовой системы; эволюционное сближение основных подсистем (правовых семей) земного права; укрепление и развитие наднациональных международных структур.

Государство и право в условиях формирования космической цивилизации человечества открывают новые грани своей природы, вырастают до своего исторического максимума как формы и средства организации, защиты, обеспечения нормальной жизнедеятельности космической цивилизации, меняющей пространственные и качественные параметры своего бытия. Новым смыслом наполнятся многие правовые понятия, нормы, институты, появится множество новых правовых и иных социальных норм, регулирующих деятельность человека, в том числе за пределами Земли в различных внеземных условиях. Новое содержание обретут права и обязанности человека, человечества, защита природы в условиях освоения внеземных ресурсов. В полном смысле космическим станет общественное сознание.

Возникнет и будет развиваться новый исторический феномен — *космическое государство*. В перспективе начнется формирование системы права следующего, *космического (надземного) уровня, метаправа*.

В научной литературе высказана гипотеза о возможности в отдаленном будущем *социокосмической ступени эволюции* и возникновения единой социокосмической междивизиционной системы тех космических цивилизаций, которые смогут выжить в различных исторических и природных катаклизмах и выйдут на следующую ступень эволюции. Потребность в создании социокосмической системы на определенной ступени эволюции космической цивилизации может возникнуть в случае, если ее автономное существование не будет обеспечивать безопасности и выживания без соответствующего союза и внешней помощи¹.

Человечество многое испытало в истории, но новые горизонты его эволюции, открывая перед ним немало возможностей, также будут ставить много новых нерешенных задач и вопросов. Ответы на них должны будут искать новые поколения землян.

¹ См.: Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальный эволюционизм: идеи, проблемы, гипотезы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 564—565 и др.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ V. ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Лекция 21. Правосознание как социологическая и юридическая категория	3
Общественное сознание и правосознание	3
Правовая идеология и правовая психология	5
Формы и функции правосознания	13
Функции правосознания	17
Лекция 22. Правовая социализация	19
1. Понятие социализации	19
2. Норма и отклонение в социализации.	42
3. Сущность и содержание правовой социализации.	50
Лекция 23. Правовая культура как социологическая категория	61
Понятие и структура правовой культуры	61
Правовая культура как часть общей культуры.	67
Социальная роль правовой культуры и ее основные функции	71
Лекция 24. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ	77
Определение правовой культуры	77
Типология правовых культур	83
Правовая культура и обычаи	90
Правовая культура и правосознание	92
Правосознание и здравый смысл	96
Лекция 25. Правовая культура, государство, право	100
Государство и право как элементы общей и правовой культуры.	100
Роль государства и права в формировании и развитии правовой культуры.	
Правовое воспитание.	104
Влияние юридического образования на процесс формирования	
и развития правовой культуры.	110

РАЗДЕЛ VI. СОЦИОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Лекция 26. Правовая политика	117
Понятие правовой политики	117
Субъекты правовой политики	122
Механизм реализации правовой политики	125
Федеральная и региональная правовая политика: проблемы взаимосвязи	
и взаимодействия (на примере современной России)	128
Лекция 27. Правовое регулирование и правовое воздействие	134
Лекция 28. Правотворчество	147
Понятие правотворчества	147
Субъекты правотворчества	149
Формы (виды) правотворческой деятельности	150
Санкционирование	150
Делегирование	151

Законодательный процесс	152
Систематизация законодательства	153
Лекция 29. Правоотношения	155
Понятие правоотношения	155
Содержание правоотношений	158
Субъекты права	160
Юридические факты	164
Объект правоотношения	165
Лекция 30. Социологические аспекты реализации права	167
Лекция 31. Правопорядок	176
Правопорядок как форма проявления социального порядка	176
Правопорядок, право и иные социальные нормы	181
Обычай и правопорядок	184
Религия и правопорядок	187
Лекция 32. Правомерное и противоправное поведение	192
Понятие правомерного поведения, его мотивация и условия	192
Границы правомерного поведения и правонарушения	197
Понятие преступности и ее причины	200
Уголовная политика, ее источники и духовно-нравственные ценности	206
Лекция 33. Юридическая ответственность как вид социальной ответственности	209
Понятие, структура и виды социальной ответственности	209
Юридическая ответственность — вид социальной ответственности	223
Юридическая ответственность как социологическая проблема	231
 РАЗДЕЛ VII. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: СОЦИОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ И РАЗВИТИЯ	
Лекция 34. Изменение и развитие как категории социологии права	235
Пространство и время как свойства социальной материи	235
Социальные изменения	241
Социальное развитие	247
Лекция 35. Глобализация и эволюционное развитие современного мира	254
Понятие и социальная природа глобализации	254
Глобализм и антиглобализм	263
Влияние процесса глобализации на государство и право: основные факторы и уровни влияния	266
Глобализация и права человека: основные тенденции их развития	274
Лекция 36. Социология международного права и международных отношений	287
Международное право и международные отношения как явления природы и культуры	287
Системный характер международного права и международных отношений	294
Взаимосвязь и взаимодействие международного и национального права	
Основные доктрины	300

Лекция 37. Государство, право и космическая деятельность	307
Космическая деятельность и ее значение для эволюции человеческой цивилизации.	307
Формирование и развитие международного космического права	312
Формирование национального космического права	316
Эволюция феномена государства во второй половине XX — XXI в.	318
Национальные (внутригосударственные) органы по космической деятельности	322
Наднациональные и международные органы по координации космической деятельности	327
Космодромы стран мира	330